

Print ISSN 2587-6953
Online ISSN 2782-5868

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2024. Том 10. № 4

Сквозной номер выпуска – 40

NEOPHILOLOGY

2024, volume 10, no. 4

16+

Политика журнала. Научно-теоретический журнал «Неофилология» (Neofilologiya = Neophilology) публикует в открытом доступе на своих страницах научные статьи и рецензии, посвященные результатам фундаментальных и прикладных исследований ведущих и молодых российских и зарубежных учёных в области языкознания, литературоведения, медиакоммуникаций и журналистики, а также культурологии. Основное содержание статей направлено на введение в научный оборот новых филологических и культурологических фактов и идей, обладающих общественной значимостью.

Издаётся с марта 2015 г.

Периодичность: 4 раза в год.

Рабочими языками являются русский, английский.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **5.9.1** – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); **5.9.3** – Теория литературы (филологические науки); **5.9.5** – Русский язык. Языки народов России (филологические науки); **5.9.6** – Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); **5.9.9** – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки); **5.10.1** – Теория и история культуры, искусства (культурология) (**категория K2**).

Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка».

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование членами редакционной и внешними экспертами, отобранными редакцией.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

Авторами являются учёные из российских научных и образовательных организаций, а также из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. Журнал рассчитан на научное сообщество, преподавателей высшей школы, докторантов, аспирантов, магистрантов и всех, кто интересуется достижениями современной российской науки.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Государственная регистрация: Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70137 от 16 июня 2017 г.

Print ISSN 2587-6953 Online ISSN 2782-5868

Редакция:

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор А.С. Щербак

Ответственный секретарь: И.В. Ильина

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова

Редактор английских текстов: М.А. Сенина

Администратор сайта: М.И. Филатова

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции: +7(4752)72-34-34 доб. 0440

Электронная почта: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <https://neophilology.elpub.ru>

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Подписано в печать 29.11.2024. Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman».

Печать на ризографе. Печ. л. 35,0. Усл. печ. л. 32,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 24220. Свободная цена.

Для цитирования: Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. 280 с. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4>

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ant_scherbak@mail.ru

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР: Мызников Сергей Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, Институт Славяноведения РАН, г. Москва; заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН; профессор, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, myznikovs@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ильина Ирина Валерьевна, ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, irina.ilyina@list.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреева Валерия Геннадьевна, д-р филол. наук, доц., ведущий научный сотрудник Научного центра «Русская литература и христианская традиция», Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация, Lanfra87@mail.ru

Бирюков Сергей Евгеньевич, д-р культурологии, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, sibirjukov@gmail.com

Гегелова Наталья Сергеевна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, mikhail0001@mail.ru

Григорьева Елена Ивановна, д-р культурологии, проф., заведующий кафедрой управления и экономики культуры, Московский государственный институт культуры, г. Москва, Российская Федерация, grigorev_tmb@list.ru

Зверева Екатерина Анатольевна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, katya9_2001@mail.ru

Ильченко Сергей Николаевич, д-р филол. наук, канд. искусствоведения, доцент, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, s.ilchenko@spbu.ru

Леонов Иван Владимирович, д-р культурологии, доц., доцент кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ivaleon@mail.ru

Накано Юкио, д-р филол. наук, ассистентный профессор факультета глобальных и региональных исследований, Университет Досиса, г. Киото, Япония, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Новикова Ольга Николаевна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация, novikova58@bk.ru

Осьмухина Ольга Юрьевна, д-р филол. наук, проф., заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, osmukhina@inbox.ru

Пронина Людмила Алексеевна, д-р филос. наук, проф., директор, Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Прохоров Андрей Васильевич, д-р филол. наук, доц., доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, proh_and@rambler.ru

Рацибурская Лариса Викторовна, д-р филол. наук, проф., заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, racib@yandex.ru

Розенберг Наталья Владимировна, д-р филос. наук, доц., заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, Elya@sura.ru

Смеюха Виктория Вячеславовна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Российская Федерация, smeyha@yandex.ru

Супрун Василий Иванович, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, suprun@vspu.ru

Сысоев Павел Викторович, д-р пед. наук, проф., профессор кафедры лингвистики и лингводидактики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, psysoyev@yandex.ru

Темиргазина Зифа Какбаевна, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры русского языка и литературы, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, г. Павлодар, Республика Казахстан, zifakakbaevna@mail.ru

Трофимова Галина Николаевна, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, gnt@mail.ru

Урюпин Игорь Сергеевич, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, isuryupin78@mail.ru

Фурс Людмила Алексеевна, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, liudmila.furs@gmail.com

Хворова Людмила Евгеньевна, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, xworowa.mila@yandex.ru

Черникова Наталия Владимировна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация, chernikvanat@mail.ru

Чжан Цзе, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, z-jie1016@hotmail.com

Шарандин Анатолий Леонидович, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, sharandin@list.ru

Шемчук Юлия Михайловна, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, shemchuk.j@mail.ru

Шестерина Алла Михайловна, д-р филол. наук, проф., заместитель декана по научной работе Высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, shesterina8@gmail.com

The mission of the journal. The scientific and theoretical journal “**Neophilology**” publishes in open access on its pages scientific articles and reviews devoted to the results of fundamental and applied research by leading and young Russian and foreign scientists in the field of linguistics, literature studies, media communications and journalism and cultural studies. The main content of the articles is aimed at introducing into scientific circulation new philological and cultural facts and ideas of social significance.

Published since March 2015.

Issued 4 times a year.

The working languages are Russian and English.

Themes of the journal. Each issue contains articles, most of which focus on contemporary issues in linguistics, literature studies, journalism and cultural studies. Three main types of works are published: review scientific articles, original scientific articles, reviews of monographs.

The main **headings** of the journal are:

Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences)

Languages of peoples of foreign countries (philological sciences)

Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences)

Media communications and journalism (philological sciences)

Theory and history of culture (culturology)

Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”.

All articles are checked in the “**Antiplagiat**” program and **double-blind peer-reviewed** by members of the editorial board and external experts selected by editorial.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

The authors are scientists from Russian scientific and educational organizations, as well as from the CIS countries, near and far abroad. The journal is intended for the scientific community, Higher Education Teachers, Doctoral Students, Post-Graduate Students, Master's Degree Students and anyone interested in the achievements of modern Russian science.

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher’s: Derzhavin Tambov State University

State Registration: Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИИ no. ФС77-70137 of June 16, 2017

Print ISSN 2587-6953

Online ISSN 2782-5868

Editorial:

Editor-in-Chief: Dr. Sci. (Philology), Professor Antonina S. Shcherbak

Executive Editor: Irina V. Ilyina

Editors: Yuliya A. Biryukova, Maria I. Filatova

English texts editor: Maria A. Senina

Web-site administrator: Maria I. Filatova

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Web-site: <https://neophilology.elpub.ru>

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”. 190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Signed for printing 29.11.2024. Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface “Times New Roman”.

Printed on risograph. Pr. sheet 35,0. Conv. pr. sheet 32,6.

Copies printed 1000. Order no. 24220. Free price.

For citation: Neophilology, 2024, vol. 10, no. 4, 280 p. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

EDITOR-IN-CHIEF: Antonina S. Shcherbak, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ant_scherbak@mail.ru

SCIENTIFIC EDITOR: Sergey A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Philology), Chief Research Scholar of Center for Areal Linguistics. Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of Dialect Lexicography and Linguogeography of Russian Language Department. Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russian Federation, myznikovs@rambler.ru

EXECUTIVE EDITOR: Irina V. Ilyina, Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, irina.ilyina@list.ru

EDITORIAL BOARD

Valeria G. Andreyeva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science (IWL RAS), Moscow, Russian Federation, Lanfra87@mail.ru

Sergey E. Biryukov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (Philology). Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, sibirjukov@gmail.com

Natalia V. Chernikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation, chernikvanat@mail.ru

Lyudmila A. Furs, Dr. Sci. (Philology), Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, liudmila.furs@gmail.com

Natalia S. Gegelova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, mikhail0001@mail.ru

Elena I. Grigoreva, Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor. Moscow State Institute of Culture. Moscow, Russian Federation, grigorev_tmb@list.ru

Sergey N. Ilchenko, Dr. Sci. (Philology), Candidate of Art History, Associate Professor. Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, s.ilchenko@spbu.ru

Zhang Jie, Dr. Sci. (Philology), Professor. Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, z-jie1016@hotmail.com

Liudmila E. Khvorova, Dr. Sci. (Philology), Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, xworowa.mila@yandex.ru

Ivan V. Leonov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor. Saint-Petersburg State University of Culture, St. Petersburg, Russian Federation, ivaleon@mail.ru

Olga N. Novikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation, novikova58@bk.ru

Olga Yu. Osmukhina, Dr. Sci. (Philology), Professor. National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, osmukhina@inbox.ru

Andrey V. Prokhorov, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, proh_and@rambler.ru

Lyudmila A. Pronina, Dr. Sci. (Philosophy), Professor. Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr. Sci. (Philology), Professor. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, racib@yandex.ru

Natalya V. Rozenberg, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor. Penza State University, Penza, Russian Federation, Elya@sura.ru

Anatoliy L. Sharandin, Dr. Sci. (Philology), Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Professor of Russian Language Department, sharandin@list.ru

Yuliya M. Shemchuk, Dr. Sci. (Philology), Professor. Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, shemchuk.j@mail.ru

Alla M. Shesterina, Dr. Sci. (Philology), Professor. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, shesterina8@gmail.com

Viktoriya V. Smeyukha, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation, smeyha@yandex.ru

Vasily I. Suprun, Dr. Sci. (Philology), Professor. Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, suprun@vspu.ru

Pavel V. Sysoyev, Dr. Sci. (Education), Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, psysoyev@yandex.ru

Zifa K. Temirgazina, Dr. Sci. (Philology), Professor. Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, zifakakbaevna@mail.ru

Galina N. Trofimova, Dr. Sci. (Philology), Professor. Peoples Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, gnt@mail.ru

Igor S. Uryupin, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, isuryupin78@mail.ru

Nakano Yukio, Dr. Sci. (Philology). Doshisha University, Kyoto, Japan, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Ekaterina A. Zvereva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, katya9_2001@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

764

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

- Пахомов В.М.** Владимир Владимирович Лопатин (к 90-летию со дня рождения) 766
- Черникова Н.В.** Эпитетация как способ категоризации футбольного дискурса 779
- Дерябина С.А., Дьякова Т.А., Митрофанова И.И.** Образ COVID-19 в русском языковом сознании 789
- Чжао Цзин, Чернышова Т.В.** Номинации женщин по профессии в современном русском языке (по материалам анкетирования) 800
- Воронина Л.В.** Текстовые единицы с семантикой цели в дискурсивной перспективе 812
- Кормакова С.Т.** Сопоставление вербализации «героев» в авторской сказке и народной (на материале сказок П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша») 821

ОНОМАСТИКА

- Максимчук Н.А.** Имя собственное в нормативно-научном тексте 838
- Щербак А.С., Го Цзюаньцзюань.** Прототипическая функция поэтонима: идиостиль Г.Р. Державина 851
- Голубничая А.В.** Ономастическая составляющая нормативно-научного макротекста «Русский язык» в динамическом аспекте 861
- Липатова Е.В.** Гефиронимы в структуре самаркандского текста 871

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А.** Кибернетика в филологии. Постановка проблемы 879
- Бирюков С.Е.** Василий Каменский визуально-звучарный (к 140-летию поэта-авиатора-будетлянина) 889

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник.** Король Филипп II Испанский как прототип Великого инквизитора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 903
- Николай Николаевич Киреев, священник.** Опыт выявления интертекстуальных связей со Священным Писанием в духовной лирике В.Д. Фёдорова 911

Максиняев Р.И. «Смерть в Москве» Ю. Алешковского: мортальные образы, повествовательная стратегия, жанрово-тематические особенности	920
Шерчалова Е.В., Тулушева Е.С. В. Пелевин и Д. Кроненберг: точки пересечения отечественного и западного постмодернизма	932
Гудин Д.С., Сорокина Н.В. Мифологема птицы в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор»	944
Цзан Синьи, Гуань Юеэ. Художественная ценность бестселлера: жанровое искусство романа Г. Яхиной «Дети мои»	956

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Шмелёва Т.В. Фактура медиатекста как его ключевой параметр	967
Шестерина А.М. Средства привлечения и удержания внимания в персонифицированных видеоблогах демонстрационного типа	977
Ускова О.А., Валиева И.В. Конструктивно-стилевые векторы в цифровом рекламном тексте: трансформация и взаимодействие	987
Симакова С.И., Тажетдинова А.П. Аккаунт во «ВКонтакте» как средство продвижения новостного телеканала	997
Стерликов Д.А. Особенности образовательного и просветительского сетевого видеоконтента в России	1007
Семёнова Е.А. Конвергентность функционала интерактивных приёмов коммуникации с региональной аудиторией в медиатекстах социальных медиа	1017

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Лю Хаосюань. Романтические мотивы в китайском искусстве: истоки и особенности	1027
Требования к оформлению статей	1035

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Pakhomov V.M. Vladimir Vladimirovich Lopatin (for the 90th anniversary of his birth)	766
Chernikova N.V. Epithetization as a way of categorizing football discourse	779
Deryabina S.A., Dyakova T.A., Mitrofanova I.I. The image of COVID-19 in the Russian linguistic consciousness.	789
Zhao Jing, Chernyshova T.V. Nominations of women by profession in modern Russian (based on survey materials)	800
Voronina L.V. Text units with purpose semantics in a discursive perspective	812
Kormakova S.T. Comparison of the verbalization of “heroes” in the author’s tale and the folk tale (based on the tales of P.P. Bazhov “The Malachite Box” and “The Stone Bowl”).	821

ONOMASTICS

Maksimchuk N.A. Proper name in a normative scientific text	838
Shcherbak A.S., Guo Juanjuan. Prototypical function of poetonym: idiostyle of G.R. Derzhavin	851
Golubnichaya A.V. Onomastic component of the normative-scientific macrotext “Russian language” in a dynamic aspect	861
Lipatova E.V. Hephryonyms in the structure of the Samarkand text	871

THEORY OF LITERATURE

Ovtcharenko A.Y., Shaprinskay E.A. Cybernetics in philology. Statement of the problem	879
Biryukov S.E. Vasily Kamensky visual and sound (for the 140th anniversary of the poet-aviator-budetlyanin)	889

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

Priest Artemy Yudakhin (Artem A. Yudakhin). King Philip II of Spain as the prototype of the Grand Inquisitor in F.M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov”	903
Priest Nikolai N. Kireev. An attempt to identify intertextual connections with the Holy Scripture in the spiritual lyrics of V.D. Fedorov	911
Maksinyaev R.I. “Death in Moscow” by Yuz Aleshkovsky: mortal images, narrative strategy, genre-thematic features	920
Sherchalova E.V., Tulusheva E.S. V. Pelevin and D. Cronenberg: points of intersection of domestic and Western postmodernism	932

Gudin D.S., Sorokina N.V. Bird mythologem in E.G. Vodolazkin's novel "The Aviator"	944
Zang Xinyi, Guan Yuee. The artistic value of the bestseller: the genre art of G. Yakhina's novel "My Children"	956

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Shmeleva T.V. The texture of a media text as its key parameter	967
Shesterina A.M. Means of attracting and holding attention in personalized video blogs of the demonstration type	977
Uskova O.A., Valieva I.V. Constructive-style vectors in digital advertising text: transformation and interaction	987
Simakova S.I., Tazhetdinova A.P. VKontakte account as a means of promoting a news TV channel	997
Sterlikov D.A. Features of educational and enlightening online video content in Russia	1007
Semenova E.A. Convergence of the functionality of interactive communication techniques with regional audiences in social media texts	1017

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Liu Haoxuan. Romantic motifs in Chinese art: origins and peculiarities	1027
Articles formatting requirements	1035

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1:003.037

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-766-778>

Шифр научной специальности 5.9.5

Владимир Владимирович Лопатин (к 90-летию со дня рождения)

Владимир Маркович Пахомов

ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»

119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2

 vmpakhomov@gmail.com

Аннотация

Статья приурочена к 90-летию со дня рождения В.В. Лопатина (1935–2021) – доктора филологических наук, профессора, специалиста в области словообразования, морфемики, морфологии, орфографии, председателя Орфографической комиссии РАН в 2000–2014 гг. В статье даётся характеристика основных этапов жизненного и научного пути В.В. Лопатина, осмысливается его вклад в отечественную науку, развенчиваются некоторые мифы и стереотипы об орфографической работе, которая велась под руководством В.В. Лопатина в 1990-е и 2000-е гг., в том числе о проекте новой редакции правил русской орфографии и пунктуации (2000). Особое внимание уделяется двум главным этапам в научной биографии В.В. Лопатина – участию в создании академических описательных грамматик русского языка и работе в Орфографической комиссии РАН, подготовившей академический «Русский орфографический словарь» и полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации». Отдельно подчёркивается деятельность В.В. Лопатина как популяризатора лингвистической науки. Научное наследие В.В. Лопатина осмысливается в контексте той орфографической работы, которая ведётся последние годы в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Ключевые слова: В.В. Лопатин, словообразование, морфемика, морфология, орфография, Орфографическая комиссия, правила орфографии и пунктуации

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пахомов В.М. Владимир Владимирович Лопатин (к 90-летию со дня рождения) // Нефилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 766-778. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-766-778>

Vladimir Vladimirovich Lopatin (for the 90th anniversary of his birth)

Vladimir M. Pakhomov

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russian Federation
✉ vmpakhomov@gmail.com

Abstract

The study is devoted to the 90th anniversary of V.V. Lopatin's birth (1935–2021) – Doctor of Philological Sciences, Professor, specialist in word formation, morphemics, morphology, and spelling, and chairman of the Spelling commission of RAS in 2000–2014. The study characterises crucial stages of V.V. Lopatin's life and scientific paths; his contribution to domestic science is conceptualized, and some myths and stereotypes about Lopatin's spelling work in the 1990s and 2000s are debunked, including the myths of the new edition of the rules of Russian spelling and punctuation (2000). Special attention is paid on two main stages of V.V. Lopatin's scientific biography – the participation in the creation of academic descriptive grammars of the Russian language and work at the Spelling commission of RAS, which prepared academic “Russian spelling vocabulary” and a complete academic guide, “The rules of Russian spelling and punctuation.” V.V. Lopatin's activity as a linguistics populariser is singled out separately. V.V. Lopatin's scientific legacy is conceptualised in the context of the spelling work that has been performed in the last several years at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS.

Keywords: V.V. Lopatin, word formation, morphemics, morphology, spelling, Spelling commission, rules of spelling and punctuation

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Pakhomov, V.M. Vladimir Vladimirovich Lopatin (for the 90th anniversary of his birth). *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):766-778. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-766-778>

ВВЕДЕНИЕ

10 апреля 2025 г. исполнилось бы 90 лет Владимиру Владимировичу Лопатину – выдающемуся лингвисту, специалисту в области словообразования, морфологии, орфографии, председателю Орфографической комиссии РАН в 2000–2014 гг. В.В. Лопатин был активным участником самых значимых отечественных лингвистических проектов последней трети XX и начала XXI века – составления академических описательных грамматик русского языка («Грамматика современного русского литературного языка», 1970; «Русская грамматика», 1980; «Краткая русская грамматика», 1989), подготовки энциклопедических изданий о русском языке («Лингвистический энциклопедический словарь», 1990, энциклопедия «Русский язык»,

1979, 1997, 2020); подготовки проекта новой редакции правил русской орфографии и пунктуации. Под его руководством был создан наиболее полный и современный справочник по правописанию (полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации») и самый большой из существующих орфографических словарей русского языка – «Русский орфографический словарь» (В.В. Лопатин был ответственным редактором 1-го, 2-го и 3-го изданий; начиная с 4-го издания словарь выходит под редакцией В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой). Перу В.В. Лопатина принадлежат главы в популярных вузовских учебниках русского языка, научно-популярные статьи и книги, посвящённые истории слов, словообразованию, словотворчеству.

Между тем среди некоторых носителей языка (и даже, увы, среди ряда филологов) до сих пор распространено представление о В.В. Лопатине как о человеке, руководившем на рубеже веков подготовкой некой реформы, которая грозила страшными бедствиями русскому языку и, к счастью, вовремя была остановлена; как об авторе словарей и справочников, закрепивших странные и спорные написания, которые отменили рекомендации «старого доброго Розенталя».

По нашему глубокому убеждению, юбилейная дата, отмечаемая учениками и коллегами В.В. Лопатина, к сожалению, уже без самого Владимира Владимировича, – прекрасный повод вспомнить основные этапы его жизненного и научного пути, осмыслить вклад учёного в отечественную науку и развенчать некоторые мифы о проделанной под его руководством колоссальной орфографической работе, имеющей громадное значение для всех пишущих по-русски.

В.В. ЛОПАТИН – УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

В.В. Лопатин родился в Москве 10 апреля 1935 г. Учился в мужской средней школе 135 в Малом Гнездиновском переулке (здание сохранилось, сейчас это один из корпусов НИУ ВШЭ), после окончания которой в 1953 г. поступил на филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где получил блестящее образование и приобрел навыки научно-исследовательской работы. В 1958 г. после окончания университета В.В. Лопатин был направлен на работу в Институт русского языка АН СССР, который весной того года как раз был воссоздан¹.

Институт русского языка стал для В.В. Лопатина основным и главным местом

работы на протяжении всей его жизни. С 1972 г. он старший научный сотрудник Института, с 1986 г. – главный научный сотрудник, а в 1988–1990 гг. был заместителем директора Института (Ю.Н. Караулова). По совместительству в 1978–1990 гг. – профессор Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

«Первоначальной сферой научных интересов В.В. Лопатина были историческое словообразование, этимология, историческая лексикография. В качестве дипломной работы на филофаке МГУ им было написано под руководством Н.М. Шанского исследование «Явление опрошения основы существительных, образованных суффиксальным способом», а как приложение к нему – материалы для этимологического словаря... Исторической проблематике были посвящены и первые шесть лет работы В.В. Лопатина в Институте русского языка: участие в составлении картотеки «Словаря древнерусского языка XI–XIV веков», подготовка (совместно с Т.А. Сумниковой) издания «Смоленские грамоты XIII–XIV веков» (1963)» [2, с. 101].

Истории слов и словообразованию посвящены статьи и заметки В.В. Лопатина научно-популярного характера, публиковавшиеся в 1960-х гг. в сборниках «Вопросы культуры речи» (см., напр.: О словах на *-рама* в русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 4. М., 1963, в соавт. с И.С. Улухановым; *Вперёдсмотрящий* // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964; О сложных словах со второй частью *-проходец* // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964), в основном в 1967 г. журнале «Русская речь» (Зачем языковеды изучают историю языка? // Русская речь. 1967. № 5; *Кънигъчии – книгочей* // Русская речь. 1968. № 2, в соавт. с Б.С. Шварцкопфом; многочисленные ответы читателям в рубрике «Почта «Русской речи»). И сам стиль этих статей, и богатейший исторический и литературный материал, привлекаемый В.В. Лопатиным для объяснения лексических и морфологических процессов, происходящих сейчас и происходивших ранее в русском языке, говорят о том, что автор этих публикаций – не только выдающийся учёный, но и блестящий популяриза-

¹ Постановлением президиума Академии наук СССР от 14 марта 1958 г. на базе русских секторов Института языкознания АН СССР был организован Институт русского языка АН СССР. 27 марта 1958 г. было принято постановление Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей «О создании Института русского языка Академии наук СССР», которое официально подтвердило право восстановленного института на дальнейшее существование [1, с. 282–285].

тор науки, который следует заветам своего учителя академика В.В. Виноградова, справедливо утверждавшего, что русистика должна повернуться лицом к социуму. Увлекательные рассказы В.В. Лопатина об истории слов хорошо помнят его коллеги и ученики².

Научно-популярный характер носит и книга «Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования» (М.: Наука, 1973), содержащая комплексный анализ путей и средств обогащения лексической системы языка, приёмов индивидуально-авторского словотворчества. В книгах и статьях В.В. Лопатина 1970-х, посвящённых словотворчеству, – россыпь удивительных слов и сочетаний: «безудерж карамазовский», «достоевский репертуар», а ещё есенинская «синь», грибоедовское «чужевластье», нагибинские «коричневый в черноту» и «синий в лиловость» и многие другие примеры того, как «поиски свежих, нешаблонных выразительных средств приводят к обогащению палитры художников слова новыми языковыми... образцами, прежде лишь подспудно дремавшими в «запасниках» языка» [3, с. 336].

Но всё же главные научные интересы В.В. Лопатина в 1960–1980-е гг. – современное русское и славянское словообразование, морфемика, морфонология, морфология. Вместе со своим однокурсником и многолетним соавтором И.С. Улухановым В.В. Лопатин описал систему словообразовательных типов и способов русского словообразования. «В.В. Лопатин предложил наиболее полное описание типов именного словообразования; этому была посвящена его кандидатская диссертация «Способы именного словообразования в русском языке (нулевая аффиксация, субстантивация)» (1966). В монографии «Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания» (1977), ставшей итогом докторского исследования, на материале русского отглагольного словообразования учёный раскрыл типологию преобразования глагольной осно-

вы в структуре отглагольного деривата, разработал формальные аспекты словообразования, систему понятий и единиц словообразовательной морфонологии» [4, с. 78].

В работах В.В. Лопатина по вопросам словообразования, морфемики, морфонологии, морфологии отстаивались и обосновывались те положения, понятия, термины, которые затем получили применение и развитие в соответствующих разделах академических грамматик. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) и в двухтомной «Русской грамматике» (1980, переиздана в 2005) перу В.В. Лопатина принадлежат разделы, посвящённые словообразованию имён существительных, прилагательных и наречий (в обоих трудах), словообразовательной структуре числительных, местоименных слов, экспрессивных частиц и междометий, морфонологическим явлениям в словообразовании (в РГ-80). В соавторстве с И.С. Улухановым в обоих академических грамматиках В.В. Лопатиным также написаны вводные разделы, посвящённые основным единицам русской морфемики и словообразования.

Рассказывая в 1981 г. читателям журнала «Русский язык за рубежом» (см. № 3, 1981) о научных принципах академической «Русской грамматики», В.В. Лопатин отмечал, среди прочего, что «в грамматике нет пуристического отношения к языковой норме. Норма – понятие изменчивое, язык постоянно развивается. Поэтому в грамматике отмечаются (с соответствующими пометами) новые языковые факты, в том числе и не вполне литературные, являющиеся достоянием различных сфер живой языковой коммуникации, профессиональной речи и др.» [3, с. 453]. О внимательном отношении авторов фундаментального, основополагающего научного труда к живым процессам, происходящим в русском языке, представляется важным напомнить современному читателю, нередко разделяющему распространённое заблуждение, будто в прежние времена (до условных 1990-х) норма не допускала вариативности, а языковые единицы за пределами литературного языка не становились предметом лингвистического описания.

² Проф. М.В. Горбаневский вспоминает, как однажды В.В. Лопатин прочитал журналистам спонтанную мини-лекцию об истории слова *морок* прямо в перерыве между съёмками телепередачи, на которой обсуждались вопросы русского языка и культуры речи.

В 1982 г. авторам «Русской грамматика», и в том числе Владимиру Владимировичу Лопатину (входившему, кроме того, в состав редакционной коллегии издания), была присуждена Государственная премия СССР.

В 1989 г. вышла в свет «Краткая русская грамматика» под редакцией Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина (переиздана в 2002 г. – издание стереотипное, но в нём частично пополнен список литературы). В предисловии к этой книге авторы подчёркивали, что она не является сокращённым вариантом «Русской грамматики» 1980 г., хотя и была создана в основных своих разделах тем же авторским коллективом. «Краткая русская грамматика» была самостоятельной книгой, опирающейся, разумеется, на двухтомник 1980 г., но заключающей в себе ещё раз проверенные положения, уточнённые на основании результатов проведённых после 1980 г. исследований, содержащей некоторые новые материалы, но самое главное – обращена «Краткая русская грамматика» была к значительно более широкому кругу читателей.

1970-е – 1980-е годы в жизни учёного – это ещё и период активной педагогической работы в нашей стране и за рубежом. В.В. Лопатин более 10 лет читал курс морфологии современного русского языка в Университете дружбы народов; выступал с лекциями по словообразованию и морфологии в университетах Австрии, Финляндии, Чехословакии. Под его руководством было защищено более 20 диссертационных исследований; среди учеников В.В. Лопатина – Ю.Л. Воротников, Э.А. Григорян, Е.Н. Ремчукова, Ю.А. Сафонова, Е.Я. Шмелёва и многие другие отечественные и зарубежные лингвисты. Перу В.В. Лопатина принадлежат разделы по морфологии и словообразованию в вузовских учебниках, вышедших в 1980-е – 1990-е. Многие годы В.В. Лопатин был членом редакционной коллегии журнала «Русский язык в школе».

На состоявшемся в Белграде 1–3 ноября 1972 г. заседании комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Международном комитете славистов В.В. Лопатин был принят в состав комиссии и оставался её членом до 1990 г. В эти годы

учёный нередко выступал на международных съездах и симпозиумах с докладами, посвящёнными сопоставительно-типологическому анализу словообразования и морфемики славянских языков. Подготовленный В.В. Лопатиным «Краткий очерк грамматики русского языка» в переводе на верхнелужицкий язык опубликован в «Верхнелужицко-русском словаре» (Москва; Бауцен, 1974).

«НЕ ИЗМЕНЕНИЕ ОРФОГРАФИИ, А ПОЛНОТА И СОВРЕМЕННОСТЬ»

С конца 1980-х гг. основным направлением научной работы В.В. Лопатина стала русская орфография. В 1988 г. в Институте русского языка была создана орфографическая лаборатория, первоначальной задачей которой было подготовить новое исправленное издание «Орфографического словаря русского языка» (29-е изд., испр. и доп., вышло в 1991 г.). Лабораторию возглавил В.В. Лопатин³. Тогда же, в 1989 г., была вновь образована Орфографическая комиссия, председателем которой стал академик Д.Н. Шмелёв, а после его смерти в 1993 г. – член-корреспондент РАН Ю.Н. Караулов. В.В. Лопатин был заместителем председателя комиссии.

Создание в 1989 г. Орфографической комиссии было новой попыткой вернуться к проблемам упорядочения русской орфографии. Несчастливая судьба предложенного в 1964 г. проекта орфографической реформы (см. [5, с. 27]) «надолго отпугнула власти (как академические, так и общегосударственные) от орфографических проблем, на которые было наложено негласное табу» [3, с. 662]. Предыдущая попытка была неудачной: образованная в 1973 г. Орфографическая комиссия под председательством академика В.И. Борковского подготовила гораздо менее радикальный по сравнению с 1964 г. проект орфографических изменений, но он

³ В 1992 г. лаборатория была преобразована в сектор орфографии и орфоэпии (его руководителем стала С.М. Кузьмина). В 2003 г. сектор орфографии и орфоэпии был объединён с сектором культуры русской речи в отдел культуры русской речи, который возглавил А.Д. Шмелёв.

не был опубликован, почти не обсуждался и, по словам В.В. Лопатина, «был «похоронен» в ведомстве вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева» [3, с. 663].

К концу 1980-х гг. специалистам стало очевидно, что «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. (первые и единственные до настоящего времени общеобязательные правила правописания) в некоторых пунктах устарели, что необходимо привести их в соответствие современному уровню лингвистической науки и современному состоянию языка. За три с лишним десятка лет, прошедших к тому времени с момента утверждения правил, существенно изменилась письменная практика (особенно в части, касающейся употребления прописных букв, а также слитного, дефисного и раздельного написания), появилось немало новых слов и типов слов, написание которых не регламентировалось действующими правилами, актуализировались – в связи с распространением компьютерного набора – проблемы правил переноса, обнаружились лакуны и противоречия действующего свода. Теоретические исследования в области русского письма привели к появлению новых трактовок собственно языковых основ тех или иных правил.

Перед Орфографической комиссией, начавшей работу в 1989 г., была поставлена задача подготовить новую редакцию правил русской орфографии и пунктуации. В статьях 1990-х – начала 2000-х⁴ В.В. Лопатин неоднократно обосновывал необходимость новой редакции правил, терпеливо и последовательно разъясняя: речь не идёт об орфографической реформе, перед лингвистами стоит задача исправить и дополнить действующий свод правил, а не радикально упростить рус-

ское письмо. «Главное в новой редакции правил – не изменения орфографии, а полнота и современность»; «никаких кардинальных орфографических изменений в новом тексте правил не предусмотрено»; «новая редакция правил правописания – не каприз лингвистов, а веление времени»; «основной задачей комиссии была тщательная и детальная работа по упорядочению, корректировке текста правил». Отстаивать приходилось не только необходимость усовершенствования действующих правил, но и нецелесообразность возвращения к дореформенному письму: 1990-е гг. были временем, когда в нашем обществе началось увлечение дореволюционной графикой, когда «старая орфография вернулась в разнообразные тексты, отражая стремление их создателей вернуть якобы незаконно отнятое большевистскими декретами русское правописание» [6, с. 231]. Некоторая часть общества ожидала тогда «контрреформы орфографии», восстановления старого русского письма, возвращения букв «ер» (на конце слов) и «ять», которые Андрей Вознесенский называл «двойниками убитых в подвалах»⁵. «В современных условиях ставить на повестку дня возврат к старой орфографии – по меньшей мере неразумно, – спокойно отвечал на это В.В. Лопатин. – Новая орфография, какова бы ни была история её принятия, по прошествии многих лет, снявших политическую остроту вопроса, стала привычной для носителей русского языка и вполне успешно обслуживает культурные потребности современного общества» [3, с. 673].

К концу 1990-х гг. Орфографическая комиссия подготовила новый орфографический словарь русского языка – «Русский орфографический словарь» (М., 1999), продолжающий традиции академического «Орфографического словаря русского языка», но ни в коем случае не являющийся его «ребрендингом». Это был «справочник с совершенно новыми параметрами – качественными и количественными» [7, с. 82]. Новый словарь существенно превышал прежний по объёму словника: «Русский орфографический сло-

⁴ К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. 1996. № 1; То же: газета «Русский язык». 1998. № 3-4. В соавт. с С.М. Кузьминой; Орфография: саморазвитие и упорядочение // Вестник РАН. 1997. № 8; Послесловие к публикации статьи: Вяч. Иванов. К вопросу об орфографической реформе // Русистика сегодня. 1998. № 3-4; О новом своде правил русского правописания // Русский язык в школе. 2001. № 2; Русская орфография: задачи корректировки // Новый мир. 2001. № 5.

⁵ См.: Огонёк. 1991. № 12.

варь» содержал около 160 000 словарных единиц, в то время как в 29-м издании «Орфографического словаря русского языка» было около 100 000 слов. А в 2000 г. увидел свет проект новой редакции правил русского правописания⁶.

На заседаниях Орфографической комиссии, готовившей проект нового свода, конечно же, вставал вопрос о пересмотре ряда орфографических правил. Некоторые члены комиссии, руководствуясь тем весьма разумным соображением, что орфография не может пересматриваться часто, предлагали воспользоваться удачным моментом – подготовкой новой редакции правил – и решиться на серьёзные орфографические преобразования (или даже вернуться к проекту 1964 г.). И всё же комиссия предложила в новом своде минимальные орфографические изменения⁷. Они заключались в отказе от некоторых исключений из правил и были направлены в основном на снятие противоречий между действующими правилами и орфографической практикой. «Главное направление изменений в новой редакции правил, – отмечала С.М. Кузьмина, – исправить в первую очередь именно регулярно нарушаемые правила (вспомним мудрого короля из «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери, который повелевал сделать то, что и без его повелений было бы сделано)» [8]. Среди самых заметных новшеств проекта 2000 г.:

– унифицировать написание причастий и прилагательных, образованных от бесприставочных глаголов несовершенного вида: писать их всегда с одним *н*, как при наличии зависимых слов, так и без них: *жареная картошка* и *жареная на масле картошка*;

– устранить некоторые исключения: писать слова *брошюра* и *парашют* через *у*,

⁶ Подробный анализ проектов 1964 и 2000 гг. материалов общественной и профессиональной дискуссии по поводу изменения правописания см. в: Арутюнова Е.В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период: лингвистические и социальные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

⁷ Из проекта 1964 г. в проект 2000 г. были перенесены единичные предложения, которые были одобрены во время орфографической дискуссии 1960-х. См. подробнее: Арутюнова Е.В. Указ. соч.

слово *ветренный* – с двумя *н* в суффиксе, закрепить на уровне правила написание *разыскной*, кодифицированное ещё в 1991 г.⁸;

– писать соединения с компонентом *пол* «половина» всегда через дефис, то есть писать одинаково *пол-апельсина*, *пол-лимона* и *пол-мандарина*, *пол-одинадцатого* и *пол-двенадцатого*;

– расширить сферу применения дефиса в сочетаниях с приложением: писать через дефис не только *отец-старик*, но и *старик-отец*.

В многочисленных публикациях, адресованных как специалистам, так и общественности, В.В. Лопатин детально обосновывал с научной и практической точки зрения все орфографические изменения, предлагавшиеся в проекте нового свода правил. В 2000 г. он сменил Ю.Н. Караулова на посту председателя Орфографической комиссии РАН⁹ и уже в этом статусе, с невероятной тактичностью, доброжелательностью и выдержкой, комментировал работу комиссии. «Интервью, пресс-конференции, беседы В.В. Лопатина в электронных и печатных СМИ в период 1999–2003 гг., в которых затрагивались не только орфографические вопросы (по поводу подготовленного проекта новой редакции правил), но и различные вопросы, связанные с современным состоянием русского языка и культуры речи, стимулировали общественный интерес к проблемам русского языка и письма. Многие авторитетные специалисты, вузовские кафедры и другие организации высказали свою поддержку усилий Орфо-

⁸ Вопреки общему правилу в приставке *раз-* (*рас-*) / *роз-* (*рос-*) на месте безударного гласного пишется буква *а*, хотя под ударением – только *о*: *раздать*, но *розданный*; *расписать*, *расписной*, но *роспись*; *разливать*, *разливной*, но *розлив*; *разыграть*, *разыгранный*, но *розыгрыш*; *разыскивать*, но *розыск* [9, с. 46]. Написание *розыскной* было исключением из этого правила, а поскольку правило само по себе является исключением из общего правила написания безударных гласных, *розыскной* оказывалось таким образом «исключением из исключения», о котором к тому же не говорилось в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г.

⁹ В.В. Лопатин оставался председателем Орфографической комиссии РАН до 2014 г. С 2014 г. работой комиссии руководит главный научный сотрудник ИРЯ РАН, член-корреспондент РАН (с 2022 г.) А.Д. Шмелёв.

графической комиссии РАН и подготовленного проекта правил» [10, с. 122].

К сожалению, вести эту разъяснительную работу В.В. Лопатину и его коллегам приходилось уже в максимально нездоровой обстановке. В конце 2000 г. проект новой редакции правил правописания был опубликован ограниченным тиражом для специалистов, состоялись его обсуждения, Орфографическая комиссия получила письменные отзывы и доработала текст свода с учётом сделанных замечаний. Однако сведения о готовящемся проекте всё-таки проникли в широкую прессу и «создали оппозицию, по одну сторону которой – учёные, по другую – общество, представителям которого (в большинстве своём весьма далёким от идеальной грамотности) вдруг оказались дороги те правила, которые они проклинали, обучаясь орфографии в школе или готовясь к вступительному экзамену» [6, с. 246]. Противники орфографических изменений, не различая (как и в 1964 г.) язык и письмо, правописание и произношение, заговорили о готовящейся «реформе русского языка», приписывали авторам проекта корыстные мотивы, опускались иногда до прямых оскорблений¹⁰; общественное обсуждение проекта всё больше стало напоминать травлю лингвистов и в первую очередь – В.В. Лопатина, с именем которого стали ассоциироваться предполагаемые изменения. В СМИ начали появляться кричащие заголовки наподобие «Реформа Лопатина: как слышим, так пишем»¹¹, а группа депутатов Государственной Думы начала работу над проектом постановления «О недопустимости реформы русского языка». Резкая критика проекта получила полную поддержку от властей предрекающих, и утверждение новой редакции правил не состоялось. «Спасая» русский язык от «реформы Лопатина», общественность добилась только того, что официально действующим

остался Свод 1956 г. – отставший от лингвистической науки и письменной практики, не регламентирующий написание многих актуальных для текстов начала XXI века слов и к тому же давно ставший библиографической редкостью. А полное, подробное, современное, научно обоснованное описание системы русского письма, столь нужное всем пишущим по-русски, было отвергнуто – едва ли не с проклятиями в адрес его составителей. К другим печальным последствиям орфографической полемики начала 2000-х стоит отнести ещё больший разрыв между лингвистами и обществом, максимально настроенное отношение неспециалистов к работе лингвистов, недоверие к новым словарям и справочникам.

Разумеется, вся эта ситуация не могла не сказаться негативно на и без того неидеальном здоровье В.В. Лопатина. Однако, мужественно и стойко преодолевая физическую и душевную боль, учёный продолжил работу.

В юбилейном для лингвиста 2005 г. вышло в свет 2-е издание «Русского орфографического словаря», содержащее уже около 180 000 слов. В.В. Лопатин был одним из авторов и ответственным редактором издания. Во втором издании авторы решили отказаться от «опережающих практику письма рекомендаций» первого издания словаря, отвергнутых при обсуждении проекта 2000 г., но некоторые (немногочисленные) инновации первого издания всё-таки остались [11, с. 3-4]. А в 2006 г. под редакцией В.В. Лопатина вышел в свет полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» – на основе проекта 2000 г., но без большинства предлагавшихся изменений. Некоторые предложения отвергнутого свода, впрочем, вошли в справочник и были фактически кодифицированы им, пусть и не на законодательном уровне, – например, дефисное написание сочетаний типа *старик-отец*, *красавица-дочка*, написание *разыскной* через *а* и др. Вслед за полным академическим справочником была опубликована (также под редакцией В.В. Лопатина) книга «Русское правописание сегодня» (М.: Дрофа, 2007), в которой содержится критический анализ «Правил русской орфографии и пунктуации»

¹⁰ Показателен в этом смысле комментарий писательницы Татьяны Толстой, опубликованный в газете «Коммерсантъ»: «Надо заколотить двери Академии наук, где заседают эти придурки, и попросить их заняться более полезным для народного хозяйства делом».

¹¹ «Правда.ру». 2002. 24 мая. https://www.pravda.ru/society/822221-reforma_lopatina_kak_slyshim_tak_pishem/

1956 г. и обосновывается необходимость создания новой редакции правил русского правописания.

Таким образом, полемика 2000-х гг., хоть и сформировала максимально негативный для орфографистов информационный фон и предубеждение в обществе против новых словарей и справочников, всё же, к счастью, не смогла остановить орфографическую работу в Институте русского языка РАН. Одним из итогов этой работы в первом десятилетии XXI века стал выход в свет коллективной монографии «Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика» под ред. В.В. Лопатина (М.: Азбуковник, 2009). В ней обсуждаются такие фундаментальные для русской орфографии вопросы, как вариативность письменного облика слов и связанные с этим трудности кодификации, проблема двух способов орфографического описания – с помощью правил и с помощью словаря, их взаимодействие, взаимодополнение; соотношение кодифицированных норм и современной практики письма. Разумеется, вопросы, которые обсуждались в монографии, были ориентированы на полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» и «Русский орфографический словарь», но авторы, прокладывая дорогу в будущее, обосновывали целесообразность и тех орфографических изменений, которые не вошли в справочник, но, «по убеждению авторов, должны быть со временем приняты. Таковы, в частности, употребление разделительного *ъ* в сложносокращённых словах типа *инъяз, детьясли, Минъюст*; значительное упрощение одного из самых сложных и к тому же не имеющего достаточно строгих лингвистических оснований правила о написании *н* и *nn* в страдательных причастиях и в соотносительных с ними прилагательных; переход к единообразному дефисному написанию всех образований с первой частью *пол-...*» [12, с. 12].

Надежду на то, что аргументы в пользу отдельных орфографических изменений, многократно высказывавшиеся в публикациях разных лет, не потеряли своей актуальности и в перспективе могут быть полезны,

В.В. Лопатин выразил и в авторском предисловии к своему сборнику избранных статей «Многогранное русское слово», вышедшему в 2007 г. Эта книга даёт хорошее представление о научном творчестве В.В. Лопатина, в неё вошли наиболее существенные, принципиальные публикации учёного за 40 лет, с середины 1960-х до начала 2000-х, посвящённые словообразованию, словотворчеству, морфемике, морфологии, морфологии и, конечно, орфографии. Разумеется, в книге лишь избранные работы, ведь в полном списке научных трудов В.В. Лопатина – не одна сотня публикаций, в том числе и словарные статьи в нескольких изданиях энциклопедии «Русский язык», публикации в различных сборниках трудов, многочисленные статьи в научных журналах.

СЛОВАРИ ПЕЧАТНЫЕ И ЭЛЕКТРОННЫЕ

Важным направлением работы В.В. Лопатина в 2000-е гг. стало сотрудничество со справочно-информационным порталом «Грамота.ру», созданным в 2000 г. по рекомендации работавшего тогда Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации. Портал изначально создавался как словарно-справочная база для журналистов, и с самого начала его работы в Сети основным, базовым словарным ресурсом «Грамоты.ру» стала электронная версия «Русского орфографического словаря», а В.В. Лопатин вошёл в состав редакционного совета портала. Благодаря публикации на «Грамоте» «Русский орфографический словарь» получил широчайшую известность не только среди специалистов, к нему ежегодно обращались миллионы пользователей Интернета. В 2000-е гг. В.В. Лопатин регулярно передавал в редакцию портала материалы для пополнения и обновления словаря, электронная версия орфографического словаря тогда опережала печатное издание, и некоторые написания принимались письменной практикой именно после кодификации в электронной версии (например, *блогер* с одной *г*). Только что созданная «Грамота.ру», разумеется, стала и одной из площадок для обсуждения новой редакции правил право-

писания: проект был опубликован на портале, а В.В. Лопатин несколько раз участвовал в онлайн-конференциях, организованных «Грамотой», и отвечал на вопросы читателей портала. «Как показала эта интересная акция, – резюмировал учёный, – обычные, неангажированные интернетовские пользователи, просто интересующиеся разнообразными вопросами русского правописания и русского языка, настроены куда менее агрессивно по отношению к новому проекту, чем некоторые из журналистов и коллег-лингвистов» [3, с. 718]. Многолетнее сотрудничество В.В. Лопатина с порталом «Грамота.ру» состоялось благодаря его ученице Ю.А. Сафоновой, которая в 2001–2004 гг. была главным редактором портала.

В.В. Лопатин как лексикограф – это, конечно, не только «Русский орфографический словарь» в его печатной и электронной версиях. Это и другие орфографические словари, выдержавшие несколько изданий: «Прописная или строчная?»¹² (соавторы И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова); «Слитно, раздельно или через дефис?» (соавтор Л.Е. Лопатина); «Учебный орфографический словарь русского языка» (соавторы О.Е. Иванова, Ю.А. Сафонова). И, конечно, составленный совместно с Л.Е. Лопатиной «Русский толковый словарь» (в первых двух изданиях – 1990 и 1993 – «Малый толковый словарь русского языка»), выдержавший 8 изданий и ставший незаменимым справочником для всех интересующихся значениями и правильным употреблением слов в устной и письменной речи. Словарь был создан как словарь современного русского литературного языка, меньший, чем популярный однотомный «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, но включающий с достаточной полнотой наиболее употребительную, активную лексику (слова, значения слов, устойчивые сочетания слов). «Русский толковый словарь» получил широкую известность и за рубежом: он был издан (с подзаголовком «Одноязычный учебный словарь русского языка») авторитетным зарубежным словарным издательством Langenscheidt

(Берлин – Мюнхен – Вена – Цюрих – Нью-Йорк, 1994–1998). Позднее на основе «Русского толкового словаря» был издан «Русско-эстонский толковый словарь с эстонско-русским словарем» (Таллин, 2001, 2006). В 2007 г. «Русский толковый словарь» был переиздан с добавлением иллюстраций как «Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка»: впервые в практике издания толковых словарей современного русского языка был использован богатый иллюстративный материал высокого качества.

Еще один фундаментальный словарь, увидевший свет уже в последние годы жизни учёного, – «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» (М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016). В этом словаре дано полное описание словообразовательной системы современного русского языка, в котором за основную единицу принята служебная морфема (словообразовательный аффикс). Словарь состоит из четырёх частей: «Префиксы», «Суффиксы», «Интерфиксы» (соединительные морфемы) и «Постфиксы». Материалом словаря является словообразовательно мотивированная лексика современного русского литературного языка, зафиксированная в современных толковых словарях, а также неологизмы и окказионализмы.

Над этим изданием, как и над выходящими в 2010-е гг. новыми изданиями «Русского орфографического словаря» (4-е издание вышло в 2012 г., 5-е издание в 2018 г., оба – под редакцией В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой), языковед работал, преодолевая тяжёлые недуги. Земной путь Владимира Владимировича Лопатина окончился 29 июня 2021 г., прах учёного захоронен на старинном Введенском кладбище Москвы, в могиле его родителей.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.В. ЛОПАТИНА И ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА СЕГОДНЯ

Несмотря на первоначальное отторжение и даже осуждение (как это часто бывает с

¹² То же под назв.: Как правильно? С большой буквы или с маленькой?: орфографический словарь: ок. 20 000 слов и словосочетаний. М.: Астрель: АСТ, 2005.

фундаментальными лингвистическими трудами – достаточно вспомнить историю «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и «Словаря русского языка» С.И. Ожегова), орфографические труды, созданные коллективом авторов под руководством В.В. Лопатина, сейчас востребованы всеми пишущими по-русски. Полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» – настольная книга многих редакторов и корректоров, а предписания «Русского орфографического словаря», самого большого по объёму из существующих орфографических словарей русского языка, де-факто становятся определяющими для носителей русского языка, хоть это и не закреплено де-юре. «В настоящее время особую роль приобрела специфическая функция «Русского орфографического словаря» – регулятивная, основывающаяся на отражении в словаре безвариантной кодификации, то есть при наличии орфографических вариантов выбирается одна форма записи слова», – отмечает соредактор «Русского орфографического словаря» О.Е. Иванова [7, с. 84].

Жизнь словаря продолжается: в 2023 г. вышло в свет его шестое, исправленное и дополненное издание. Уже несколько лет в Интернете по адресу orfo.ruslang.ru работает научно-информационный орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН – электронный «брат-близнец» «Русского орфографического словаря» (как называют его авторы). Он позволяет фактически в режиме реального времени следить за изменениями в русском языке и рекомендациями орфографи-

стов: ежегодно «Академос» пополняется несколькими сотнями новых словарных статей.

Новые орфографические словари и справочники по-прежнему противоречат ещё более отставшим от современной науки и письменной практики «Правилам русской орфографии и пунктуации» 1956 г., которые всё так же продолжают оставаться официально действующим сводом. Хочется надеяться, что в ближайшие годы эта ситуация изменится. Как мы уже отмечали (см. [5]), в наши дни в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН снова ведётся (и уже подходит к завершению) многолетняя работа над полными академическими правилами русской орфографии. В отличие от проекта 2000 г. и тем более проекта 1964 г., новые правила не вносят какие-либо изменения в существующие написания слов и не предусматривают в будущем подобных изменений, то есть опираются на сложившиеся орфографические навыки и нормы, но при этом максимально полно и подробно описывают современную систему русского письма. Официальное утверждение этих правил, которое, хочется верить, скоро всё же случится, должно положить конец орфографическому разнобою и воплотить в жизнь то, о чём ещё четверть века назад писал В.В. Лопатин: «Наведение порядка в правилах письма, чёткие орфографические рекомендации, выверенные новые орфографические словари – очень важный фактор повышения грамотности, и не только русских людей, но и всех тех, кто пользуется русским языком как неродным, кто изучает этот язык, остающийся и сейчас, в переживаемое нами время, великим и могучим» [3, с. 705].

Список источников

1. Дружинин П.А. Как был основан Институт русского языка Академии наук. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2024. 304 с.
2. Владимир Владимирович Лопатин (к 70-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2005. № 4. С. 101-103. <https://elibrary.ru/mtbpsj>
3. Лопатин В.В. Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007. 743 с. <https://elibrary.ru/qtjvmr>
4. Владимир Владимирович Лопатин (к 80-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2015. № 5. С. 78-80.

5. Пахомов В.М. Наследие Михаила Викторовича Панова и разговор о настоящем и будущем русской орфографии // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 21-30. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-21-30>, <https://elibrary.ru/izvruk>
6. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004. 455 с. <https://elibrary.ru/qrlxdt>
7. Иванова О.Е. Хорошая, прочная льдина – этот «Русский орфографический словарь» // Сто текстов о языке: сборник научно-популярных статей: в 2 кн. М.: Городец, 2022. Кн. 2. С. 82-86.
8. Кузьмина С.М. Орфографическая комиссия 90-х годов и новая редакция свода правил русского правописания // Русский язык. 2000. № 38. <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200003801>
9. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 432 с.
10. Григорян Э.А., Ремчукова Е.Н., Сафонова Ю.А. Владимир Владимирович Лопатин (к 70-летию со дня рождения) // Филологические науки. 2005. № 3. С. 121-123.
11. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / [авт. О.Е. Иванова, В.В. Лопатин, И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова; отв. ред. В.В. Лопатин]; Рос. акад. наук, Отд. ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. 943 с. <https://elibrary.ru/pxxtyz>
12. Лопатин В.В. О «Правилах русской орфографии и пунктуации» // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2009. С. 7-13. <https://elibrary.ru/rgpvpp>

References

1. Druzhinin P.A. *How the Russian Language Institute of RAS Was Founded*. Moscow, Russian Language Institute of RAS Publ., 2024, 304 p. (In Russ.)
2. Vladimir Vladimirovich Lopatin (for the 70th anniversary of his birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian Language at School*, 2005, no. 4, pp. 101-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mtbpsj>
3. Lopatin V.V. *Selected Articles on the Russian Language “Multifaceted Russian Word”*. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2007, 743 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtjvmr>
4. Vladimir Vladimirovich Lopatin (for the 80th anniversary of his birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian Language at School*, 2015, no. 5, pp. 78-80. (In Russ.)
5. Pakhomov V.M. The legacy of Mikhail Viktorovich Panov and a conversation about the present and future of Russian spelling. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9 no. 1, pp. 21-30. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-21-30>, <https://elibrary.ru/izvruk>
6. Grigor'eva T.M. *Three Centuries of Russian Spelling (18–20 centuries)*. Moscow, Ehlpis Publ., 2004, 455 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrlxdt>
7. Ivanova O.E. *A Good, Solid Ice Floe – This “Russian Spelling Dictionary”*. *Collection of Popular Science Articles “One hundred texts about language”*: in 2 bks. Moscow, Gorodets Publ., 2022, bk 2, pp. 82-86. (In Russ.)
8. Kuz'mina S.M. The Spelling Commission of the 90s and the new edition of the code of rules of Russian spelling. *Russkii Yazyk*, 2000, no. 38. (In Russ.) <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200003801>
9. Lopatin V.V. (ed.). *Rules of Russian Spelling and Punctuation. Full Academic Reference Book*. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, 432 p. (In Russ.)
10. Grigoryan E.A., Remchukova E.N., Safonova Yu.A. Vladimir Vladimirovich Lopatin (for the 70th anniversary of his birth). *Filologicheskie Nauki*, 2005, no. 3, pp. 121-123. (In Russ.)
11. Ivanova O.E., Lopatin V.V., Nechaeva I.V., Chel'tsova L.K. *Russian Spelling Dictionary: Around 180 000 Words*. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 2005, 943 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pxxtyz>
12. Lopatin V.V. About “the rules of Russian spelling and punctuation”. *Linguistic Bases of Codification of Russian Spelling: Theory and Practice*. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2009, pp. 7-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rgpvpp>

Информация об авторе

ПАХОМОВ Владимир Маркович, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела культуры русской речи, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, учёный секретарь Орфографической комиссии РАН, г. Москва, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0002-6121-6783>, vmpakhomov@gmail.com

Вклад в статью: идея и концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 17.09.2024

Поступила после рецензирования 10.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Vladimir M. Pakhomov, Cand. Sci. (Philology), Research Scholar of Russian Language Culture Department, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Academic Editor of Spelling Commission of RAS, Moscow, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-6121-6783>, vmpakhomov@gmail.com

Contribution: study conception and idea, scientific literature acquisition and analysis, manuscript text drafting.

Received September 17, 2024

Revised November 10, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81-119

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-779-788>

Шифр научной специальности 5.9.5

Эпитетация как способ категоризации футбольного дискурса

Наталья Владимировна Черникова

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

✉ chernikovanat@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения языковых способов категоризации социально значимых фрагментов внешнего мира и разных видов дискурса. Цель исследования – выявить эпитеты, характеризующие игру сборной России и её соперников на чемпионате мира по футболу 2018 г.; определить состав их тематических групп и подгрупп, а также языковые средства, являющиеся носителями признаковой номинации, в процессе лексической, грамматической и функциональной категоризации языковых единиц. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Предмет исследования – признаковая номинация (эпитетация) как способ категоризации спортивного (футбольного) дискурса на материале публицистической книги российского спортивного журналиста И.Я. Рабинера «Сборная-2018: чемпионы наших сердец». В ходе анализа языкового материала используются метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, метод семантико-когнитивного анализа, метод моделирования, статистический метод. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В процессе лексической и функциональной категоризации признаковых слов (эпитетов) выделены две тематические группы: 1) эпитеты, характеризующие игру сборной России; 2) эпитеты, характеризующие игру соперника. Каждая группа представлена несколькими подгруппами. Выявлены случаи взаимодействия эпитетации и метафоризации, демонстрирующие переход из одной концептуальной области в другую (*сумасшедший удар, агрессивный футбол, железный пенальти*). В процессе грамматической категоризации эпитетов определены средства выражения признаковой номинации (адъективная и адverbиальная лексика) и 8 структурных моделей эпитетных комплексов. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Как свидетельствуют статистические данные, количество эпитетов, характеризующих игру сборной России, в 5 раз превышает количество эпитетов, характеризующих игру соперника; количество подгрупп первой тематической группы почти в 2 раза превышает количество подгрупп второй тематической группы. Такие количественные показатели раскрывают этнокультурные и личностные особенности языкового осмысления фрагмента мира и подчёркивают внимание, особый интерес к национальным (русским) реалиям. Многие эпитеты, характеризующие игру сборной России, имеют положительную коннотацию (*замечательная атака, единая, цельная, братская игра, отличный защитник*), в отличие от эпитетов с отрицательной коннотацией, характеризующих игру соперника (*ужасная, паническая игра, пустое, медленные и неуклюжие игроки*).

Ключевые слова: категоризация, эпитетация, признаковая номинация, эпитеты, спортивный (футбольный) дискурс, И.Я. Рабинер

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявляла.

Для цитирования: Черникова Н.В. Эпитетация как способ категоризации футбольного дискурса // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 779-788. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-779-788>

Epithetization as a way of categorizing football discourse

Natalia V. Chernikova

Michurinsk State Agrarian University

101 Internationalnaya St., Michurinsk, 393760, Tambov region, Russian Federation

✉ chernikovnat@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study is due to the need to study the linguistic methods of categorization of socially significant fragments of the external world and different types of discourse. The purpose of the study is to identify epithets characterizing the game of the Russian national team and its rivals at the 2018 FIFA World Cup; to determine the composition of their thematic groups and subgroups, as well as linguistic means that are carriers of the characteristic nomination, in the process of lexical, grammatical and functional categorization of linguistic units. **MATERIALS AND METHODS.** The subject of the study is a feature nomination (epithetation) as a way of categorizing sports (football) discourse based on the material of the journalistic book by the Russian sports journalist I.Ya. Rabiner "Team-2018: Champions of Our Hearts". During the analysis of the linguistic material, the method of continuous sampling, contextual analysis, the method of semantic-cognitive analysis, the modeling method, and the statistical method are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** In the process of lexical and functional categorization of characteristic words (epithets), two thematic groups were identified: 1) epithets characterizing the game of the Russian national team; 2) epithets characterizing the game of the opponent. Each group is represented by several subgroups. Cases of interaction of epithetization and metaphorization were revealed, demonstrating the transition from one conceptual area to another (crazy blow, aggressive football, iron penalty). In the process of grammatical categorization of epithets, means of expressing the characteristic nomination (adjectival and adverbial vocabulary) and 8 structural models of epithet complexes were determined. **CONCLUSION.** According to statistics, the number of epithets characterizing the play of the Russian national team is 5 times greater than the number of epithets characterizing the play of the opponent; the number of subgroups of the first thematic group is almost 2 times greater than the number of subgroups of the second thematic group. Such quantitative indicators reveal the ethnocultural and personal features of the linguistic understanding of a fragment of the world and emphasize attention, special interest in national (Russian) realities. Many epithets characterizing the play of the Russian national team have a positive connotation (wonderful attack, united, integral, brotherly play, excellent defender), in contrast to epithets with a negative connotation characterizing the play of the opponent (terrible, panicky play, empty, slow and clumsy players).

Keywords: categorization, epithet, feature nomination, epithets, sports (football) discourse, I.Ya. Rabiner

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author of this article is a member of the journal's editorial board of "Neophilology", but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal's peer review procedure. The author declares no other conflicts of interest.

For citation: Chernikova, N.V. Epithetization as a way of categorizing football discourse. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):779-788. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-779-788>

ВВЕДЕНИЕ

Категоризация как когнитивный процесс, нацеленный на упорядочение, систематизацию и обобщение знаний о внешнем мире и его денотативных сферах, позволяет отнести

предмет познания, исследования к определённому классу [1–5]. Такого рода обобщения (категории, классы, группы и т. п.) аккумулируют в себе совокупный социальный и индивидуальный опыт носителей языка, входят в состав национальной концептосферы и

имеют разные способы и средства языкового и неязыкового воплощения: в виде номинации материальных и нематериальных референтов, их признаков и состояний, перцептивных и сенсорных образцов, универсальных и национальных стереотипов, моделей поведения, эталонов коммуникации и т. п. [6].

Категоризация языковых единиц происходит по их лексическим, грамматическим и функциональным характеристикам. В зависимости от критерия, положенного в основу классификации языковых знаков, выделяются: а) лексическая категоризация (объединение слов с учётом их лексических значений); б) грамматическая категоризация (объединение слов с учётом их лексико-грамматических и грамматических значений); в) функциональная категоризация (объединение слов с учётом их смысла в высказывании) [1, с. 155-159].

В основе категоризации лежат разнообразные действия общих для всех людей когнитивных механизмов, одним из которых является эпитетация – признаковая номинация, качественная рубрикация мира [7, с. 327]. Этот процесс предполагает выделение в исследуемых референтах определённых признаков. В речи, конкретных высказываниях признак характеризует предмет или действие с точки зрения говорящего, определяется интенциями языковой личности и прагматическим потенциалом языкового знака. Признаковая номинация (эпитетация) охватывает самые разнообразные сферы человеческой деятельности и опыта.

Цель исследования – выявить эпитеты, характеризующие игру сборной России и её соперников на чемпионате мира по футболу 2018 г., определить состав их тематических групп и подгрупп, а также языковые средства, являющиеся носителями признаковой, в том числе метафорической, номинации, в процессе лексической, грамматической и функциональной категоризации языковых единиц.

В науке нет единого взгляда на понятие «эпитет». Этот термин употребляется в разных смыслах и имеет неоднозначные дефиниции [8], в которых квалифицируется: а) как троп, фигура добавления, средство пояснения или характеристики предмета, качества, действия и т. п. (Д.Э. Розенталь, Б.В. Томашев-

ский, А.А. Волков, Л.Л. Нелюбин, И.Б. Померанц и др.); б) как орнаментальное средство, выполняющее эстетическую, художественно-изобразительную функцию (А.П. Квятковский, В.П. Москвин, И.Б. Голуб, Т.В. Марченко и др.); в) как средство выражения эмоционально-оценочного отношения к референту (О.С. Ахманова, Д.А. Салимова, О.Н. Емельянова и др.). Подробный анализ разных точек зрения на объём и содержание понятия «эпитет» в отечественной филологии дали Н.П. Булахова и А.П. Сковородников [9]. Нами используется термин «эпитет» в значении, сформулированном данными исследователями. Под эпитетом понимается «экспрессивное, то есть образное и/или эмоционально-оценочное определение предмета, явления, признака, признака признака и действия, создающее или подчёркивающее (интенсифицирующее) их изобразительное качество и/или аксиологическую характеристику и тем самым воздействующее на адресата» [9, с. 135].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Предметом исследования стала признаковая номинация (эпитетация) как способ категоризации спортивного, в частности футбольного, дискурса на материале публицистической книги российского спортивного журналиста И.Я. Рабинера «Сборная-2018: чемпионы наших сердец»¹. Автор почти два месяца находился со сборной России, став свидетелем её подготовки и участия в чемпионате мира по футболу 2018 г. Постоянное общение с тренером и футболистами дало возможность журналисту увидеть спортивную жизнь «изнутри» и показать читателю механизмы выхода российской сборной в четвертьфинал чемпионата мира по футболу – первого выхода в российской истории спорта.

В ходе анализа языкового материала используются метод сплошной выборки, метод семантико-когнитивного анализа, контекстуальный анализ, метод моделирования, статистический метод. Исследование включает следующие операционные действия: 1) выявление корпуса эпитетов из глав IV–VII книги

¹ Рабинер И.Я. Сборная-2018: чемпионы наших сердец. М.: Эксмо, 2018. 608 с.

И.Я. Рабинера, посвящённых описанию пяти матчей российской сборной²; 2) анализ лексической и функциональной категоризации по тематическим группам и подгруппам признаков слов (эпитетов) с учётом их лексической семантики и смыслового содержания в контексте; 3) выявление частотности эпитетов в составе тематических групп и подгрупп в процессе количественного подсчёта; 4) анализ грамматической категоризации в процессе определения языковых средств, являющихся носителями признаковой номинации, и выявления структурных моделей эпитетных комплексов; 5) интерпретация полученных результатов в аспекте репрезентации и категоризации фрагмента спортивного (футбольного) дискурса, представленного признаковыми словами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методом сплошной выборки выявлено 202 эпитета, которые, учитывая их денотативное значение и смысловое содержание в контексте, мы классифицировали в две тематические группы. Каждая группа представлена несколькими подгруппами. В их числе следующие.

1. Эпитеты, характеризующие игру сборной России

1.1. Эпитеты, характеризующие этапы, ход игры, её качество, результат: *замечательная атака, выигранная борьба, единая, цельная, братская игра, цельный, хорошо проведённый первый тайм, трудный и равный первый тайм, решающие ходы* [матч Россия – Египет]; *очень интересная атака, турнирно бессмысленный матч, отличные позиции* [матч Россия – Уругвай]; *отчаянно везло, острая атака, стопроцентный пенальти, первый настоящий голевой момент, триумфальный чемпионат мира* [матч Россия – Испания]; *простой, безыскусный, вертикальный стиль игры, кручёный удар, отличная первая пятиминутка, аккуратненький ответный короткий пас, классный, резкий удар, очень тревожная фаза (игры), приличная игра, велико-*

лепный шанс, драматический финал [матч Россия – Хорватия] и др.

1.2. Эпитеты, характеризующие игру футболистов и команды: *великолепный показатель, остроумные ходы, ключевые пасы* (об игре А. Головина), *играть стали охотно* (об игре команды) [матч Россия – Саудовская Аравия]; *классно забил* (об игре Ю. Газинского), *пробил впритирочку со штангой* (об игре И. Кутепова), *блестяще выкатил мяч* (об игре М. Фернандеса), *прилично вышел на замену* (об игре Ф. Смолова), *сыграл очень полезно* (об игре А. Самедова), *провёл великолепный матч* (об игре Ю. Жиркова) [матч Россия – Египет]; *имел отличный шанс забить* (об игре Д. Черышева), *мощный рывок, вторая роковая ошибка, небрежный пас* (об игре Ю. Газинского), *неудачно сыграл* (об игре И. Акинфеева), *сработал хорошо* (об игре Ф. Смолова), *отчаянно поборолся* (с соперником) (об игре М. Фернандеса) [матч Россия – Уругвай]; *впечатляющие рывки* (об игре Р. Зобнина), *пошёл к мячу без тени колебаний, пробил с непоколебимой уверенностью* (об игре А. Дзюбы), *в схему встроился что надо, отработал на совесть* (об игре В. Граната), *провёл выдающийся матч, идеально вписался в коллектив, богатый технический арсенал* (об игре М. Фернандеса), *художественно забил* (об игре Ф. Смолова) [матч Россия – Испания]; *вышел очень удачно, вышел на замену очень прилично, здорово начал чемпионат* (об игре Ю. Газинского), *выдающиеся 10 перехватов* (об игре Р. Зобнина), *сработал образцово* (об игре С. Игнашевича), *неважно играл* (об игре Ф. Смолова), *делаешь свою работу безупречно* (об игре И. Кутепова) [матч Россия – Хорватия] и др.

1.3. Эпитеты, характеризующие гол: *красивый и очень важный гол, роскошный дубль, красивейшие четвёртый и пятый мячи, гол высший класс* [матч Россия – Саудовская Аравия]; *гол из ничего* [матч Россия – Египет]; *классный дубль, потрясающий удар* (Д. Черышева), *гол спасения* [матч Россия – Хорватия] и др.

1.4. Эпитеты, характеризующие футболистов и команду: *страстный человек горы* (об А. Дзюбе), *лучший игрок матча* (о Д. Черышеве), *в великолепной кондиции, безоста-*

² Там же. С. 244-448.

новочно двигается (об А. Головине) [матч Россия – Саудовская Аравия]; *большая личность* (о Ю. Жиркове), *отличная «физика»* (о физической подготовке И. Кутепова) [матч Россия – Египет]; *наша не самая мастеровитая сборная* (о команде), *один из самых скоростных игроков команды* (о физической подготовке И. Смольникова), *талантливый игрок* (об А. Миранчуке), *наш самый большой талант* (об А. Головине) [матч Россия – Уругвай]; *команда гордости нашей, воины* (о команде), *фантастический моральный взлёт, огромный эмоциональный подъём* (о психическом состоянии футболистов), *молодые, горячие пацаны* (о футболистах сборной России), *неподражаемый Артём Дзюба, габаритный нападающий, боец по натуре, настоящий лев* (об А. Дзюбе), *живая легенда* (об И. Акинфееве), *более свежий и скоростной нападающий, главная надежда сборной* (о Ф. Смолове), *большой мастер* (о Ю. Жиркове), *идеальная форма и здоровье* (о Д. Черышеве), *лучший центральный защитник страны* (о С. Игнашевиче), *отличный защитник-домосед* (о Ф. Кудряшове) [матч Россия – Хорватия] и др.

1.5. Эпитеты, характеризующие тренера и его действия: *люди с честью* (о С.С. Черчесове и А. Дзюбе) [матч Россия – Египет]; *абсолютно верное решение, рискованное решение* (о С.С. Черчесове) [матч Россия – Уругвай]; *долго и мучительно выбирал* (игроков) (о С.С. Черчесове) [матч Россия – Хорватия] и др.

1.6. Эпитеты, характеризующие победу российской сборной: *удивительная победа, разгромная победа, крупные победы* [матч Россия – Саудовская Аравия]; *сделав с шиком* (о победах в матчах Россия – Саудовская Аравия и Россия – Египет) [матч Россия – Египет] и др.

1.7. Эпитеты, характеризующие игру со стороны болельщиков: *смотрелось здорово* (об игре Д. Черышева), *смотрелся здорово* (об А. Головине), *способен здорово выйти на замену* (об А. Дзюбе) [матч Россия – Саудовская Аравия]; *доброе, позитивное, искреннее российское празднество, ликующе сигналили* (машины), *необратимое уважение* (болельщиков) [матч Россия – Испания]; *рассказывать с гордостью* (о ЧМ-2018 и сборной Рос-

сии), *светлая печаль, добрые чувства* (к сборной России), *безумно жаль* (М. Фернандеса), *покинуть чемпионат мира с гордостью и достоинством, чуть-чуть светло грустить* [матч Россия – Хорватия] и др.

2. Эпитеты, характеризующие игру соперника

2.1. Эпитеты, характеризующие ход игры, её качество, результат: *ужасная, паническая игра* (защитников сборной Саудовской Аравии) [матч Россия – Саудовская Аравия]; *пустое, бессмысленное перекачивание мяча* (об игре команды Испании) [матч Россия – Испания]; *смертоносная атака* [матч Россия – Хорватия] и др.

2.2. Эпитеты, характеризующие игру футболистов: *индивидуальное мастерство* (об игре египетского футболиста М. Салаха) [матч Россия – Египет]; *очень сильно и точно посланный в угол мяч* (уругвайским футболистом Л. Суаресом), *сумасшедший удар* (уругвайского футболиста Р. Бентанкура) [матч Россия – Уругвай]; *фантастически сложный удар* (испанского футболиста А. Иньесты), *не слишком удачный удар* (испанского футболиста С. Коке) [матч Россия – Испания]; *хорошо работают* (полузащитники и защитники команды Хорватии), *роскошный креатив* (о тактике игры хорватских футболистов) [матч Россия – Хорватия] и др.

2.3. Эпитеты, характеризующие футболистов, тренера, команду: *медленные и неуклюжие игроки* (саудовской обороны), *самый слабый соперник* [матч Россия – Саудовская Аравия]; *опытнейший Суарес* (уругвайский футболист), *хитрющий Кавани* (уругвайский футболист) [матч Россия – Уругвай]; *сильнее в защите и хорош вверху* (об испанском футболисте М. Начо), *великий мастер* (об испанском футболисте А. Иньесте), *матёрые соперники* (о команде Испании) [матч Россия – Испания]; *мастер* (о хорватском футболисте Л. Модриче), *габаритный нападающий* (о хорватском футболисте М. Манджукиче), *острый и голодный оппонент* (о команде Хорватии), *остроатакующий состав* (команды Хорватии) [матч Россия – Хорватия] и др.

2.4. Эпитеты, характеризующие гол: *случайный мяч* (Испании) [матч Россия – Испания].

Нами выявлены случаи признаковой номинации, которая осуществляется в процессе метафоризации, предполагающей переход из одной концептуальной области в другую концептуальную область, из одной денотативно-идеографической сферы в другую. Это объясняется когнитивными способностями человека: осмысление и оценка явлений одного рода происходит в наименованиях другого рода [1; 2; 10–16].

В анализируемом фрагменте спортивного дискурса денотативными сферами – источниками метафорической признаковой номинации являются:

– психические качества человека: *сумасшедший удар, агрессивный футбол, добродушный мяч, остроумные ходы* (ср.: *сумасшедший / агрессивный / добродушный / остроумный человек*);

– внешние признаки человека: *неопрятно посланный мяч, крайне небрежно отдал мяч, небрежный пас, аккуратненький ответный короткий пас, красивый гол, красивейшие мячи (голы)* (ср.: *неопрятно / небрежно одетый / аккуратный / красивый человек*);

– профессиональная сфера деятельности человека, его достижения: *главный инженер-конструктор сборной России-2018* (о тренере С.С. Черчесове), *тонкий созидатель* (о тренере Ф. Йерро), *человек-оркестр* (о хорватском футболисте Л. Модриче), *выдающийся матч, выдающиеся 10 перехватов* (ср.: *выдающийся человек*);

– вещественный признак (материал) предмета: *железный пенальти, железная игровая дисциплина* (ср.: *железный прут*);

– перцептивные свойства предмета: *блестяще выкатил мяч, свежий Дзагоев, свежие ноги, горячие пацаны, габаритный нападающий, роскошный дубль* (ср.: *блестящий на солнце металл, свежий хлеб, горячий чай, габаритный груз, роскошный наряд*);

– утилитарные свойства предмета, вещества: *отыграл тайм достаточно полезно* (ср.: *полезная книга*);

– качества-действия предмета, вещества: *смертоносная атака, скоростной нападающий* (ср.: *смертоносный яд, скоростной самолёт*) и др.

Частотность выявленных эпитетов (в порядке убывания их количества), классифицированных в тематические группы и подгруппы, представлена в табл. 1.

Корпус выявленных эпитетов и их грамматическая категоризация

Мы установили, что носителями признаковой номинации в рассматриваемом произведении являются разные части речи, имеющие инвариантное категориальное значение признаковости. Средства выражения признаковой номинации (в порядке убывания их количества) представлены в табл. 2.

Структурные типы эпитетных комплексов, представляющих собой «когнитивно-семантическое единство эпитета и объекта эпитетации» [7, с. 328], представлены следующими моделями.

1. Adj + N: определяющее имя прилагательное + определяемое имя существительное.

1.1 Определяющее имя прилагательное в положительной степени + определяемое имя существительное (самая частотная модель): *замечательная атака, драматический финал, роскошный дубль, идеальная подача, выдающийся матч, потрясающий удар* и др.

1.2 Определяемое имя существительное / субстантивное словосочетание + определяющее прилагательное-компаратив: *лучший игрок матча, лучший центральный защитник страны* и др.

1.3 Определяемое имя существительное / субстантивное словосочетание + определяющее прилагательное-суперлатив: *опытнейший Суарес, наш самый большой талант, самый слабый соперник* и др.

2. Part + N: определяющее причастие + определяемое имя существительное: *выигранная борьба, решающие ходы, атакующий футбол* и др.

3. N + N: определяемое имя существительное + определяющее имя существительное: *человек-оркестр, человек горы, люди с честью* и др.

4. N + Pron: определяемое имя существительное + определяющее местоимение: *гол из ничего*.

глагол + определяющее наречие): *отчаянно везло, неудачно сыграл, выполнялся безукоризненно* и др.

5. Adv + Vf / Vf + Adv: определяющее наречие + определяемый глагол (определяемый

Таблица 1

Лексическая категоризация эпитетов

Table 1

Lexical categorization of epithets

№	Тематические группы и подгруппы	Количество эпитетов
1	Эпитеты, характеризующие игру сборной России	169
1.1	Эпитеты, характеризующие игру футболистов и команды	58
1.2	Эпитеты, характеризующие футболистов и команду	43
1.3	Эпитеты, характеризующие ход игры и её качество	37
1.4	Эпитеты, характеризующие игру со стороны болельщиков	12
1.5	Эпитеты, характеризующие гол	10
1.6	Эпитеты, характеризующие тренера и его действия	5
1.7	Эпитеты, характеризующие победу российской сборной	4
2	Эпитеты, характеризующие игру соперника	33
2.1	Эпитеты, характеризующие футболистов, тренера, команду	18
2.2	Эпитеты, характеризующие игру футболистов	9
2.3	Эпитеты, характеризующие ход игры и её качество	5
2.4	Эпитет, характеризующий гол	1

Источник: посчитано и составлено автором по тексту: *Рабинер И.Я. Сборная-2018: чемпионы наших сердец*. М.: Эксмо, 2018. 608 с.

Source: estimated and compiled by the author based on the text: *Rabiner I.Ya. Team-2018: Champions of Our Hearts*. Moscow, ESKMO Publ., 2018, 608 p.

Таблица 2

Грамматическая категоризация эпитетов

Table 2

Grammatical categorization of epithets

№ п/п	Средства выражения эпитетов	Количество эпитетов
1	Имена прилагательные	116
2	Наречия	45
3	Имена существительные	27
4	Причастия	10
5	Местоимения	1
6	Фразеологизмы адвербиального типа	3

Источник: посчитано и составлено автором по тексту: *Рабинер И.Я. Сборная-2018: чемпионы наших сердец*. М.: Эксмо, 2018. 608 с.

Source: estimated and compiled by the author based on the text: *Rabiner I.Ya. Team-2018: Champions of Our Hearts*. Moscow, ESKMO Publ., 2018, 608 p.

6. Adv + Adj / Part: определяющее наречие + определяемое имя прилагательное / причастие: *довольно опасный штрафной, неприятно посланный мяч* и др.

7. Adv + Praed: определяющее наречие + определяемое слово категории состояния: *безумно жаль*.

8. Vf + Adv / Adv + Vf: определяемый глагол + определяющий фразеологизм адвербиального типа (определяющий фразеологизм + определяемый глагол): *пошёл к мячу без тени колебаний, в схему встроился что надо, худо-бедно забил*.

Нередко признаковая номинация репрезентируется в контексте не одной лексемой, а сочетанием слов, объединённых разными видами синтаксической связи:

– подчинительной связью: *очень интересная атака, турнирно бессмысленный матч, довольно опасный штрафной, хорошо проведённый первый тайм, первый настоящий голлевой момент, триумфальный чемпионат мира, блестяще выкатил мяч, провёл великолепный матч* и др.;

– сочинительной связью: *более свежий и скоростной нападающий, трудный и равный первый тайм; медленные и неуклюжие игроки; гол просто красивый и очень важный; не просто успешный, а триумфальный чемпионат мира, долго и мучительно выбирал, очень сильно и точно посланный в угол мяч* и др.;

– бессоюзной связью: *классный, резкий удар; простой, безыскусный, вертикальный стиль игры; покинуть чемпионат мира с большой гордостью, достоинством; доброе, позитивное, искреннее российское празднество; пустое, бессмысленное перекачивание мяча* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ эмпирического материала, извлечённого из книги И.Я. Рабинера, показал, как посредством признаковой номинации конкретная языковая личность («концептоноситель») осмысливает и оценивает реалии одной из социально значимых концептуальных сфер – спорта (футбола) и какие ассоциации и интерпретации при этом возникают.

В процессе лексической и функциональной категоризации признаков слов (эпитетов), основываясь на их лексическом значении и учитывая их смысловое содержание в контексте, мы классифицировали языковые единицы в две тематические группы и внутри каждой – в подгруппы. Количественные подсчёты показали, что: 1) количество эпитетов, характеризующих игру сборной России, в 5 раз превышает количество эпитетов, характеризующих игру соперника (ср.: 169 – 33); 2) количество подгрупп первой тематической группы почти в 2 раза превышает количество подгрупп второй тематической группы (ср.: 7 – 4). Такие количественные показатели раскрывают этнокультурные и личностные особенности языкового осмысления фрагмента мира и подчёркивают внимание, особый интерес к национальным (российским) реалиям.

Кроме того, многие эпитеты, характеризующие игру сборной России, имеют положительную коннотацию (*замечательная атака, единая, цельная, братская игра, отличная первая пятиминутка, классный удар, великолепный матч, выдающийся матч, роскошный дубль, красивейшие четвёртый и пятый мячи, лучший игрок матча, талантливый игрок, отличный защитник*), в отличие от эпитетов с отрицательной коннотацией, характеризующих игру соперника (*ужасная, паническая игра, пустое, бессмысленное перекачивание мяча, медленные и неуклюжие игроки*).

Нами выявлены случаи взаимодействия эпитетации и метафоризации, демонстрирующие переход из одной концептуальной области в другую в процессе признаковой номинации (*сумасшедший удар, агрессивный футбол, железный пенальти, смертоносная атака, более свежий нападающий*).

В процессе грамматической категоризации признаков слов (эпитетов), основываясь на их лексико-грамматическом (частеречном) значении, мы выявили средства выражения признаковой номинации. Количественные подсчёты свидетельствуют, что признаковая номинация осуществляется прежде всего адъективной (116) и адвербиальной (45) лексикой, традиционно специализирующейся на репрезентации признаковой семантики.

Менее частотны другие части речи (имена существительные и причастия), единично местоимение.

Структурные типы эпитетных комплексов представлены 8 моделями, самой продуктивной из которых является модель: определяющее имя прилагательное (положительная степень, компаратив, суперлатив) + определяемое имя существительное (Adj + N).

Нередко признаковая номинация репрезентируется в контексте не одной лексемой, а сочетанием слов, объединённых разными видами синтаксической связи: подчинительной, сочинительной и бессоюзной.

Итак, изучение лексической, грамматической и функциональной категоризации признаков слов в одной из денотативных сфер спортивного дискурса позволило определить языковые способы и средства, при помощи которых спортивный журналист не только передаёт значимую, с его точки зрения, информацию о важных событиях в этой сфере, но и эксплицирует своё отношение к ним, даёт им индивидуальную и социальную оценку. А это, в свою очередь, подтверждает, что признаковые слова обладают большим когнитивно-семантическим и ассоциативно-образным потенциалом.

Список источников

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2021. 236 с. <https://elibrary.ru/fsskuz>
2. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019. 480 с. <https://elibrary.ru/oxliyg>
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с. <https://elibrary.ru/qrpaaav>
4. Гизатуллин Д.Э. Общенаучные и философские аспекты термина «категория» в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (78). С. 90-93. <https://elibrary.ru/zrqxgr>
5. Карасик В.И., Китанина Э.А. Символизация пустыни в языковом сознании // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 29-37. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-29-37>, <https://elibrary.ru/hjuuzf>
6. Микешина Л.А. Эпистемология и российская социология: взаимодействие в развитии // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 19-27. <https://doi.org/10.31857/S013216250006662-1>, <https://elibrary.ru/wcmxrz>
7. Губанов С.А. Эпитетация любви в текстах М. Цветаевой // Неофилология. 2024. № 10 (2). С. 326-333. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333>, <https://elibrary.ru/fzqqew>
8. Губанов С.А. Проблема дефиниции эпитета // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 3 (18). С. 98-103. <https://elibrary.ru/pwihde>
9. Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122-143. <https://elibrary.ru/yusmrd>
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
11. Баранов А.П. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с. <https://elibrary.ru/vrrywx>
12. Воркачёв С.Г. В чаще символов: образ в языке и культуре. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2021. 264 с. <https://elibrary.ru/cahdya>
13. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Дискурсивный поворот в современной политической метафорологии // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 53-60. <https://elibrary.ru/yzzttx>
14. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 2. С. 103-113. <https://doi.org/10.26170/FK20-02-09>, <https://elibrary.ru/cstmyx>
15. Федосеева Д.А. Когнитивная теория метафоры и обзор имбодимент-подхода к познанию (обзор) // МЕТОД. 2017. № 7. С. 306-314. <https://elibrary.ru/zuqlzr>
16. Черникова Н.В., Рассказов Н.Ю. Метафорические модели тематической сферы «футбол» (на материале книги И.Я. Рабинера «Сборная-2018: чемпионы наших сердец») // Наука и образование. 2021. Т. 4. № 2. <https://elibrary.ru/usicej>

References

1. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku*. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2021, 236 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fsskuz>
2. Boldyrev N.N. *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2019, 480 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oxliyg>
3. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty*. Volgograd, Peremena Publ., 2004, 340 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrpaaav>
4. Gizatullin D.E. General scientific and philosophical aspects of the term “category” in linguistics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2017, no. 12-2 (78), pp. 90-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zrqxgr>
5. Karasik V.I., Kitanina E.A. Symbolization of desert in linguistic consciousness. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 29-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2024-1-29-37>, <https://elibrary.ru/hjuuzf>
6. Mikesheva L.A. Epistemology and Russian sociology: their interaction in the development. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019, no. 9, pp. 19-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250006662-1>, <https://elibrary.ru/wcmxrx>
7. Gubanov S.A. Epithetization of love in m. Tsvetaeva's texts. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, no. 10 (2), pp. 326-333. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333>, <https://elibrary.ru/fzqqew>
8. Gubanov S.A. The problem of defining an epithet. *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*, 2020, no. 3 (18), pp. 98-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwihde>
9. Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic). *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika = Ecology of Language and Communicative Practice*, 2017, no. 2 (9), pp. 122-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yusmrd>
10. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 256 p. (In Russ.)
11. Baranov A.P. *Deskriptornaya teoriya metafory*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2014, 632 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vrrywx>
12. Vorkachev S.G. *V chashche simvolov: obraz v yazyke i kul'ture*. Krasnodar, Kuban State Technological University Publ., 2021, 264 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cahdya>
13. Budaev E.V., Chudinov A.P. Discursive turn in contemporary political metaphorology. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2019, no. 36, pp. 53-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yzztkx>
14. Budaev E.V., Chudinov A.P. Contemporary Russian political metaphorology (2011–2020). *Filologicheskii klass = Philological Class*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 103-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/FK20-02-09>, <https://elibrary.ru/cstmyx>
15. Fedoseeva D.A. Cognitive theory of metaphor and the imbodyment approach to cognition (review). *Metod = Method*, 2017, no. 7, pp. 306-314. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zuqlzr>
16. Chernikova N.V., Rasskazov N.Yu. Metaphorical models of the thematic sphere “football” (on the material of the book by I.Ya. Rabiner Team-2018: Champions of Our Hearts). *Nauka i obrazovanie*, 2021, vol. 4, no. 2. (In Russ.) <https://elibrary.ru/usicej>

Информация об авторе

ЧЕРНИКОВА Наталья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, chernikovanat@mail.ru

Вклад в статью: дизайн исследования, поиск и анализ научной литературы, сбор и анализ фактического материала, обработка результатов исследования, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 27.08.2024
Поступила после рецензирования 21.10.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Natalia V. Chernikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, chernikovanat@mail.ru

Contribution: study design, scientific literature search and analysis, factual material collection and analysis, research results processing, manuscript text drafting, editing.

Received August 27, 2024
Revised October 21, 2024
Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-789-799>

Шифр научной специальности 5.9.5

Образ COVID-19 в русском языковом сознании

Светлана Александровна Дерябина¹ , Татьяна Александровна Дьякова² ✉,

Ирина Игоревна Митрофанова¹

¹ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ Larionova86@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Широкое распространение COVID-19 в России не могло не повлиять на русское языковое сознание, в котором в той или иной степени формируются ассоциативный тезаурус пандемии XXI века. Русскоязычные информационные ресурсы пестрят информацией о новом вирусе и необходимости вакцинации против него. Эти темы активно обсуждаются всем русскоязычным населением. Цель – исследовать образ COVID-19 в русском языковом сознании в аспекте синтагматического, парадигматического и тематического ассоциативного тезауруса в двух временных периодах: май–июнь 2020 г. и май–июнь 2021 г. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили Национальный корпус русского языка, хештеги социальных сетей, печатный и электронный контент «Российской газеты» и газеты «РБК». Использован метод ассоциативного эксперимента с целью выявления синтагматических и парадигматических реакций и тематических групп. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Проведённый анализ представляет собой попытку продемонстрировать состояние сформированности понятия COVID-19 в языковом сознании россиян. Предметом исследования стала синтаксическая функция лексемы COVID-19 и результаты ассоциативного эксперимента. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Выявлены синтаксическая функция лексемы COVID-19, её лексическая сочетаемость и коннотация. Установлено, что восприятие эпидемии COVID-19 в языковом сознании оценивается как типичная характеристика современности и осознаётся как часть реальности наряду с проблемами глобальных изменений в экологии и климате и существует наряду с такими понятиями, как глобализация, цифровизация и конвергенция.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, языковое сознание, русское языковое сознание, ассоциативный тезаурус, ассоциативный эксперимент, синтаксическая функция лексемы

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дерябина С.А., Дьякова Т.А., Митрофанова И.И. Образ COVID-19 в русском языковом сознании // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 789-799. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-789-799>

The image of COVID-19 in the Russian linguistic consciousness

Svetlana A. Deryabina¹ , Tatiana A. Dyakova² , Irina I. Mitrofanova¹

¹People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklouho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 Larionova86@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The widespread spread of COVID-19 in Russia could not but affect the Russian linguistic consciousness, in which the associative thesaurus of the 21st century pandemic is being formed to one degree or another. Russian-language information resources are full of information about the new virus and the need for vaccination against it. These topics are actively discussed by the entire Russian-speaking population. The aim is to explore the image of COVID-19 in the Russian linguistic consciousness in the aspect of syntagmatic, paradigmatic and thematic associative thesaurus in two time periods: May–June 2020 and May–June 2021. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the National Russian Language Corps, social network's hashtags, printed and electronic content « Rossiyskaya Gazeta and RBC newspapers. The associative experiment method is used to identify syntagmatic and paradigmatic reactions and thematic groups. **RESULTS AND DISCUSSION.** The analysis is an attempt to demonstrate the formation state of the concept of COVID-19 in the linguistic consciousness of Russians. The subject of the study was the syntactic function of the COVID-19 lexeme and the results of an associative experiment. **CONCLUSION.** The syntactic function of the COVID-19 lexeme, its lexical compatibility and connotation have been identified. It has been established that the perception of the COVID-19 epidemic in the linguistic consciousness is assessed as a typical characteristic of modernity and is recognized as part of reality along with the problems of global changes in ecology and climate and exists along with such concepts as globalization, digitalization and convergence.

Keywords: COVID-19, pandemic, linguistic consciousness, Russian linguistic consciousness, associative thesaurus, associative experiment, syntactic function of the lexeme

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Deryabina, S.A., Dyakova, T.A., & Mitrofanova, I.I. The image of COVID-19 in the Russian linguistic consciousness. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):789-799. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-789-799>

ВВЕДЕНИЕ

Одна из функций языка и речи – отражение состояния сознания, внутреннего мира человека. А.Ф. Лосев писал: «Язык и есть само миропонимание» [1, с. 822]. Неслучайно современные исследования сосредоточились «вокруг проблем вербального языка, содержательная универсальность которого – основное средство передачи информации и общения людей» [2, с. 10].

Ассоциативный тезаурус даёт чёткое представление об устройстве языкового соз-

нания, обыденного образа мира и может рассматриваться в качестве модели языковой картины мира (языкового сознания) [3], что наглядно демонстрирует Словарь русского языка коронавирусной эпохи¹.

Экспериментальные данные показывают, что многие ассоциации, существующие в

¹ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

сознании носителей языка, могут изменять стереотипные представления об окружающей действительности, например, выявление цветowych ассоциаций и зооморфных метафор, связанных с коронавирусом, позволили учёным выявить разнообразные ассоциативные признаки, которые формируют различные классификации [4; 5].

Значимые события эпохи, повлиявшие на вектор развития цивилизации, получают определённую маркированность в языковом сознании, чему во многом способствовало появление неологизмов пандемии коронавируса, отразивших специфику «репрезентации социума в языке» [6], и развитие новых метафорических ассоциаций и новых смыслов слов [7; 8].

Термин «коронавирус», появившийся в конце XX века в научных исследованиях по вирусологии, в средствах массовой информации и научных работах начал активно использоваться в 2003 г. в связи с распространением атипичной пневмонии, «длившейся в Китае более полугода (с конца 2002 г. по август 2003 г.). Тогда число заражённых составило 5327 человек, 349 случаев завершились летальным исходом»². Следующая «вспышка» употребления термина «коронавирус» связана с появлением его новой формы бытования в Саудовской Аравии – коронавируса ближневосточного респираторного синдрома.

Можно с уверенностью предположить, что в постпандемный период индивидуальное сознание закрепляет понятие COVID-19 как особый вербальный знак, «лексическое содержание которого грамматически оформлено, что позволяет ему предстать в виде парадигматической единицы в словаре» [9, с. 249], как особую синтагматическую единицу, утвердившуюся в высказываниях в определённой грамматической форме. Этот вербальный знак проявляет себя в парадигматических реакциях.

Распространение COVID-19 в России привело к формированию ассоциативного тезауруса в языковом сознании населения в

определённый момент речевой деятельности. Однако рассмотрение лексемы COVID-19 только в синхронном аспекте не позволяет раскрыть в полной мере сущность лексических процессов в рамках единой динамической системы, поскольку «нарушается соотношение синхронии и диахронии как методологического отражения фундаментального свойства языка – временной динамики» [9, с. 151]. Цель – исследовать образ COVID-19 в русском языковом сознании в аспекте синтагматического, парадигматического и тематического ассоциативного тезауруса в двух временных периодах: май–июнь 2020 г. и май–июнь 2021 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование восприятия понятия COVID-19 в русском языковом сознании осуществлялось посредством анализа материалов Национального корпуса русского языка, хештегов социальных сетей, печатного, электронного контента «Российской газеты» и газеты «РБК» и проведённого ассоциативного эксперимента по теме исследования. Для сбора фактических данных, отражающих картину современного употребления термина COVID-19, были отобраны следующие материалы: печатный и электронный контент «Российской газеты» (февраль–май 2020 г., июнь–июль 2021 г.) и газеты «РБК» (февраль–май 2020 г., июнь–июль 2021 г.).

Свободный ассоциативный эксперимент, отражающий запись трёх слов, с которыми ассоциируется COVID-19 (коронавирус), проходил в два этапа с разницей только в один год (май–июнь 2020 г. и май–июнь 2021 г.), но позволил показать динамику языковых процессов, которая «не позволяет языку сегодняшнему оставаться равным вчерашнему» [11, с. 130].

Анализ единиц восприятия COVID-19 в социальных сетях осуществлялся на основе известных фразовых хештегов, имеющих в своём составе слова, описывающие вирус в том или ином виде (коронавирус, ковид, ковид-2019 и т. д.) или обстоятельства, возникшие в результате пандемии (самоизоляция, карантин, вакцинация и т. д.), и позволил

² Коронавирус превзошёл атипичную пневмонию 2003 года по числу заболевших // Российская газета. 2020. 29 янв.

проследить некоторые закономерности в оценочных качествах появившихся новообразований, формообразований, сочетаний слов.

На первом и втором этапах были получены ассоциативные реакции 188 респондентов. Результаты исследования были распределены на синтагматические, парадигматические и тематические группы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальный корпус русского языка отражает закономерность увеличения доли употребления лексемы «коронавирус», связанной с происходящими мировыми эпидемиологическими процессами с 1998 по 2018 г. В связи с тем, что на июнь 2021 г. данные современных газетных публикаций ещё не были зафиксированы в Национальном корпусе русского языка, анализ фактического материала проводился вручную.

В ходе исследования установлено, что почти 50 % случаев употребления лексемы «коронавирус» в период до 2018 г. в Национальном корпусе русского языка (газетном корпусе) используется в форме выражения субъекта предложения (подлежащее): *коронавирус распространяется..., коронавирус вызывает..., коронавирус является..., коронавирус имеет живое происхождение, коронавирус мог появиться..., коронавирус напоминает...*

В проанализированных изданиях 2020 г. лексема «коронавирус» и её синонимичные эквиваленты (COVID-2019, коронавирусная инфекция) в роли субъекта выступают лишь в 10 % предложений. 90 % случаев употребления данного термина отражается в использовании косвенных падежей (родительный падеж: *период коронавируса, угрозы коронавируса*; дательный падеж: *регионы неблагополучные по коронавирусу*; винительный падеж: *анализ на коронавирус*; творительный падеж: *борьба с коронавирусом, заражённые коронавирусом*).

Изменение частотности употребления лексемы «коронавирус» в сторону косвенных падежей, с одной стороны, можно объяснить появившимся отсутствием необходимости в пояснении данного термина и определения

его качественных признаков. С другой стороны, именно дополнение выражает неактивную роль семантики термина – непроизвольное действие, неконтролируемое состояние или свойство, то есть те самые характеристики, которыми наделяется анализируемое понятие.

Тематика статей за 2021 г. связана с всеобщей вакцинацией (противопоказания к вакцинации от COVID-19, повторная вакцинация от COVID-19, прививка от COVID-19, вакцина «Спутник V»), QR-кодами по результатам вакцинации (способ получения QR-кода, посетители COVID-free, ковид-паспорт, ковид-сертификат). Здесь можно отметить случаи употребления лексемы «коронавирус» в значении характеристики по наличию заболевания (случаи COVID-19, беременные с COVID-19, COVID-19 у аллергиков), при классификации вируса (штамм COVID-19 «дельта плюс», четвёртая волна COVID-19), употребление с приставкой (антиковидные меры, бесковидные зоны и ряд др.), что наглядно иллюстрирует Словарь русского языка коронавирусной эпохи³.

В.И. Карасик, которому принадлежит первое русскоязычное исследование данной темы в области гуманитарного знания, считает: «Освещение этой эпидемии в средствах массовой информации позволяет выявить ценности, с одной стороны, определяющие картину мира наших современников, с другой – показывающие столкновения разных точек зрения» [12, с. 25]. Исследуя медийный дискурс во время начала пандемии в России, учёный подчёркивает, что «мировая эпидемия способствует поляризации как здоровых и больных людей, так и человечности и бесчеловечности... критичность восприятия информации во времена потрясений резко понижается» [12, с. 25]. Здесь же исследователь отмечает: «В массиве официальной информации об эпидемии преобладает рациональное изложение фактов, дополненное целесообразными рекомендациями о поведении в сложившихся обстоятельствах и иллюстрирующее решимость власти держать ситуацию под контролем» [12, с. 31].

³ Словарь русского языка коронавирусной эпохи.

В связи с тем, что статья В.И. Карасика написана в начале эпидемии в России, в ней представлены примеры из СМИ, показывающие сомнения в опасности и возможности вируса в России ввиду климатических условий.

Проведённое нами в начале пандемии (март–май 2020 г.) анкетирование 188 человек различного возраста и сферы занятости

во время непосредственной самоизоляции показало, что большинство опрошенных (72,3 %) воспринимает COVID-19 как серьёзное инфекционное заболевание с возможными тяжёлыми последствиями, 22,9 % считают, что опасность заболевания преувеличена. В меньшинстве оказались ответы респондентов, которые сомневаются в том, что можно заболеть (рис. 1–2).

Для меня COVID-19 (коронавирус) – это ... (188 ответов)

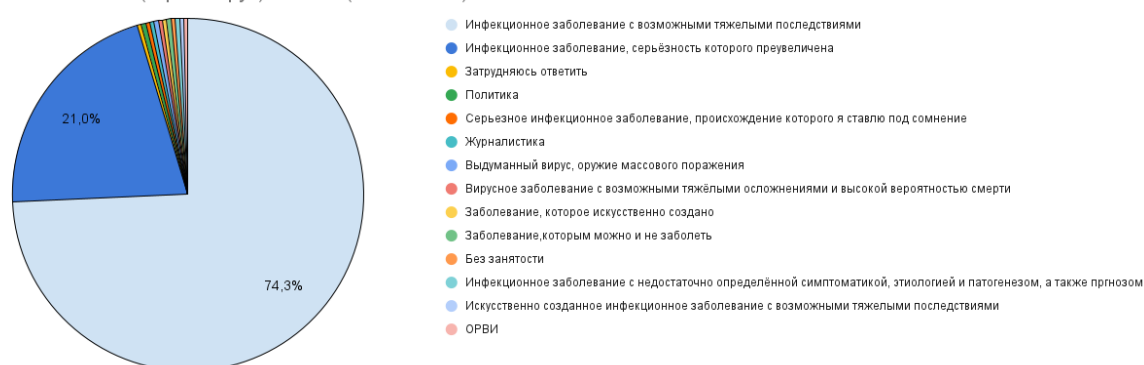

Рис. 1. Результаты анкетирования «Для меня COVID-19 – это ...»

Fig. 1. The survey results “For me, COVID-19 is ...”

Источник: построено авторами с использованием материалов анкет.

Source: compiled by the authors with the survey materials' use.

Сфера занятости (188 ответов)

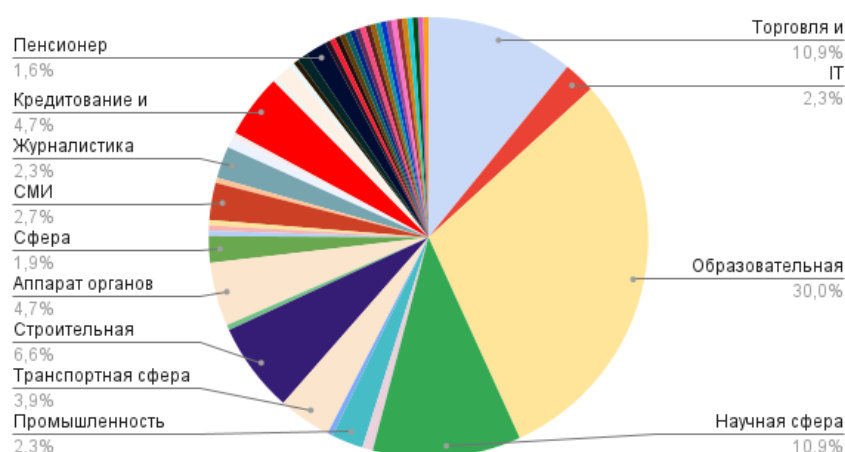

Рис. 2. Сфера деятельности респондентов анкетирования «Для меня COVID-19 – это ...»

Fig. 2. The activity field of the survey respondents “For me, COVID-19 is ...”

Источник: Построено авторами с использованием материалов анкет.

Source: compiled by the authors with the survey materials' use.

Полученные ассоциативные реакции 188 респондентов были рассмотрены на основе их отнесённости к следующим группам: синтагматические, парадигматические и тематические. Такие критерии ассоциативного эксперимента были выделены вслед за И.В. Кавинкиной [13] и А.А. Залевской [14].

Анализ результатов проведённого нами ассоциативного эксперимента на двух этапах показал, что синтагматические реакции, отражающиеся в словосочетаниях подчинительного характера определительного типа, отсутствуют. Этот факт свидетельствует о том, что в языковом сознании современной действительности ещё только начинает формироваться валентность лексемы «ковид» и варианты сочетаемости ещё не носят устойчивый характер.

Парадигматические реакции – реакции одного грамматического класса со словом-стимулом, отличающегося каким-либо существенным признаком – составили 18 % от общего числа реакций. В такую группу были отнесены ответы, содержание которых было связано с обозначением заданного слова-стимула как заболевания: *болезнь* (19), *вирус* (15), *совершенно новый вирус* (3), *новый неизученный вирус*, *семейство РНК-содержащих вирусов*, *инфекция* (3), *заболевание*, *тяжёлое инфекционное заболевание*, *пневмония* (18), *пневмония с осложнениями*, *эпидемия* (12), *грипп* (6), *ОРВИ* (5), *воспаление лёгких* (3), *простуда* (2), *заражение* (3), *ангина*, *гепатит*, *чума*, *зараза*, *тяжёлая форма гриппа*, – а также последствиями заболевания (*осложнение* (2), *тяжёлые последствия*).

Наибольшую группу составили тематические реакции – 82 %. Такие реакции составили ассоциативные биномы, объединённые каким-либо (не всегда явным) контекстом. В этой группе нами были определены семантические подгруппы, которые, в первую очередь, и стали основанием для трактовки ассоциативного тезауруса анкетированных.

Одну из подгрупп составили реакции, обозначающие всеобщий характер пандемии, которые подчёркивают такие ассоциации, как: *пандемия* (18), *апокалипсис*, *глобализация*, *массовое помешательство*, *массовость*,

всемирный мировой, *стадо*, *статистика*, *Планета*, *население*.

Многие ответы указывали на отрицательные эмоции и переживания, связанные с вирусом: *опасность* (15), *смерть* (19), *смертельная опасность*, *страх* (11), *страх за близких*, *паника* (10), *неизвестность* (5), *грусть* (3), *угроза* (3), *отсутствие контроля* (2), *безумие*, *боль*, *вред*, *подопытные крысы*, *одиночество*, *истерия* (4), *накрученность*, *ужас*, *потеря*, *психическая атака*, *развод*, *раздражение*, *проблемы*, *пессимизм*, *усталость*, *ненависть*, *истерика*, *непонимание*, *трудность*, *фашизм*, *дурдом*, *кошмар*, *катастрофа*. Однако стоит отметить, что встречались и слова, отражающие позитивные эмоции, обращение к ценностям (*гуманитарный*, *жизнь*, *помощь*, *выздоровление* (2)), *доверие* (*всё делается правильно* (6)).

В отдельную тематическую группу были выделены ответы, связанные со средствами защиты и санитарными мерами по предотвращению вируса: *маска* (29), *перчатки* (6), *антисептик* (3), *гигиена* (3), *вакцина*, *вакцинация*, *дезинфекция*, *улучшение гигиены в общественных и частных местах*, *чистота*, *обработка*, *санитария*, *средства защиты* (2); медицинским оборудованием: *аппараты для ИВЛ*, *ИВЛ* (3), *лёгкие* (12), *микроциркуляция* (1); медицинскими работниками и учреждениями: *Коммунарка* – известная в Москве больница для больных коронавирусом, *больница* (3), *врачи*, *медицина*; забота о здоровье: *осознанность за своё здоровье*, *ответственность*, *профилактика*, *здоровье* (2), *предосторожность*; медицинскими документами: *больничный* (5); признаками болезни: *кашель* (12), *температура* (6), *одышка*, *озноб* (5); уязвимой группой населения и близкими: *старики*, *возраст*, *родственники* (6).

Отдельную тематическую группу составили реакции респондентов, отмечающие негативное влияние вируса на экономику: *кризис* (10), *безработица* (4), *без работы*, *нищета* (2), *безденежье*, *экономика*, *траты*, *спекуляция* (3); физическую форму: *толстяки*, *продукты* (3); изменения в организации образовательного процесса и рабочей деятельности: *дистанционное образование*, *дистанционное обучение* (2), *дом* (2), *работа*

на дому, удалёнка (4). Некоторые ответы указывали на происхождение вируса: *Китай* (10), *китайцы*, *летучие мыши* (3).

Ряд ответов указывал на ограничительные мероприятия и постановления правительства, связанные с вирусом: *карантин* (34), *самоизоляция* (31), *изоляция* (19), *ограничения* (5), *штраф(ы)* (3), *пропуск* (3), *контроль* (2), *режим*, *социальная дистанция* (3), *обман* (2), *сокрытие информации* (2), *информационная война*, *афера*, *глупость*, *недоверие*, *пиар*, *фейк*, *чей-то интерес*, *преувеличение* (2), *чрезмерная общественная паника из-за СМИ*, *относительность* (3); перемены: *новое начало* (2), *будущее*, *антиутопия*, *2020*, *изменения* (3).

Анализ частотности реакций 188 респондентов показал, что наиболее часто встречающийся ассоциативный ряд был представлен такими лексемами, как: *карантин* (34 ответа), *самоизоляция* (31), *маска(и)* (29), *изоляция* (19), *пневмония* (18), *пандемия* (18). Среди ответов были словосочетания с прилагательным «тяжёлый» (*тяжёлая форма гриппа*, *тяжёлое инфекционное заболевание*, *тяжёлые последствия*), инфинитивы глаголов (*беречься*, *жалеть*), императив: *Сиди дома* (4), разговорное сокращённое наименование: *корона* (2).

Анализ реакций респондентов в 2021 г. позволил выделить наряду с имеющимися характеристиками такие реакции, как *прививка/вакцинация/вакцина* (142), *смерть/смертность* (27), *самоизоляция* (46), *самоизоляция*, *карантин*, *локдаун* (20). Многие ассоциации отражают эмоциональное отношение респондентов (107) (*слабость*, *усталость*, *злость*, *опасность*, *страх*, *боль*, *Бесит уже!!!!*, *злость*, *бесконечно*), другие ассоциации связаны с проявлением заболевания (187) (*болезнь*, *пандемия*, *вирус*, *больница*, *пневмония*, *температура*, *маска*, *антисептик*, *эпидемия*, *обоняние*, *воспаление лёгких*, *болезнь лёгких*); некоторые реакции отражают отношение к мерам по предотвращению эпидемии (*пропаганда*, *нарушение гражданских прав*, *штрафы*).

В социальных сетях, являющихся популярными современными каналами самопрезентации индивидов, анализ хештегов, спе-

циальных маркеров, отражающих ключевые мысли автора публикации, дают возможность отследить «актуальные словотемы» в языковой картине [13]. Анализ популярных хештегов на кириллице, посвящённых коронавирусу, за период март–май 2020 г. позволил учёным выделить единицы картины мира русскоязычного пользователя данной социальной сети.

На основе таких данных говорить об отношении индивидов к происходящей в стране и мире эпидемиологической ситуации, конечно, невозможно, но такой материал позволил проследить некоторые закономерности в оценочных качествах появляющихся словосочетаний, формообразований и неологизмов. Полученные в ходе исследования данные показали, что большинство фразовых хештегов имеет позитивную маркировку: «*#самоизоляцияпользой*» (более 50000 публикаций), «*#карантинно*» (более 100 публикаций), «*#самоизоляция, самообразование*» (более 1000 публикаций).

Большинство хештегов демонстрирует отношение к коронавирусной инфекции как к одушевлённому существу и содержит призыв покинуть место своего обитания: «*#коронавирусходи*» (более 38000 публикаций), «*#ковидходи*» (более 1000 публикаций), «*#коронавирусизыди*» (более 100 публикаций), «*#коронауходиснашегорайона*» (более 1000 публикаций).

В меньшем объёме прослеживается появление хештегов пессимистического характера, например, «*#коронавируснепройдет*» (более 12000 публикаций). В хештегах можно проследить обозначения гражданской позиции пользователей социальной сети: *#самоизоляциякакпроявлениеответственности* (более 5000 публикаций), организацию жизни детей в условиях самоизоляции: «*#самоизоляциядетьми*» (более 1000 публикаций).

Результаты второго исследовательского среза (июль 2021 г.) социальных сетей показали частоту употребления актуальных в период начала пандемии в России хештегов. Интересно, что многие из заданных позиций за временной период между этапами исследования стали гораздо менее популярными или же практически неупотребительными.

Повседневные («бытовые») публикации всё реже сопровождаются хештегами, имеющими коннотацию пандемии, что, по нашему мнению, подчёркивает психологическое и языковое принятие неизбежности присутствия COVID-19 в жизни каждого. Использование хештега «*#коронавирус*» становится наиболее употребительным в случаях летального исхода течения болезни, обозначения правил посещения общественных мест, заметок в области здравоохранения, то есть публикации становятся всё менее эмоционально окрашенными.

За 1 год употребление хештега «*#самоизоляцияпользой*» увеличилось незначительно – всего на 20 %. Данный хештег приобрёл в большей степени коммерческое направление и зачастую сопровождает публикации, рассчитанные на привлечение клиентов. Хештеги, имеющие характер самоиронии и сарказма по отношению к распространению вируса, стали встречаться гораздо реже, в то время как появляются негативно маркированные хештеги «*#коронабесие*», «*#барановирус*», «*#ковидфашизм*», «*#коронавирусголовногомозга*», демонстрирующие в большей степени отрицательное отношение к предпринимаемым мерам в условиях пандемии.

Таким образом, распространение COVID-19 в России привело к формированию ассоциативного тезауруса в языковом сознании русскоязычного населения в диалектико-хроническом аспекте (с периода начала пандемии до настоящего времени).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что ответы 188 респондентов отражают тематические реакции – 82 %, парадигматические реакции – 18 %, синтагматические реакции не выявлены. Данный факт

говорит о том, что в языковом сознании только начинает формироваться валентность лексемы COVID-19 и варианты сочетаемости ещё не носят устойчивый характер.

Тематическая группа представлена семантическими подгруппами, отражающими различные реакции: реакции на вакцинацию; реакции, обозначающие всеобщий характер пандемии; реакции, указывающие на отрицательные эмоции и переживания, связанные с вирусом; реакции, отражающие позитивные эмоции; реакции, связанные со средствами защиты и санитарными мерами по предотвращению вируса, медицинским оборудованием, медицинскими работниками и учреждениями, заботой о здоровье, медицинскими документами, признаками болезни, уязвимой группой населения и близкими; реакции, отмечающие негативное влияние вируса на физическую форму; реакции, связанные с изменениями в организации образовательного процесса и рабочей деятельности; реакции, указывающие на происхождение вируса; реакции, связанные с ограничительными мероприятиями по предотвращению распространения вируса; реакции, говорящие о переменах в окружающей действительности.

Анализ хештегов при исследовании ключевых реакций пользователей социальных сетей на явление COVID-19 показал, что большинство фразовых хештегов периода начала пандемии имело позитивную маркировку; публикации, сопровождающие данные хештеги, демонстрируют отношение к коронавирусной инфекции как к одушевлённому существу. Хештеги на тему коронавируса второго этапа исследования с разницей в один год становятся менее эмоционально окрашенными, что можно оценить как психологическое и языковое принятие неизбежности присутствия COVID-19 в жизни каждого.

Список источников

1. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с. <https://elibrary.ru/tjcsyr>
2. Мамонтов А.С. История становления и развития лингвокультурологического направления в языковедении // Основы теории и практики обучения языку как средству межкультурной коммуникации с учётом национальной культуры адресата. М.: РИОР, 2023. 230 с. <https://doi.org/10.29039/02121-7>

3. Уфимцева Н.Ф., Балясникова О.В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 6-22. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>, <https://elibrary.ru/tgfeun>
4. Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Цветовая метафора коронавируса // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 8-16. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-8-16>, <https://elibrary.ru/aklamf>
5. Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Зоометафора как способ восприятия новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 43-53. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-43-53>, <https://elibrary.ru/ferhxx>
6. Катермина В.В., Липириди С.Х. Лексика пандемии коронавируса как отражение эволюции социума // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 95-105. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-95-105>, <https://elibrary.ru/lewqll>
7. Данкова Н.С., Крехтунова Е.В. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) // Научный диалог. 2020. № 1 (8). С. 69-83. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-69-83>, <https://elibrary.ru/rqcqag>
8. Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Метафора коронавируса в политическом дискурсе и индивидуальном сознании // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 5. С. 270-278. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.5.4>, <https://elibrary.ru/nmvvhc>
9. Щербак А.С. Ономастический концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2009. С. 150-165. <https://elibrary.ru/mwdgyr>
10. Шарандин А.Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 240-250. <https://elibrary.ru/udlhjt>
11. Золотова Г.А. Функции и дисфункции в современной русской речи // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. 596 с.
12. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25-34. <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02>, <https://elibrary.ru/cvtkmt>
13. Кавинкина И.В. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Анализ гендерных стереотипов в коммуникации. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. 117 с.
14. Залевская А.А. Из опыта сопоставления ассоциативных реакций из опыта различных культур // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских: сб. ст. / под ред. А.А. Леонтьева и Н.Д. Зарубиной. М.: Рус. яз., 1977. С. 158-169.
15. Залеская Н.А. Языковая картина мира пользователей социальной сети (на примере сайта Facebook) // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Белорус. гос. эконом. ун-т, 2019. С. 51-55. <https://elibrary.ru/zvqhcd>

References

1. Losev A.F. *Existence. Name. Space*. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 958 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjcsyr>
2. Mamontov A.S. The history of the linguistic and cultural direction formation and development in linguistics. *Osnovy teorii i praktiki obucheniya yazyku kak sredstvu mezhkul'turnoi kommunikatsii s uchetom natsional'noi kul'tury adresata = Theory and practice fundamentals of language teaching as a means of intercultural communication, taking into account the national culture of the addressee*. Moscow, RIOR Publ., 2023. 230 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/02121-7>
3. Ufimtseva N.F., Balyasnikova O.V. Language picture of the world and associative lexicography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 6-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>, <https://elibrary.ru/tgfeun>
4. Novikova O.N., Kalugina Yu.V. The color metaphor of the Coronavirus. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 8-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-8-16>, <https://elibrary.ru/aklamf>
5. Novikova O.N., Kalugina Yu.V. Zoometaphor as a way of perceiving the new Coronavirus infection COVID-19. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 43-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-43-53>, <https://elibrary.ru/ferhxx>
6. Katermina V.V., Lipiridi S.Kh. Vocabulary of the Coronavirus pandemic as a reflection of the evolution of society. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pe-*

- agogical Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 95-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-95-105>, <https://elibrary.ru/lewqll>
7. Dankova N.S., Krekhtunova E.V. Media representation of the pandemic: a metaphorical image of war (based on American newspapers). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2020, no. 1 (8), pp. 69-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-69-83>, <https://elibrary.ru/rqcqag>
 8. Novikova O.N., Kalugina Yu.V. Coronavirus metaphor in political discourse and individual consciousness. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 2022, vol. 7, no. 5, pp. 270-278. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.5.4>, <https://elibrary.ru/nmvvhc>
 9. Shcherbak A.S. An onomastic concept as a knowledge unit. In: *Cognitive Studies of Language. Vol. IV. World Conceptualization in Language*. Moscow, Institute of Linguistics of RAS; Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2009, pp. 150-165. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mwdgyr>
 10. Sharandin A.L. Consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics as a common conceptual space. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*, 2015, no. 25, pp. 240-250. (In Russ.) <https://elibrary.ru/udlhjt>
 11. Zolotova G.A. Functions and dysfunctions in modern Russian speech. *Sbornik statei «Russkii yazyk segodnya» = Collection of Articles "Russian Language Today"*, Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, issue 1, 596 p. (In Russ.)
 12. Karasik V.I. Epidemic in the mirror of media discourse: facts, evaluations, positions. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2020, no. 2 (80), pp. 25-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02>, <https://elibrary.ru/cvtkmt>
 13. Kavinkina I.V. *The Gender Manifestation in the Speech Behavior of the Russian Language Native Speakers. Gender Stereotypes' Analysis in Communication*. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publ., 2012, 117 p. (In Russ.)
 14. Zalevskaya A.A. Iz opyta sopostavleniya assotsiativnykh reaktsii iz opyta razlichnykh kul'tur. In: *Psikholingvistika i obuchenie russkomu yazyku nerusskikh*. Moscow, Russkii yazyk, 1977, pp. 158-169.
 15. Zaleskaya N.A. The linguistic picture of the world of social network users (using the example of the Facebook site). *Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kartina mira cherez prizmu kitaiskoi i belorusskoi kul'tur» = Proceedings of International Scientific and Practical Conference "A Picture of The World through The Prism of Chinese and Belarusian Cultures"*. Minsk, Belarus State Economic University Publ., 2019, pp. 51-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zvqhcd>

Информация об авторах

ДЕРЯБИНА Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-5415-5433>, Scopus ID: 57205126833, deryabina_sa@pfur.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, проведение ассоциативного эксперимента по выбранной теме, обработка и анализ полученных результатов, написание части текста статьи, редактирование.

ДЬЯКОВА Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0003-1032-5573>, Scopus ID: 57208756933, Researcher ID: AAF-9046-2020, Larionova86@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, выборка и анализ материалов, извлечённых из Национального корпуса русского языка, хештегов социальных сетей, написание части текста статьи.

Information about the authors

Svetlana A. Deryabina, Cand. Sci. (Education), Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Methods of its Teaching Department, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5415-5433>, Scopus ID: 57205126833, deryabina_sa@pfur.ru

Contribution: main study conception, associative experiment processing on a selected topic, obtained results processing and analysis, part of manuscript text drafting, editing.

Tatiana A. Dyakova, Cand. Sci. (Education), Associate Professor, Head of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0003-1032-5573>, Scopus ID: 57208756933, Researcher ID: AAF-9046-2020, Larionova86@mail.ru

Contribution: scientific literature search and analysis, sampling and materials analysis extracted from the National Corpus of the Russian language, hashtags of social networks, part of manuscript text drafting.

МИТРОФАНОВА Ирина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0532-8841>, mitrofanova_ii@rudn.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, выборка и анализ материалов, извлечённых из печатного и электронного контента «Российской газеты» и газеты «РБК», обработка и редактирование материала, написание части текста статьи.

Поступила в редакцию 10.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки 10.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Irina I. Mitrofanova, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Methodology Teaching Department, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0532-8841>, mitrofanova_ii@rudn.ru

Contribution: scientific literature search and analysis, sampling and material analysis extracted from the printed and electronic content of Rossiyskaya Gazeta and RBC newspapers, material processing and editing, part of manuscript text drafting.

Received September 10, 2024

Approved after reviewing and revision November 10, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.81'27.81-114-4. 81.139

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-800-811>

Шифр научной специальности 5.9.5

Номинации женщин по профессии в современном русском языке (по материалам анкетирования)

Цзин Чжао , Татьяна Владимировна Чернышова

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
656049, Российская Федерация, Алтайский край, г. Барнаул, просп. Ленина, 61

 chernyshova@filo.asu.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Цель исследования – определение на основе анкетирования роли и адаптационных возможностей номинаций женщин по профессии и в современном русском языке. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материал исследования – 50 анкет, полученных в ходе анкетирования студентов Алтайского государственного университета, а также художественные тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка. Используются следующие методы: анкетирование; метод сплошной выборки; словообразовательный, сопоставительный, количественный анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено, что приемлемость гендерных новообразований поддерживается как социальной значимостью номинаций по профессии в форме женского рода (симметрия, чёткое указание на пол человека), так и фактами естественного развития языка. Неприемлемость использования подобных номинаций опирается на здоровый консерватизм значительной части опрошенных и стремление сохранить устоявшиеся нормы и традиции. Выявлено многообразие словообразовательных суффиксов, используемых для создания форм женского рода от мужских профессиональных наименований. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Результаты анкетирования позволяют утверждать, что гендерные номинации женщин по профессии являются фактом современного русского языка, требующим пристального внимания и изучения как в функциональном, словообразовательном, так и в социолингвистическом аспекте.

Ключевые слова: современный русский язык, социолингвистика, прагматика, лингвистический эксперимент, анкетирование, номинации лиц по профессии в форме женского рода, функционирование, адаптация в системе русского языка и в речи

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чжао Цзин, Чернышова Т.В. Номинации женщин по профессии в современном русском языке (по материалам анкетирования) // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 800-811. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-800-811>

Nominations of women by profession in modern Russian (based on survey materials)

Zhao Jing , Tatiana V. Chernyshova

Altai State University

61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Altai Region, Russian Federation

 chernyshova@filo.asu.ru

Abstract

INTRODUCTION. The purpose of the study is to determine, based on a questionnaire, the role and adaptive capabilities of women's nominations by profession and in the modern Russian language. **MATERIALS AND METHODS.** The research material consists of 50 questionnaires received during a survey of students at Altai State University, as well as literary texts presented in the National Corpus of the Russian Language. The following methods were used: questionnaires; continuous sampling method; word-formation, comparative, quantitative analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** It was revealed that the acceptability of gender neologisms is supported by both the social significance of nominations by profession in the feminine form (symmetry, clear indication of the person's gender) and the facts of natural language development. The unacceptability of using such nominations is based on the healthy conservatism of a significant part of the respondents and the desire to preserve established norms and traditions. A variety of word-formation suffixes used to create feminine forms from masculine professional names was revealed. **CONCLUSION.** The results of the survey allow us to state that gender nominations of women by profession are a fact of the modern Russian language, requiring close attention and study both in the functional, word-formation, and sociolinguistic aspects.

Keywords: modern Russian language, sociolinguistics, pragmatics, linguistic experiment, survey, nominations of persons by profession in the feminine form, functioning, Russian language system adaptation in speech

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Zhao Jing, Chernyshova, T.V. Nominations of women by profession in modern Russian (based on survey materials). *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):800-811. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-800-811>

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия XXI века имена существительные женского рода, обозначающие профессии в разных языках, всё чаще привлекают внимание исследователей. Объектом изучения становятся общетеоретические вопросы гендерной лингвистики [1–5], проблемы номинации, словообразования и функционирования гендерных новообразований в русском языке [6–11], а также различные аспекты изучения этого класса языковых единиц: лексикографический [12], ортологический [13], лингвометодический [14], этический [15].

Активный интерес отечественных лингвистов к гендерным номинациям, по мнению Е. Ћуто, наблюдается в России с конца XX века: «Гендерная лингвистика пытается объяснить причины главенства мужского рода в профессиональной терминологии и делает попытки изменить существующий порядок вещей»¹. В свою очередь О.В. Григоренко отмечает, что наличие в современном русском языке большого числа новых номинаций этого вида свидетельствует о «несомненной важности для носителей языка специфических наименований лиц женского

¹ Ћуто Е. Род имён существительных в названиях профессий // *Croatica et Slavica Iadertina*. 2005. Vol. 1. № 1. P. 135-151.

пола»², поскольку они ярко отражают социолингвистические и прагматические процессы в языке и обществе.

За истекший период в тематике исследовательских работ сформировалось несколько перспективных направлений. В первое десятилетие прошлого века в поле зрения исследователей прежде всего попадают иноязычные феминитивы-неологизмы³ и способы их словообразования в русском языке.

В настоящее время развитие данного направления представлено в работах лингвистов, изучающих так называемые «новые» (например, А.С. Воробьёва⁴, Е.И. Голованова⁵), или «новейшие» гендерные номинации, «характеризующиеся отчётливой окраской новизны» (исследование З.И. Годиновой и Цзинь Ланьцзя [3, с. 44]). Ещё одно активно развивающееся направление гендерных исследований – это разноаспектные исследования названий женщин по профессии, роду деятельности и должности. В русле этого направления изучаются корреляты мужского и женского рода данных лексем со стороны особенностей их номинации, способов образования и функционирования в русском языке в работах И.Ю. Николаевой⁶, А.С. Прохоровой⁷. В исследованиях второго десяти-

летия XXI века в русле данного направления актуализирован деривационный подход к изучению гендерных номинаций: например, С.В. Ильясова и Е.В. Пугачёва [6] анализируют в своей работе наиболее продуктивные в новообразованиях и находящиеся в отношениях словообразовательной конкуренции суффиксы -к(а) и -щ(а); З.И. Минеева [7] описывает процесс деривации существительных женского рода на примере продуктивных суффиксов -щиц(а) / -чиц(а); в исследовании Е.А. Захарчук [8] анализируется функционирование в современном русском языке деривационных моделей, применяемых для образования номинаций женского рода по профессии в диахроническом и синхроническом аспектах. Особое внимание исследователи уделяют новым номинациям женщин в медиасфере, через которую они преимущественно и распространяются в речевом общении. Данная тема представлена в работах Ю.С. Замышляевой [10], Н.С. Самойленко и А.А. Стекленёвой⁸, Р.Р. Гузаеровой и В.А. Косовой⁹, в том числе и в сопоставительном аспекте на материале разных языков: русского, английского и французского языков (Е.Г. Вахина¹⁰, М.А. Аксёченко и К.А. Власова¹¹).

В целом исследователи, подчёркивая актуальность изучения гендерно ориентированных форм имён существительных в языке и речевой практике, отмечают, что анализ их функционирования не только позволяет лучше понять динамику языковых изменений и адаптацию языка к новым социальным реа-

² Григоренко О.В. Неологизмы-феминитивы в русском языке конца XX – начала XXI в. // СТЕФАНΟΣ: сб. науч. тр. Воронеж, 2008. С. 41.

³ Белова С. Иноязычные феминитивы-неологизмы в русском языке конца XX века // Русская филология. Тарту, 2007. № 18. С. 165-170; Григоренко О.В. Неологизмы-феминитивы в русском языке конца XX – начала XXI в. // СТЕФАНΟΣ: сб. науч. тр. Воронеж, 2008. С. 33-41.

⁴ Воробьёва А.С. Феминитивы-неологизмы в лингвистическом аспекте // Горизонты современной русистики: сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею акад. В.Г. Костомарова. М., 2020. С. 178-182.

⁵ Голованова Е.И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Вып. 98. Филологические науки. С. 60-64.

⁶ Николаева И.Ю. Наименования лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 94-98.

⁷ Прохорова А.С. Наименования лиц женского пола по профессиональной принадлежности на рубеже XX–XXI веков // Преподаватель XXI век. М., 2012. № 3-2. С. 292-295.

⁸ Самойленко Н.С., Стекленёва А.А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126-132.

⁹ Гузаерова Р.Р., Косова В.А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 11-157.

¹⁰ Вахина Е.Г. Способы образования наименований лиц женского пола по профессии и роду занятий в русском, английском и французском языках // Культура. Духовность. Общество. Новосибирск, 2013. № 5. С. 140-143.

¹¹ Аксёченко М.А., Власова К.А. Словообразование как способ репрезентации гендера (на материале английского и русского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 239-244.

лиям, но и сделать вывод об отношении носителей языка к данным номинациям, а также выявить социолингвистические, прагматические и культурные аспекты восприятия гендерно маркированной лексики.

Один из возможных путей сбора информации о функционировании имён существительных в наименованиях лиц женского пола по профессии в речи носителей современного русского языка – проведение лингвистического эксперимента в форме опроса разных категорий граждан для решения разнообразных филологических задач. Например, результаты направленного ассоциативного эксперимента по изучению синтагматических возможностей наименований профессионального деятеля на основе «анализа взаимосвязи ассоциаций в сознании носителей русского языка (по данным направленного ассоциативного эксперимента) и сочетаемости номинаций лиц по профессии, должности, званию и роду деятельности с именами прилагательными в разнообразных письменных источниках XXI века» описаны в статье М.А. Черных¹². Обобщение итогов ещё одного экспериментального исследования, направленного на изучение женских названий вариантов профессий на материале немецкого языка, проведённого при участии студентов МГИМО, представлены в статье Е.М. Игнатовой¹³. Интересные результаты, полученные в ходе опроса респондентов разных возрастов на платформе Google и из материалов академической и Корпусной грамматик русского языка, направленные на выявление собственно грамматических и семантических факторов, влияющих на выбор способа именования лиц женского пола по профессии / роду занятий, изучены в исследовании П.А. Шалимовой, М.С. Максимычевой [9].

¹² Черных М.А. Номинации лиц по профессии в сознании носителей русского языка XXI века (итоги лингвоассоциативного эксперимента) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 85-91.

¹³ Игнатова Е.М. Гендерная деривация; женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО (экспериментальное исследование) // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 20 (4). С. 40-49.

В нашем исследовании обобщены и описаны результаты лингвистического эксперимента в форме анкетирования респондентов особой социальной группы – студенческой молодёжи. Эксперимент был направлен на выявление наиболее частотных для языкового сознания студентов суффиксов, используемых для образования профессионально ориентированных номинаций лиц женского пола по профессии.

Цель исследования – на основе проведённого анкетирования проанализировать словообразовательный потенциал номинаций лиц женского пола по профессии и определить их роль и адаптационные возможности в современном русском языке через восприятие студенческой молодёжи. Результаты исследования могут дать представление о том, как языковая система и речевая практика реагируют на социальные и культурные изменения и как новые слова и формы интегрируются в существующую речевую практику. Полагаем, что изучаемые языковые единицы отражают не только динамику языковых процессов в русском языке, но и эволюцию социальных норм и взглядов на распределение гендерных ролей в обществе. Их изучение позволяет глубже понять значение и функции гендерных номинаций в общественном дискурсе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили 50 анкет, полученных в 2023–2024 гг. в ходе письменного опроса студентов бакалавриата и магистратуры 1–3 курсов Алтайского государственного университета по трём направлениям подготовки: русская филология, правоведение и экономика, а также 5460 фрагментов художественных текстов и 11756 словоупотреблений (контекстов), извлечённых из Национального корпуса русского языка, содержащих гендерные номинации женщин по профессии. В анкетировании участвовали студенты в возрасте от 18 до 25 лет, что позволило получить репрезентативные данные и провести сравнительный анализ по профессиональным и гендерным характеристикам респондентов.

В ходе изучения материала использованы следующие методы:

- метод лингвистического эксперимента в форме анкетирования (сбор материала);
- метод сплошной выборки (сбор материала из Национального корпуса русского языка),
- словообразовательный анализ новообразований лиц по профессии (23 единицы),
- сопоставительный анализ словообразовательных формантов на основе выборки частотных номинаций лиц женского пола по профессии из материалов анкетирования и Национального корпуса русского языка,
- описательный (общий обзор предмета исследования),
- количественный анализ (выполнение статистической обработки языковых единиц).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С учётом рекомендаций по проведению анкетирования¹⁴ был составлен опросный лист, в который вошли вопросы, касающиеся личного восприятия номинаций лиц женского пола по профессии, их использования в повседневной и профессиональной речи, а также оценки их приемлемости в официальной и неофициальной обстановке. Респонденты также выражали своё мнение о причинах появления исследуемых форм существительных и их функциях в современном языке. Анализ ответов студентов позволил выявить не только общий уровень восприятия этих языковых единиц, но и различия в отношении к ним в зависимости от направления подготовки и гендерной принадлежности студенческой молодёжи.

Также при формулировке вопросов учитывалось, что полученные ответы смогут пролить свет на такие важные аспекты изучения номинаций женщин по профессии, как:

1) распространённость: наблюдается ли введение новых гендерных номинаций в

язык и насколько они распространены среди носителей языка;

2) принятие подобных номинаций студенческой молодёжью как «самой активной и динамичной частью любого общества, активно являющейся его будущим, так как именно ей вскоре предстоит решающим образом определить судьбу страны»¹⁵: как общество реагирует на введение новых словообразовательных единиц и насколько они принимаются в повседневном общении;

3) стандартизация: в какой степени правила образования и употребления изучаемых номинаций стандартизированы и насколько они согласуются с современными языковыми нормами;

4) вариативность: какие словообразовательные модели преобладают в разных социальных группах и насколько эти формы могут быть взаимозаменяемыми.

Одно из преимуществ опроса – использование вопросов с заданными вариантами ответов, что позволило устранить субъективность интервьюера. Н.П. Лукашевич и Н.В. Туленков отмечают: «...опрос в отличие от других методов сбора социологической информации позволяет «проследить» эмоциональные оттенки и различные нюансы интуитивных размышлений, особенности поведения опрашиваемых»¹⁶.

Особое внимание в исследовании уделялось сравнительному анализу данных, полученных в результате анкетирования, с данными Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)¹⁷. Это позволило определить, какие номинации уже активно используются в языке, а какие остаются редкими и воспринимаются как авторские неологизмы. Анализ частоты употребления изучаемых единиц в корпусе языка дал возможность сделать предварительные наблюдения об их

¹⁴ Авторка, докторка, блогерка: отношение россиян к новым феминитивам // Анкетолог. 2019. URL: <https://iom.anketolog.ru/2019/04/30/avtorka-redaktorka-bloggerka-otnoshenie-rossiyan-k-novym-feminitivam/> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁵ Цит. по: Михайловская С.А. Концептуализация понятий «студенческая молодёжь» и «вторичная занятость» в контексте социологии управления // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 3 (106). С. 70.

¹⁶ Лукашевич Н.П., Туленков Н.В. Социология. Киев, 1998. С. 74.

¹⁷ Национальный корпус русского языка // Национальные корпуса русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

распространённости и функциональной нагрузке в современном русском языке и речевой практике.

Работа с материалом исследования осуществлялась в два этапа:

- на первом этапе обобщалось содержание анкет в соответствии с профессиональной ориентированностью респондентов (филологи, юристы, экономисты) и их гендерной принадлежностью (девушки и юноши);

- на втором этапе полученные результаты сопоставлялись с данными НКРЯ.

Этап 1. Обобщение результатов анкетирования (ответы на вопросы). Вопрос 1. Как вы можете описать своё отношение к тому, что некоторые общественные деятели, журналисты и активисты образуют и используют новые слова-феминитивы (такие как авторка, докторка и т. д.)?

По результатам анкетирования 38 % опрошенных воспринимают новые номинации лиц женского пола по профессии нейтрально (респонденты полагают, что использование подобных номинаций – личное дело каждого), 16 % положительно (респонденты считают, что язык – живая самонастраивающаяся внутренне организованная система и «сам разберётся») и 44 % отрицательно (респонденты уверены, что подобные языковые единицы противоречат устоявшимся нормам языка).

Вопрос 2. В чём причина приемлемости /неприемлемости гендерно ориентированных номинаций лиц по профессии?

1) Отрицательное отношение к возможности использовать формы женского рода по профессии выразили более 70 % будущих экономистов, более 30 % обучающихся юриспруденции и более 20 % студентов-филологов – все они выбрали в качестве мотивации своего мнения следующие открытые ответы: «Они не нужны в языке, потому что вместо них можно использовать другие слова»; «Они засоряют язык».

2) Причину возможности использовать формы женского рода при номинации лиц по профессии, потому что они «...делают речь более выразительной», а также «...обладают дополнительным значением, которого нет в форме мужского рода» отметили студенты-

филологи (55,5 %) и 66 % будущих юристов; меньше всего одобрительных откликов находим в ответах студентов экономических специальностей – чуть более 40 %. При этом достаточно большой процент респондентов осознаёт, что подобные номинации «невозможно использовать в официальных типах речи» – это мнение выразили более 70 % студентов экономических и юридических специальностей и 40 % филологов. Около 40 % филологов признают, что использование форм женского рода «предпочтительно в разговорных типах речи», с ними согласились студенты-экономисты и юристы (соответственно 29 и 19 %).

Вопрос 3. Как вы думаете, какие причины способствуют образованию и использованию форм женского рода при номинации лиц по профессии в современном мире?

Для ответа на эти вопросы были предложены следующие ответы.

1. Низкий уровень грамотности: этот ответ выбрали 50 % студентов экономических специальностей, более 23 % обучающихся юриспруденции и 15 % филологов.

2. Намеренное пренебрежение нормами языка – 57 % студентов-экономистов; более 21 % обучающихся юриспруденции и 15 % студентов филологических специальностей.

3. Мода, стремление выделиться – в ответе на этот вопрос единодушие проявили студенты-юристы (более 76 %) и филологи (70 %); более 64 % изучающих экономику.

4. Распространение влияния общественных движений, а также деятельность отдельных активистов как важный фактор распространения номинаций форм женского рода отметили более 90 % студентов-экономистов и юристов и более 80 % филологов.

5. Изменение ролей женщин в обществе – на эту причину указали 40 % студентов-филологов, более 30 % экономистов и более 20 % юристов.

Вопрос 4. Используете ли вы феминитивы в своей речи?

На этот вопрос положительно ответили 60 % филологов, 45 % юристов и более 36 % экономистов.

Вопрос 5. Как вы считаете, возможно ли в будущем повсеместное употребление форм

женского рода для номинации женщин по профессии вместо форм мужского рода?

На этот вопрос положительно ответили 70 % студентов-филологов, 43 % экономистов и более 36 % студентов юридических специальностей.

При этом на один и тот же вопрос студенты разного пола отвечают по-разному. Например, на вопрос о возможном увеличении гендерно ориентированных единиц языка в дальнейшем положительно ответили 61,9 % мужчин и только 44,8 % женщин.

Таким образом, полученные результаты отражают значительные гендерные различия в отношении к языковым изменениям и использованию гендерно-маркированной лексики в современном русском языке. В то же время обобщение данных всех ответов респондентов позволило уточнить результаты ответов на Вопрос 2. В чём причина приемлемости/неприемлемости гендерно ориентированных номинаций названий лиц женского пола по профессии?

Приемлемость гендерно ориентированных номинаций по профессии аргументирована следующими высказываниями участников анкетирования: *Никакого не унижают; К этим словам просто нужно привыкнуть; Язык сам разберётся, нужны ли в нём такие слова; Симметрии в обозначении лиц по роду деятельности; Чёткое указание на пол человека; Борьба с гендерными стереотипами и дискриминацией; Знак уважения к профессиональным достижениям женщин.*

Эти аргументы, подчёркивая социальную значимость номинаций по профессии в форме женского рода (симметрия, чёткое указание на пол человека), также указывают на необходимость определённого периода времени для привыкания к новым языковым формам и утверждают факт постоянного естественного развития языка.

С другой стороны, неприемлемость распространения подобных образований аргументируется следующими высказываниями:

Языковой дискомфорт; Нарушение устоявшихся норм языка;

Негативное отношение к социальным движениям, ассоциированным с гендерными номинациями подобного типа; Страх перед

новым явлением; Уродование языка; Невозможность добиться полной языковой симметрии; языковая избыточность; Отсутствие единого стандарта для образования гендерных номинаций лиц по профессии.

Эти высказывания подчёркивают, с одной стороны, здоровый консерватизм значительной части носителей языка, а с другой – страх перед возможными изменениями. Опорой в таких рассуждениях является важность сохранения устоявшихся норм и традиций, избегание избыточных и искусственных нововведений. Противники использования гендерно ориентированных форм по профессии часто опираются на представления о языке как статичном и гармоничном явлении, которое не должно подвергаться частым изменениям. Также большое внимание уделяется вопросам удобства и комфортности использования языка, где любые новые формы воспринимаются как ненужные и мешающие нормальному общению. Немаловажное значение имеет и негативное отношение к социальным движениям, ассоциированным с гендерными номинациями. Как отметил К.И. Чуковский, «в каждую эпоху литературный язык представляет собой равнодействующую этих двух противоположных стремлений, одинаково законных и естественных: одно – к безудержному обновлению речи, другое – к охране её старых, испытанных, издавна установленных форм. Оба стремления, проявляясь с одинаковой силой, обрекли бы наш язык на абсолютный застой, неподвижность. Сила новаторов всё же во всякое время превышает силу консерваторов – это-то и обеспечивает языку его правильный рост»¹⁸.

По мнению академика В.В. Виноградова, «В современном литературном языке категория рода имён существительных выражается ярче всего в грамматическом противопоставлении названий лиц мужского и женского пола. Выстраивается такая вереница семантически соотносительных пар, коррелятивных слов, в которых женский род обозначается или одним окончанием, выполняющим функцию родовой форманты, или производящим суффиксом и окончани-

¹⁸ Чуковский К.И. Живой как жизнь: Разговор о русском языке. М., 1962. С. 33.

ем...»¹⁹. Для того чтобы выявить закономерности выбора различных моделей словообразования номинаций в форме женского рода по профессии, в анкету был введён вопрос со следующим заданием: «Образуйте форму женского рода от предложенных форм существительных мужского рода», позволившим выявить варьирование суффиксов при словообразовании гендерных номинаций женского рода в русском языке (по мнению носителей языка).

¹⁹ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. Изд. 4. М., 2001. С. 62.

Респондентом было предложено 23 номинации лиц по профессии в форме существительных мужского рода. Результаты проведенного эксперимента представлены в табл. 1.

Этот список демонстрирует такую особенность русского языка, как гибкость и многообразие словообразовательных суффиксов, благодаря которым можно образовывать формы женского рода от мужских профессиональных наименований. Такие аффиксы, как -к(а), -ш(а), -их(а), -есс(а), -ин(я), -иц(а), позволяют языку быть точным и выразительным, а также отражать социокультурные изменения и тенденции к инклюзивности и гендерному равноправию. Кроме

Таблица 1

Варьирование суффиксов при словообразовании гендерных номинаций женского рода в русском языке (по результатам анкетирования)

Table 1

Variation of suffixes in word formation of feminine gender nominations in the Russian language (based on the results of the survey)

Существительные мужского рода	Существительные женского рода (укажите возможные варианты)
Автор	Авторка, авторша, авториня, авторица
Адвокат	Адвокатка, адвокатша, адвокатесса, адвокатериша
Бармен	Барменка, бармениша, барменищица, барменоска
Блогер	Блогерша, блогерка, блогериня
Водитель	Водительница
Воспитатель	Воспитательница
Врач	Врачиха, врачиха, врачка, врачесса
Дворник	Дворница, дворникесса, дворничиха, дворниша, дворниха, дворникиня
Доктор	Докторша, докториня, докторесса, докторка
Каскадёр	Каскадёрша, каскадёрка
Кассир	Кассирша, кассирка
Маляр	Малярищица, малярка, маляриха, малярша
Машинист	Машинистка
Менеджер	Менеджерка, менеджерщица, менеджерша
Официант	Официантка
Пиарщик	Пиарщица
Повар	Повариха, повариха, поварка
Пожарный	Пожарница, пожарная
Полицейский	Полицейская, полицейка
Продавец	Продавщица
Профессор	Профессорша, профессор-мисс, профессорка
Редактор	Редакторша, редакторика, редакторесса, редакторка
Тренер	Тренерша, тренерка, тренериня

Источник: составлено авторами по результатам анкетирования.
Source: compiled by the authors based on the results of the survey.

Таблица 2

Встречаемость гендерных номинаций лиц женского пола по профессии
в Национальном корпусе русского языка

Table 2

Frequency of gender nominations of female persons by profession
in the National Corpus of the Russian Language

Слова, которые встречаются в НКРЯ	<i>Авторка, авторша, авторица, адвокатка, адвокатша, адвокатесса, барменша, блогерша, водительница, воспитательница, врачиха, врачша, врачка, дворница, дворничиха, докторша, докторесса, каскадёрша, кассирша, малярка, маляриха, малярша, машинистка, менеджерша, менеджерша, официантка, пиарщица, повариха, поварка, пожарница, пожарная, полицейская, продащица, профессорша, редакторша, тренерша, тренерка</i>
Слова, которые не встречаются в НКРЯ (окказионализмы по результатам языкового эксперимента)	<i>Авторесса, авториня, адвокатерша, барменка, барменица, барменесса, барменоска, блогерка, блогериня, врачесса, дворникма, дворникесса, дворниша, дворниха, дворникиня, докториня, докторка, каскадёрка, кассирка, малярщица, менеджерка, поварица, полицейка, профессор-мисс, профессорка, редакторесса, редакторка, тренериня</i>

Источник: составлено авторами по результатам анкетирования и данным НКРЯ.

Source: compiled by the authors based on the results of the survey and data from the NCRL.

того, в словообразовательных формах номинаций профессий женского рода указаны как традиционные, устоявшиеся в языке названия (*воспитательница, дворничиха, кассирша, продащица, повариха, официантка* и др.), так и «новые»/«новейшие» (*адвокатша, адвокатесса, авторка, авторша, каскадёрша, каскадёрка, блогерша, блогерка* и др.), на синонимические ряды которых обратили внимание З.И. Годизова и Ланьцзя Цзинь, отметившие «активность их образования в настоящее время» [3, с. 49]. Суффиксы -к(а), -ш(а), по всей видимости, имеют длительную историю существования в русском языке: названия женщин по профессии, образованные с их помощью, были довольно широко распространены в начале XX века, например, *кассирша, докторша, инженерка* [11, с. 41], и встречались даже в письменных источниках советского периода²⁰. Наконец, в правом столбце приведено множество окказионализмов, образованных респондентами по существующим в языке моделям и не ставших ещё фактом речи, но демонстрирующих примеры языковой игры студентов с суффиксами со значением «деятельницы»:

авториня, дворникесса, дворниша, дворниха, дворникиня, докториня, малярщица и др., что, с одной стороны, демонстрирует значительный словообразовательный потенциал подобных наименований, а с другой – позволяет согласиться с мнением исследователей о том, что «это активно образующийся пласт лексики в силу ряда лингвистических и экстралингвистических факторов» [3, с. 50].

Этап 2. Сопоставление результатов, полученных в ходе анкетирования, с данными НКРЯ. Все существительные женского рода из табл. 1 были введены нами в НКРЯ, чтобы определить, какие слова встречаются в корпусе и насколько они частотны, а какие относятся к авторским окказионализмам (индивидуально-авторским неологизмам, созданным согласно существующим в языке словообразовательным моделям с целью языковой игры). Материал, извлечённый методом сплошной выборки из НКРЯ, составил 5460 текстов, содержащих гендерные номинации женщин по профессии в форме женского рода, а также 11756 словоупотреблений (контекстов) зафиксированных языковых единиц (табл. 2).

Сопоставление номинаций лиц женского пола по профессии по данным анкетирования и НКРЯ позволило выявить значительный

²⁰ Большаков А.М. Деревня: 1917–1927. М., 1927. 472 с.

потенциал словообразовательных суффиксов, использованных респондентами для образования гендерных номинаций (слова, которые не встречаются в НКРЯ), что, возможно, объясняется их распространенностью преимущественно в разговорных сферах, более открытых к использованию языковой игры в общении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что молодое поколение носителей языка проявляет интерес к функционированию гендерных номинаций лиц по профессии в русском языке и речевой практике, демонстрируя при этом палитру мнений от явно отрицательных (респонденты уверены, что подобные языковые единицы противоречат устоявшимся нормам языка и коверкают его) до нейтральных и положительных. В то же время, по мнению респондентов, гендерно ориентированные образования в форме женского рода не всегда закрепляются в языке в силу культурных и социальных стереотипов: более лояльно респонденты оценивают использование гендерных номинаций в форме женского рода в устном межличностном повседневном общении как наиболее экспрессивных единиц языка; негативно воспринимается использование подобных номинаций в деловой речи.

По данным анкетирования, одним из недостатков гендерной номинаций по про-

фессии является отсутствие единых правил их образования (единого стандарта для образования гендерных номинаций лиц по профессии) и большое разнообразие используемых словообразовательных аффиксов, наделённых различными оттенками значений.

Взгляды на использование гендерно ориентированных форм женского рода по профессии расходятся как между представителями разных специальностей, так и между юношами и девушками. Студенты филологических специальностей демонстрируют большую лояльность к новообразованиям по профессии в форме женского рода, актуализируя профессиональный взгляд на законы функционирования языка в социуме, в то время как в других сферах, таких как экономика и юриспруденция, преобладает скептическое отношение к подобного рода номинациям. Девушки чаще юношей выражают неуверенность в будущем повсеместного использования феминитивов, но при этом они активнее мужчин готовы употреблять их в своей речи.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод о том, что гендерные номинации лиц по профессии в форме женского рода являются фактом современного русского языка, требующим дальнейшего пристального внимания и изучения как в функциональном, словообразовательном, так и в социолингвистическом аспекте.

Список источников

1. Зюзина О.Н., Ильина Д.В., Ким И.Е. Категория рода в русском языке и понятийно-ценностный ряд «мужское/женское»: от этносемантики к новой гендерной семантике // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 48-57. <https://doi.org/10.17223/15617793/473/7>, <https://elibrary.ru/dvpvjrm>
2. Ильясова С.В., Пугачёва Е.В. Феминизация феминитивов // Филология и культура. 2021. № 3 (65). С. 12-17. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-65-3-12-17>, <https://elibrary.ru/bwzpoec>
3. Годизова З.И., Цзинь Ланьцзя. Феминитивы в современном русском языке: системно-функциональный аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 44-52. https://doi.org/10.20323/2499_9679_2022_4_31_44_52, <https://elibrary.ru/akjugl>
4. Уланова Е.Э. Исследование репрезентации гендера языковой личности синхронного переводчика // Филология и человек. 2024. № 3. С. 51-69. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)3-04), <https://elibrary.ru/izionn>
5. Печёнкина Е.А. Гендерная асимметрия в современном русском языке: женские профессиональные номинативы // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания филологических дисциплин

- лин: сб. ст. Национальной науч. конф. (к 125-летию со дня рожд. М.М. Бахтина). Кемерово, 2020. С. 59-62. <https://elibrary.ru/ddvxhh>
6. Ильясова С.В., Пугачёва Е.В. Феминитивность: от лексической к словообразовательной // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 4. С. 54-66. <https://doi.org/10.51762/IFK-2022-27-04-05>, <https://elibrary.ru/gbmeqy>
 7. Минеева З.И. Феминитивы с суффиксом -щиц(а)/-чиц(а) // Научный диалог. 2020. № 7. С. 142-157. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-142-157>, <https://elibrary.ru/wzisos>
 8. Захарчук Е.А. Феминитивы в коммуникативном пространстве современности: проблемы словообразования и словоупотребления // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. № 40 (3). С. 378-387. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-3-378-387>, <https://elibrary.ru/lyjond>
 9. Шалимова П.А., Максимычева М.С. Способы именования лиц женского пола по профессии и роду занятий в современном русском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2023. № 1 (118). С. 59-66. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2023.118.1.008>, <https://elibrary.ru/gepkly>
 10. Замышляева Ю.С. Проблема номинации женщин по профессиональной принадлежности в заголовках современных СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). С. 77-82. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10710>, <https://elibrary.ru/wdjhhq>
 11. Чернышова Т.В., Чжао Ц. Из истории формирования наименований лиц по профессии в современном русском языке: гендерный аспект // Филология и человек. 2024. № 3. С. 37-50. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)3-03), <https://elibrary.ru/jztoep>
 12. Кобяков А.В. Феминитивы в зеркале неологической лексикографии // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2022. № 5 (44). С. 556-559. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.5\(44\).556-559](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.5(44).556-559), <https://elibrary.ru/zcbruq>
 13. Бурдина Е.А. Язык и общество в рамках категории рода: феминитивы в современной ортологии // Филологический аспект. 2020. № 6 (62). С. 72-78. <https://elibrary.ru/bbfhfh>
 14. Бундова Ю.В., Иванян Е.П. Феминитивы в современном русском дискурсе: лингвометодический аспект // Поволжский педагогический вестник. 2022. Т. 10. № 2 (35). С. 64-68. <https://elibrary.ru/aulogu>
 15. Кабисова А.А. Феминитивы в современном русском языке: этический аспект // Научно-практический альманах «Курсантский вестник: вопросы филологии и лингвистики»: сб. трудов конф. М.: Военный ун-т, 2020. С. 66-74. <https://elibrary.ru/pkyxpz>

References

1. Zyuzina O.N., Ilina D.V., Kim I.E. The grammatical category of gender in russian and the conceptual and axiological row "masculine – feminine": from ethnosemantics to new gender semantics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2021, no. 473, pp. 48-57. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/473/7>, <https://elibrary.ru/dvpvjm>
2. Ilyasova S.V., Pugacheva E.V. Feminization of feminities. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2021, no. 3 (65), pp. 12-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-65-3-12-17>, <https://elibrary.ru/bwzpoe>
3. Godizova Z.I., Jin L. Feminities in modern Russian: a system-functional aspect. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik = Verkhnevolzhskii Philological Bulletin*, 2022, no. 4 (31), pp. 44-52. (In Russ.) https://doi.org/10.20323/2499_9679_2022_4_31_44_52, <https://elibrary.ru/akjugl>
4. Ulanova E.E. The study of gender representation of language personality of a conference interpreter. *Filologiya i chelovek*, 2024, no. 3, pp. 51-69. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)3-04), <https://elibrary.ru/izionn>
5. Pechonkina E.A. Gender asymmetry in modern Russian language: female professional nominatives. *Sbornik statei Natsional'noi nauchnoi konferentsii (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Bakhtina) «Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya filologicheskikh distsiplin» = Proceedings of Articles from the National Scientific Conference (For the 125th Anniversary of M.M. Bakhtin's Birth) "Current Issues of Philology and Methods of Teaching Philological Disciplines"*. Kemerovo, 2020, pp. 59-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ddvxhh>
6. Ilyasova S.V., Pugacheva E.V. Feminitivity nominative and derivational aspects. *Filologicheskii klass = Philological Class*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 54-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.51762/IFK-2022-27-04-05>, <https://elibrary.ru/gbmeqy>

7. Mineeva Z.I. Femininitives with suffix '-shits(a)/-chits(a)'. *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 7, pp. 142-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-142-157>, <https://elibrary.ru/wzisos>
8. Zakharchuk E.A. Femininitives in contemporary communication space: the issues of derivation and use. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* = *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2021, no. 40 (3), pp. 378-387. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-3-378-387>, <https://elibrary.ru/lyjond>
9. Shalimova P.A., Maksimychева M.S. Ways of nomination of females by their occupation in modern Russian language. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* = *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2023, no. 1 (118), pp. 59-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.37972/chgpu.2023.118.1.008>, <https://elibrary.ru/gepkly>
10. Zamyshlyayeva Yu.S. The problem of nomination of women by occupation in the headlines of modern media. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, no. 7 (453), pp. 77-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10710>, <https://elibrary.ru/wdjhhq>
11. Chernyshova T.V., Zhao J. From the history of the formation of names of persons by profession in the modern Russian language: the gender aspect. *Filologiya i chelovek*, 2024, no. 3, pp. 37-50. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)3-03), <https://elibrary.ru/jztoep>
12. Kobayakov A.V. Femininitives in the mirror of neological lexicography. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Memoirs of NOVSI*, 2022, no. 5 (44), pp. 556-559. (In Russ.) [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.5\(44\).556-559](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.5(44).556-559), <https://elibrary.ru/zcbuq>
13. Burdina E.A. Language and society within the category of gender: femininitives in modern orthology. *Filologicheskii aspekt*, 2020, no. 6 (62), pp. 72-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bbfhfh>
14. Bundova Yu.V., Ivanyan E.P. Femininitives in modern Russian discourse: linguo-methodological aspect. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik*, 2022, vol. 10, no. 2 (35), pp. 64-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/aulogu>
15. Kabisova A.A. Femininitives in the modern Russian language: ethical aspect. *Sbornik trudov konferentsii «Nauchno-prakticheskii al'manakh «Kursantskii vestnik: voprosy filologii i lingvistiki»* = *Proceedings of Conference Papers "Scientific and Practical Almanac "Kursantsky Vestnik: Issues of Philology and Linguistics"*. Moscow, Military University Publ., 2020, pp. 66-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pkyxpz>

Информация об авторах

ЧЕРНЫШОВА Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5927-9745>, chernyshova@filo.asu.ru

Вклад в статью: идея статьи, разработка методологии исследования, написание части текста статьи, редактирование текста.

ЧЖАО Цзин, аспирант, кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-7518-2317>, 1079829756@qq.com

Вклад в статью: идея статьи, обработка результатов анкетирования, анализ художественных текстов, написание чернового варианта статьи.

Поступила в редакцию 18.09.2024
Поступила после рецензирования 14.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the authors

Tatiana V. Chernyshova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of General and Applied Philology, Literature and Russian Language Department, Altai State University, Barnaul, Altai Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5927-9745>, chernyshova@filo.asu.ru

Contribution: study idea, research methodology development, part of manuscript drafting, text editing.

Jing Zhao, Post-Graduate Student, General and Applied Philology, Literature and Russian Language Department, Altai State University, Barnaul, Altai Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-7518-2317>, 1079829756@qq.com

Contribution: study idea, survey results processing, literary texts analysis, draft manuscript writing.

Received September 18, 2024
Revised November 14, 2024
Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-812-820>

Шифр научной специальности 5.9.5

Текстовые единицы с семантикой цели в дискурсивной перспективе

Любовь Валентиновна Воронина

ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
им. В.Я. Кикотя», Рязанский филиал
390043, Российская Федерация, г. Рязань, ул. 1-я Красная, 18
 lv-voronina@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Корреляция понятий «текстовые единицы» и «дискурсивные единицы» выступает на сегодняшний день непрозрачной в связи с многочисленными подходами к определению текстовых единиц и неоднозначными решениями относительно дискурсивных. Цель – выявить особенности корреляции структурных единиц текста и дискурса и установить специфику риторических отношений Purpose (цели) на уровне локального узла дискурса. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Исследование проводилось на материале современных массмедиа посредством сплошной целенаправленной выборки из интервью с российскими политическими лидерами с использованием методологии теории риторических структур, общелингвистической аргументации, а также конверсационного и дискурс-анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Была установлена структурно-семантическая зависимость при выявлении корреляции текстовых единиц с семантикой цели и дискурсивных единиц, организованных по принципу риторических отношений цели; выявлена специфика риторических связей Purpose как отношений предметного типа, асимметричной структуры, характеризующихся полной парадигмой признаков полярности и направленности. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Исследование имеет перспективы в дальнейшем изучении глобальных структур естественного дискурса, а также практическую значимость в ракурсе компьютерной лингвистики при составлении алгоритмов создания текстов искусственным интеллектом.

Ключевые слова: текст, дискурс, текстовые единицы, дискурсивные единицы, риторические отношения, семантика цели, теория риторических структур

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Финансирование работы отсутствует.

Для цитирования: Воронина Л.В. Текстовые единицы с семантикой цели в дискурсивной перспективе // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 812-820. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-812-820>

Text units with purpose semantics in a discursive perspective

Lyubov V. Voronina

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot
18 1 Krasnaya St., Ryazan, 390043, Russian Federation
lv-voronina@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The correlation of the terms “text units” and “discourse units” is currently opaque due to numerous approaches to defining text units and ambiguous decisions regarding discursive ones. The aim is to identify the features of the correlation of structural units of text and discourse and to establish the specifics of the rhetorical relations of Purpose at the element node level of discourse. **MATERIALS AND METHODS.** The research is conducted on the basis of contemporary mass media material through an unselected sampling from interviews with Russian political leaders using the methodology of the theory of rhetorical structures, general philological argumentation, as well as conversation and discourse analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** A structural-semantic dependence is established when identifying the correlation of text units with the purpose semantics and discursive units organized according to the principle of rhetorical relations of the purpose; the specificity of the rhetorical connections of Purpose as relations of the subject type, an asymmetric structure, characterized by a complete paradigm of the signs of polarity and direction is revealed. **CONCLUSION.** The study has prospects for further study of global structures of natural discourse, as well as practical significance in the context of computational linguistics in the development of algorithms for creating texts using artificial intelligence.

Keywords: text, discourse, text units, discursive units, rhetorical relations, purpose semantics, rhetorical structures theory

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Voronina, L.V. Text units with purpose semantics in a discursive perspective. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):812-820. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-812-820>

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс – явление многомерное, а его многочисленные корреляции с текстом и на сегодняшний момент представляются в ряде научных исследований неоднозначными и дискуссионными [1–5]. С одной стороны, многомерность дискурса объясняется междисциплинарным характером вышеназванного термина, его функционированием не только в лингвистической парадигме; с другой – уже в рамках языкознания – множеством порой противоречивых толкований при исследовании его видов [6–8], выявлении лингвостилистических особенностей [9; 10], поиска оснований [11; 12], анализа специфики организации [13; 14].

Интерпретация дискурса как «коммуникативного события»¹ лежит на пересечении ряда подходов:

1) собственно коммуникативного, так как предполагает исследование интеракции, включающей речевые действия участников общения в аспекте моделирования и продуцирования вербального кода со стороны субъекта речи и его восприятия и последующую интерпретацию адресатом;

2) структурно-синтаксического, поскольку дискурс соотносится с текстом структурно, если брать за точку отсчёта пропозицию (об этом ниже);

¹ ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникации. Благовещенск: БГУ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 134.

3) социально-прагматического, так как дискурс представляется ситуативно обусловленным явлением и разворачивается на фоне прагматического контекста, обеспечивающего большую или меньшую успешность речевого взаимодействия.

Цель исследования – выявить особенности корреляции структурных единиц текста как способа коммуникации и дискурса как её формы и – далее – установить специфику риторических отношений Purpose² (цели) на уровне локального узла дискурса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Фактическим материалом исследования послужили дискурсивные фрагменты из современных массмедиа – интервью с российскими политическими лидерами. Лингвистический анализ осуществлялся на пересечении коммуникативного, прагматического и когнитивного подходов к выявлению корреляций структурных единиц текста и дискурса; для выявления специфики риторических отношений цели привлекалась методология теории риторических структур при моделировании графа дискурса, а также методы общеофилологической аргументации при сопоставлении позиций исследователей, конверсационного и дискурс-анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной русистике принят ряд подходов к определению понятия текстовых единиц [15; 16]. На наш взгляд, наиболее универсальным представляется исследование единиц текста в русле лингвистических взглядов С.В. Пискуновой, когда под текстовыми единицами понимаются «различные по форме и функции компоненты текста»³, «функционально ориентированные на организацию ре-

чевой текстовой формы общения, накопление и передачу информации»⁴. Следовательно, текстовые единицы *структурно* могут быть соотносимы с любым уровнем языковой системы, и в случае с текстовыми единицами, сообщающими о цели, ими могут выступать простые двухкомпонентные предложения с квалификаторами цели, придаточные предложения цели, словосочетания с девербативами и инфинитивами цели, возможны импликатуры цели (если цель выступает тривиальной или восстанавливается из контекста), и обладать разной степенью *функциональной* нагруженности как сообщающие о цели и конфигурирующие указанное значение в семантическом и коммуникативном ракурсах в зависимости от прагматической установки субъекта речи и цели.

Так, например, семантика цели может иметь разную степень проявления, отсюда три типа оппозиций:

1) обобщённая семантика ↔ смысловые типы цели:

В общем, целый набор по очень разным направлениям с целью поддержать семьи⁵ vs ... [ДНР и ЛНР] обратились в конечном итоге к нам с просьбой о признании, видя бесперспективность решения вопросов в рамках Минских соглашений⁶;

2) чистота (прозрачность) семантики ↔ её синкретизм:

Традиция заключается в том, что информационное агентство России ТАСС собирает своих зарубежных коллег (зачем? для чего?) для встречи с Вами. И я не знаю, как Вам удаётся всякий раз разыскать в Вашем очень плотном графике время (какое? для чего?) для встречи с зарубежными журналистами⁷;

⁴ Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста). Москва; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 66-67.

⁵ Интервью Дмитрию Киселёву // Президент России: официальный сайт. 2024. 13 марта. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73648>

⁶ Ответы на вопросы журналиста Павла Зарубина // Президент России: официальный сайт. 2024. 14 февр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73457>

⁷ Встреча с руководителями международных информационных агентств // Президент России: официальный сайт.

² Здесь и далее приведены англоязычные наименования риторических отношений в соответствии с теорией риторических структур У. Манна и С. Томпсон.

³ Пискунова С.В. Текстовые единицы с патристической семантикой в русских песнях XX–XXI вв.: функционально-семантический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2017. № 2. С. 14.

3) интенсивность семантики ↔ её диффузность:

*Они же сказали публично, что не собирались выполнять Минских соглашений, а только подписали, для того чтобы вооружить Украину и создать условия для продолжения боевых действий*⁸ vs *Нет, всё время нужно предпринимать какие-то усилия для того, чтобы найти ответы на те вопросы, которые возникают*⁹.

Коммуникативная организация смысла «цель» в текстовой единице носит динамический характер. Например, выбор, осуществляемый субъектом речи и цели в пользу той или иной грамматической «упаковки», определяется прагматическим принципом приоритета, когда коммуникативное усиление маркируется максимально развёрнутым способом подачи денотата:

*Наша цель – прекратить эту войну*¹⁰ vs *...Нужно обязательно создать условия для окончательного подписания документов*¹¹.

В дискурсивной перспективе на сегодняшний момент нет чёткой и однозначной трактовки понятия «дискурсивные единицы». В оригинальной концепции У. Манна и С. Томпсон они представляются как «text span» (= отрезок текста), обладающие *non-overlapping* характером¹². По мнению У. Чейфа¹³, устный дискурс порождается не плавно, а толчками, интонационными единицами, или квантами. В отечественной лингвистике сложилась традиция соизмерять дискурсивные единицы с пропозицией, называя её клаузулой¹⁴, простым предложением¹⁵,

предикацией¹⁶, и в этом смысле любая полипредикативная конструкция: сложное предложение, простое с однородными сказуемыми или с полупредикативными компонентами – будет включать в себя как минимум две дискурсивные единицы:

Антон приехал в Россию, чтобы учиться;

Антон приехал в Россию учиться;

Антон приехал в Россию и начал учиться;

Антон, приехав в Россию, начал учиться.

Кроме того, на наш взгляд, самостоятельную дискурсивную единицу будут образовывать предложно-падежные конструкции с девербативами:

Антон приехал в Россию для учёбы.

Отметим, что во всех приведённых выше примерах представлены две пропозиции: субъект S совершает действие A₁, необходимые для выполнения действия A₂, которое имеет для него ценность и выступает обусловленным действием A₁. Выбор грамматической формы – простое предложение, придаточное цели, полупредикативная конструкция, инфинитив, девербатив – детерминирован прагматической установкой субъекта речи коммуникативно выделить желаемое событие: *чтобы учиться – учиться – для учёбы*. Очевидно, что свёрнутая пропозиция девербатива коммуникативно редуцирует смысл «цель» в текстовой единице. В текстовой, имеющей грамматические корреляции, но не в дискурсивной.

В рамках локального узла между дискурсивными единицами складываются отношения риторического характера, квалифицируемые по признаку предметности/презентационности, асимметрии/симметрии, полярности, гибкости. В этой связи риторические связи Purpose (цели) получают следующие характеристики:

2024. 5 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/74223>

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Интервью Такеру Карлсону // Президент России: официальный сайт. 2024. 9 февр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73411>

¹¹ Там же.

¹² Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organisation. USA: CA, 1987. 82 p.

¹³ Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 81.

¹⁴ Литвиненко А.Л. Описание структуры дискурса в рамках теории Риторической Структуры: применение на русском материале // Диалог 24. Конференция по

компьютерной лингвистике. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/litvinenko/> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ Сусов А.А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 134.

¹⁶ Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 124-139.

1) риторические отношения цели – это отношения предметного, или смыслового, характера;

2) риторические отношения цели организуются по принципу «ядро – сателлит», причём дискурсивная единица, сообщающая о цели, выступает (как и в текстовой единице) в строгом отношении подчинения относительно ядра;

3) для риторических отношений цели характерна полная парадигма “+/- positive” (полярности):

Антон поехал в Россию, чтобы учиться;

Антон не поехал в Россию, чтобы учиться;

Антон поехал в Россию, не чтобы учиться;

Антон не поехал в Россию, не чтобы учиться.

В последних двух примерах отрицание цели не означает её отсутствия: частица «не» – сигнал того, что логический субъект (*Антон*) не является субъектом целеполагания ситуации *чтобы учиться*. Её субъект неизвестен, равно как и цель Антона;

4) риторические отношения цели характеризуются полной парадигмой “+/- backward”, в соответствии с которой риторические связи Purpose способны организоваться вопреки логической природе цели (цель → средства), что в современной грамматической теории характеризуется в терминах гибкости структуры.

Позднее отечественным исследователем А.А. Сусовым¹⁷ был предложен ещё один параметр риторических связей, называемый силой. По мнению исследователя, риторические отношения могут быть более или менее выраженными, причём их интенсивность зависит от реляторов – показателей смысловых отношений, то есть от союзов и предлогов. Следуя логике А.А. Сусова, между дискурсивными единицами в примерах ниже:

Антон приехал в Россию, чтобы учиться / для учёбы / учиться

сильной следует считать связь с подчинительным союзом *чтобы*, далее ранжиро-

вание представлено девербативом и затем инфинитивом цели, который не имеет материально выраженных показателей целевых отношений. Однако сопоставительный анализ конструкций *Антон приехал, чтобы учиться* и *Антон приехал учиться* демонстрирует большую семантическую близость, а значит и взаимозаменяемость, чем *Антон приехал для учёбы*. Тем более что проявление семантики цели в конструкциях, где о ней сообщает глагол, сильнее и прозрачнее, чем в словосочетаниях с девербативом.

Кроме того, на наш взгляд, выбор грамматической формы лежит в плоскости прагматических установок субъекта речи, но к дискурсивным связям отношения не имеет: они не могут быть более или менее сильными, ярко или менее ярко выраженными, отчётливо или нечётко окрашенными. Дискурс в большей степени сопряжён с когнитивными процессами субъекта речи, в рамках которых нет суждений о цели, причине, времени, месте – есть потенциальная цель, причина, время, место, которые способны получить свою реализацию в языке как цель, причина, время, место... Уровень интенсификации значения – это уровень синтаксиса, в логике, а следовательно, и в дискурсе структура иная: субъект может испытывать большую/меньшую необходимость, объект может представляться ему более или менее ценным, но в логике и в дискурсе интенции субъекта реализуются схематично, что отнюдь не меняет их языкового разнообразия.

В свою очередь риторические отношения Purpose могут быть оценены с точки зрения коммуникативной значимости для субъекта относительно *системы* риторических отношений в целом, которые организуют глобальную структуру дискурса. Их иллюстрируют графы риторических структур дискурсивных фрагментов (рис. 1).

Данный фрагмент дискурса организуется на основе риторических отношений предметного типа – развития (Elaboration), в которые вступают два дискурсивных блока, включающие дискурсивные единицы 1 и 2–8. Большой из них демонстрирует систему дискурсивных связей мотивации (Motivation), переформулировки (Restatement), средства (Means),

¹⁷ Сусов А.А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 133-138.

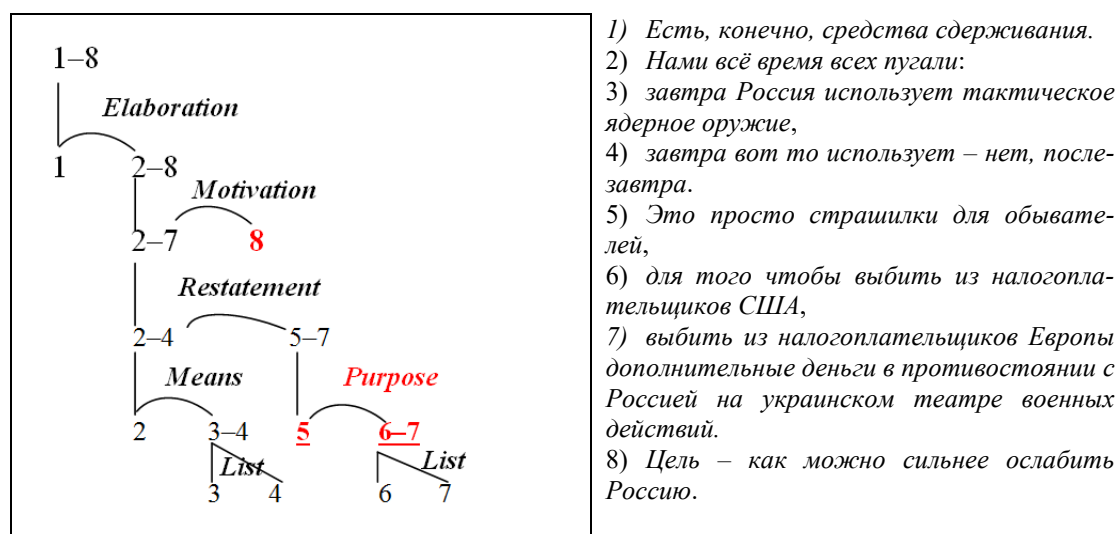

Рис. 1. Граф риторической структуры дискурсивного фрагмента

Fig. 1. Graph of the rhetorical structure of a discursive fragment

Источник: построено автором по: Интервью Такеру Карлсону // Президент России: официальный сайт. 2024. 9 февр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73411>

Source: constructed by the author based on: Interview with Tucker Carlson // President of Russia: official website. Feb. 9, 2024. Availa-ble at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73411>

перечисления (List) и цели (Purpose). Причём в общей иерархии риторических отношений риторические связи цели занимают невысокие позиции (дискурсивные единицы 5–7) и характеризуют тем самым цель, как не имеющую коммуникативную значимость категорию для её субъекта.

Корреляция текстовых единиц с семантикой цели и дискурсивных единиц, объединяющихся в локальный узел по принципу Purpose, предполагает их структурную эквивалентность, если грамматически они представляют собой полипредикативные конструкции, а семантически их структура представлена тремя компонентами: субъектом целеполагания, его действиями и желаемым результатом (дискурсивные единицы 5–6, 5–7).

В случае, когда текстовая единица содержит квалификатор цели, структурно она соотносится с простым двусоставным предложением типа *Наша цель – защита Родины* и, безусловно, будет релевантна одной дискурсивной единице, однако в какие отношения данная дискурсивная единица будет

вступать в конкретном фрагменте дискурса, определяется отношениями презентационального (интенционального) или предметного (смыслового) типа. В исследуемом фрагменте текстовой единице, сообщающей о цели, эквивалентна дискурсивная единица 8, которая находится в риторических отношениях мотивации относительно дискурсивного блока из дискурсивных единиц 2–7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Текстовые единицы с семантикой цели обладают известным репертуаром лексико-грамматических средств, способных сообщать о цели в системе трёх оппозиций – «обобщённая семантика ↔ смысловые типы цели», «чистота (прозрачность) семантики ↔ её синкретизм», «интенсивность семантики ↔ её диффузность».

2. Дискурсивные единицы, организованные по принципу Purpose (цели), относятся к типу предметных, или смысловых, риторических отношений, для которых характерна асимметрия структуры «ядро – спутник»,

полная парадигма параметров полярности (“+/- positive”) и направления (“+/- backward”).

Корреляция между текстовыми и дискурсивными единицами имеет структурно-семантическую зависимость, и об их эквивалентности свидетельствует трёхкомпонентная семантическая структура цели, которая в

грамматической плоскости реализуется в полипредикативных конструкциях – сложно-подчинённых предложениях с придаточными цели, бессоюзных сложных предложениях, простых предложениях с полупредикативными компонентами, – а также в предложно-падежных конструкциях с девербативами.

Список источников

1. Петров С.В. Дискурс как единица текста // Образование и право. 2020. № 10. С. 249-251. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-11044>, <https://elibrary.ru/jhiivx>
2. Шептала В.С. О проблеме сопоставления понятий «дискурс» и «текст» // Международный журнал естественных и гуманитарных наук. 2022. № 7-20 (70). С. 110-113. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-2-110-113>
3. Асратян З.Д. Текст, дискурс, диктема, языковая личность как базовые понятия лингвистики текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. № 1. С. 138-151. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151>, <https://elibrary.ru/dqmsru>
4. Прозоров В.В. Лирический дискурс/текст как речежанровый кроссовер // Жанры речи. 2021. № 2. С. 126-135. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135>, <https://elibrary.ru/mzqoqx>
5. Золян С.Т. Дискурс. Язык. Языковая деятельность // Метод. 2020. № 10. С. 212-242. <https://doi.org/10.31249/metod/2020.10.12>, <https://elibrary.ru/oetofn>
6. Бочарникова Е.А. Взаимосвязь дискурсов (медицинский и гуманитарный дискурсы) // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2. № 4 (8). С. 18-26. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-4-18-26>, <https://elibrary.ru/ooleiu>
7. Дёмина Д.А. Теологический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8 (850). С. 212-224. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_8_850_212, <https://elibrary.ru/nzjcrs>
8. Шакиров С.М. Трансмедиаальность рекламного дискурса // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 3 (37). С. 64-70. <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10309>, <https://elibrary.ru/xckixx>
9. Петросян М.М. Языковые особенности горизонтально и вертикально направленной коммуникации в медицинском дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 8 (44). Ст. 40. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.40>, <https://elibrary.ru/dlxvqv>
10. Опарина Е.О. Метафора в дискурсе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание: Реферативный журнал. 2021. № 3. С. 131-141. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.10>, <https://elibrary.ru/asrmrg>
11. Олешкова А.М. Когнитивные и этические основания дискурса и дискурс-анализа // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8. С. 23-25. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.3>, <https://elibrary.ru/zzcceq>
12. Куосе М.И. Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 37-47. <https://doi.org/10.26170/ufv20-02-03>, <https://elibrary.ru/jmwkxb>
13. Карасик В.И. Самовыражение в разных видах дискурса // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 564-574. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).564-574](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574), <https://elibrary.ru/ftxeqd>
14. Ржевевская А.А. Оценка вариативности конструирования современного драматургического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 50-59. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_50, <https://elibrary.ru/lbbsxc>
15. Запольская Н.Н. Текст-произведение и его единицы: ключевые текстоформы и текстоформы-ключи // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 20-32. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-20-32>, <https://elibrary.ru/mbbfat>
16. Riabkova E.S. Semantic – syntactic units of the text // The Scientific Heritage. 2022. № 84. С. 55-57. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2022-84-4-55-57>, <https://elibrary.ru/lzahzk>

References

1. Petrov S.V. Discourse as a unit of text. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2020, no. 10, pp. 249-251. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-11044>, <https://elibrary.ru/jhiivx>
2. Sheptala V.S. On the problem of comparison of the concepts “text” and “discourse”. *Mezhdunarodnyi zhurnal estestvennykh i gumanitarnykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 7-20 (70), pp. 110-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-2-110-113>
3. Asratyan Z.D. Text, discourse, dicteme, language personality as basic concepts of text linguistics. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, no. 1, pp. 138-151. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151>, <https://elibrary.ru/dqmsru>
4. Prozorov V.V. A lyrical discourse/text as a speech genre crossover. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 2021, no. 2, pp. 126-135. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135>, <https://elibrary.ru/mzqoqx>
5. Zolyan S.T. Discourse, language (langue), language activity (langage). *Metod = Method*, 2020, no. 10, pp. 212-242. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/metod/2020.10.12>, <https://elibrary.ru/oetonf>
6. Bocharnikova E.A. Discourse interrelation (medical and humanitarian discourses). *Lingvistika i obrazovanie = Linguistics & Education*, 2022, vol. 2, no. 4 (8), pp. 18-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-4-18-26>, <https://elibrary.ru/ooleiu>
7. Demina D.A. Theological discourse as a special type of discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, no. 8 (850), pp. 212-224. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_8_850_212, <https://elibrary.ru/nzjcrs>
8. Shakirov S.M. Transmediality of advertising discourse. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2022, no. 3 (37), pp. 64-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10309>, <https://elibrary.ru/xckixx>
9. Petrosyan M.M. Linguistic specifics of horizontally and vertically directed communication in medical discourse. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 8 (44), art. 40. (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.40>, <https://elibrary.ru/dlxvgv>
10. Oparina E.O. Metaphor in discourse. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie: Referativnyi zhurnal = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 2021, no. 3, pp. 131-141. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.10>, <https://elibrary.ru/asrmrg>
11. Oleshkova A.M. Cognitive and ethical bases of discourse and discourse analysis. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, no. 8, pp. 23-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.3>, <https://elibrary.ru/zzcceq>
12. Kiose M.I. Linguistic creativity in discourse: the research perspective of cognitive semiotics. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa = Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: The Linguistics of Creativity*, 2020, no. 2, pp. 37-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/ufv20-02-03>, <https://elibrary.ru/jmwkxb>
13. Karasik V.I. Self-expression in different types of discourse. *Kommunikativnye issledovaniya = Communication Studies*, 2022, vol. 9, no. 3, pp. 564-574. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).564-574](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574), <https://elibrary.ru/ftxeqd>
14. Rzheshhevskaya A.A. Variance assessment in the construal of contemporary drama discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, issue 2 (844), pp. 50-59. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_50, <https://elibrary.ru/lbbsxc>
15. Zapol'skaya N.N. Text-work and its units: key textforms and textform keys. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, no. 4, pp. 20-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-20-32>, <https://elibrary.ru/mbbfat>
16. Riabkova E.S. Semantic – syntactic units of the text. *The Scientific Heritage*, 2022, no. 84, pp. 55-57. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2022-84-4-55-57>, <https://elibrary.ru/lzahzk>

Информация об авторе

ВОРОНИНА Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, Рязанский филиал, г. Рязань, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-4333-6685>, Researcher ID: AHC-1930-2022, lv-voronina@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ фактического материала и источников, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 10.08.2024

Поступила после рецензирования 15.10.2024

Принята к публикации 11.11.2024

Information about the author

Lyubov V. Voronina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Social and Humanities Disciplines Department, Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot, Ryazan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4333-6685>, Researcher ID: AHC-1930-2022, lv-voronina@mail.ru

Contribution: idea, factual material and sources analysis, manuscript text drafting.

Received August 10, 2024

Revised October 15, 2024

Accepted November 11, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81-139

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-821-837>

Шифр научной специальности 5.9.5

Сопоставление вербализации «героев» в авторской сказке и народной (на материале сказок П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша»)

Сожида Тахиржоновна Кормакова

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»
432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42
✉ sojiden@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Филологическое исследование текстов является новой ступенью в изучении всего репертуара сказочного фонда в широком сопоставлении с текстами других произведений. Филологи, писатели, киносценаристы используют концепцию В.Я. Проппа и методику А.-Ж. Греймаса в современной теории текста. Пристальное внимание уделяется понятию актанта, актантной модели и основным функциям в сказках, которые важны для построения сюжета любого текста, выстраивающие схему функциональных персонажей. Цель исследования состоит в том, чтобы сопоставить героев авторской сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» с уральской народной сказкой «Каменная чаша». **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Путём функционального анализа, основывающегося на концепции известного русского филолога, фольклориста В.Я. Проппа (1895–1970) и актантного анализа, разработанного французским лингвистом, филологом А.-Ж. Греймасом (1917–1992), мы можем увидеть структуру сказочного текста, выявить его актантную модель и описать его специфику, в которой отражена культура народа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Результаты, полученные в ходе исследования, дополнили корпус достижений в фольклористике и лингвокультурологии. Используемый в работе филологический способ выявления актантных моделей позволяет учёным лучше увидеть культурную специфику уральского народа. Методы работы могут быть использованы для изучения не только фольклорных текстов, но и для авторских произведений. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Исследования В.Я. Проппа и А.-Ж. Греймаса позволяют в наше время, при использовании семиперсонажной схемы В.Я. Проппа и актантной модели А.-Ж. Греймаса, проанализировать любой текст, обозначив значения актантов и их функции. Выводы данного исследования могут быть использованы в процессе преподавания русского языка на занятиях по фольклору и филологическому анализу текста.

Ключевые слова: сказка, актант, актантная модель, номинативы, атрибутивы, функтивы, функциональная схема персонажей

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кормакова С.Т. Сопоставление вербализации «героев» в авторской сказке и народной (на материале сказок П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша») // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 821-837. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-821-837>

Comparison of the verbalization of “heroes” in the author’s tale and the folk tale (based on the tales of P.P. Bazhov “The Malachite Box” and “The Stone Bowl”)

Sozhida T. Kormakova
Ulyanovsk State University
42 Lev Tolstoy St., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation
 sojiden@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. Philological study of texts is a new step in studying the entire repertoire of the fairy tale fund in a wide comparison with the texts of other works. Philologists, writers, screenwriters use the concept of V.Ya. Propp and the methodology of A.J. Greimas in modern text theory. Close attention is paid to the concept of actant, actant model and basic functions in fairy tales, which are important for constructing the plot of any text, building a scheme of functional characters. The purpose of the study is to compare the characters of the author’s fairy tale by P.P. Bazhov “The Malachite Box” with the Ural folk tale “The Stone Bowl”. **MATERIALS AND METHODS.** By means of functional analysis, based on the concept of the famous Russian philologist, folklorist V.Ya. Propp (1895–1970) and actantial analysis, developed by the French linguist, philologist A.J. Greimas (1917–1992), we can see the structure of the fairy tale text, identify its actantial model and describe its specificity, which reflects the culture of the people. **RESULTS AND DISCUSSION.** The results obtained during the study have added to the body of achievements in folklore studies and linguacultural studies. The philological method of identifying actant models used in the work allows scientists to better see the cultural specificity of the Ural people. The methods of work can be used to study not only folklore texts, but also for authorial works. **CONCLUSION.** The research of V.Ya. Propp and A.J. Greimas allows us in our time, using the seven-character scheme of V.Ya. Propp and the actant model of A.J. Greimas, to analyze any text, designating the meanings of actants and their functions. The conclusions of this study can be used in the process of teaching the Russian language in classes on folklore and philological analysis of the text.

Keywords: fairy tale, actant, actantial model, nominatives, attributives, functives, characters functional diagram

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Kormakova, S.T. Comparison of the verbalization of “heroes” in the author’s tale and the folk tale (based on the tales of P.P. Bazhov “The Malachite Box” and “The Stone Bowl”). *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4) 821-837. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-821-837>

ВВЕДЕНИЕ

Изучение сказок имеет богатую научную традицию, продолжает интересовать современных исследователей.

Например, А.В. Корнеева, Е.В. Кузина, Е.Ю. Надеждина проводят сравнительный анализ разных понятий «ментальность» и «менталитет» в русских и немецких сказках [1, с. 59], А.К. Салмин показывает самобытность каждой сказки [2, с. 294], А.О. Трошкова производит сравнительный анализ сю-

жета сказок [3, с. 1034], А.И. Алиева впервые зафиксировала текст на языках оригинала, внося вклад в кавказскую фольклористику [4, с. 388].

Подходы, используемыми современными учёными, для анализа текстов разных жанров письма разнообразны. Так, К.И. Декатова анализирует художественный текст, применяя «когнитивно-семиологический подход» [5, с. 278], Е.В. Липатова проводит анализ самаркандского текста в «лингвокогнитивном аспекте» [6, с. 67], А.Ю. Урман-

чиева исследует диалекты хантыйского языка в сравнении с «нарративными стратегиями» других хантыйских диалектов [7, с. 291], В.Ю. Тюпа рассматривает «нарратологические категории этоса наррации» [8, с. 29], А.И. Силантьев исследует теорию дискурса в современном литературоведении [9, с. 218], С.В. Иванова и Т.В. Ларина предлагают рассмотреть основные позиции теории Смысл ⇔ Текст [10, с. 868].

Наше внимание привлекла концепция В.Я. Проппа, которая продолжилась в исследовании французского структуралиста А.-Ж. Греймаса. Так, С.Ю. Неклюдов в своей работе «Владимир Пропп: от «морфологии» к «истории» (к 75-летию опубликования «Исторических корней волшебной сказки)» пишет: «Книга, обретшая второе рождение в контексте структурно-семиотических исследований середины XX века, оказала огромное влияние на современное состояние нарратологии, на теорию построения повествовательных текстов, причём не только фольклорных, и на более широкий круг структурно-семиотических исследований» [11, с. 103].

В своём труде «Морфология сказки» В.Я. Пропп разработал концепцию структурного анализа сюжета русской волшебной сказки. Он выделил постоянные элементы в сказке, которые стали ключевыми для изучения любого сказочного повествования. Учёный подчеркнул важность функционального персонажа, который играет центральную роль в сюжете сказки. Несмотря на разнообразие персонажей в волшебной сказке, идентичность действий героев позволила В.Я. Проппу создать функциональную схему персонажей:

- 1) герой;
- 2) искомый персонаж (как правило, царевна или просто красавица);
- 3) антагонист;
- 4) даритель (снабжает героя полезными вещами);
- 5) помощник (помогает герою);
- 6) отправитель (отправляет героя с заданием);
- 7) ложный герой (соперник настоящего героя)¹.

¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

Книга В.Я. Проппа «Морфология сказки» нашла своих последователей во французской семиотике. Идеи учёного нашли отклик сначала у К. Леви-Стросса, а затем А.-Ж. Греймаса, который плодотворно переосмыслил идеи В.Я. Проппа и в своём труде «Структурная семантика» разработал научный анализ языка и текста, что стало процедурным обеспечением концепции В.Я. Проппа.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как, используя концепцию В.Я. Проппа по методике А.-Ж. Греймаса, с помощью филологического анализа можно выделить сходство и отличие героев авторской сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и уральской народной сказки «Каменная чаша» и представить схему всех персонажей. Данная цель достигается решением следующих задач:

- выявить качественные характеристики персонажей-актантов;
- выявить функциональные характеристики персонажей-актантов;
- произвести филологический анализ текстов;
- совершить гомологизацию признаков и функций для идентификации актанта;
- построить актантные модели;
- выявить общие и специфические черты актантных моделей народной и авторской сказок.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Филологический анализ вербализации персонажей производится на основании концепции В.Я. Проппа по методике А.-Ж. Греймаса.

А.-Ж. Греймас в своей статье «Размышление об актантных моделях» ввёл новый термин – актантная модель². Эта модель позволяет проводить лингвистический анализ практически любого текста, где присутствуют субъекты и объекты. Согласно концепции А.-Ж. Греймаса, актанты представляют собой группу актёров, определяемую на основе

² Греймас А.-Ж. Размышление об актантных моделях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 1. С. 118-136.

анализа всех сказок в целом. Распределение актёров в сказке формирует её сюжет, а структура актантов определяет жанр произведения². Так, учёный определил модель, в которой актант представляет собой персонаж, объединяющий различные роли в рамках одной функции. Тем самым, А.-Ж. Греймас выявил сферы действия субъекта, адресата и адресанта. Его работа направлена на выявление актантов в тексте и их описание. Учёный выделяет два уровня анализа текста. На первом этапе происходит определение вербализации персонажей, где они выступают в роли актантов. На втором этапе выявляются особенности героев, которые проявляются через прозвища, устойчивые эпитеты и атрибуты, формируя так называемый «духовный облик» персонажа².

Р.Д. Урунова в своей статье «Концепция В.Я. Проппа и актантный анализ текстов» конкретизирует характеристику персонажей сказки [12, с. 23]. Филологический анализ, проводимый для обнаружения качественных характеристик персонажа, показывает духовный облик героя сказки. А.-Ж. Греймас в своей статье пишет, что количественно-качественные «характеристики» определяют признак и облик актанта². Это прозвища, эпитеты и атрибутивы, по А.-Ж. Греймасу «сообщения характеристики». Р.Д. Урунова дала им название номинативы и атрибутивы [12, с. 23]. В тексте они могут быть выражены именами существительными и именами прилагательными [12, с. 23].

После сбора фактического материала необходимо провести его анализ. Это подразумевает процедуру редукции и гомологизации, которые помогают определить сферу деятельности персонажа в сказке для построения актантной модели³. Редукция используется для упрощения сложной контекстуальной семантики, позволяя выделить ключевые единицы для актанта. Процедура гомологизации позволяет найти важную актантную функцию в значении разных глаголов [13, с. 1346].

Анализ вербальных выражений с функциональными свойствами, выписанных из

сказки, осуществляется путём сравнения [13, с. 1346]. После определения актанта формируется актантная схема.

Методика А.-Ж. Греймаса помогает установить актантную модель сказок «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша» в следующей очередности:

- **на первом этапе** нам необходимо определить «корпус высказываний» и выписать фрагменты из сказок: «сообщения характеристики» и «функциональные сообщения»;
- **на втором этапе** каждое «высказывание» анализируется при помощи толкового словаря или путём применения компонентного анализа [13, с. 1346];
- **на третьем этапе** производится редукция и гомологизация характеристик персонажа [13, с. 1346]. Тем самым, на данном этапе все выявленные вербальные выражения из сказок подразделяются при помощи сравнения на три вида: номинативы, атрибутивы, функтивы;
- **на четвёртом этапе** составляется схема актантной модели.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Далее рассмотрим характеристики «героев» авторской сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и уральской народной сказки «Каменная чаша».

Так, в сказке «Малахитовая шкатулка» персонаж **Танюша** выражена (табл. 1):

- слова: басенька, девчоночка, памятка, мастерица, невеста, старательница – номинативы;
 - слова: чёрненька, зелёненька, невесёлая, неласковая, зеленоглазая – атрибутивы.
- Персонаж **Вася** выражен (табл. 1):
- слова: внучек, крепостной, парень, мастер – номинативы;
 - слова: смел, сорокалетний, лучший, первый, вольный – атрибутивы.

Проведём **семантический** анализ слов, используя толковые словари русского языка.

Тем самым, ласковое отношение родителей – **девчоночка, памятка**; трудолюбие и мастерство – **мастерица, старательница**; необычная магическая красота – **невеста, чёрненька, зелёненька** показывают «духов-

³ Греймас А.-Ж. Размышление об актантных моделях. С. 118.

ный облик» *Танюши*. Персонаж *Вася* – **отличный, первый, вольный мастер**. Такими качествами в сказке может обладать персонаж с положительной характеристикой, герой (табл. 2).

Для более корректного анализа рассмотрим особенности *грамматической* части но-

минативов и атрибутивов, принадлежащих персонажам сказок «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша». Так, и *Танюшу* и *Васю* в сказках называют ласково. Об этом говорят номинативы **девчоночка, памятка, внучек** и атрибутивы **чёрненька, зелёненьки**. Аффиксы -оч, -к, -ек, -еньк используются с суффиксами

Таблица 1

Характеристики «героев» авторской сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и уральской народной сказки «Каменная чаша»

Table 1

Characteristics of the “heroes” of P.P. Bazhov’s author’s tale “The Malachite Box” and the Ural folk tale “The Stone Bowl”

Танюша	Вася
Номинативы: 1) «– Не иначе эта у тебя, Степан из кистей выпала. В кого только зародилась! Сама чёрненька, да басенька, а глазки зелёненьки. На наших девчонок будто и вовсе не походит. Степан пошутит, бывало: – Это не диво, что чёрненька. Отец-то с малых лет в земле скыркался. А что глазки зелёные – тоже дивить не приходится. Мало ли я малахиту барину Турчанинову набил. Вот памятка мне и осталась». 2) «По Степану шибко эта девчоночка убивалась». 3) «Вот памятка мне и осталась. Так эту девчонку Памяткой и прозвал. – Ну-ка ты, Памятка моя! – И когда случилось ей что покупать, так завсегда голубенького либо зелёного принесёт». 4) «С той вот поры Танюшка и стала мастерицей, а уж в годы входить стала, вовсе невестой глядит». 5) «Она у нас старательница».	Номинативы: 1) «Только Вася, внучек Игната, с малолетства около деда сидел да на его работу глядел, сам камни резать научился». 2) «Обидно Васе, а спорить нельзя. Что за спор у крепостного с барским приказчиком!» 3) «К семнадцати годам вырос из парня мастер не хуже сорокалетнего». 4) «Столько ты трудился, что и без моей помощи теперь лучшим мастером будешь». 5) «И стал первым вольным мастером на Руси».
Атрибутивы: 1) «– Не иначе эта у тебя, Степан из кистей выпала. В кого только зародилась! Сама чёрненька, да басенька, а глазки зелёненьки. На наших девчонок будто и вовсе не походит. Степан пошутит, бывало: – Это не диво, что чёрненька. Отец-то с малых лет в земле скыркался. А что глазки зелёные – тоже дивить не приходится. Мало ли я малахиту барину Турчанинову набил. Вот памятка мне и осталась». 2) «Танюшка не то что к чужим, к своим неласковая была. Вишь, неласковая она, невесёлая, да и за крепостного где же вольная пойдёт». 3) «И так-то у меня девка мудрёная была»...	Атрибутивы: 1) «Поглядел на него приказчик, усмехнулся: – Ну и смел же ты, парень». 2) «Столько ты трудился, что и без моей помощи теперь лучшим мастером будешь». 3) «И стал первым вольным мастером на Руси».

Источник: составлено автором по: Бажов П.П. Сочинения в трёх томах. Т. I. М.: Правда, 1986. 364 с.; Золотые руки: сборник сказок народов СССР о мастерстве в труде. Москва; Ленинград: Детгиз, 1948. 64 с.

Source: compiled by the author according to: Bazhov P.P. Works in Three Volumes. Vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1986, 364 p.; Golden Hands: the Proceeding of Tales of the Peoples of the USSR about Mastery in Labor. Moscow, Leningrad, Detgiz Publ., 1948, 64 p.

субъективной оценки. Тем самым, эти лексемы вносят уменьшительно-ласкательное значение и подчёркивают персонажей *Танюшу* и *Васю* как положительных.

Атрибутивы *зеленоглазая*, *неласковая*, *невесёлая*, *мудрёная* имеют полную форму прилагательного, а *чёрненька*, *зелёненьки* имеют краткую форму прилагательного.

Слова *неласковая* и *невесёлая* употребляются с приставкой *не*, обозначающие отрицательное значение, при этом синоним слова *невесёлая* – *печальная*. Слово *зеленоглазая* образовалось от словосочетания *зелёные глаза*. Слова *чёрненька*, *зелёненьки*, *зеленоглазая* показывают более интенсивный признак, подчеркивая яркую красоту Танюши.

Таблица 2

Семантический анализ номинативов и атрибутивов персонажей Танюши и Васи

Table 2

Semantic analysis of nominatives and attributes of the characters Tanyusha and Vasya

Танюша	Вася
1	2
Номинативы: Используя словарь современного русского литературного языка: Басня, н, род. мн. сен, ж. 3. Устар. Миф. Сказание. Мне захотелось повторить по-русски его [Гомера] греческие стародавние басни. Жук., Предисл. к Одиссее. Басенка, уменьш. Чтоб эту истину понять ясней, Послушай басеньки моей. Крыл., Рожа и огонь. Баснь, и, жс., рос. мн. басней. Старательный, ая, ое; лен, льна, о. Со старанием делающий, выполняющий что-либо; прилежный, усердный. <i>Старательный ученик.</i> Девочка, и, род. мн. девочек, жс. Ребёнок или подросток женского пола. <i>Держи куклу кверху ногами, так, что деревянные руки и пеньковые косы её волочились по песку, белокурая девочка остановилась перед забором.</i> Памятка, и, род. мн. ток, жс. Разг. То, что служит напоминанием о ком-, чём-либо. [Маша:] <i>И памятки-то нет дать тебе! А вот... (Вынимает из уха серёжку), матушка на сватовство надеть дала.</i> Погосек. Слово памятка употребляется в 1-м значении и данное существительное используется в разговорной речи. Мастерица, ы, жс. Квалифицированная работница, занимающаяся каким-либо ремеслом (чаще работница в швейной или шляпной мастерской; модистка). Мастерница, которая взялась сделать для свадьбы парадный чепчик, вдруг захворала. С. Акс. Сем. хроника. Слово мастерица употребляется в 1-м значении. Невеста, ы, жс. Девушка (или женщина), вступающая в брак, имеющая жениха. <i>Невеста очи опустила, Как будто сердцем приуныла, И светел радостный жених.</i> Пушкин. Руслан и Людм.	Номинативы: Используя словарь современного русского литературного языка: Внук, а, м. Сын дочери или сына – по отношению к деду или бабушке. «Вот мой внук, – сказал я [Коркия] – он умнее своего деда». Пасустов. Колхида. Внучек, чка; внучонок, нка, м. Уменьш. и ласк. Старуха в чёрном платке медленно шла по улице, неся на руках полугодовалого внучонка. Крепостной, ая, ое. Являющийся собственностью помещика, принадлежащий помещику крепостнику. <i>Феклуша, крепостная актриса г-на Есипова, была не хороша собою, но со сцены казалась красавицей.</i> С. Акс. Сем. Слово крепостной употребляется во 2-м значении. Парень, рия, м. Юноша, молодой человек (первоначально о неженатом молодом крестьянине). <i>У нас [в России] принято поселянами, что каждому парню следует жениться как можно раньше.</i> Слово парень используется в 1-м значении. Мастер, а, мн. мастера, ов, м. Человек, достигший высокого мастерства, совершенства (в работе, творчестве). <i>Фабий становился замечательным живописцем – уже не простым любителем, а мастером.</i> Слово мастер употребляется в 4-м значении.

Окончание таблицы 2
End of table 2

1	2
Атрибутивы: Используя словарь современного русского литературного языка: Чёрный, ая, ое; чёрен, черна. черно. Имеющий цвет сажи, угля, самый тёмный из всех цветов (противопол. белый). <i>Какой же он хороший! Как чудно горят его чёрные очи!</i> Слово чёрный употребляется в 1-м значении. Зелёный, ая, ое; зелен, зелена, зелено. Один из цветов солнечного спектра, находящийся между жёлтым и голубым. <i>Есть у него [моря] другие цвета, в Балтийском, например, жёлтый, в других морях зелёный.</i> Гонч. Фрег. Паллада. Слово зелёный используется в 1-м значении. Нам кажется, что слово зелёный в данном контексте необходимо уточнить, поэтому мы берём толковый словарь русского языка В.И. Даля: Зелёный, встарь также зеленский – к зелью относящийся, принадлежащий. Зелёный, о цвете: цвета травы, листьев, разных оттенков; цвета от смешения синего с жёлтым. Зелёное – быльё, злак, трава, растение; сорные травы и семена в хлебе; снадобье, лекарство; яд, отравка; стар. огнестрельный порох. Используя словарь современного русского литературного языка: Неласковый, ая, ое; ков, а, о. Не расположенный к ласковому обращению; суровый. [Аксюша:] <i>Что ты такой грустный, неласковый?</i> [Пётр:] <i>Да чему радоваться-то?</i> А. Остр. Лес. Невесёлый, ая, ое; весел, весела, весело. Находящийся в грустном настроении; скучный. – А знаете ли, отчего он такой все невесёлый, всё молчит, знаете? Тург. Бежин луг. Слово невесёлый употребляется в 1-м значении. Мудрёный, ая, ое; мудрён, ена, о; <i>сравн. ст.</i> мудренее. Разг. Трудный для понимания, выполнения; сложный, замысловатый. О человеке. <i>Прежде чем я успел сказать хоть одно слово, мудрёный старик выкинул неожиданную и престранную штуку.</i> Леск. Александрит. Слово мудрёный употребляется в разговорной речи.	Атрибутивы: Используя словарь современного русского литературного языка: Смелый, ая, ое; смел, ла, смело. Не знающий страха, не боящийся опасностей; отважный, храбрый. <i>Смелый воин. – Смела ли Маша? – отвечала её мать. – Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья.</i> Слово смелый употребляется в 1-м значении. Лучший, ая, ее. Сравн. ст. к хороший (противопол. худший). <i>Лучшего командира для головного участка и не придумаешь.</i> Ажаев, Далеко от Москвы. Слово лучший употребляется в 1-м значении. Первый, ая, ое, <i>числит. порядк.</i> и в значен. <i>прил.</i> или <i>местоим.</i> Лучший из всех в каком-нибудь отношении, отличный, превосходящий всех остальных. <i>Я был первый ученик, поведения примерного, никогда наказаниям не подвергался.</i> Верес. В юные годы. Слово первый используется в 9-м значении. Вольный, ая, ое; лен, льна, о; <i>мн. ны.</i> Свободный, независимый. <i>Мы вольные птицы; пора, брат, пора. Туда, где за тучей белеет гора...</i> Пушкин. Узник. Слово вольный используется в 1-м значении.

Источник: составлено автором по: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Академия наук СССР, Институт языкознания. Москва; Ленинград, 1949–1965. С. 291–292, Т. 1, С. 739–740, Т. 14, С. 636, Т. 3, С. 84–85, Т. 9, С. 680, Т. 6, С. 735, Т. 7, С. 918, Т. 17, С. 1188, Т. 4, С. 950–951, Т. 7, С. 734, Т. 7, С. 1335–1336, Т. 6, С. 481–482, Т. 2, С. 1627–1628, Т. 5, С. 186, Т. 9, С. 677–679, Т. 6, С. 1338, Т. 13, С. 407, Т. 6, С. 413, Т. 9, С. 634, Т. 2; *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2004. С. 279–280.

Source: compiled by the author based on: *Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vol.* / USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow; Leningrad, 1949–1965. Pp. 291–292, vol. 1, pp. 739–740, vol. 14, pp. 636, vol. 3, pp. 84–85, vol. 9, pp. 680, vol. 6, pp. 735, vol. 7, pp. 918, vol. 17, pp. 1188, vol. 4, pp. 950–951, vol. 7, pp. 734, vol. 7, pp. 1335–1336, vol. 6, pp. 481–482, vol. 2, pp. 1627–1628, vol. 5, pp. 186, vol. 9, pp. 677–679, vol. 6, pp. 1338, vol. 13, pp. 407, vol. 6, pp. 413, vol. 9, pp. 634, vol. 2.; Dahl V.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language. Modern version.* Moscow, Eksmo Publ., 2004, pp. 279–280.

Атрибутив **мудрёный** образовался от слова **мудрый**. Грамматическое различие между словами мудрый и мудрёный в суффиксе -н. При этом лексическое значение этих слов будет отличаться. Используя словарь современного русского литературного языка, «**мудрый** – обладающий высшим знанием, большим умом, а **мудрёный** – трудный для понимания, выполнения; сложный, замысловатый»⁴. Таким образом, Танюша на первый взгляд кажется странной для окружающих. Она не всем открывается. А о её одарённом большом уме мы узнаем из функциональных сообщений.

Вася в сказке является крепостным. Слово **крепостной** в данном случае – это не прилагательное, не эпитет, а существительное (это субстантивация).

Обратимся к фрагменту «**из парня мастер не хуже сорокалетнего**»⁵. Если рассматривать данное выражение изолированно, то получается, что герой – сорокалетний. Оборот «**из парня мастер не хуже сорокалетнего**» показывает мастерство Васи в семнадцать лет.

Прилагательное **смел** употреблено в краткой форме. Так, прилагательное в краткой форме по сравнению с прилагательным в полной в некоторых случаях указывает на более интенсивный признак, придаёт формулировке характер категорического утверждения (*смел, хитёр, мал* и т. д.) [14].

Атрибутивы **первый, вольный** имеют полную форму прилагательного. Из чего можно заключить, что для точности необходим анализ «функциональных сообщений».

По А.-Ж. Греймасу «функциональные сообщения», Р.Д. Урунова назвала их функции [12, с. 23], определяют сущность актанта. К ним принадлежат вербализация персонажей, которые осуществляют действия. Обычно функции выражены глаголами [12, с. 23]. А.-Ж. Греймас считает, что «функции

создают актанты». Вследствие чего функции в сказках имеют исключительный замысел. Поэтому рассмотрим все глаголы и глагольные образования, которые относятся к персонажам сказок.

Функцивы, Танюша:

1) «А пуще того девчоночка у ней младшенькая **слезами улилась, просит**:

– Мамонька, не продавай! Мамонька, не продавай! Лучше я **в люди пойду**, а тятину памятку побереги»⁶.

2) «По Степану шибко эта девчонка **убивалась**. Чисто **уревелась** вся, с лица **похудела, одни глаза остались**. Мать и придумала дать Танюшке ту шкатулку малахитову – пушай-де **позабавится**. Хоть маленькая, а девчоночка, – с малых лет им лестно на себя-то **навздевать**»⁶.

3) «Уедет мать со старшими парнишками на покос или ещё куда, Танюшка **останется домовничать**»⁶.

4) «Танюшка не то что к чужим, **к своим неласковая была**, а к этой женщине так и **льнёт**, так и **льнёт**»⁶.

5) «**Нашла** себе новую родню. К матери **не подойдёт**, а к бродяжке **прилипла!**

А та ещё ровно дразнит, всё Танюшку дитятком да доченькой зовёт, а крещёное имя ни разочку не помянула. Танюшка **видит**, что мать в обиде, а не может себя сдержать. До того, слышь-ко, **вверилась** этой женщине, что ведь **сказала** ей про шкатулку-то!»⁷

6) «Танюшка **глядит** на эту барыню, **дивится** на неё и только тут **заметила**:

– Ведь камня-то на ней тятини! – **сойкала** Танюшка, и ничего не стало»⁶.

7) «Настасья на эти покоры только вздыхает:

– Ой, бабоньки, и сама не ведаю. И так-то у меня девка мудрёная была, а колдунья эта проходящая вконец её извела. Станешь ей говорить, а она **уставится** на свою колдовскую пуговку и **молчит**. Так бы и выбросила эту проклятую пуговку, да по делу она ей на пользу. Как шелка **переменишь** или что, так в пуговку и **гляди**»⁷.

⁴ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Академия наук СССР, Институт языкознания. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949–1965. Т. 6. С. 1335–1336, 1339.

⁵ Золотые руки: сборник сказок народов СССР о мастерстве в труде. Москва; Ленинград: Детгиз, 1948. 64 с.

⁶ Бажов П.П. Сочинения в трёх томах. Т. I. М.: Правда, 1986. 364 с.

⁷ Там же.

8) «Глянул на неё Паротя и слова потерял. Ну, ни в каких землях такой красоты не видывал. Стоит как дурак, а она *сидит* – *по-малкивает*, будто её дело *не касается*»⁷.

9) «Барин тут при всех и говорит:

– Выходи за меня замуж. Согласна?

Танюшка только *усмехнулась*:

– Не под стать бы ровно барину такое говорить. – *Сняла* уборы и *ушла*. Только барин не отстаёт. На другой день свататься приехал. Просит-молит Настасью-то: отдай за меня дочь.

Настасья говорит: – Я с неё воли не снимаю, как она *хочет*, а по-моему – будто не подходит.

Танюшка *слушала-слушала*, да и *молвит*:

– Вот что, не то... *Слышала* я, будто в царском дворце есть палата, малахитом тятиной добычи обделанная. Вот если ты в этой палате *царицу мне покажешь* – *тогда выйду за тебя замуж*»⁸.

10) «А *Танюшка стоит спокойненько, хоть бы бровью повела*, будто барина вовсе нет»⁸.

11) «Царица вышла в комнату-то, куда назначено. Глядит – никого нет. Царицыны наушницы и доводят – *турчаниновска невеста всех в малахитову палату увела*. Царица поворчала, конечно, – что за самовольство! Запотопывала ногами-то. Осердилась, значит, маленько. Приходит царица в палату малахитову. Все ей кланяются, а Танюшка *стоит – не шевельнется*.

Царица и кричит:

– Ну-ко, показывайте мне эту самовольницу – турчаниновску невесту!

Танюшка это *услышала, вовсе брови свела, говорит* барину:

– Это ещё что придумал! Я *велела мне царицу показать*, а ты подстроил меня ей показывать. Опять обман! *Видеть* тебя больше *не хочу*! Получи свои камни!

С этим словом *прислонилась к стенке малахитовой и растаяла*. Только и осталось, что на стенке камни сверкают, как прилипли к тем местам, где голова была, шея, руки»⁸.

Функтивы, Вася:

1) «Только Вася, внучек Игната, с малолетства около деда *сидел* да, на его работу *глядя*, сам камни *резать научился*»⁸.

2) «*Любил* Вася свою работу. Другие ребята, бывало, в свободную минуту на улице бегают да в бабки играют, а Вася *возьмёт* камень в руки, *глядит* на него часами, *изучает*: где какая жилка проходит, да как по камню краски расходятся – где светлее, где гуще, да как его обточить нужно, чтобы всю его природную красоту показать.

Сядет за станок, *начнёт* из ненужных камешков то одно, то другое *вытачивать* – ребята и игру бросят, стоят вокруг него, дивятся, расспрашивают. А Вася *молчит, знай* своё дело *делает*: желанного узора или отделки *добивается*»⁹.

3) «*Найдёт* Вася камень красивый, *задумает* из него, скажем, корбочку *вырезать*, а приказчик тут как тут»⁹.

4) «*Слышит* это Вася, *замирает* у него *сердце*»⁹.

5) «И дед Игнат на старости лет от непосильной работы отдохнуть сможет, и сам Вася не по чужой указке, *а по своей мысли работать станет*»⁹...

Рассмотрим метафоры «*слезами улилась*»⁹ и «*остались одни глаза*»⁹. Данные фрагменты показывают максимально выраженные чувства Танюши к своему отцу. Дается экспрессивно-эмоциональная оценка. Эти обороты содержат дополнительную положительную оценку. Используя словарь современного русского литературного языка:

Литься, льётся, *прош.* лился, лась, лось, *повел.* лейся, *дееприч.* (устар.) лиясь. *несов.* Течь струёй. *Чем обильнее лились слёзы, тем ужаснее становилась душевная боль*¹⁰.

Слово **литься** используется в 1-ом значении.

Функтивы *так и льнёт, так и льнёт* и *слушала-слушала* усиливают действие персонажа. Данные обороты показывают привязанность и внимательное отношение Танюши к Хозяйке Медной горы.

Используя словарь современного русского литературного языка:

⁹ Там же.

¹⁰ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 6. С. 271-272.

⁸ Бажов П.П. Сочинения в трёх томах. Т. I.

Льнуть, льну, льнёшь, *несов., неперех.* Нежно прижиматься к кому-либо; ласкаться. *Ребёнок льнёт к матери*¹¹.

Слово **льнуть** употребляется во 2-м значении.

Слушать, аю, аешь, *несов., перех. и неперех.* Воспринимать слухом какие-либо звуки; обращать, направлять слух на какие-либо звуки, чтобы услышать. *Иногда случается, учитель улавливает его невниманье. – Вот видите, Рогов, вот не слушаете и ничего не знаете.* Сераф. Серёжа¹¹.

Слово **слушать** используется в 1-м значении.

Глагол **ввериться** мотивирован существительным **вера**. Используя словарь современного русского литературного языка:

Вверять, яю, яешь, *несов.;* **вверить**, я верю, вверишь, *сов. перех.* Основываясь на доверии, поручать заботам. Попечению кого-либо, отдавать в чьё-либо управление, распоряжение. *Не все педагоги настолько проникательны, чтобы угадать природу ребёнка, вверенного их воспитанию*¹¹.

¹¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 6. С. 419-420; Т. 13. С. 1297-1298; Т. 2. С. 77-78.

Функтив **ввериться** показывает, как Танюша всецело доверилась бродяжке, не зная, что она горная хозяйка.

П.П. Бажов в сказке использует глагол **навздевывать**. Используя словарь русских народных говоров:

Навздёвывать, ая, аешь, *несов.;* навздевать, аю, аешь, *сов.;* *перех.* Надевать на кого-либо несколько однородных предметов одежды. Наверх рубахи навздёвывают сарафан¹².

Тем самым, функтив **навздёвывать** передаёт колорит русского народа через говор.

Также у П.П. Бажова мы можем наблюдать словарь диалектов, который он сам составил. Например, функтив **сойкала** употребляется, как диалектическое подражание. Используя, словарь П.П. Бажова:

Сойкнуть – вскрикнуть от испуга, неожиданности (от междометия «ой») ¹³.

Анализ функтивов персонажей Танюши и Васи отмечен глаголами зрительного восприятия, ментальной сферы, описывающими создание объекта и показывающими в целом какое-либо активное действие (табл. 3).

¹² Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарный сектор. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. С. 164.

¹³ Бажов П.П. Сочинения в трёх томах. Т. II. С. 336.

Таблица 3

Анализ функтивов персонажей Танюши и Васи

Table 3

Analysis of the functionals of the characters Tanyusha and Vasya

Танюша	Вася
Глаголы зрительного восприятия	
<i>Видит, огляделась, заглянула, век бы на них глядела, установилась, сидит-пomalкивает</i>	<i>Смотрит, разглядывает, рассматривает, любит, насмотрелся, озирается, видит, глядит, глаз не сводит, хочу поглядеть, погляжу</i>
Глаголы ментальной сферы	
<i>Придумала; Танюшка все переняла, будто раньше которое знала</i>	<i>Думает, задумает, изучает</i>
Глаголы, описывающие создание объекта	
<i>Вышла</i>	<i>Вырезать, вытачивать</i>
Глаголы, описывающие в целом какое-либо активное действие	
<i>Научилась шелками да бисером шить; поучится, сколь понятия хватит</i>	<i>Знай себе делает, сдeлал, работает, выкуплю, исполню, выучился, добивается</i>

Источник: как в табл. 1.

Source: as in table 1.

Важно отметить, что Танюша и Вася в сказках характеризуются как персонажи, убегающие говорить. Упор делается на их действие (табл. 4).

Вызывает интерес пространственное пребывание героев. Вася перемещается в пространстве, пребывает в движении (*выступает, вышел, идёт, стал ходить, приходит,*

Таблица 4

Анализ функционалов персонажей Танюши и Васи

Table 4

Analysis of the functionals of the characters Tanyusha and Vasya

Танюша	Вася
1) Придумала, уставится на свою колдовскую пуговку и молчит . 2) Как шелка переменить или что, так в пуговку и глядит.	1) <i>А Вася молчит, знай своё дело делает.</i> 2) Пробовал Вася возражать... 3) Обидно Васе, а спорить нельзя. 4) <i>Вася шепчет...</i> 5) Вздохнул раз-другой, примолк... 6) <i>А Вася работает и молчит»...</i>

Источник: как в табл. 1.
Source: as in table 1.

Таблица 5

Обобщение «корпуса высказываний» персонажей Танюши и Васи

Table 5

Generalization of the “corpus of statements” of the characters Tanyusha and Vasya

Танюша	Вася
1) Танюша была привязана к своему отцу. 2) С самого детства она была красивой девочкой. 3) Стала она мастерицей . 4) К чужим была неласковая . 5) Любила примерять драгоценности, которые подарил ей отец. 6) Танюша все мастерство переняла у бродяжки, которая оказалась Хозяйкой медной горы. 7) Она много работала, шила на заказ. 8) Хозяйка медной горы подарила Танюше пуговку, которая помогала ей в решении важных вещей. 9) По красоте не уступала столичным красавицам, но не пользовалась своей внешностью. 10) Не вышла замуж за барина, так как он был подвергнут общественному мнению. 11) Танюша не признавала земную царицу. 12) Танюша предпочла жизнь у Хозяйки медной горы.	1) Вася – внук старого резчика Игната. 2) С малолетства сам камни резать научился. Любил свою работу, изучал камни, подбирали под каждый камень своё изделие, свой узор. 3) Вызывается сделать для барина каменную чашу. 4) Отправляется на поиски цветка. 5) Расспрашивает деда про горную хозяйку. 6) Отправляется в дальнюю шахту на поиски горной хозяйки и цветка для чаши. Намеревается вырезать чашу и выкупить себя и деда Игната. 7) Встречает горную хозяйку и остаётся у неё на обучение. 8) Вырезает каменную чашу невиданной красоты. 9) Отвергает предложение горной хозяйки остаться, несмотря на её предупреждение забрать чашу. 10) Возвращается благополучно к деду Игнату с чашей. 11) Угождает барину, получает вольную, с дедом Игнатом становится первым вольным мастером.

Источник: как в табл. 1.
Source: as in table 1.

Таблица 6

Танюша и Вася – «герои»

Table 6

Tanyusha and Vasya are “heroes”

Общее:	
Танюша	Вася
1. Получают знание от другого персонажа	
От Хозяйки Медной горы.	От Игната, от мастеров горной хозяйки.
2. Встречаются с дарителем (он же помощник)	
С Хозяйкой Медной горы.	С горной хозяйкой.
3. Героя узнают по мастерству	

Источник: как в табл. 1.
Source: as in table 1.

направился, проберусь, вернусь, спустился, пошёл, шёл, шагнул и т. д.). А Танюша основное своё время находится дома, чтобы примерить украшения, подаренные отцом: **(стала шкатулку доставать; останется домовничать; достанет шкатулку и перебирает камешки, любит, на себя примеряет; урвёт часок поиграть)**. Хозяйка Медной горы приходит сама к Танюше, в облике странницы, для обучения мастерству, а Вася сам приходит к горной хозяйке, чтобы перенять знание её мастеров. Герой не остаётся у горной хозяйки, а возвращается в надземный мир **(А только шёл я сюда не за тем, чтобы всю жизнь под землёй оставаться и тебе служить. ...Хоть и с пустыми руками, а должен я домой вернуться. ...А оставаться мне тут не с руки)**. В сказке «Малахитовая шкатулка» мир Хозяйки Медной горы закрыт **(прислонилась к стенке малахитовой и растаяла)**. Из этого следует, что Танюша уходит в волшебный подземный мир.

Таким образом, в результате обобщения приведённого «корпуса высказываний» были выявлены следующие характеристики *Танюши* и *Васи* (табл. 5).

Исходя из классификации В.Я. Проппа и методики А.-Ж. Греймаса следует, что *Танюша* и *Вася* являются «героями» (табл. 6).

В сказках «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша» присутствуют функции, по В.Я. Проппу, свойственные только *Танюше* либо только *Васе*. Например, Танюша в сказке:

– подвергается нападению (пытаются украсть шкатулку);

– получает волшебное средство от помощника (получает волшебную пуговку, которая помогает в выборе ткани или другого, от Хозяйки Медной горы);

– покидает дом, безвозвратно. Спасается от людей, не понимающих её. Приходит сама во дворец и растворяется в стене, в малахитовой комнате;

Вася имеет следующие функции, отличающие от Танюши:

– вызывается на задание (выполнить каменную чашу невиданной красоты);

– отправляется на поиски (здесь можно усмотреть функцию героя-искателя);

– добывает искомое / выполняет задание;

– возвращается домой;

– получает награду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, произведённое филологическое исследование показывает, что модель сказок «Малахитовая шкатулка» полная семиперсонажная, а схема сказки «Каменная чаша» является неполной. В народной сказке встречаются только пять актантов, отсутствует следующий актант – «ложный герой» и «антагонист». А.-Ж. Греймас назвал этот приём «отсутствующий актант»¹⁴. Тем самым, модели авторской и народной сказок состоят из следующих актантов (табл. 7).

¹⁴ Греймас А.-Ж. Размышление об актантных моделях. С. 132.

Таблица 7

Актанты авторской и народной сказок

Table 7

Actants of author’s and folk tales

«Малахитовая шкатулка»	«Каменная чаша»
1. Герой – Танюша	1. Герой – Вася;
2. Искомый объект – шкатулка	2. Искомый объект – каменная чаша;
3. Антагонист – Турчанинов, царица, незнако- мый человек, Паротя, Паротина баба, лакей	3. Даритель – горная хозяйка, барин + при- казчик
4. Даритель – Хозяйка Медной горы, Настасья	4. Помощник – горная хозяйка, Игнат, барин
5. Помощник – Хозяйка Медной горы, Наста- сья, знающий человек	+ приказчик;
6. Отправитель – Хозяйка Медной горы	5. Отправитель – Игнат
7. Ложный герой – барин Турчанинов, лакей, Паротя	

Источник: составлено автором по: Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998, 512 с.

Source: compiled by the author based on: Propp V.Ya. *Morphology of a Magic Tale*. Moscow, Labirint Publ., 1998, 512 p.

Для создания более точной модели, по А.-Ж. Греймасу, необходимо учитывать изменение актантных единиц в сюжете сказки, так как они могут расщепляться, соединяться или «отсутствовать» [3]. При построении модели происходит, в первую очередь, **расщепление** актантных единиц [4]. В сказке «Малахитовая шкатулка» «антагонист» **расщепляется** на 6 персонажей – Турчанинов, царица, незнакомый человек, Паротя, Паротина баба, лакей; «даритель» **расщепляется** на 2 персонажа – Хозяйка Медной горы и Настасья; помощник **расщепляется** на 3 персонажа – Хозяйка Медной горы, Настасья и знающий человек; ложный герой **расщепляется** на 3 персонажа – барин Турчанинов, лакей и Паротя. В сказке «Каменная чаша» «помощник» **расщепляется** на три персонажа – горная хозяйка, Игнат, барин + приказчик; «даритель» **расщепляется** на 2 персонажа – горная хозяйка, барин + приказчик. Персонажей барина и приказчика используем как одного персонажа, так как приказчик выполняет указы барина, и функция обоих персонажей будет одинакова. Имеет место и **синкретизм** актантов. В сказке «Малахитовая шкатулка» Хозяйка Медной горы совмещает функции 3-х актантов – «отправитель»,

«помощник», «даритель»; барин Турчанинов – 2-х актантов – «антагонист», «ложный герой»; Настасья – 2-х актантов – «помощник», «даритель»; Паротя – 2-х актантов – «антагонист», «ложный герой»; лакей – 2-х актантов – «антагонист», «ложный герой». А в народной сказке горная хозяйка, Игнат, барин + приказчик совмещают функции сразу двух актантов: горная хозяйка – «даритель» и «помощник»; Игнат – «помощник», «отправитель»; барин + приказчик – «помощник», «даритель».

Таким образом, в сказке «Малахитовая шкатулка» одиннадцать действующих лиц осуществляют семь сюжетобразующих функций, а в «Каменной чаше» 4 действующих лица выполняют пять сюжетобразующих функций, при этом два актанта «отсутствуют». Поэтому в авторской сказке наблюдается большой объём текста, а в народной – значительно меньший.

Филологический анализ по концепции В.Я. Проппа и методике А.-Ж. Греймаса, позволяет составить схемы сказок (рис. 1–2).

Выводы.

Общность:

В обеих сказках герои стремятся стать хорошими мастерами и становятся ими.

В сказках нет искомого персонажа. Здесь искомым объектом являются – каменная чаша в народной сказке, а в авторской – малахитовая шкатулка.

Различие:

В уральской народной сказке «Каменная чаша» актантная модель является неполной, в уральской сказке П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» модель полная семиперсонажная. В народной сказке герой – молодой

человек, а в авторской сказке – девушка. Вася стремится стать мастером на земле, а Танюша – в царстве Хозяйки Медной горы.

Таким образом, исследования В.Я. Проппа и А.-Ж. Греймаса позволяют в наше время, при использовании семиперсонажной схемы В.Я. Проппа и актантной модели А.-Ж. Греймаса, проанализировать любой текст, обозначив значения актантов и их функции.

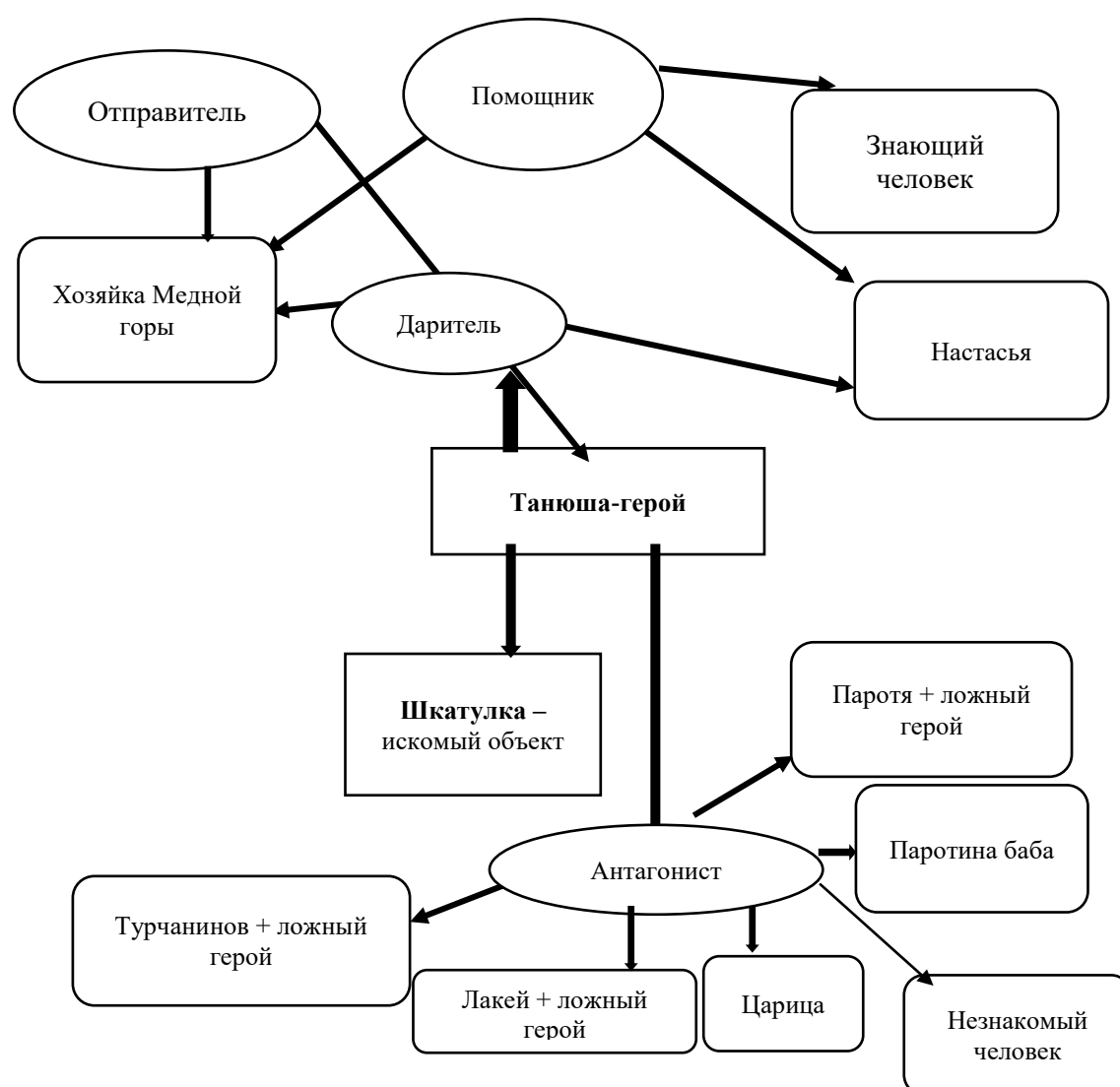

Рис. 1. Схема актантной модели сказки «Малахитовая шкатулка»
Fig. 1. Scheme of the actantial model of the fairy tale "The Malachite Box"

Источник: построено автором с использованием материалов [15].
Source: constructed by the author using materials [15].

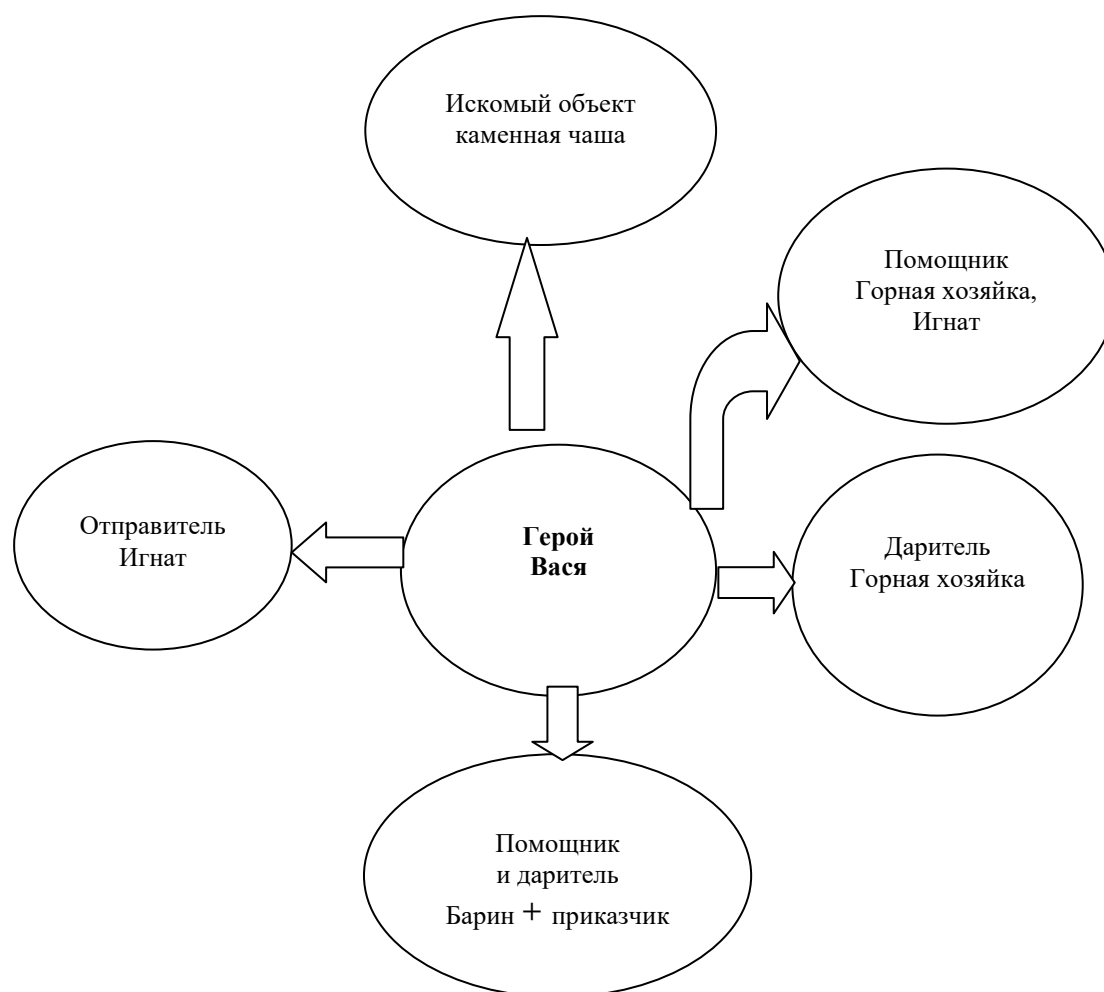

Рис. 2. Схема актантной модели сказки «Каменная чаша»

Fig. 2. Scheme of the actantial model of the fairy tale “The Stone Bowl”

Источник: построено автором с использованием материалов [13].
Source: constructed by the author using materials [13].

Список источников

1. Корнеева А.В., Кузина Е.В., Надеждина Е.Ю. Русские и немецкие сказки как объект анализа в исследовании менталитета нации // Язык и культура. 2023. № 61. С. 47-62. <https://doi.org/10.17223/19996195/61/4>, <https://elibrary.ru/xkwlzl>
2. Салмин А.К. Жанровые особенности богатырских сказок: теоретические изыскания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 285-297. <https://doi.org/10.17223/19986645/70/16>, <https://elibrary.ru/utlvvq>
3. Трошкова А.О. Сюжет ученик чародея в восточнославянской и западнославянской традиции (на материале русских и лужицких волшебных сказок) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. № 23-2. С. 1022-1037. <https://doi.org/10.30842/ielcp230690152376>, <https://elibrary.ru/ulvury>
4. Алиева А.И. Пётр Карлович Услар – основоположник кавказской фольклористики // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 1. С. 388-413. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-388-413>, <https://elibrary.ru/txesgo>
5. Декатова К.И. Когнитивно-семиологический подход к исследованию смыслообразования языковых единиц в художественном тексте // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 277-289. <https://doi.org/10.17223/18137083/71/23>, <https://elibrary.ru/uwoscs>

6. Липатова Е.В. Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте // Нефилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 67-75. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
7. Урманчиева А.Ю. Использование глагольных форм для структурирования нарратива и маркирования текстов различных жанров в диалектах хантыйского // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2021. Т. 3. № 17. С. 287-323. <https://doi.org/10.30842/alp23065737173287323>, <https://elibrary.ru/bryptj>
8. Тюпа В.Ю. Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 29-44. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.102>, <https://elibrary.ru/unlzxh>
9. Силантьев А.И. Теория дискурса в современном литературоведении // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 210-221. <https://doi.org/10.17223/18137083/84/15>, <https://elibrary.ru/ttsceo>
10. Иванова С.В., Ларина Т.В. Теория Смысл ⇔ Текст и лингвистическая вселенная И.А. Мельчука // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 4. С. 857-880. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32635>, <https://elibrary.ru/iczxld>
11. Неклюдов С.Ю. Владимир Пропп: от «морфологии» к «истории» (к 75-летию опубликования «Исторических корней волшебной сказки») // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57). С. 100-132. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00038>, <https://elibrary.ru/npkujh>
12. Урунова Р.Д. Концепция В.Я. Проппа и актантный анализ текстов // Учёные записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Серия: Лингвистика / под ред. А.И. Фефилова. Ульяновск: УлГУ, 2019. Т. 1 (23). С. 22-25. <https://elibrary.ru/twdwur>
13. Урунова Р.Д. Лингвистическое процедурное обеспечение исследований сюжета русской сказки // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2021. Т. 31. №. 6. С. 1343-1350. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-6-1343-1350>, <https://elibrary.ru/xhmvfo>
14. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка: нормы употребления слов, фразеологических выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2012. 422 с.
15. Кормакова С.Т., Урунова Р.Д. Лингвистический анализ способов вербализации персонажей в сказочном тексте (на материале сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка») // Научные исследования и разработки молодых учёных: материалы науч.-практ. конф. аспирантов и молодых учёных, посвящ. Дню аспиранта / под ред. В.Н. Голованова. Ульяновск: УлГУ, 2023. С. 534-545.

References

1. Korneeva A.V., Kuzina E.V., Nadezhkina E.Yu. Russian and German fairy tales as the object of national mentality analysis. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, 2023, no. 61, pp. 47-62. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/61/4>, <https://elibrary.ru/xkwzli>
2. Salmin A.K. Genre peculiarities of heroic fairy tales: theoretical research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 70, pp. 285-297. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/70/16>, <https://elibrary.ru/utlvvq>
3. Troshkova A.O. The tale type “The Magician and His Pupil” in East Slavic and West Slavic traditions (based on Russian and Lusatian ATU 325 fairy tales). *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya = Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2019, no. 23-2, pp. 1022-1037. (In Russ.) <https://doi.org/10.30842/ielp230690152376>, <https://elibrary.ru/ulvury>
4. Alieva A.I. Pyotr Karlovich Uslar – the founder of Caucasian folklore. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 1, pp. 388-413. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-388-413>, <https://elibrary.ru/txesgo>
5. Dekatova K.I. Cognitive and semiological approach to the study of meaning making of linguistic units in a literary text. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 2, pp. 277-289. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18137083/71/23>, <https://elibrary.ru/uwoscs>
6. Lipatova E.V. Representation of the Samarkand text in the linguocognitive aspect. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 67-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
7. Urmanchieva A.Yu. Verbal forms as means for structuring narratives and text genre marking in Khanty dialects. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii = Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 2021, vol. 3, no. 17, pp. 287-323. (In Russ.) <https://doi.org/10.30842/alp23065737173287323>, <https://elibrary.ru/bryptj>

8. Tyupa V.Yu. Narratology and ethics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 29-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.102>, <https://elibrary.ru/unlzxb>
9. Silantiev A.I. Discourse theory in modern literary studies. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 210-221. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18137083/84/15>, <https://elibrary.ru/ttsceo>
10. Ivanova S.V., Larina T.V. “Meaning ⇔ text” theory and the linguistic universe of Igor Melchuk. *Russian Journal of Linguistics*, 2022, vol. 26, no. 4, pp. 857-880. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32635>, <https://elibrary.ru/iczxld>
11. Neklyudov S.Yu. Vladimir Propp: from “morphology” to “history” (in honor of the 75th anniversary of the first edition of the “Historical Roots of the Wondertale”). *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2021, no. 2 (57), pp. 100-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00038>, <https://elibrary.ru/npkujh>
12. Urunova R.D. The concept of V.Ya. Propp and actantial analysis of texts. Scientific notes of Ulyanovsk state university. In: *Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Aktual'nye problemy teorii yazyka i lingvodidaktiki. Seriya: Lingvistika*. Ulyanovsk, USU Publ., 2019, vol. 1 (23), pp. 22-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/twdwur>
13. Urunova R.D. Linguistic procedural support for the research of the Russian fairy tale plot. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2021, vol. 31, no. 6, pp. 1343-1350. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-6-1343-1350>, <https://elibrary.ru/xhmvfo>
14. Belchikov Yu.A. *Practical Stylistics of the Modern Russian Language: Norms of Using Words, Phraseological Expressions, Grammatical Forms and Syntactic Constructions*. Moscow, AST-Press Publ., 2012, 422 p. (In Russ.)
15. Kormakova S.T., Urunova R.D. Linguistic analysis of the methods of verbalization of characters in a fairy tale text (based on the fairy tale by P.P. Bazhov “The Malachite Box”). *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii aspirantov i molodykh uchenykh, posvyashchennoi Dnyu aspiranta «Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh» = Proceedings of Materials of the Scientific and Practical Conference of Postgraduate Students and Young Scientists, Dedicated to the Postgraduate Day “Scientific Research and Development of Young Scientists”*. Ulyanovsk, USU Publ., 2023, pp. 534-545. (In Russ.)

Информация об авторе

КОРМАКОВА Сожида Тахиржоновна, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-3860-4146>, sojiden@mail.ru

Вклад в статью: разработка концепции исследования, филологический анализ корпуса высказываний персонажей, актантный анализ полученных результатов, разработка авторской методики, освоение метода, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 05.06.2024
Поступила после рецензирования 04.10.2024
Принята к публикации 11.11.2024

Information about the author

Sozhida T. Kormakova, Senior Lecturer, Russian Language and Methods of its Teaching Department, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-3860-4146>, sojiden@mail.ru

Contribution: study conception development, philological analysis of the corpus of characters’ statements, obtained results actantial analysis, original methodology development, method mastering, manuscript text drafting.

Received June 5, 2024
Revised October 4, 2024
Accepted November 11, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81.373.211

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-838-850>

Шифр научной специальности 5.9.5

Имя собственное в нормативно-научном тексте

Нина Алексеевна Максимчук

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ nmaximchuk@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Способность имени собственного отражать как собственно предметные сведения, так и многоплановую фоновую информацию ставит его в один ряд с основным носителем научного знания – термином. В исследовании языкового выражения знания актуальным становится вопрос о роли и месте ономастической лексики в содержании школьного образования. Целью исследования является анализ качественного состава, количественных параметров и характера взаимоотношений имён собственных в структуре существующих учебных текстов, что позволит сформулировать требования к организации ономастического наполнения вновь создаваемых текстов. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужил массив имён собственных, извлечённых методом сплошной выборки из текстов учебников и программ по всем предметам общего среднего образования конца 1980-х – начала 2000-х гг. При обработке полученного материала, представленного в формате Базы данных, использовались аналитический, сопоставительный, полевой методы, элементы статистического метода. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Определено общее количество и состав ономастических единиц в учебных текстах, установлены показатели частотности и распространённости данных единиц, разграничены ядерные и периферийные компоненты данного ономастического пространства, выявлено соотношение повторяющихся и единичных онимов, охарактеризована их роль в выражении предметного знания, сформулированы условия оптимальной организации учебного ономастического пространства. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Полученные данные дают представление об объёме и характере ономастического фрагмента общеобязательного научного знания, отражаемого в нормативно-научных текстах анализируемой эпохи. Эти результаты создают основу для реализации системного подхода к организации ономастической лексики в рамках нормативно-научных текстов. Сопоставление полученных данных с данными других временных отрезков позволит определить ономастический инвариант и переменные элементы в разновременных представлениях о составе базового ономастического знания.

Ключевые слова: имя собственное, знание, нормативно-научный текст, ономастическое пространство, системная организация, количественные характеристики

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Максимчук Н.А. Имя собственное в нормативно-научном тексте // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 838-850. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-838-850>

Proper name in a normative scientific text

Nina A. Maksimchuk

Smolensk State University
4 Przhivalsky St., Smolensk, 214000, Russian Federation
✉ nmaksimchuk@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The ability of a proper name to reflect both subject information and multifaceted background information puts it on a par with the main carrier of scientific knowledge – a term. In the study of linguistic expression of knowledge, the question of the role and place of onomastic vocabulary in the content of school education becomes relevant. The purpose of the study is to analyze the qualitative composition, quantitative parameters and nature of the relationship of proper names in the structure of existing educational texts, which will allow us to formulate requirements for the organization of the onomastic content of newly created texts. **MATERIALS AND METHODS.** The research material was an array of proper names extracted by the method of continuous sampling from the texts of textbooks and programs on all subjects of general secondary education in the late 1980s – early 2000s. When processing the obtained material, presented in the Database format, analytical, comparative, field methods, elements of the statistical method were used. **RESULTS AND DISCUSSION.** The total number and composition of onomastic units in educational texts were determined, the frequency and prevalence rates of these units were established, the core and peripheral components of this onomastic space were distinguished, the ratio of recurring and single onyms was revealed, their role in expressing subject knowledge was characterized, and the conditions for the optimal organization of educational onomastic space were formulated. **CONCLUSION.** The obtained data provide an idea of the volume and nature of the onomastic fragment of the generally binding scientific knowledge reflected in the normative scientific texts of the analyzed era. These results create the basis for the implementation of a systematic approach to the organization of onomastic vocabulary within the framework of normative scientific texts. Comparison of the obtained data with data from other time periods will allow us to determine the onomastic invariant and variable elements in different time concepts of the composition of basic onomastic knowledge.

Keywords: proper name, knowledge, normative scientific text, onomastic space, quantitative characteristics

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Maksimchuk, N.A. Proper name in a normative scientific text. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):838-850. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-838-850>

ВВЕДЕНИЕ

Влияние языка на формирование человека и общества в той или иной мере осуществляется с момента осознанного (языковленного) взаимодействия человека и окружающей среды и первоначально реализуется по преимуществу стихийно. С появлением института образования это влияние в определённой своей части приобретает целенаправленный характер, что обеспечивается возможностью государственных структур по-

средством образовательных инструментов транслировать молодому поколению определённую (научную и социально-значимую)¹

¹ Понятие социально-значимой информации связано с понятием «социальная память» – «накопленная в ходе социально-исторического развития информация, зафиксированная в результате практической и познавательной деятельности, передаваемая из поколения в поколение с помощью социокультурных средств и являющаяся основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития» [Ребане Я.К. Принцип социальной памяти // Философские науки. 1977. № 5. С. 106].

информацию, усвоение которой с точки зрения данного общества является необходимым для социализации и идентификации его новых членов. Информация, преобразуясь в процессе познавательной деятельности в *категорию знания*, имеет важнейшее значение в формировании личности человека.

В основе школьного образования (официально именуемого в обязательной своей части базовым) лежит так называемое *базисное знание*, поскольку в школе даются основы наук, определённые в официально принятых нормативных документах. Базисное научное знание создаёт фундамент для неограниченного углубления в предмет, обеспечивая возможность в дальнейшем соотносить с ним как абсолютно достоверным любое новое знание. Обязательный характер среднего образования позволяет охарактеризовать знание, составляющее его содержание, как *общеобязательное*, а процесс школьного образования (в его основной части) – как освоение *общеобязательного научного знания* (ОНЗ). Актуальность проблемы определения объёма, структуры, способов и средств представления общеобязательного знания обусловлена ролью и местом ОНЗ в процессе образования и формирования личности человека в целом [1].

Важнейшим средством обучения был и остаётся учебник как совокупность текстов по заданной учебными программами тематике. В современных исследованиях учебный текст рассматривается разносторонне: в комплексном лингвистическом, жанровом аспекте: А.Е. Оксенчук [2], О.В. Подолина [3], Т.Н. Николаева [4] и др., в когнитивном: Ч.Р. Зиганшина, Э.М. Вильданова, Т.В. Мазаева, А.Р. Петунина [5], А.В. Кашеева [6], А.А. Рубас, А.С. Щербак, А.Е. Агманова [7] и др., психолого-педагогическом: Е.П. Александров, М.В. Воронцова [8] и др., социокультурном, лингвокультурологическом: А.Е. Агманова, А.А. Рубас [9], Н.Л. Шубина, А.С. Балыева [10] и др., дидактическом, методическом аспектах. Активно разрабатывается проблема определения уровня сложности, «читабельности» учебного текста, соотносимого с его лексической плотностью и характером преобладающих синтаксических

структур: Г.М. Гиниятуллина, М.И. Солнышкина, Р.В. Куприянов, Ч.Р. Зиганшина [11] и др., для анализа больших массивов учебных текстов активно привлекаются различные модификации количественных методов: А. Параскив, М. Даскалу, М.И. Солнышкина [12], С.Н. Андреев, Н.А. Максимчук [13] и др.

Большое внимание уделяется значению текста как многофункциональной основы учебной деятельности, в ходе которой субъекты учебного процесса воспринимают информацию, понимают, осмысливают, переосмысливают, анализируют, систематизируют, интерпретируют, комментируют, воспроизводят, компилируют, «в результате чего развиваются интеллектуальные и духовные потенциалы личности» [8, с. 57-58]. При всём разнообразии современных подходов к учебному тексту в исследованиях его многочисленных и разноплановых функций первую позицию устойчиво сохраняет функция «передачи учебной информации с учётом социально-демографических и индивидуально-психологических характеристик обучающихся» [8, с. 58].

В русле разрабатываемого подхода исследовательское внимание сосредоточено именно на информационной составляющей учебных текстов, что подчёркивается применением для их обозначения определения *нормативно-научные* (ННТ), поскольку объём и характер излагаемой в них *научной информации* регламентируется (*нормируется*) официальными *нормативными* документами. Совокупность нормативно-научных текстов формирует *нормативно-научную картину мира русской языковой личности* (ННКМ) как систему организации и языкового представления общеобязательного знания [1].

В структуре ННТ выделяются его опорные (базовые) единицы – носители научного знания, к которым, наряду с термином относятся имя собственное. Если ведущая роль термина в составе ННТ очевидна², поскольку

² Комплексная характеристика лингвистической терминологии в учебниках русского языка представлена в работе: *Ильина А.М.* Лингвистический компонент нормативно-научной картины мира школьника: содер-

определяется его статусом «минимального носителя научного знания» (С.Е. Никитина), то признание за именем собственным способности накапливать, хранить и передавать внеязыковую информацию является одним из следствий развития когнитивного направления в современных лингвистических исследованиях (см., например: [14; 15] и др.). Роль имени собственного в формировании общеобязательного научного знания обусловлена следующим. Во-первых, значительная часть собственных имён участвует в выражении собственно предметного знания, в том числе – через образование номенклатуры той или иной предметной сферы, составляя переходную зону между терминологией и онимией [16]. Во-вторых, имя собственное как знак культуры [17] и др. является носителем лингвокультурной ценности³, благодаря чему онимы не только являются полноценным средством языкового выражения знания культурологического характера, но и выступают в роли ономастических маркеров единого культурного пространства [18; 19].

Цель исследования – проведение анализа качественного состава и количественных характеристик имён собственных в нормативно-научных текстах рассматриваемого периода; определение соотношения частотных и единичных онимов; установление взаимоотношений одноимённых онимов на внутрипредметном и межпредметном уровнях. На основе полученных данных могут быть сформулированы принципы системного распределения имён собственных (с учётом актуального фрагмента содержания) в структуре *нормативно-научных текстов, макротекстов, гипертекста* [20]. Определение состава и структуры ономастического наполнения нормативно-научных текстов позволит полу-

чить представление о характере научного и лингвокультурологического знания, имеющего с позиций научных и социокультурных доминат общественного сознания данного периода статус общеобязательного.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источником материала исследования послужили тексты около 190 учебников и программ по основным предметам общего среднего образования: *астрономии, географии, биологии, химии, физике, математике и информатике, истории и обществознанию, русскому языку, литературе* и некот. др. Большинство охваченных источников изданы в 1990-е гг., отдельные учебники относятся к концу 1980-х – началу 2000 гг. (2002). Непосредственным объектом исследования стал массив ономастической лексики, извлечённой из данных источников методом сплошной выборки и представленный в формате Базы данных, отражающей следующие характеристики ономастической единицы: *предмет, класс, источник, страница, разряд, тематическая группа, ономастическое расширение* и некот. др. Использование элементов статистического метода, сопоставительного и полевого метода, метода реконструкции ассоциативно-культурного фона ИС позволило получить данные об общем количестве ИС в содержании ОНЗ и в конкретном типе ННТ, об общем количестве употреблений онимов в различных ННТ, о ядре и периферии исследуемых ономастических фрагментов ННKM, о составе и количестве ИС, функционирующих в текстах двух и более предметов, о соотношении разрядов ИС в ННТ разных типов и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ускорение цивилизационных процессов, характеризующее начало XXI века, отражается так или иначе на всех сферах жизни общества, одной из существенных проблем которого становится проявление (на фоне внешней глобализации) внутренних центростремительных тенденций, ведущее к усилению разобщённости на разных уровнях существова-

жательный и методический аспекты: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2008. 18 с.

³ Ономастический компонент отдельных фрагментов ННKM рассмотрен в работах: Кургузова Е.В. Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009. 20 с.; Голубничая А.В. Ономастическое пространство нормативно-научного макротекста «русский язык» в статике и динамике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2021. 22 с.

ния общества: межкультурном, межнациональном, межличностном, межпоколенческом и др. При ослаблении и разрушении социальных связей сложившийся на протяжении тысячелетий способ передачи – «из поколения в поколение» – культурно-исторической памяти, ценностных установок и др., обеспечивающих непрерывность существования семьи, народа, страны как целостного образования, утрачивает свои возможности. Основным средством воздействия на формирование представлений молодого человека о мире становятся неконтролируемые обществом электронные источники огромного объёма информации, значительная часть которой, с одной стороны, далека от достоверности, а с другой – сомнительна в отношении транслируемых моральных установок. В этих условиях практически единственным (по крайней мере – основным из в определённой мере управляемых) инструментом осознанного и целенаправленного взаимодействия общества и его новых членов как способа сохранения «социокультурной идентичности» остаётся школьное образование. Именно в процессе общеобязательного обучения в средней школе человек усваивает базовые знания, которые играют ключевую роль в формировании его и как языковой личности, и как полноценного члена данного социума. С учётом реалий нового времени школьное образование приобретает дополнительное значение, а его содержание требует особого внимания не только в отношении актуальности, достоверности, доступности, необходимости, достаточности транслируемого знания, но и с точки зрения реализации его личностнообразующей функции.

Однако проблема состоит в том, что система образования, как указывает В.П. Зинченко, «как бы повторяет путь развития науки, где интеллект в его технократической разновидности опередил развитие науки как целого. *Предметные знания в школе остаются разобщёнными, логический аспект преобладает в ущерб культурно-историческому и социокультурному* (курсив наш. – Н. М.). Связи между предметами устанавливаются на основе междисциплинарных научных знаний, а не через общечелове-

ческое содержание школьных дисциплин. В результате обучение приобретает формальный, абстрактный характер» [21]. Отметим, что, с одной стороны, в основе самой идеи о представлении «предметных знаний» как *нормативно-научной картины мира* [1] лежит стремление преодолеть существующую «разобщённость». С другой стороны, разделяя мнение В.П. Зинченко о решении этой проблемы путём реализации принципа предметности и содержательности «в *широком культурном контексте*» (курсив наш. – Н. М.) [20], подчеркнём, что в формировании этого контекста в учебных текстах существенная, если не определяющая, роль принадлежит имени собственному.

Имя собственное, будучи индивидуализированным обозначением реалий национально-культурного (в широком смысле) свойства, способно выполнять роль той нити, которая связывает эпохи, реалии, личности, события национальной истории и культуры и в итоге – прошлые, настоящие и будущие поколения. Для формирования «*широкого культурного контекста*» в образовательном процессе эти связи должны актуализированы, то есть, прежде всего, отражаться в учебных текстах предметов школьной программы. Однако для этого тексты учебников (содержание образования) должны строиться с учётом этой задачи и, следовательно, соответствовать определённым требованиям.

Основные направления в разработке проблемы ономастического наполнения нормативно-научных текстов могут быть сконцентрированы в трёх основных аспектах: 1) определение критериев отбора ономастической лексики как носителя общеобязательного научного и социокультурного знания (с учётом предметной принадлежности); 2) разработка принципов системной организации ономастического наполнения нормативно-научных текстов на *микро-, макро- и гиперуровнях* с учётом внутрипредметных и межпредметных связей; 3) установление способов необходимо-достаточного уровня раскрытия собственно предметного содержания ИС и его *ассоциативно-культурного фона* на различных этапах освоения общеобязательного

знания как необходимого условия формирования «широкого культурного контекста».

Касаясь первого аспекта проблемы, отметим, что в реальной ситуации создания учебных текстов (учебников) вопрос об отборе ономастического материала как самостоятельной проблеме сегодня не стоит. Включение в тексты учебника того или иного имени собственного (собственного наименования) является производным процесса формирования предметного содержания учебника, диктуемого учебными программами и образовательными стандартами, то есть определённые имена входят в состав учебного текста в какой-то степени автоматически. Однако при изложении предметной информации, связанной с тем или иным онимом (то есть *личностью, событием, местом* и т. д.), естественным образом возникает потребность (возможность) в привлечении сведений, касающихся его ономастического окружения. Это, в частности, приводит к различиям (иногда значительным) в общем составе и количестве собственных имён в однопредметных учебниках разных линий (авторов). Здесь закономерно возникает вопрос о необ-

ходимости/избыточности, предметной и дидактической целесообразности включения тех или иных периферийных онимов в структуру конкретного ННТ (общеобязательного знания) и т. д. Следовательно, вопрос о целесообразном составе ономастического наполнения нормативно-научных текстов школьных учебников остаётся открытым.

Необходимым этапом в разработке указанной проблемы является анализ существующих учебных текстов. Приведём некоторые результаты исследования на примере состава имён собственных в ННТ по географии и истории. При приведении количественных характеристик, полученных на основе Базы данных, обозначалось общее количество онимов и их употреблений в совокупном учебном тексте (макротексте) по предмету с указанием распределения по классам, а также с разграничением повторяющихся и единичных ИС. В табл. 1 представлены статистические данные об ономастическом наполнении географических ННТ.

В данных количественных характеристиках обращают на себя внимание несколько позиций. Во-первых, ожидаемо большое

Таблица 1

Количественные характеристики ономастического наполнения учебников по географии 2–10 классов

Table 1

Quantitative characteristics of onomastic content of geography textbooks for classes 2–10

Класс	Количество ИС в учебнике				Количество употр. ИС		Повторяемость ИС	
	Всего	В т. ч. единичн. употр.	Доля единичн. употр., в %	ИС без единичн.	Всего	Без единичн.	Средняя по всем именам	Без единичн. употр.
2, 3	154	105	68	49	355	250	2,3	5,10
4	76	61	80	15	124	63	1,63	4,20
5	162	98	60	64	568	470	3,5	7,34
6	244	111	45	133	1011	900	4,14	6,76
7	665	300	45	365	3246	2946	4,88	8,07
8	798	446	56	352	3805	3359	4,76	9,54
9	810	435	54	375	3537	3102	4,36	8,27
10	575	224	39	351	3959	3735	6,88	10,64
Итого	3484	1780	51	1704	16605	14825	4,76	8,70

Источник: рассчитано и составлено автором.

Source: estimated and compiled by the author.

Таблица 2

Количественные характеристики ономастического наполнения учебников по истории 3–11 классов

Table 2

Quantitative characteristics of onomastic content of history textbooks for classes 3–11

Класс	Количество ИС в учебнике				Количество употр. ИС		Повторяемость ИС	
	Всего	В т. ч. единичн. употр.	Доля единичн. употр., в %	Имен без единичн.	Всего	Без единичн. употр.	Средняя по всем ИС	Без единичн. употр.
3	155	101	65	54	288	190	1,85	3,51
4	313	202	64	111	698	496	2,23	4,46
5	238	119	50	119	1063	944	4,46	7,93
6	428	226	53	202	1458	1232	3,40	6,09
7	566	371	65	195	1649	1277	2,91	6,54
8	463	219	47	244	2010	1791	4,34	7,34
9	690	387	56	303	2259	1872	3,27	6,17
10	2991	1618	54	1373	12666	11085	4,23	8,07
11	724	370	51	354	3767	3397	5,20	9,59
Итого	6586	3631	55	2955	25858	22284	3,92	7,54

Источник: рассчитано и составлено автором.

Source: estimated and compiled by the author.

количество выявленных ИС, поскольку топонимы – географические названия, по понятным причинам составляющие основную часть данного ономастического массива, являются одним из двух (наряду с антропонимами) основных и, следовательно, наиболее многочисленных разрядов ономастической лексики. Во-вторых, в ННТ отмечается преобладание однократно используемых ИС (51 %) над единицами, употребляемыми два раза и более (49 %). В учебниках только трёх классов (6-го, 7-го, 10-го) количество гапаксов не достигает среднего показателя (45, 45 и 39 % соответственно). При этом заметны различия в соотношении этих показателей на разных этапах обучения. Так, в текстах для младших классов количество однократно встречаемых онимов может достигать 80 % (4-й класс)⁴. В-третьих, важными для оценки

ономастической (информационной) насыщенности текста являются данные о распределённости совокупного ономастического материала по этапам обучения. Здесь прослеживается последовательное увеличение объёма информации, которое, однако, нарушается дважды: частично в ННТ для начальных классов и в 10-м классе.

Значимость выявленных характеристик ономастического наполнения текстов по отдельному предмету будет увеличиваться по мере расширения сопоставительной базы. Приведём аналогичные данные для исторических ННТ (табл. 2) и сравним с количественными характеристиками онимов в ННТ по географии.

Общее количество имён собственных в исторических ННТ (8586) почти в два раза превышает этот показатель в ННТ по географии (3484), что имеет объективные причины, поскольку само предметное поле истории чрезвычайно широко и может включать имена самых разных предметных сфер, которые так или иначе касаются истории. При этом показатели средней повторяемости имён здесь достаточно близки (разница составляет

⁴ Ответ на вопрос о причинах и следствиях такого положения даст детальный анализ соответствующих текстов, однако отрицательное влияние такого факта на восприятие, понимание и усвоение их содержания, создающее не соотносимую с возможностями младшего школьного возраста информационную перегруженность, очевидно.

1,16 % в пользу географии). Более плавно, чем в географии, происходит насыщение ономастической лексикой исторических ННТ от 3-го до 9-го класса. «Ономастический взрыв» приходится на 10 класс, количество имён собственных в текстах которого практически равно общему количеству ИС в учебниках всех предыдущих классов. Обоснование целесообразности/нецелесообразности выявленного факта может быть получено путём анализа качественного состава ономастической лексики в этих ННТ.

Общее количество онимов в структуре языкового выражения ОНЗ по данным источникам, если учитывать совокупный состав ИС в ННТ отдельных предметных линий, включает около 12000 единиц: история, обществознание – 6586, география – 3484, литература (авторы и произведения) – 538, русский язык – 388, математика – 240, биология – 233, астрономия – 186, химия – 140, физика – 128. Однако в сводной таблице Базы данных общее количество имён собственных составляет около 7000 единиц, что почти в два раза меньше общей суммы, указанной выше. Это свидетельство активных межпредметных связей имён собственных, то есть примерно 5000 имён собственных содержательно значимы более чем для одного предмета.

Этот факт подводит ко второму аспекту рассматриваемой проблемы – необходимости системного описания ономастического наполнения ННТ с целью учёта системных отношений ИС при конструировании учебных текстов по разным предметам. Помимо содержательной (объективной) важности этого аспекта, следует отметить его познавательную (субъективную) значимость, которая обусловлена общефилософским положением о том, что необходимым элементом процесса познания является установление системных связей изучаемых объектов: «...чтобы понять действительность, надо найти системность, ей присущую (и зачастую никак неочевидную), надо от дробления, анализа её перейти к тем качествам, которые присущи именно целостной картине» [22] (Не случайно одним из важнейших и универсальных дидактиче-

ских принципов считается принцип системности).

Системность в представлении ономастического компонента содержания общеобязательного знания может рассматриваться на внутрипредметном и межпредметном уровнях. Анализ однопредметных ННТ обнаруживает в текстах отдельных классов значительное число общих имён собственных. В качестве иллюстрации приведём некоторые результаты сопоставления самых частотных имён в текстах учебников географии со 2 по 10 класс (табл. 3).

Эти данные, характеризующие наличие ономастических пересечений в анализируемых источниках, можно рассматривать как указатели текстовых зон, отвечающих за актуализацию системных связей на внутрипредметном уровне.

Второй стороной в формировании целостного представления о предмете изучения является опора на межпредметные связи. Так, география и история имеют объективные точки соприкосновения, пересечения, взаимозависимости (например, в плане географической привязки значимых исторических событий, в виде имён исторических личностей – первооткрывателей, оставивших свой персональный след на географической карте мира и т. д.), следовательно, в их ономастическом наполнении объективно заложена возможность (и потребность) учёта и отражения системных связей онимов, актуализирующих тот или иной компонент предметного содержания или ассоциативно-культурного фона в зависимости от предметного контекста. В составе общих списков, объединяющих всего лишь десять самых употребительных имён собственных в ННТ по географии и истории, уже обнаруживаются общие единицы (*Россия, Москва, Великий Новгород, Киев, Пётр Первый* и др.), что указывает на объективную взаимосвязь исторического и географического знания. Практическая сложность системного представления ономастического наполнения ННТ усиливается необходимостью определения места конкретного онима с учётом разноуровневых текстов по всем предметам школьных программ. Очевидно, что для качественного

Таблица 3

Повторяющиеся имена собственные в ННТ по географии:
количество употреблений с распределением по классам

Table 3

Recurring proper names in geography NNTs: number of uses by classes

Имя собственное	Количество употреблений / класс							
	2–3	4	5	6	7	8	9	10
Атлантический океан				20	56			
Африка					161			25
Байкал					4	65		
Волга				16		49		
Дальний Восток						92	53	
Земля	33		119	163	202	45		
Москва		9		21	71		125	
Россия					341	454	491	98
Северный Ледовитый океан	10	11						
СССР	12	2			91		88	
США					82			236
Тихий океан				16	56			

Источник: рассчитано и составлено автором.

Source: estimated and compiled by the author.

решения этой задачи необходимо наличие исходного инструмента, представляющего совокупное ономастическое знание в систематизированном и, следовательно, обозримом виде. Введение и разработка понятия *нормативно-научной картины мира* рассматривается как один из эффективных путей решения обозначенной проблемы.

Ономастический фрагмент ННKM (ономастическое наполнение школьных ННТ) с точки зрения его структурной и системной организации может квалифицироваться как *ономастическое пространство* (ОП), поскольку данный объект обладает необходимым для этого квалификационным свойством [17; 16]: все его единицы объединяются на основе общего признака (принадлежности к ономастическому фрагменту ННKM) и общей функции (функции концентрированного выражения общеобязательной предметной информации).

Структура ономастического пространства ННKM формируется на основе количественных и качественных признаков его единиц. Количественные параметры (*индивидуальная частотность*) важны для выделения

ядра, периферии и переходных зон ОП. С точки зрения качественного состава выделяются предметные объединения, тематические группы, разряды и типы онимов, входящих в те или иные структурные объединения, для характеристики места которых в структуре ННKM также важны количественные показатели (*групповая частотность*). В качестве иллюстрации приведём сравнительные данные фрагмента ОП – ономастического ядра ННТ по истории и географии для 7-го класса (табл. 4).

Как видим, уже десять наиболее частотных имён с достаточной определённой обозначают тематическое поле макротекста учебника, из которого они извлечены: это физическая география мира и история России Нового времени. Если продолжить список до двадцати и более единиц, содержание обоих предметов заметно конкретизируется. Первая сотня частотного списка (расширенное ядро) позволит достаточно полно отразить основное содержание всей предметной области.

Обратив внимание на то, что в составе первых ядерных единиц двух предметов нет пересечений, отметим: по мере удаления от

Таблица 4

Имена собственные с наибольшими индексами частотности
в учебниках географии и истории для 7-го класса

Table 4

Proper names with the highest frequency indices in geography and history textbooks for class 7

География		История	
Имя собственное	Употр.	Имя собственное	Употр.
Земля	202	Россия	184
Африка	161	Пётр I	127
Евразия	118	Москва	36
Австралия	83	Петербург	26
Северная Америка	83	Пугачёв	25
Южная Америка	80	Швеция	25
Тихий океан	56	Сибирь	24
Атлантический океан	56	Разин	21
Анды	44	Карл XII	20
Европа	43	Урал	20

Источник: рассчитано и составлено автором.
Source: estimated and compiled by the author.

центра число совпадающих ИС будет увеличиваться за счёт их способности функционировать в разных предметных областях в зависимости от того, какой компонент содержания ИС как многоплановой единицы оказывается востребованным в данном случае.

Выявление онимов, употребляемых в ННТ по разным предметам, позволяет представить содержание имени собственного в виде структуры, отражающей зоны его узкопредметного содержания и зоны совмещённой (межпредметной) информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема исследования языкового выражения общеобязательного знания приобретает дополнительную значимость в подобные современному периоды ускорения цивилизационных процессов, смены общественно-политических, социокультурных парадигм и т. п. В таких условиях школьное образование приобретает, можно сказать, стратегическое значение, поскольку в силу своей обязательности и регулируемости выступает в качестве практически единственного реального инструмента, с помощью которого общество может влиять на формирование личности

своих новых членов с позиций его сохранения и развития.

Способность имени собственного как языкового и культурного знака быть носителем и предметной, и культурной (в широком смысле) информации делает его одной из ключевых (опорных) единиц в системе языкового выражения знания: содержание, характер и качество знания, определяемого обществом как общеобязательное, в значительной степени выражается совокупностью имён собственных, используемых в учебных текстах. При этом свойства имени собственного позволяют рассматривать ономастическую лексику как естественное и продуктивное средство представления этого знания в «широком культурном контексте» и, следовательно, способствовать *преодолению разобщённости предметных знаний в школе*. Анализ ономастического пространства текстов существующих школьных учебников создаёт необходимую основу для разработки принципов и способов его системной организации с учётом внутрипредметных и межпредметных отношений ономастических единиц, и, следовательно, для формирования целостного видения предмета. Решению этой задачи будет посвящён следующий этап исследования.

Список источников

1. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: в 2 ч. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. Ч. 1. 162 с.
2. Оксенчук А.Е. Специфика учебного научного текста: основные подходы к понятию «учебный текст» // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVIII (65) Регион. науч.-практ. конф. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2013. Т. 2. С. 277-279. <https://elibrary.ru/yupmsd>
3. Подолина О.В. Учебный текст как объект лингвистического исследования // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: VI Междунар. науч. конф.: сб. науч. статей. Симферополь: Ариал, 2017. С. 243-248. <https://elibrary.ru/zsfwoz>
4. Николаева Т.Н. Понятие «учебный текст» в научном дискурсе // Наука и школа. 2024. № 4. С. 181-188. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-4-181-188>, <https://elibrary.ru/xkttoc>
5. Зиганшина Ч.Р., Вильданова Э.М., Мазаева Т.В., Петунина А.Р. Учебный текст в парадигме научного знания: основы интегрального подхода // Глобальный научный потенциал. 2021. № 12 (129). С. 281-284. <https://elibrary.ru/lzgrri>
6. Кащеева А.В. Параметры когнитивного потенциала учебного текста // Нефилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 84-94. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-84-94>, <https://elibrary.ru/dydosj>
7. Рубас А.А., Щербак А.С., Агманова А.Е. Индивидуальные когнитивные проекции: потенциал учебного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 125-132. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-4-125-132>, <https://elibrary.ru/bwfkwh>
8. Александров Е.П., Воронцова М.В. Учебный текст и текстовая деятельность в образовательном процессе // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 6. С. 56-61. <https://elibrary.ru/uxsiwn>
9. Агманова А.Е., Рубас А.А. Потенциал учебного текста как основа формирования базы знаний в плоскости национальной культуры // Язык культуры и культура языка: сб. статей I Междунар. науч. конф. Сургут: Сургут. гос. пед. ун-т, 2023. С. 109-111. <https://elibrary.ru/lrcaeu>
10. Шубина Н.Л., Балуева А.С. Научно-учебный текст как социально значимый лингводидактический феномен // Научное мнение. 2017. № 9. С. 19-27. <https://elibrary.ru/zmwexn>
11. Gatiyatullina G.M., Solnyshkina M.I., Kupriyanov R.V., Ziganshina Ch.R. Lexical density as a complexity predictor: the case of science and social studies textbooks // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Vol. 9. № 1. P. 11-26. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-2>, <https://elibrary.ru/wxmfrj>
12. Paraschiv A., Dascalu M., Solnyshkina M.I. Classification of Russian textbooks by grade level and topic using readerbench // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Vol. 9. № 1. P. 50-63. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-4>, <https://elibrary.ru/njssrq>
13. Андреев С.Н., Максимчук Н.А. Квантитативный анализ проприальной лексики в нормативно-научных текстах (на материале учебников географии) // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации: сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 14-20.
14. Щербак А.С. Концептуальные аспекты ономастики // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 150-165. <https://elibrary.ru/pnonwh>
15. Щербак А.С. Мышление – ономастический знак – действительность // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 272-276. <https://elibrary.ru/logqlm>
16. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 246 с.
17. Топоров В.Н. Имя как фактор культуры // Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 380-383.
18. Максимчук Н.А. Ономастические маркеры единого культурного пространства в структуре общеобразовательного научного знания // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сб. статей участников Всерос. науч.-практ. конф. Арзамас, 2017. С. 225-227. <https://elibrary.ru/ykquki>
19. Максимчук Н.А. Имя собственное и его лингвокультурологический потенциал в структуре общеобразовательного научного знания // Лингвокультурологические чтения: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., проведённой в рамках I Междунар. лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы, новое осмысление». М., 2024. С. 308-311. <https://elibrary.ru/dymyqe>
20. Максимчук Н.А. Терминологическое поле ономастического пространства // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4 (40). С. 155-168. <https://elibrary.ru/zxwrcz>

21. Зинченко В.П. Знание // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 240.
22. Брудный А.А. О диалектике понимания мира. М., 1985. С. 6.

References

1. Maksimchuk N.A. *Normative-Scientific Picture of the Russian Linguistic Person-ality in a Comprehensive Linguistic Examination: in 2 pts.* Smolensk, SGPU Publ., 2002, pt 1, 162 p. (In Russ.)
2. Oksenchuk A.E. Specifics of educational scientific text: basic approaches to the concept of "educational text". *Materialy 18 (65) Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike" = Proceedings of the 18th (65) Regional Scientific and Practical Conference of Teachers, Research Fellows and Postgraduate Students "Science – for Education, Production, Economy"*. Vitebsk, VSU named after P.M. Masherov Publ., 2013, vol. 2, pp. 277-279. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yupmsd>
3. Podolina O.V. Educational text as an object of linguistic research. *Sbornik nauchnykh statei 6 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Semantika i pragmatika yazykovykh edinits v sinkhronii i diakhronii: normai variant» = Proceedings of Scientific Articles of the 6th International Scientific Conference "Semantics and Pragmatics of Linguistic Units in Synchrony and Diachrony: Norm and Variant"*. Simferopol, Arial Publ., 2017, pp. 243-248. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zsfwoz>
4. Nikolaeva T.N. The concept of "educational text" in academic discourse. *Nauka i shkola*, 2024, no. 4, pp. 181-188. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-4-181-188>, <https://elibrary.ru/xkttoc>
5. Ziganshina C.R., Vildanova E.M., Mazaeva T.V., Petunina A.R. Academic text in the paradigm of scientific knowledge: basics of an integral approach. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, 2021, no. 12 (129), pp. 281-284. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzgrri>
6. Kashcheyeva A.V. Parameters of the cognitive potential of educational text. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 84-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-84-94>, <https://elibrary.ru/dydosj>
7. Rubas A.A., Shcherbak A.S., Agmanova A.E. Individual cognitive projections: the potential of the educational text. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 125-132. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-4-125-132>, <https://elibrary.ru/bwfkwh> (In Russ.)
8. Aleksandrov E.P., Vorontsova M.V. Educational text and textual activity in the educational process. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2015, no. 6, pp. 56-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uxsiwn>
9. Agmanova A.E., Rubas A.A. The potential of educational text as a basis for forming the knowledge base in the plane of national culture. *Sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Yazyk kul'tury i kul'tura yazyka» = Proceedings of Articles from the International Scientific Conference "Language of Culture and Culture of Language"*. Surgut, Surgut State Pedagogical University Publ., 2023, pp. 109-111. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lrcaeu>
10. Shubina N.L., Balueva A.S. Academic training text as a socially important linguodidactic phenomenon. *Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion*, 2017, no. 9, pp. 19-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zmwexn>
11. Gatiyatullina G.M., Solnyshkina M.I., Kupriyanov R.V., Ziganshina Ch.R. Lexical density as a complexity predictor: the case of science and social studies textbooks. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki = Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 11-26. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-2>, <https://elibrary.ru/wxmfrj>
12. Paraschiv A., Dascalu M., Solnyshkina M.I. Classification of Russian textbooks by grade level and topic using readerbench. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki = Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 50-63. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-4>, <https://elibrary.ru/njssrq>
13. Andreev S.N., Maksimchuk N.A. Quantitative analysis of proprietary vocabulary in normative scientific texts (based on geography textbooks). *Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Diskursivnye praktiki v tsifrovuyu epokhu: traditsii i innovatsii» = Proceedings of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference "Discursive Practices in the Digital Age: Traditions and Innovations"*. Nizhny Novgorod, Lobachevsky University of Nizhny Novgorod Publ., 2024, pp. 14-20. (In Russ.)
14. Shcherbak A.S. An onomastic concept as a knowledge unit. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2009, no. 4, pp. 150-165. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pnonwh>

15. Shcherbak A.S. Thinking – onomastic sign – reality. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2023, no. 3-2 (54), pp. 272-276. (In Russ.) <https://elibrary.ru/logqlm>
16. Superanskaya A.V. *General Theory of Proper Names*. Moscow, 1973, 246 p. (In Russ.)
17. Toporov V.N. Name as a cultural factor. *Issledovaniya po etimologii i semantike: v 3 t.* Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2005, vol. 1, pp. 380-383. (In Russ.)
18. Maksimchuk N.A. Onomastic markers a single cultural space and in the structure of compulsory scientific knowledge. *Sbornik statei uchastnikov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Edinaya rossiiskaya natsiya: problemy formirovaniya ee identichnosti» = Proceedings of Articles by Participants of the All-Russian Scientific and Practical Conference “United Russian Nation: Problems of Forming Its Identity”*. Arzamas, 2017, pp. 225-227. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylkqui>
19. Maksimchuk N.A. Proper name and its linguacultural potential in the structure of general obligatory knowledge. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Lingvokul'turologicheskie chteniya», provedennoi v ramkakh I Mezhdunarodnogo lingvokul'turologicheskogo foruma «Lingvokul'turologiya i kommunikativnaya real'nost' 21 veka: novye vyzovy – novoe osmyslenie» = Proceedings of Articles from the International Scientific and Practical Conference “Lingvoculturological Readings” Presented within the Framework of the 1st International Lingvoculturological Forum “Lingvoculturology and Communicative Reality of the 21st Century: New Challenges – New Understanding”*. Moscow, 2024, pp. 308-311. <https://elibrary.ru/dymyqe> (In Russ.)
20. Maksimchuk N.A. Terminological field of onomastic space. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 4 (40), pp. 155-168. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zxwrcz>
21. Zinchenko V.P. Knowledge. *Rossiiskaya pedagogicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* Moscow, 1993, vol. 1, p. 240. (In Russ.)
22. Brudny A.A. *On the Dialectic of Understanding the World*. Moscow, 1985, p. 6. (In Russ.)

Информация об авторе

МАКСИМЧУК **Нина Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2792-1355>, nmaximchuk@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, разработка общей концепция исследования, разработка методологии исследования, анализ фактического материала, написание текста статьи, редактирование текста.

Поступила в редакцию 25.09.2024

Поступила после рецензирования 03.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Nina A. Maksimchuk, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2792-1355>, nmaximchuk@yandex.ru

Contribution: study idea, main study concept development, research methodology development, factual material analysis, manuscript text drafting, text editing.

Received September 25, 2024

Revised November 3, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81'373.2 / UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-851-860>

Шифр научной специальности 5.9.5

Прототипическая функция поэтонима: идиостиль Г.Р. Державина

Антонина Семёновна Щербак^{1,2} , Цзюаньцзюань Го¹

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова

140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15

gjuanjuan@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования творчества великого русского поэта Г.Р. Державина, чья государственная деятельность связана с «тамбовским периодом» в его поэтическом творчестве, состоит в развитии литературной тамбовской ономастики. Ономастическое пространство произведений поэта отражает культурный контекст русского языка, культурно-маркированные имена собственные, выполняющие коммуникативную функцию языка, без которой невозможна адекватная коммуникация между представителями контактирующих друг с другом лингвокультур. Цель исследования – раскрыть прототипическую уникальность имени собственного на примере поэтонима Пленира в произведениях Г.Р. Державина. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили стихотворения Г.Р. Державина, в которых представлен антропоним Пленира, отражающий яркий поэтический образ и символ любви и утраты любимой женщины в русской литературе. В исследовании применялись описательный метод, который заключается в последовательном сборе антропонимического материала, использующегося в произведениях Г.Р. Державина; контекстологический и стилистический анализ, семиотический подход. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** На примере антропонима Пленира дано представление об прототипической функции антропонима, которая является основополагающей при рассмотрении имени персонажа художественного текста. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Установлено, что прототипическая функция литературных антропонимов, тесно связанная с мышлением, ментальностью носителя русского языка, способствует углублению теории функционального потенциала ономастических категорий, нежели другие функции онимов.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, поэтический текст, Г.Р. Державин, поэтоним, Пленира, функции языка

Благодарности и финансирование. Работа выполнена в рамках гранта на 2023–2025 гг. «Государственная стипендия Китая» № CSC NO. 202308090014.

Конфликт интересов. Щербак А.С. является главным редактором журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования: Щербак А.С., Го Цзюаньцзюань. Прототипическая функция поэтонима: идиостиль Г.Р. Державина // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 851-860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-851-860>

Prototypical function of poetonym: idiostyle of G.R. Derzhavin

Antonina S. Shcherbak^{1,2} , Guo Juanjuan¹

¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

²Samarkand State University named after Sharof Rashidov

15 University Blvd, Samarkand 140100, Republic of Uzbekistan

 gjuanjuan@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study of the works of the great Russian poet G.R. Derzhavin, whose state activity is associated with the “Tambov period” in his poetic work, consists in the development of literary Tambov onomastics. The onomastic space of the poet's works reflects the cultural context of the Russian language, culturally marked proper names that perform the communicative function of the language, without which adequate communication between representatives of contacting linguacultures is impossible. The purpose of the study is to reveal the prototypical uniqueness of a proper name using the example of the poetonym Plenira in the works of G.R. Derzhavin. **MATERIALS AND METHODS.** The research material was the poems of G.R. Derzhavin, which present the anthroponym Plenira, reflecting a bright poetic image and symbol of love and loss of a beloved woman in Russian literature. The study used a descriptive method, which consists in the consistent collection of anthroponymic material used in the works of G.R. Derzhavin; contextual and stylistic analysis, semiotic approach. **RESULTS AND DISCUSSION.** Using the example of the anthroponym Plenira, an idea is given of the prototypical function of the anthroponym, which is fundamental when considering the name of a character in a literary text. **CONCLUSION.** It has been established that the prototypical function of literary anthroponyms, closely connected with the thinking and mentality of a native speaker of Russian, contributes to the deepening of the theory of the functional potential of onomastic categories, rather than other functions of onyms.

Keywords: onomastics, anthroponym, poetic text, G.R. Derzhavin, poetonym, Plenira, functions of language

Acknowledgements and Funding. This work was supported by the 2023–2025 “China National Scholarship Grant” No. CSC NO. 202308090014.

Conflict of Interest. Shcherbak A.S. is the main editor of “Neophilology”, but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal’s peer review procedure. The authors declare no other conflicts of interest.

For citation: Shcherbak, A.S., & Guo, Juanjuan. Prototypical function of poetonym: idiostyle of G.R. Derzhavin. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):851-860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-851-860>

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования связана с необходимостью рассмотреть прототипическую функцию имён собственных, недостаточно отражённую в ономастических исследованиях. Цель исследования – раскрыть прототипическую уникальность имени соб-

ственного на примере поэтонима Пленира в произведениях Г.Р. Державина.

Во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской значится термин «поэтическое имя» (в скобках уточняется «поэтоним»). По этому словарю под поэтонимом понимается «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номина-

тивной, характеризующую стилистическую и идеологическую функции»¹. Традиционно номинативно-идентифицирующая функция имени собственного является универсалией во всех языках мира.

Между тем литературные имена выполняют наряду с «главными функциями (номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая)» [1, с. 256], направленными на индивидуализацию автором персонажа, и другие функции [2].

Обращает на себя внимание прототипическая функция, которая заключается в том, что имя персонажа художественного произведения указывает на его прототип, закрепляя в ономастической лексике знания о личностях, мире, накапливает информацию и сохраняет значимость онима в дальнейшем контексте культурной и литературной жизни социума, в другие эпохи. Прототип представляет собой реального человека, который служит основой для создания персонажа художественного произведения.

Теорию литературной ономастики как направление исследований, которое в наши дни получило название самостоятельной научной дисциплины «поэтонимология», активно развивает В.М. Калинин [3; 4]. Объектом исследования поэтонимологии является поэтика собственных имён. В.М. Калинин создал серию методологических и лингво-историографических статей, посвящённых периоду развития ономастики и становлению поэтонимологии [5–7], восходящей к идеям В.Н. Михайлова². Именно В.Н. Михайлов заложил начало системного изучения имён собственных, функционирующих в русской литературе (в литературно-художественных пространствах), и открыл новые перспективы для анализа имён собственных в поэтических текстах.

¹ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. С. 108.

² В.Н. Михайлов защитил первую кандидатскую диссертацию по литературной ономастике: *Михайлов В.Н. Собственные имена в русской художественной литературе XVIII – первой половины XIX в., их функции и словообразование: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 1955. 596 с.*

Учёные выделяют поэтонимы в особую категорию слов, потому что они в художественном тексте занимают особое место в системе стилистических ресурсов художественного, поэтического языка, многосторонне способствуют формированию образной структуры произведения, используются автором произведения для решения самых разных стилистических задач и вызывают определённые чувства и ассоциации у читателей.

Однако следует обратить внимание на тот факт, что в пространстве художественного текста поэтонимы обладают определёнными, только им присущими свойствами.

Во-первых, способны «отражать взаимоотношение с объектами именования в материальных границах художественного произведения».

Во-вторых, они неизбежно наделены исполняемой кумулятивной функцией [6, с. 325].

В-третьих, они, в отличие от имени нарицательного, принадлежат знаковому мышлению, являясь средством формирования прецедентности, что всегда репрезентирует образ [8, с. 9].

«При этом образ предшествует имени, поскольку внешние черты и внутренние (морально-этические) качества носителя имени известны автору ещё до момента наречения персонажа» [9, с. 401]. Следовательно, в тексте художественного произведения имя собственное может быть не просто идентифицирующим знаком действующего лица, но и прототипическим образом.

Имена собственные, функционируя в подлинно творческом произведении, восходят к информации об объекте именования, представленного в тексте. Литературные онимы способны «переходить» в массовую поэзию, передаваться через поколения, создавая контекст для их использования как символического образа уже другими авторами, живущими в другую эпоху, без относительной причастности к реальному человеку.

Прототипическая функция антропонимов в художественном произведении подчёркивает важность имён собственных как уникальных языковых единиц, отражающих имена литературных персонажей, восходящих к историческим и культурным прототипам.

По мнению В.М. Калинкина, в поэтическом тексте имя собственное имеет «способность» коннотировать, реализовать себя в тропах и фигурах, функционировать как поэтоним и, в конечном итоге, стать Символом и Мифом» [7, с. 45]. Антропоним в художественном произведении восходит к культурной памяти, имеет эмоциональную связь и символическую составляющую с прототипом.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили стихотворения Г.Р. Державина, в которых представлен антропоним Пленира, ставший символом любви и утраты любимой женщины в русской литературе. В качестве методов исследования применялись описательный (дескриптивный) метод, который заключается в последовательном анализе произведения Г.Р. Державина; контекстный, стилистический, этимологический анализ, а также приём сплошной выборки и семиотический подход. Методологическая база настоящего исследования сосредоточена на антропоцентрической теории, согласно которой в центре теоретических положений оказывается фигура творческого человека – поэта Г.Р. Державина.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые статьи о творчестве Г.Р. Державина принадлежат известному русскому филологу Я.К. Гроту, который в 1845 г. публикует их в журнале «Современник». В 1845 г. Я.К. Грот создаёт план академического издания сочинений поэта. В 1864 г. выходит первый том «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота». В 1880–1883 гг. Я.К. Грот написал фундаментальный труд «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам», который и на сегодня представляет интерес как полное собрание фактов жизни и творчества Г.Р. Державина [10].

Мир антропонимов в произведениях Г.Р. Державина весьма разнообразен. Поэт использует простые, обыденные имена в названиях стихотворений и для персонажей про-

изведений, например, «Варюша», «Портрет Варюши», «Любушке»; Любушка в стихотворении «Пчёлка»; в стихотворении «Параше» Державин называет Парашей П.М. Бакунину:

Белокурая Параша
Сребророзова лицом.

Большинство же в творчестве Г.Р. Державина составляют имена и фамилии реальных исторических персонажей. Ср.: «На перенесение мощей св. *Александра Невского*», «Надпись к портрету *Екатерины II*», «Надпись к портрету *княгини Е.Н. Орловой*», «Песнь *Екатерине Великой*», «*Петру Великому*», «Ода на смерть *князя Мещерского*».

Г.Р. Державин для своей первой супруги Екатерины Яковлевны Бастидон использовал поэтическое имя Пленира, в котором воплотился образ русской женщины с большой душой и высоким духовным обаянием, яркой и общительной личности. Екатерине Яковлевне поэт посвятил девять произведений (подробно о Екатерине Яковлевне, самоотверженной супруге поэта, образованной и удивительной женщине, см.: [11, с. 10-12], а также³).

После смерти Екатерины Яковлевны (ушла из жизни в возрасте 34 лет) ей посвятили стихотворения известные поэты того времени И.И. Дмитриев, Н.А. Львов, В.В. Капнист («Ода на воспоминание Пленириной кончины», «Ода на смерть Плениры»).

О.Л. Довгий представил глубокий анализ этого женского поэтического имени, ставшего культурным символом в русской литературе, относя его к так называемым условным женским поэтическим именам в русской литературе [12].

Для имени персонажа Пленира важна связь с прототипом – реальной личностью, повлиявшей на создание поэтического образа в творчестве Г.Р. Державина.

Имя Пленира восходит к русской глагольной лексеме *пленьять/пленить* с корнем

³ Истории любви в произведениях тамбовских авторов // Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина: официальный сайт. URL: <http://www.tambovlib.ru/?view=books.lubov>

-*плен*- (от церк.-слав., от ст.-слав. плѣнь)⁴, что в переносном значении означает «очаровать», «увлечь»⁵.

В контексте стихотворения «Прогулка в Сарском селе» (1791) Г.Р. Державин употребляет имя *Пленира* и краткую форму причастия *пленён* (от полного причастия *пленённый*, восходящего к глаголу совершенного вида «пленить»), раскрывая тем самым этимологию данного поэтонима.

О, сколько с нею я
В прогулке сей был весел!
Любезная моя, –
Тобой пленён мой дух,
Ты дар всего мне мира⁶.

Заметим, что в названии стихотворения использован топоним Сарское село. Это первоначальное название Царского села (ныне г. Пушкин в Ленинградской области).

Глагол «пленить» и причастие «пленён», использованные Г.Р. Державиным в стихотворении, отражают действия, которые характеризуются как процессуальный признак «то есть признак подвижного реализующегося во времени»⁷ – «быть пленённым».

Красивый поэтический антропоним *Пленира*, образованный от глагола, не является окказионализмом поэта, как считает Л.Е. Городнова, заведующая отделом Тамбовского краеведческого музея [13]. Это имя встречается в сборнике народных русских сказок А.Н. Афанасьева. В «Сказке о золотом, серебряном и медном царствах»⁸ царевна золотого государства носит имя *Пленира*: «царевну

из медного царства зовут Земира, царевну из золотого царства – *Пленира*» [14, с. 34].

Имя *Пленира* Г.Р. Державин выносит в названия своих произведений «Песнь на смерть *Плениры*», «Призывание и явление *Плениры*» (1794). В 1790-х гг. Державин написал стихотворение «К *Пленире*». «Над окончательной редакцией стихотворения Державин работает во время подготовки собрания сочинений 1808 г., она напечатана в третьем томе собрания под названием «Невесте» [11, с. 14].

Имя *Пленира* поэт использует в тексте самого произведения. Образцом высокой лирики русской поэзии является стихотворение «Ласточка» (1792, 1794), в котором поэт символизирует любимую супругу в образе ласточки. Стихотворение заканчивается строками: «Увижу ль тебя я, *Пленира*?»⁹.

В стихотворении «Видение мурзы» (1783) представлен образ верной жены, нежной *Плениры*, которая олицетворяет семейное благополучие, что для поэта является важным, поскольку смысл жизни он находил в семье:

Что все сего блаженства мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его *Пленира*
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединённый
Делить и скуку и труды!¹⁰

Образ нежной *Плениры* дополняют определения «милая», «нежная» в стихотворении «На Новый год» (1780), в котором Г.Р. Державин в первый раз назвал свою первую супругу поэтическим именем *Пленира*.

А если милой и приятной
Любим *Пленирой* я моей,
И в светской жизни коловратной
Имено искренних друзей,
Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире, –
То кто счастливее меня?

В стихотворении «Призывание и явление *Плениры*», вошедшего в русскую поэтиче-

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 278.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2013. С. 485.

⁶ Державин Г.Р. Избранное. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 122.

⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 104.

⁸ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Лит. памятники. М.: Наука, 1984–1985. Сказки из Примечаний Афанасьева. № 559. (Сказка заканчивается словами: «Иван-царевич встретил их великолепно и простил братьям своим их вину; потом назначил Василию-царевичу в супруги серебряного государства царевну Елену, а Фёдору – царевичу медного государства царевну Земиру, а себе взял золотого государства царевну *Плениру*...»).

⁹ Державин Г.Р. Избранное. С. 163.

¹⁰ Там же. С. 80.

скую эпитафию как самое известное, обращают на себя внимание первые и заключительные строки.

Первая строка обращена к Пленере («Приди ко мне, Пленира»), в которой поэт выражает испытанное горе по умершей жене, призывает её. Последние строки стихотворения содержат благословение Пленеры на второй брак Державина.

В объятиях своих
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно в слух:
«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слёз ни лей;
Миленой половину
Займи души твоей»¹¹.

Второй брак состоялся всего через полгода после смерти Екатерины Яковлевны (1794 г.). Г.Р. Державин женился на Дарье Алексеевне Дьяковой, с которой дожил до последних дней, воспевая новую супругу в своих стихотворениях под поэтическим именем Милена.

Можно сказать, что с этого времени имя Пленира стало употребляться в русской поэзии не только как образ горечи и утраты любимой, но и надежды на возрождение любовных чувств.

О.Л. Довгий отмечает, что это имя поэт использовал и по отношению к другим женщинам: «Даже в стихах Державина есть Пленира, кроме супруги» [12, с. 108].

Так, в оде «Осень во время осады Очакова» есть строки, посвящённые известной своей красотой Варваре Васильевне Голицыной, жене генерала С.Ф. Голицына, участника осады и штурма турецкой крепости Очаков (1788 г.). Будучи тамбовским губернатором, Г.Р. Державин дружил с семьёй Голицыных, посещал их родовое имение, которое находилось в селе Зубриловка, расположенном на берегу Хопра на границе Саратовской, Тамбовской и Пензенской областей (150 верст от Тамбова). Имение Голицыных в селе Зубриловке, воспетом в поэтическом образе в сти-

хотворении Г.Р. Державина, является одной из немногих уцелевших усадеб России. Под названием «Осень в селе Зубриловке» ода «Осень во время осады Очакова» впервые была напечатана в тамбовской типографии (1788–1789 гг.).

В этой оде Г.Р. Державин представил поэтические образы конкретных исторических лиц: Г.А. Потёмкин как русский Марс, С.Ф. Голицын как русский Ахиллес, В.В. Голицына как златовласая Пленира.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом.
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом.

Главное в семантической структуре поэтонима Пленира – это образный компонент, отсылающий к прототипу реальной пленительной женщины – супруге Г.Р. Державина. Без конкретно-чувственного восприятия объекта поэтоном Пленира появиться не мог.

Со временем в русской литературе персонаж по имени Пленира стал употреблять в отрыве от его носителя и служить образом женщины с привлекательными чертами. В этом случае можно говорить о появлении нового антропонима, образ которого «озвучивается» во внутренней речи, а его языковым механизмом проявления специфики является вторичная номинация [15, с. 113], в результате которой возникает мысленный образ, иллюстрируя идею символа тоски по утраченной любви.

Речь идёт о том, что в результате определённого способа интерпретации уже вербализованного знания семантика поэтонима получает новое осмысление. Данный факт свидетельствует о том, что есть определённые мыслительные процессы, обеспечивающие порождение новых ономастических знаний, которые получают репрезентацию за счёт прототипического ориентира. Со временем в русской художественной литературе образ Пленеры абстрагируется от реальной женщины, жившей некогда, и за именем Пленира закрепляется образ любой женщины с уникальными чертами.

¹¹ Державин Г.Р. Избранное. С. 171.

О.Л. Довгий, рассматривая введение имени Пленира в художественные тексты, подчёркивает: «имя Пленира живёт в литературе и, независимо от Екатерины Яковлевны», становится «именем почти нарицательным для любой пленившей красавицы» [12, с. 106]. Учёный приводит многочисленные примеры употреблений этого поэтического имени в стихотворениях авторов XIX–XXI веков.

А.В. Суперанская считает, что имена собственные, «денотаты которых уже известны и определяют ономастическое сознание человека» [16, с. 43], приобретают статус прецедентных имён, поскольку входят в когнитивную базу. В наши дни поэтическое имя Пленира становится полноценным синонимом самой поэзии и обретает способность оценивать сферу литературной жизни: «И стыдно должно быть тем людям, которые... влачат жалкое обывательское существование, ...не боля душой за нынешнюю... Пленуру – Поэзию российскую!» [12, с. 107].

Таким образом, реализация прототипической функции поэтонима Пленира в творчестве Г.Р. Державина находит отражение в семантическом развитии художественного антропонима, чему способствует длительное время подтверждение наличия оцениваемого признака, «достаточно регулярное употребление коннотативного имени в однородных контекстах» [17, с. 265].

Имя Пленира в русской литературе, то исчезая, то появляясь вновь, живёт уже третий век. Если когда-нибудь будет создана полная «Пленириана», туда войдут и классики, и малоизвестные поэты» [12, с. 109].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прототипическая функция поэтического имени Пленира реализует центральный женский персонаж в творчестве Г.Р. Державина, который соотносится с исторической лично-

стью – первой супругой Г.Р. Державина Екатериной Яковлевной Бастидон, дочерью камердинера императора Петра III.

Прототипическая функция поэтического антропонима Пленира заключается в его способности служить «центром» в русской литературе для ассоциаций об утрате любимой женщины и воспоминаний о ней, отразить наилучший образец формирования определённых образов, выходящих за рамки именования реальной женщины, подчёркивая многогранность литературных антропонимов как языкового элемента.

Поэтоним Пленира входит в лингвокультурный фонд русского этноса, являясь культурным символом, отражая темы любви, утраты любимой, женской красоты, притягательной красавицы, женщины с обворожительными манерами, собирательный образ пленившей красавицы.

Отражая отношение носителей русского языка к внутренней форме имени собственного, прототипическая функция имён собственных в большей степени свойственна именно антропонимам в художественных текстах, а также в текстах русского фольклора, поскольку антропонимическое пространство в структуре таких текстов формируется по законам, отличающимся от общеязыковых.

Прототипическая функция поэтического антропонима Пленира обладает способностью хранить скрытое содержание и информацию, что делает его важным для понимания особой художественной ценности идиостиля Г.Р. Державина. Эта функция тесно связана с мышлением, ментальностью носителя русского языка, способствует углублению теории функционального потенциала ономастических категорий, нежели другие функции онимов.

За широко известным поэтонимом Пленира лежит прототипическая семантика глагола, который характеризует процессуальный признак.

Список источников

1. Савельева Д.В. Функционирование имён собственных в художественном произведении (на примере мультфильма «Adventure time») // Гуманитарные исследования молодых учёных Южного Урала / гл. ред. И.М. Нохрин. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2020. Вып. 3. С. 255-260. <https://elibrary.ru/mspxly>

2. Шевченко А.Н., Шелест Т.А. Функции антропонимов в художественном тексте // Развитие современной науки и образования: анализ опыта и тенденций: сб. ст. Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая наука», 2022. С. 324-330. <https://doi.org/10.46916/07122022-978-5-00174-783-3>, <https://elibrary.ru/ajmoyv>
3. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтономология // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 18-26. <https://elibrary.ru/wzvetn>
4. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтономология // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 10-18. <https://elibrary.ru/xyfuen>
5. Калинин В.М. Сумма поэтономологии: филолософемы дилетанта: 4. В недрах ономастики // Ономастика Поволжья: материалы 18 Междунар. науч. конф.: в 2 т. / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. Т. 1. С. 50-57. <https://doi.org/10.34216/2020-1.onomast.50-57>, <https://elibrary.ru/avjjmk>
6. Калинин В.М. О мыслях, «изречённых» поэтонами (из философических опытов дилетанта) // Ономастика Поволжья: материалы XXI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. И.Н. Хрусталёва, В.И. Супруна. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2023. С. 322-326. <https://elibrary.ru/rimbeq>
7. Калинин В.М. Генезис и эволюция имени (из цикла «филолософемы дилетанта») // Ономастика Поволжья: материалы XXII Междунар. науч. конф. / ред. кол.: Н.И. Данилина, В.И. Супрун. Саратов: Саратов. гос. мед. ун-т, 2024. С. 40-45.
8. Щербак А.С. Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Вып. 7 (51). С. 7-11. <https://elibrary.ru/iwqqj>
9. Зиннатуллина Г.Х. Место поэтической ономастики в современном языкознании // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 6-1. С. 397-403. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.15.36.038>, <https://elibrary.ru/hxwsqw>
10. Гончарова О.М. Г.Р. Державин в русской радикальной критике XIX века // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4-1. С. 121-134. <https://elibrary.ru/wahonw>
11. Пономарёва М.В. «Души половина»: стихотворения Г.Р. Державина к Екатерине Яковлевне // Art Logos. 2022. № 4 (21). С. 10-25. https://doi.org/10.35231/25419803_2022_4_10, <https://elibrary.ru/albfzj>
12. Довгий О.Л. Пленира // Русская речь. 2015. № 5. С. 104-109. <https://elibrary.ru/umsiwt>
13. Городнова Л.Е. Зубриловская песнь Державина // Аналитика культурологии. 2007. № 3 (9). <https://elibrary.ru/qytfov>
14. Лызлова А.С. Сказки о трёх царствах (медном, серебряном и золотом) в лубочной литературе и фольклорной традиции // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 26-44. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.5921>, <https://elibrary.ru/zgxdkp>
15. Щербак А.С. Когнитивная специфика урбанонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 110-113. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-4-110-113>, <https://elibrary.ru/wwoplz>
16. Суперанская А.В. Ономастика начала XX века / отв. ред. Н.В. Васильева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2008. 80 с.
17. Крюкова И.В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 261-266. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.57>, <https://elibrary.ru/gmrvms>

References

1. Savelyeva D.V. The Functioning of Proper Names in a Work of Art (Based on the Cartoon “Adventure Time”). *Sbornik statei ezhegodnoi konferentsii «Gumanitarnye issledovaniya molodykh uchenykh Yuzhnogo Urala» = Proceedings of Articles from the Annual Conference “Humanitarian Research of Young Scientists of the Southern Urals”*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2020, issue 3, pp. 255-260. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mspxly>
2. Shevchenko A.N., Shelest T.A. Functions of anthroponyms in a fiction text. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Razvitie sovremennoi nauki i obrazovaniya: analiz opyta i tendentsii» = Proceedings of Articles from the International Scientific and Practical Conference “Development of Modern Science and Education: Analysis of Experience and Trends”*. Petrozavodsk, International Center for Scientific Partnership “Novaya nauka” Publ., 2022, pp. 324-330. (In Russ.) <https://doi.org/10.46916/07122022-978-5-00174-783-3>, <https://elibrary.ru/ajmoyv>

3. Kalinkin V.M. Please meet poetonymology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kul'turologiya* = *Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2016, vol. 2, issue 4 (8), pp. 18-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wzvetn>
4. Kalinkin V.M. Please meet poetonymology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kul'turologiya* = *Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 10-18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xyfuen>
5. Kalinkin V.M. The amount of poetonymology: philologists' dilemmas of a dilettant. 4. In the bowels of onomastics. *Materialy 18 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»: v 2 t. = Proceedings of the 18th International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region": in 2 vol.* Kostroma, Kostroma State University Publ., 2020, vol. 1, pp. 50-57. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2020-1.onomast.50-57>, <https://elibrary.ru/avjjmk>
6. Kalinkin V.M. On thoughts "expressed" by poetonyms (from the philosophical experiments of an amateur). *Materialy 21 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» = Proceedings of the 21st International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region".* Ryazan, Ryazan State University named for S. Yesenin Publ., 2023, pp. 322-326. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rimbeq>
7. Kalinkin V.M. Genesis and evolution of the name (from the cycle "Philosophemes of an amateur"). *Materialy 22 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» = Proceedings of the 22 International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region".* Saratov, V.I. Razumovsky State Medical University Publ., 2024, pp. 40-45. (In Russ.)
8. Shcherbak A.S. Onomastic sign-symbol in cognitive aspect. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review: Series Humanities*, 2007, issue 7 (51), pp. 7-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iwqgj>
9. Zinnatullina G.Kh. The place of poetic onomastics in modern linguistics. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*, 2023, vol. 13, no. 6-1, pp. 397-403. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2023.15.36.038>, <https://elibrary.ru/hxwsqw>
10. Goncharova O.M. G.R. Derzhavin in Russian radical criticism of the 19th century. *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2020, vol. 21, no. 4-1, pp. 121-134. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wahonw>
11. Ponomareva M.V. "Dushi polovina": Gavril Derzhavin's verses to Ekaterina Yakovlevna. *Art Logos*, 2022, no. 4, pp. 10-25. (In Russ.) https://doi.org/10.35231/25419803_2022_4_10, <https://elibrary.ru/albfzj>
12. Dovgy O.L. Plenira. *Russkaya rech' = Russian Speech*, 2015, no. 5, pp. 104-109. (In Russ.) <https://elibrary.ru/umsiwt>
13. Gorodnova L.E. Zubrilovskaya song by Derzhavin. *Analitika kul'turologii*, 2007, no. 3 (9). (In Russ.) <https://elibrary.ru/qytfov>
14. Lyzlova A.S. Fairy tales about three kingdoms (the copper, silver and gold ones) in popular literature and Russian folk tradition. *Problemy istoricheskoi poetiki = The Problems of Historical Poetics*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 26-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.5921>, <https://elibrary.ru/zgxdkp>
15. Shcherbak A.S. The cognitive specificity of urban names. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 4 (49), pp. 110-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-4-110-113>, <https://elibrary.ru/wwoplz>
16. Superanskaya A.V. *Onomastics of the Early 20th Century*. Moscow, Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, 80 p. (In Russ.)
17. Kryukova I.V. Axiological Connotation of a Proper Name: Dynamic Aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. = Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, issue 10, pp. 261-266. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.57>, <https://elibrary.ru/gmrvmv>

Информация об авторах

ЩЕРБАК Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; про-

Information about the authors

Antonina S. Shcherbak, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Professor of Russian Language Department, Samar-

фессор кафедры русского языка, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, <https://orcid.org/0000-0002-4421-1884>, ant_scherbak@mail.ru

Вклад в статью: дизайн исследования, анализ фактических данных, написание части текста статьи, корректорская правка, редактирование.

ГО Цзюаньцзюань, преподаватель кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0001-7698-5622>, gjuanjuan@mail.ru

Вклад в статью: идея статьи, сбор ономастического материала, анализ фактических данных, написание чернового текста статьи.

Поступила в редакцию 16.09.2024

Поступила после рецензирования 03.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

kand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, <https://orcid.org/0000-0002-4421-1884>, ant_scherbak@mail.ru

Contribution: study design, factual data analysis, part of manuscript text drafting, proofreading, editing.

Juanjuan Guo, Lecturer of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0001-7698-5622>, gjuanjuan@mail.ru

Contribution: study idea, onomastic material collection, factual data analysis, manuscript text drafting.

Received September 16, 2024

Revised November 3, 2024

Accepted 28 November, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81'373.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-861-870>

Шифр научной специальности 5.9.5

Ономастическая составляющая нормативно-научного макротекста «Русский язык» в динамическом аспекте

Алина Владимировна Голубничая

ФГКВОУ «Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооружённых Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского»
214027, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Котовского, 2
✉ golubn-alina@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Проблеме формирования русской языковой личности, в частности её ономастической составляющей, посвящены многочисленные научные исследования, освещающие её разные стороны, в том числе в рамках определённого отрезка времени. Однако ранее названная проблема не рассматривалась в динамике. Цель исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать ономастическое пространство макротекста «Русский язык» в динамическом аспекте в период с XIX до начала XXI века. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили онимы, выявленные в нормативно-научных текстах XIX – начала XXI века и дополненные апеллятивами, которые написаны с большой буквы. Были использованы следующие методы: статистический, классификационный, сравнительно-сопоставительный и др. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Сформулировано понятие нормативно-научного макротекста «Русский язык», определена его структура, ономастическое наполнение. В нормативно-научных текстах каждого периода выявлены наиболее частотные онимы, формирующие общее ядро (инвариант) ономастического пространства. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Исследование подтвердило тезис о том, что центральное место в ономастическом пространстве принадлежит антропонимам, которые в значительной части относятся к числу прецедентных имён, имеющих важное значение в формировании русской языковой личности. Этот вывод убедительно подчёркивает и особую роль в этом процессе самого учебного предмета «Русский язык». Перспективы работы связаны с расширением исследования системных отношений в рамках ономастического пространства, выявления содержания и структуры ассоциативно-культурного фона его ключевых единиц, установление специфики функционирования имён собственных в текстах учебников по русскому языку в сопоставлении с нормативно-научными текстами по другим предметам и др.

Ключевые слова: русская языковая личность, оним, прецедентное имя, апеллятив, нормативно-научный текст, макротекст «Русский язык», ономастическое пространство

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Голубничая А.В. Ономастическая составляющая нормативно-научного макротекста «Русский язык» в динамическом аспекте // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 861-870. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-861-870>

Onomastic component of the normative-scientific macrotext “Russian language” in a dynamic aspect

Alina V. Golubnichaya

Russian Federation Armed Forces Army Air Defence Military Academy
named after Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky
2 Kotovskogo st., Smolensk, 214027, Russian Federation
 golubn-alina@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The problem of the formation of the Russian linguistic personality, in particular its onomastic component, is the subject of numerous scientific studies, covering its various aspects, including within a certain period of time. However, the previously mentioned problem has not been considered in dynamics. The purpose of the study is to characterize the onomastic space of the macrotext “Russian Language” in a dynamic aspect in the period from the 19th to the beginning of the 21st century. **MATERIALS AND METHODS.** The research material was onyms identified in normative scientific texts of the 19th – early 21st centuries and supplemented with appellatives, which are written with a capital letter. The following methods were used: statistical, classification, comparative, et al. **RESULTS AND DISCUSSION.** The concept of the normative-scientific macrotext “Russian language” is formulated, its structure and onomastic content are determined. In the normative-scientific texts of each period, the most frequent onyms are identified, forming the common core (invariant) of the onomastic space. **CONCLUSION.** The study confirmed the thesis that the central place in the onomastic space belongs to anthroponyms, which in large part are among the precedent names that are of great importance in the formation of the Russian linguistic personality. This conclusion convincingly emphasizes the special role of the academic subject “Russian language” in this process. The prospects of the work are associated with the expansion of the study of systemic relations within the onomastic space, identifying the content and structure of the associative-cultural background of its key units, establishing the specifics of the functioning of proper names in the texts of textbooks on the Russian language in comparison with normative-scientific texts on other subjects, et al.

Keywords: Russian linguistic personality, onym, precedent name, appellative, normative scientific text, macrotext “Russian language”, onomastic space

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Golubnichaya, A.V. Onomastic component of the normative-scientific macrotext “Russian language” in a dynamic aspect. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):861-870. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-861-870>

ВВЕДЕНИЕ

В процессе формирования личности человека основополагающая роль отводится знанию, которое представляет собой «не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединённых в определённую упорядоченную систему» [1, с. 28-29]. В свою очередь ключом к знанию служит язык.

С помощью языка происходит усвоение нормативно-научного знания, которое человек получает во время обучения. В связи с этим языковая личность и картина мира язы-

ковой личности могут рассматриваться как составляющие единого целого. Основой такого утверждения может служить то, что, «с одной стороны, основное содержание картины мира составляют знания о мире, зафиксированные языковыми средствами; с другой стороны, знание является важнейшей личностнообразующей категорией: определяющие характеристики личности обуславливаются знанием» [2, с. 148]. При овладении языком происходит формирование языковой личности.

Цель исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать ономастическое простран-

ство макротекста «Русский язык» в динамическом аспекте в период с XIX до начала XXI века.

Приобретаемые и накапливаемые в процессе школьного (базового) образования знания формируют *нормативно-научную картину мира* (ННКМ) языковой личности: «Способом представления и организации общеобязательного научного знания как необходимой составляющей социализации русской языковой личности будем считать нормативно-научную картину мира, под которой понимается система представления и организации общеобязательного научного знания, а) соответствующая современной научной парадигме, б) содержащая целостное представление о мире и человеке в мире в многообразии их свойств, связей и отношений, в) обеспечивающая потребности языковой личности как члена определённого социума» [3, с. 23].

Содержание ННКМ фиксируется в официальных документах (учебных программах, учебниках). Ключевым понятием, связанным с передачей знаний, является учебный текст: «В научных источниках и справочной литературе понятия «учебный текст», «учебник», «учебная книга», «учебное издание» переплетаются, составляя единый семантический кластер «учебный текст»: «учебник», «учебная книга», «учебное издание» [4, с. 181]. В своём исследовании М.В. Богуславский характеризует учебник как «фактор формирования ключевых навыков человека XXI века» (креативности, критического мышления)» [5, с. 16].

В рамках любого учебника функционируют как его неотъемлемая составляющая часть нормативно-научный текст (ННТ). «Нормативно-научными считаются специально созданные и одобренные обществом русские научные тексты, выступающие в качестве источника сведений, ...сообщаемых человеку в период его обучения в российской общеобразовательной школе... Содержание предложенных носителям языка и усвоенных ими облигаторных научных текстов бытийствует в их сознании в свёрнутом виде, то есть в виде информационно нагруженных опорных лексических единиц, каждая из которых допускает развёртывание в исходный текст» [3, с. 10]. Этими единицами являются

термин и имя собственное. Объединение нормативно-научных текстов (ННТ), функционирующих в определённых содержательных и временных границах, рассматривается нами как *нормативно-научный макротекст* (ННМТ).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для нашего исследования стали имена собственные, выявленные в нормативно-научных текстах учебников русского языка трёх периодов: XIX века, XX века, начала XXI века. Общее количество ИС составило (6593) онима в (30719) употреблении. При изучении и анализе материала использовались различные методы, в том числе аналитический, классификационный, элементы статистического метода, сравнительно-сопоставительный.

Среди учебных книг, опубликованных в XIX–XXI веках, исследовательский интерес связан с анализом пособий, созданных выдающимися отечественными учёными-лингвистами (Ф.И. Буслаев, К.С. Аксаков, Д.Н. Ушаков, Р.И. Аванесов и др.). Из современных учебных комплексов были выбраны пособия под редакцией Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, учебники М.М. Разумовской, В.В. Бабайцевой. Известно, что комплекс по русскому языку под редакцией Т.А. Ладыженской, Т.А. Баранова долгое время использовался в качестве основного учебника для средней школы, выдержал много переизданий. Учебники М.М. Разумовской и В.В. Бабайцевой предполагали более углублённое изучение предмета. В связи с этим, на наш взгляд, материалы названных современных учебных комплексов по русскому языку могли дать наиболее полное представление о содержании общеобязательного научного знания, которое должен получить школьник.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными единицами в структуре и содержании нормативно-научного текста, наряду с терминами, являются имена собственные. Рассмотрению названных единиц по-

священы следующие научные исследования: комплексный анализ терминов и имён собственных в ННKM русской языковой личности (Н.А. Максимчук) [3], терминов в нормативно-научных текстах учебников русского языка (А.М. Ильина)¹, имён собственных в историческом фрагменте ННKM (Е.В. Кургузова)².

Если совокупность терминов нормативно-научной картины мира может рассматриваться как терминосистема [6], то для характеристики ономастического наполнения ННMT справедливо использовать понятие ономастическое пространство. Н.В. Подольская определяет ономастическое пространство как «комплекс имён собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов. Онимическое пространство состоит из множества онимических полей – частей онимического пространства, включающих онимы определённого класса [7, с. 103]. Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун характеризуют ономастическое пространство как «полевую структуру, складывающуюся из ядерно-периферийных, структурно-семантических и других отношений, отражает ономастическую картину мира, детерминированную миропониманием, мироощущением определённого этноса, является фрагментом языковой картины мира» [8, с. 170].

Нами проанализирована совокупность имён собственных в нормативно-научных текстах по русскому языку каждой отдельной эпохи (XIX–XXI века) и всего рассматриваемого периода в целом. Выделено ядро и периферия ономастических полей ННТ XIX–XXI веков, а также ядро и периферия ономастического пространства макротекста «Русский язык» в его историческом развитии. Кроме того, необходимо было проследить динамику происходящих в составе имён собственных изменений, которые в определённой

части отражают перемены в общественных представлениях исторического периода о содержании общеобязательного знания.

Многочисленные исследования имени собственного выявили его сложность и многогранность, которые проявляются при изучении функций, значения, структуры ИС и др. [9; 10]. Из них следует, что имя собственное представляет собой не только языковой знак, но и важнейшую информативную единицу лексической системы: оно может передавать сведения историко-культурного характера. Кроме того, «имена собственные сопряжены с когнитивными процессами... ономастические знаки как концептуальные сущности, лежащие в основе функционирования языка, занимают срединное положение между мышлением и действительностью» [11].

При сплошной выборке ономастического материала использовался формальный признак разграничения онимов и апеллятивов, в основе которого лежит правило написания их с большой и маленькой буквы соответственно. Однако в оригинальных текстах XIX века (до проведения орфографической реформы 1918 г.) использование строчной и прописной буквы не всегда соответствует современному правилу. В связи с этим на начальном этапе сбора материала выделялись все существительные, написанные с большой буквы, затем проводилось разграничение онимов и апеллятивов с привлечением дополнительных признаков. В целом апеллятивов, написанных с большой буквы, в ННMT XIX века было выявлено значительное количество. Их выделение производилось в соответствии с действовавшими на тот момент орфографическими правилами, изложенными в трудах А.Х. Востокова³ и Я.К. Грота⁴. Данные апеллятивы обогатили работу интересной и ценной, с нашей точки зрения, ин-

¹ Ильина А.М. Лингвистический компонент нормативно-научной картины мира школьника: содержательный и методический аспекты: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орёл, 2008. 18 с.

² Кургузова Е.В. Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009. 18 с.

³ Востоков А.Х. Сокращённая русская грамматика (для употребления в заведениях Московского учебного округа). М.: в Унив. тип., 1845. 162 с.

⁴ Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873. 162 с.; Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук. 11-е изд. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. 160 с.

формацией о культурно-историческом фоне описываемого периода, поскольку этот орфографический элемент служит своего рода маркером переходной зоны между апеллятивной и онимической лексикой, то есть признаком возможности онимизации определённого круга слов. Это, прежде всего, именованья, принадлежащие а) религиозной сфере: *Бог, Господь, Живоначалная Троица, Христиане, Христианство* и др., б) относящиеся к светской власти: *Государь, Великий Князь, Царь*, другие титулы. Отметим, что в некоторых учебниках XIX века количество такого рода апеллятивов превысило количество онимов. С одной стороны, такие написания выделяют высокий статус именуемых объектов в картине мира (в представлениях) людей XIX века, то есть носят в широком смысле идеологический характер. Однако с другой – подчёркивают стремление данных наименований к большей индивидуализации, к обозначению единичности называемого лица или объекта.

Проведённый анализ имён собственных нормативно-научного макротекста «Русский язык» позволил получить подтверждение положению В.И. Супруна о том, что в ономастическом пространстве «за антропонимами закрепляется центральное положение в именной системе» [12, с. 10]. Эту же мысль разделяет Е.А. Нахимова, указывая, что ядро ономастического поля строится по «антропонимическому принципу» [13, с. 27].

Исследование ономастического пространства ННМТ «Русский язык» показало: больше половины всех употреблений онимов (19666 из более чем 30 тысяч) приходится именно на антропонимы.

Опираясь на приведённые выше характеристики ономастического пространства (Н.В. Подольской, В.И. Супруна, Н.А. Максичук), подчеркнём, что его следует рассматривать как структуру, организованную по концентрическому принципу, то есть в центре находится ядро с приядерной частью, за ней располагается средняя часть и периферия. В рамках данного исследования представляется возможным дать более полную характеристику центральной части (ядру) ономастического пространства, в которое

входят ИС, имеющие наибольшую употребительность во всех ННТ. Граница ядра с приядерной частью ономастического пространства очерчивается следующим образом: употребительность ИС должна составлять больше или равно 35 в любом из ННМТ. Мы посчитали допустимым отнести к ядру онимы, если показатель употребительности хотя бы в одном из учебников превышает 50, а совокупная употребительность достигает 100 и больше. Такие количественные показатели обосновываются сделанными расчётами: при рассмотрении совокупного употребления онимов, выявленных в ННМТ «Русский язык», приведённые выше показатели позволяют определить круг имён, которые входят в ядро. Ниже в табл. 1 представлены онимы, составляющие ядро ННМТ трёх периодов.

Количественное соотношение онимов в ядре значительно отличается по периодам (XIX–XXI вв.) в связи с тем, что общее число имён собственных увеличивается в каждом ННМТ. Как было сказано выше, ядро и приядерная часть располагаются в границах от максимальных значений до 35. В ННМТ XIX века представлены имена собственные, насчитывающие минимальное число (35) употреблений (онимы **«Слово о полку Игореве» – *Ипатьевский список*), а в ННМТ XX века и ННМТ XXI века вошли ИС с количеством употреблений более 100. Отметим, что для онимов **Москва*, **Россия* / *РСФСР* / *Российская Федерация* в ННМТ XX века включён количественный показатель менее 100, так как это повлияло на общее число употреблений – 264 и 237 соответственно). Если в таблицу включить все имена с показателями употреблений от 35 до 100 из ННМТ XX и XXI веков, то количество онимов в ней будет значительно больше.

В ядро анализируемого ономастического пространства ННМТ «Русский язык» (см. табл. 1), основу которого составляют именно антропонимы, входят, прежде всего, имена поэтов и писателей, что достаточно предсказуемо для данного учебного предмета. Среди всего множества ИС выделяются два антропонима, которые являются общими в ономастическом ядре текстов учебников русского языка всех трёх периодов – это *А.С. Пушкин*,

Таблица 1

Имена собственные, составляющие ономастическое ядро ННМТ «Русский язык»

Table 1

Proper names that form the onomastic core of the NNMT “Russian language”

№ п/п	Имя собственное	Количество употреблений по периодам			Общее количество
		XIX век	XX век	XXI век	
1	А.С. Пушкин	62	534	1056	1652
2	И.С. Тургенев	–	465	409	874
3	А.П. Чехов	–	299	442	741
4	М.Ю. Лермонтов	–	292	355	647
5	М. Горький	0	288	356	644
6	Л.Н. Толстой	–	218	325	543
7	К. Паустовский	0	–	494	494
8	И.А. Крылов	63	123	168	354
9	Н.В. Гоголь	–	148	178	326
10	Н.А. Некрасов	–	144	156	300
11	*Москва	41	61	162	264
12	*Россия / РСФСР / Российская Федерация	42	66	129	237
13	И.А. Бунин	0	–	216	216
14	Н.М. Карамзин	167	–	–	167
15	С.А. Есенин	0	–	161	161
16	В. Арсеньев	0	141	–	141
17	А.И. Куприн	–	–	135	135
18	В. Короленко	–	127	–	127
19	Н. Островский	0	117	–	117
20	М. Пришвин	0	–	115	115
21	А. Серафимович	0	110	–	110
22	А. Фадеев	0	110	–	110
23	И. Гончаров	–	107	–	107
24	А.Н. Толстой	0	–	109	109
25	**«Слово о полку Игореве»	73	–	–	73
26	М.В. Ломоносов	62	–	–	62
27	Новгород	39	–	–	39
28	Игорь (князь)	37	–	–	37
29	Христос / Иисус Христос	36	–	–	36
30	«Древние российские стихотворения»	36	–	–	36
31	Ипатьевский список	35	–	–	35

Источник: рассчитано и составлено автором.
Source: estimated and compiled by the author.

И.А. Крылов. Безусловно, многие онимы, которые имеют высокий количественный показатель в ННМТ XX и XXI веков, не могли быть в текстах XIX века по объективным причинам. В табл. 1 они отмечены нулевым показателем. Онимы со знаком «–» в ННМТ XIX века не выявлены в силу того, что цита-

ты из произведений этих поэтов и писателей не использовались авторами учебников, а в ННМТ XX века онимы, отмеченные таким знаком, не вошли в ядро. Наибольшим количественным показателем в ННМТ XX и XXI веков обладают ИС, расположенные в табл. 1 с 1 по 15 позиции. Цитаты из произ-

ведений этих авторов широко представлены в нормативно-научных текстах по русскому языку указанных периодов. Эти произведения также изучались и на уроках литературы.

Если рассматривать 100 наиболее употребительных онимов ННМТ «Русский язык», то круг имён здесь представлен шире. Охарактеризуем эти имена собственные. Антропонимы составляют большую часть ИС из 100 наиболее частотны: 68 единиц. Это имена писателей, поэтов, учёных, государственных деятелей, путешественников и др. (кроме приведённых в табл. 1): *А.А. Фет* (102), *И. Соколов-Микитов* (101), *А. Твардовский* (91), *А. Блок* (91) и др.; *князь Владимир* (63), *В.И. Ленин* (38), *Пётр I* (37); *Н.М. Пржевальский* (46), *Н.Н. Миклухо-Маклай* (35); *В.А. Обручев* (40), *Д.С. Лихачёв* (37).

Выявленные антропонимы характеризуются как прецедентные имена, что определяет их важное место в структуре русской языковой личности. Многие имена выдающихся русских людей (известных писателей, поэтов, философов, политических деятелей) имеют особые коннотации, так как они не только специфически национальны, но и могут проецироваться на другие культуры, сопоставляться с прецедентными именами другой культуры. Современные исследователи этого вопроса указывают на то, что «за каждым из прецедентных имён стоит один или корпус текстов, также прецедентных, которые придают этому имени определённый смысл...» [14, с. 414]. И.А. Астафьева пишет о том, что «коммуникативный аспект изучения прецедентных имён способствовал развитию очень важной проблематики, раскрывающей роль прецедентов в эффективной коммуникации, в том числе в коммуникации между разными поколениями» [15, с. 72]. Прецедентный текст всегда репрезентирует образ, например, *Иудушка – предательство*; *Каракумы, Ташкент* – название жаркой территории (см. подробнее: [16, с. 9]).

Из оставшихся 32 из 100 наиболее частотных единиц в ННМТ «Русский язык» 12 топонимов: *Волга* (113), *Русь / Древняя Русь / Киевская Русь / Матушка-Русь* (91), *Петербург / Санкт-Петербург / Ленинград* (75), *Кавказ* (65), *Новгород* (53), *Киев* (50),

Дон (48), *Сибирь* (46), *Советский Союз / СССР / Советская страна / Союз Советских Социалистических Республик* (45) и др.

Далее идут литературные имена – названия литературных произведений: *«Слово о полку Игореве»* (89), *«Евгений Онегин» / «Онегин»* (43); имена литературных героев: *Павел / Корчагин* (67), *Онегин / Евгений Онегин* (50), *Татьяна / Таня* (49), *Чичиков* (48); религионимам: *Христос / Иисус Христос* (43), *Библия / Евангелие (от Матфея, от Иоанна, от Луки, от Марка)* – 43; астроном – *Земля* (74).

Среди ста наиболее частотных ИС отдельную группу составляют онимы, используемые в иллюстративных примерах, созданных авторами учебников: *Петя, Ваня / Иван, Серёжа, Саша, Миша, Наташа, Машиа, Андрей*. С нашей точки зрения, они интересны тем, что относятся к числу наиболее распространённых и популярных русских имён в разные эпохи жизни нашей страны. Это подчёркивается и тем, что, например, часть упоминаний имён *Наташа, Андрей* встречаем в текстах авторов учебников, а часть в цитатах из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», то же относится к имени *Машиа* (повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и «Дубровский») и др.

Выявленные 4 общих онима ННМТ (см. табл. 1) – особые для человека, живущего в нашей стране и воспитанного в традициях русской культуры. Среди них выделяются символические – *Россия* – название нашей страны проходит через тексты учебников трёх периодов, даже в советский период истории нашего государства это название встречается чаще, чем *СССР* или *Советский Союз*. *Москва* – не просто столица нашей страны, а её сердце, место собирания русских земель. Само именованье *Москва* часто использовалось как синоним названия *России*. Имена двух выдающихся деятелей русской культуры – *А.С. Пушкина* и *И.А. Крылова* – неотъемлемая её часть. День рождения *А.С. Пушкина* стал *Днём русского языка*. В творчестве поэта был создан литературный язык, которым пользуются и на котором пишут и сейчас. Его творчество – самая высокая вершина русской культуры. Многие ци-

таты из басен И.А. Крылова настолько прочно вошли в сознание людей, воспитанных в традициях русской культуры, что они их используют как афоризмы в различных жизненных ситуациях, не всегда вспоминая автора этих высказываний.

В нормативно-научных текстах XIX и XX веков чётко прослеживается идеологическая линия: воспитание в традициях Православия и уважения к верховной светской (царской) власти – в текстах учебников XIX века, в коммунистических идеалах – в текстах учебников XX века (особенно первой его половины).

Ономастическое пространство ННМТ «Русский язык» является сложной целостной структурой, внутри которой есть общие элементы и переменные составляющие. Общее даёт возможность видеть преемственность между эпохами. Являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, ономастическое пространство находится в постоянном движении, изменяется и развивается. Тем не менее, всегда внутри него будут оставаться связи, которые позволяют говорить о языковой, исторической, географической, культурной общности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имя собственное как знак культуры занимает важное место в системе общеобязательного знания, играет значимую роль в формировании мировоззрения и мировосприятия языковой личности. В рамках проведённой работы анализировалось ономастическое пространство, формируемое нормативно-научными текстами. В целом тексты

учебных книг русского языка XIX–XX веков и современных учебников составляют единый нормативно-научный макротекст «Русский язык», включающий в себя макротексты отдельных эпох. В свою очередь ономастическое пространство объединяет некоторое количество ономастических полей, организуемых онимами общей разрядной, тематической, локальной, временной и другой принадлежности. Его центральной частью является ядро, для выявления состава которого сравнивались наиболее частотные онимы.

Анализ всего состава имён собственных позволяет подтвердить положение, что ономастическое пространство ННМТ «Русский язык» *антропоцентрично* по своей сути. Ядро этого пространства составляют имена писателей, поэтов, художников, учёных, историков, общественных деятелей и многих других деятелей, внёсших свой вклад в развитие культуры страны. Значимое место в ННМТ «Русский язык» занимают и онимы других разрядов (топонимов, имён литературных персонажей, именовании, относящихся к религиозной сфере, и др.).

Изменения состава ключевых имён в структуре картины мира, происходящие в результате культурно-исторического, общественно-политического развития и т. п., отражаются в учебных текстах, представляющих общеобязательное (с точки зрения данной эпохи) научное знание. Анализ нормативно-научных макротекстов разных эпох может служить объективным инструментом исследования структуры языковой личности в динамическом аспекте, позволяет выделить постоянные и переменные элементы её ономастической составляющей.

Список источников

1. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. 1997. Т. 1. 505 с.
2. Максимчук Н.А., Голубничая А.В. Ономастическое пространство учебного макротекста: константы и переменные // Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2018. Т. 25. С. 148-154. <https://elibrary.ru/xnzsot>
3. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: в 2 ч. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. Ч. 1. 162 с.
4. Николаева Т.Н. Понятие «учебный текст» в научном дискурсе // Наука и школа. 2024. № 4. С. 181-188. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-4-181-188>, <https://elibrary.ru/xkttoc>

5. Богуславский М.В. Дидактическое обоснование формирования ключевых навыков человека 21 века в современном учебнике // Современный учебник. Формирование ключевых навыков человека 21 века: метод. пособие для авторов учебников, экспертов, учителей / под ред. И.М. Осмоловской, В.В. Серикова. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022. С. 15-23.
6. Максимчук Н.А. Совокупность терминов школьного образования: терминология vs терминосистема. Минск: Изд-во БГУ, 2011. С. 87-92.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
8. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теоретические основы ономастики. Алматы: Арыс; Волгоград: Перемена, 2011. 280 с.
9. Катермина В.В. Имя собственное как носитель национально-культурной информации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 4. С. 166-174. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2017-4-166-174>, <https://elibrary.ru/ykhtqr>
10. Максимчук Н.А. Имя собственное и его лингвокультурологический потенциал в структуре общеобразовательного знания // Лингвокультурологические чтения. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., проведенной в рамках I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление». М., 2024. С. 308-311. <https://elibrary.ru/dymyqe>
11. Щербак А.С. Мышление – ономастический знак – действительность // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 272-276. <https://elibrary.ru/logqlm>
12. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественный потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 171 с.
13. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.
14. Худайбердина М.У., Мамонова Е.Ю., Пермьякова К.В. Семантика прецедентного имени собственного и его смысловое варьирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 414-419. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.88>, <https://elibrary.ru/viltvi>
15. Астафьева И.А. Прецедентное имя в газетном дискурсе // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 71-75. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-71-75>
16. Щербак А.С. Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 7 (51). С. 7-11. <https://elibrary.ru/iwqqj>

References

1. Kubryakova E.S. About the text and the criteria for its definition. *Tekst. Struktura i semantika*, 1997, vol. 1, 505 p. (In Russ.)
2. Maksimchuk N.A., Golubnichaya A.V. Onomastic space of an academic macrotext: constants and variables. *Uchenye zapiski UO «VGU im. P.M. Masherova»*, 2018, vol. 25, pp. 148-154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xnzsot>
3. Maksimchuk N.A. *Normative-Scientific Picture of Russian Linguistic Personality in a Comprehensive Linguistic Consideration in 2 pts.* Smolensk, SGPU Publ., 2002, pt 1, 162 p. (In Russ.)
4. Nikolaeva T.N. The concept of "educational text" in academic discourse. *Nauka i shkola = Science and School*, 2024, no. 4, pp. 181-188. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-4-181-188>, <https://elibrary.ru/xkttoc>
5. Boguslavsky M.V. Didactic substantiation of the formation of key skills of a person of the 21st century in a modern textbook. *Sovremenniy uchebnik. Formirovaniye klyuchevykh navykov cheloveka 21 veka: metodicheskoe posobie dlya avtorov uchebnikov, ekspertov, uchitelei.* Moscow, 2022, pp. 15-23. (In Russ.)
6. Maksimchuk N.A. *A Set of School Education Terms: Terminology vs Terminology System.* Minsk, BSU Publ., 2011, pp. 87-92. (In Russ.)
7. Podolskaya N.V. *Dictionary of Russian Onomastic Terminology.* Moscow, Nauka Publ., 1978, 198 p. (In Russ.)
8. Madieva G.B., Suprun V.I. *Theoretical Foundations of Onomastics.* Almaty, Arys Publ., Volgograd, Peremena Publ., 2011, 280 p. (In Russ.)
9. Katerina V.V. Proper names as bearers of national and cultural information. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Philology*,

- 2017, no. 4, pp. 166-174. (In Russ.) <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2017-4-166-174>, <https://elibrary.ru/ykhtqr>
10. Maksimchuk N.A. Proper name and its linguacultural potential in the structure of general obligatory knowledge. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Lingvokul'turologicheskie chteniya», provedennoi v ramkakh I Mezhdunarodnogo lingvokul'turologicheskogo foruma «Lingvokul'turologiya i kommunikativnaya real'nost' 21 veka: novye vyzovy – novoe osmyslenie» = Proceedings of Articles from the International Scientific and Practical Conference “Lingvoculturological Readings”, Held within the Framework of the 1st International Lingvoculturological Forum “Lingvoculturology and Communicative Reality of the 21st Century: New Challenges – New Understanding”*. Moscow, 2024, pp. 308-311. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dymyqe>
11. Shcherbak A.S. Thinking – onomastic sign – reality. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2023, no. 3-2 (54), pp. 272-276. (In Russ.) <https://elibrary.ru/logqlm>
12. Suprun V.I. *Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic Potential*. Volgograd, Peremena Publ., 2000, 171 p. (In Russ.)
13. Nakhimova E.A. *Precedent Names in Mass Communication*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2007, 207 p. (In Russ.)
14. Khudaiberdina M.U., Mamonova E.Yu., Permyakova K.V. Semantics of precedent proper noun and its sense variation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 414-419. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.88>, <https://elibrary.ru/viltvi>
15. Astafieva I.A. Precedent name in newspaper discourse. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2022, no. 3 (36), pp. 71-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-71-75>, <https://elibrary.ru/uzaloi>
16. Shcherbak A.S. Onomastic sign-symbol in cognitive aspect. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2007, no. 7 (51), pp. 7-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iwqqj>

Информация об авторе

ГОЛУБНИЧАЯ Алина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского, г. Смоленск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0008-9635-5856>, golubn-alina@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, создание базы данных имён собственных, выявленных в нормативно-научных текстах учебников русского языка XIX – начала XXI века, анализ полученного материала, поиск и изучение научной литературы, написание статьи, редактирование текста.

Поступила в редакцию 08.09.2024

Поступила после рецензирования 30.10.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Alina V. Golubnichaya, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department, Russian Federation Armed Forces Army Air Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky, Smolensk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-9635-5856>, golubn-alina@yandex.ru

Contribution: study idea, creation of a database of proper names identified in normative and scientific texts of Russian language textbooks of the XIX – early XXI centuries, obtained material analysis, scientific literature search and study, manuscript drafting, text editing.

Received September 8, 2024

Revised October 30, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811. 161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-871-878>

Шифр научной специальности 5.9.5

Гефиронимы в структуре самаркандского текста

Евгения Валентиновна Липатова

Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15
✉ lipatova-yevgeniya@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В последнее время объектом ономастических исследований стали периферийные разряды ономастики, к числу которых относится имя собственное моста – гефиронимы. Этот термин не отмечен в самом известном Словаре русской ономастической терминологии Н.В. Подольской. Будучи содержательной самостоятельной единицей знания в ономастическом сознании носителей языка, гефиронимы существуют в системоцентричной форме и в антропоцентрическом измерении, осуществляя реализацию городского текста. Понимание сущности топонима как текста восходит к идеям М.В. Горбаневского, считавшего, что многоплановость компонентов топонима имеет отношение к топониму-тексту. Цель исследования – рассмотреть пространственный локус города Самарканда на материале гефиронимов-текстов, который может разворачиваться и представлять собой известные экстралингвистические и культурологические знания, репрезентируя город-текст. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В исследовании применяются следующие методы: наблюдение, семиотический, семантический анализ, метод интерпретации. Эмпирический контекст исследования – гефиронимы Самарканда, зафиксированные на карте города и в справочниках, которые являются объектом научного интереса автора. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Человек заполняет пространство города конкретными топонимическими единицами, участвующими в формировании городского текста, что позволяет «прочитывать» город. Связность и цельность городского текста формируют топонимы-тексты, в значения которых входят компоненты: адресный, хронологический, историко-культурный, краеведческий, национально-культурный, текстовый, причём этот ряд остаётся открытым. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Определённые свойства самаркандского текста находят отражение в топонимах-текстах. Поскольку любой топоним выполняет знаковую функцию и городская семиотика интертекстуальна, то каждый отдельный топоним-текст вступает в интертекстуальные отношения с другим топонимом-текстом, формируя городской текст с ономастической информацией.

Ключевые слова: Самарканд, текстуальная природа города, компоненты топонима-текста, интертекстуальность

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Липатова Е.В. Гефиронимы в структуре самаркандского текста // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 871-878. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-871-878>

Hephyronyms in the structure of the Samarkand text

Yevgeniya V. Lipatova

Samarkand State University named after Sharof Rashidov
15 University Blvd, Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan
 lipatova-yevgeniya@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. Recently, the peripheral categories of onomastics have become the object of onomastic research, which include the name of the proper bridge – gephyronyms. This term is not noted in the most famous Dictionary of Russian Onomastic Terminology by N.V. Podolskaya. Being a meaningful independent unit of knowledge in the onomastic consciousness of native speakers, gephyronim exist in a system-centric form and in an anthropocentric dimension, implementing the urban text. Understanding the essence of the toponym as a text goes back to the ideas of M.V. Gorbanevsky, who believed that the versatility of the components of a toponym is related to the toponym-text. The purpose of the study is to consider the spatial locus of the city of Samarkand based on the material of gephyronim texts, which can unfold and represent known extralinguistic and cultural knowledge, representing the city-text. **MATERIALS AND METHODS.** The following methods are used in the study: observation, semiotic and semantic analysis, interpretation method. Empirical context of the study of – gephyronyms of Samarkand, recorded on the city map and in reference books, which are the object of scientific interest of the author. **RESULTS AND DISCUSSION.** A person fills the space of the city with specific toponymic units involved in the formation of the urban text, which allows “to read” the city. The coherence and integrity of the urban text are formed by toponyms-texts, the meanings of which include the following components: address, chronological, historical and cultural, local history, national-cultural, text, and this series remains open. **CONCLUSION.** Certain properties of the Samarkand text are reflected in toponym texts. Since any toponym performs an iconic function and urban semiotics is intertextual, each individual toponym-text enters into an intertextual relationship with another toponym-text, forming an urban text with onomastic information.

Keywords: Samarkand, textual nature of the city, components of toponym-text, intertextuality

Acknowledgments and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declare no conflict of interest.

For citation: Lipatova, E.V. Hephyronyms in the structure of the Samarkand text. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):871-878. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-871-878>

ВВЕДЕНИЕ

Текстуальная природа города вызывает интерес у представителей самых разных наук – лингвистов, психологов, социологов, этнографов. Актуальность исследования самаркандского текста связана с необходимостью рассмотреть статус самаркандских топонимов, отражающих устойчивую актуализацию представления о городе, который «может носить характер текста» [1, с. 119]. «Топоним *Самарканд* сам является текстом с концентрированной во времени и пространстве информацией об окружающем человека мире» [2, с. 69]. Цель исследования – рассмотреть

пространственный локус города Самарканда на материале геофронимов-текстов, который может разворачиваться и представлять собой известные экстралингвистические и культурологические знания, репрезентируя город-текст.

М.В. Горбаневский, проанализировавший в своё время способы образования городских топонимов, определил путь к пониманию сущности топонима как свёрнутого текста. Учёный утверждал, что топонимический текст «как потенциальное (свёрнутое) речевое произведение есть разновидность текста культуры, поддающаяся условной стратификации для последующей фиксации

(отражения) его части в современных лексикографических компьютерных источниках или в автоматизированных информационно-исследовательских системах» [3, с. 183].

Имя собственное как разновидность текста городской культуры¹ стало активнее заявлять о себе в области филологических знаний [4–8], поскольку топонимы-тексты «взаимодействуют с фольклорным, этнографическим и другими текстами, функционирующими в сверхтексте традиционной народной культуры» [9, с. 91], но в то же время топоним-текст является механизмом порождения различных форматов знания, в том числе, о хозяйственной, культурной, этнической, исторической, религиозной жизни людей.

Так, город Самарканд «являет собой сложные форматы знания, представляющие собой концептуальные структуры, которые отражают культурно-исторические ценности, исключительно значимые для понимания узбекского менталитета и лингвокультурологического образа азиатского города носителями русского языка» [2, с. 69]. В диалоге с самыми разными культурами этот топоним сохранил на протяжении тысячелетий информативность топонима-текста. «Географические названия несут информацию более сложную и объёмную, чем их этимологические значения, но эта информация может быть расшифрована лишь на основе фоновых знаний» [10, с. 11].

Топонимы в широком понимании определяют не только отдельные тополемиы, наделённые знаковой функцией, но и топоним-текст, состоящий из определённых модульных компонентов и служащий для передачи упорядоченного семантического городского пространства для отражения мотивов номинации географических объектов как в синхронном, так и в диахронном аспектах, для постижения памятников культуры и истории той эпохи, в которую они были созданы.

Топоним, как любое имя собственное, – это языковой знак, то есть топонимический знак, который выполняет не только основ-

ную адресную функцию, но и функцию текста. Под термином «топонимический знак» понимается любой топоним, как вторичный знак, отражающий комплекс знаний о топониме (языковые и энциклопедические знания) и служащий для организации топонимического знания в человеческом сознании. «Топонимические знания» – это знания о топониме, которые человек получает в результате познания окружающей действительности, опыт человека по сохранению и отражению всего того, что связано с топонимом, передающим определённое целостное значение.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе исследования самаркандских топонимов использовался семиотический подход: акцентировалось внимание на топониме как языковом знаке; использовался метод наблюдения, семантический анализ, метод интерпретации. Материалом исследования послужила авторская картотека «Топонимы г. Самарканда».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Город – это «топонимическое пространство» (термин В.Н. Топорова), которое отсылает к прецедентным феноменам в городской топонимике, сохраняющей память о своих предшествующих контекстах. Речь идёт о том, что за топонимом лежит форма познания топонимической картины мира, которую репрезентирует топоним, отражающий топонимическую систему в её ментальном бытии.

Впервые план содержания русского топонима как определённым образом структурированный свёрнутый текст был рассмотрен М.В. Горбаневским, предложившим методику исследования компонентов топонима-текста [3]. По мнению учёного, структура топонима включает определённые модули, в числе которых выделяется и текстовый модуль. Ср.: «1) адресно-идентификационный модуль; 2) хронологический модуль; 3) этимологический модуль; 4) историко-культурный модуль; 5) перифрастический модуль; 6) нормативно-речевой модуль (с несколькими

¹ Шурупова О.С. Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы (сопоставительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2011. 24 с.

ми конкретными разновидностями); 7) структурно-словообразовательный модуль; 8) текстовый (ассоциативно-текстовый модуль)².

К текстуальной природе топонимов обращалась В.С. Картавенко, рассмотревшая семантику топонима как концентрированного текста на материале белорусских топонимов.

В понимании учёного отдельный топоним в аспекте дискурса является связным текстом в совокупности с экстралингвистическими знаниями [11]. Р.А. Агеева обращалась к топонимам в семиотическом плане, решая проблему ономастического текста на топонимическом материале [9].

Для нас весьма важен тот факт, что известный «Словарь русской ономастической терминологии» содержит термин «топоним-фраза»³ со ссылкой на словарную статью «имя-фраза». Термин «имя-фраза» отмечен в значении «любое имя собственное, представляющее собой короткий текст»⁴. В качестве примера приводится казахский топоним «Текелитау» («Гора, где водятся козлы»). В примечании словарной статьи сказано, что «этот тип имён характерен главным образом для микротопонимов и названий различных художественных произведений; нем. Redensatzname»⁵.

Следовательно, топоним-фраза, структурно равный предложению, являет собой свёрнутый текст, который может «развернуться» и предстать как определённый тип знания, важнейшим из которых является экстралингвистическое.

Иными словами, для передачи ономастического значения слово может совмещать в себе и номинативное значение нарицательного существительного, и лексическое значение имени собственного (которое грамматически оформлено) с его определительной функцией для восприятия смыслового един-

ства топонимического объекта при индивидуальном назывании топообъекта. Совершенно очевидны выводы А.Л. Шарандина о том, что собственные «являют собой особый тип языковых знаков». Учёный рассматривает имена собственные как «самостоятельный лексический класс слов, которые выделяются в русском языке как особый структурно-семантический тип» [12, с. 72], как «нарицательно-собственный комплекс, представленный сочетанием нарицательного существительного и имени собственного типа *река Волга, город Тамбов*» [12, с. 73].

А.С. Щербак подчёркивает, что между именами собственными и классом нарицательных слов «осуществляется активный процесс взаимодействия. Это взаимодействие проявляется в том, что сами имена собственные являются и порождением национального языка, и одной из его составляющих» [13, с. 97]. Взаимодействие проявляется в следующем: «сопровождающая урбаноним апеллятивная единица, присутствующая или опущенная (в устной коммуникации), формирует нерасчленённое (гештальт) наглядно-схематическое представление об адресном линейном городском объекте...» [14, с. 88].

Каждый из нас может представить мост как образ моста. Однако мы не можем себе представить образ места. Если мы представляем себе мост, то делаем это при помощи гештальта (образа) мост. Ср.: если для Санкт-Петербурга – это Литейный мост, Сенной мост, мост Александра Невского (самый длинный из разводных мостов) и множество других, то для Самарканда мосты не характерны. Это пешеходный мост над улицей Шахи-Зинда, связанный с возведением мемориального комплекса на месте захоронения Первого Президента страны Ислама Каримова; пешеходный мост у Сиабского рынка. Сиаб – историко-географический район города, назван по протекающей недалеко от базара реки Сиаб.

В Узбекистане знаменит мост Шейбани-Хана через реку Зеравшан (Зарафшон/Зарафшан) при въезде в Самарканд. Город Самарканд находится в долине левого берега реки Зеравшан. Средневековый мост Тимуридских времён был построен в 1502 г.

² Максимов В.О. Вариативность современного русского фамильного антропонимикона: лексикографический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016. С. 138.

³ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. С. 131.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 63.

лучшими архитекторами Самарканда по инициативе узбекского хана Шейбани, в честь которого и был назван мост, связавший г. Самарканд с заречными районами. «Шейбани-хан был потомок Шибана, пятого сына старшего сына Чингиз-хана Джучи». Шибаниды являлись выходцами из Золотой Орды [15, с. 393]. Шейбани-хан способствовал процветанию Самарканда и «возводил гражданские сооружения в виде моста-водораздела» [15, с. 391].

В последнее время объектом ономастических исследований стали периферийные разряды ономастики, к числу которых, например, относится имя собственное моста – гефиронимы. Этот термин не отмечен в самом известном Словаре русской ономастической терминологии Н.В. Подольской.

Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун при рассмотрении ономастических терминов на примере имён земного пространства (топонимов) для названий объектов внутригородского пространства – мостов, являющихся важными ориентирами в пространстве города, предложили термин гефиронимы [16, с. 16]. Термин восходит к греч. γέφυρα «плотина, мост» + ὄνομα / ὄνυμα «имя» [17, с. 117].

Функционирование данного термина Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун связывают с неперенным апеллятивным сопровождением, которое вместе с именем собственным формирует словосочетание, которое отражает так называемое апеллятивно-онимическое, нарицательно-собственное или апеллятивно-собственное словосочетание, ср.: Республика Узбекистан, Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова, «Самаркандские ворота» в Ташкенте – Самарканд дарвоза (дарбаза) – главные ворота городов Востока.

В подобного рода нарицательно-собственных словосочетаниях (в терминологии А.Л. Шарандина – «нарицательно-собственный комплекс» [12, с. 73]), или в апеллятивно-онимическом комплексе (в терминологии В.И. Супруна) содержатся имена собственные, составляющие словарь самаркандской культуры, идентифицирующей и характеризующей восточный культурный тип. Наричательно-собственный комплекс

может сосредотачивать в себе большую часть знаний о самаркандском тексте через восприятие конкретных названий мостов, нежели о названии места вообще.

Городская среда связана с ориентацией в топонимическом пространстве, человек с помощью адресных линейных объектов, названия которых отражают ассоциативные связи с другими словами, легко ориентируется на местности. Названия мостов Самарканда можно представить по гидрониму – мост у Сиабского рынка, по урбанониму – мост над улицей Шахи-Зинда. Антропонимическая модель нашла воплощение в самаркандском гефирониме мост Шейбани-Хана.

Восприятие каждого названия сопровождается ассоциациями, обусловленными конкретизированными и дифференцированными ономастическими знаниями о городском объекте с целью выделения, например, гефиронима в пределах концептуальной области «ЛОКУС», его концептуальные структуры: «пространственная ориентация», «человек», «вода», в рамках которых отражается значимость различных ономастических характеристик обозначаемых городских объектов, которые в совокупности формируют городскую локальную топонимию.

Заметим, что определение понятия «городской текст» в науке на сегодня отсутствует. В нашем случае речь идёт о топонимическом пространстве города, которое формируется различными типами онимов (антропонимы, урбанонимы, эргонимы, пилонимы и др.). Городские онимы определяют систему знаний о городе, участвуют в формировании мировоззрения человека и фиксации отражения географической городской действительности в сознании человека.

Будучи изначально знаками-ориентирами, топонимические знаки отражают три основных компонента городского текста: интертекстуальность, связность и цельность. Интертекстуальность городского текста проявляется в том, что происходит взаимодействие различных типов онимов, когда имена собственные одного разряда переходят в другой. Ср.: антропоним Шейбани-Хан → гефироним мост Шейбани-Хан. «На сегодняшний день сохранилась часть арки этого

уникального гражданского сооружения» [15, с. 400], которая даёт представление о средневековой архитектуре Средней Азии. Сведения о том, когда был разрушен мост, отсутствуют.

Связность и цельность городского текста находят отражение в знаковых функциях топонимов, которые становятся символами города, например, Сиабский базар в Самарканде. Сиабский базар (узб. *Siyob bozori*) являлся некогда частью Великого Шёлкового Пути) и сегодня это структурный компонент топонима Самарканд (визитная карточка города).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к городу Самарканду не только как феномену культуры, но и как тексту, в котором воплощается совокупность топонимических знаков, позволяет считать, что гефиронимы – это нарицательно-собственные словосочетания (нарицательно-собственный комплекс, апеллятивно-оними-

ческий комплекс), которые относятся к периферийным разрядам самаркандского текста и обладают важными этнолингвокультурными характеристиками.

Гефироним являет собой сжатый (свёрнутый) текст, содержащий адресный, хронологический, историко-культурный, краеведческий, национально-культурный компоненты.

Самаркандские гефиронимы, образованные по гидронимической, урбанонимической и антропонимической моделям, отражают закономерности формирования онимического пространства узбекского города и позволяют увидеть в онимах этническое, историческое и культурологическое и краеведческое содержание их семантики.

Гефиронимы являются особыми топонимическими знаками, создающими образ Самарканда в сознании человека, служат ономастическим средством формирования образа города-текста, отражают мировоззренческие взгляды жителей города, существующие в обществе в разные эпохи.

Список источников

1. Чиркова Н.В. Образ города в контексте репрезентации исторической и культурной памяти: наследие и современность [Рецензия на монографию А.И. Ионесова, В.И. Ионесова. «Самарканд: Образ города в пространстве межкультурной коммуникации. Энциклопедия зарубежной Самаркандианы». Ташкент: SMI-ASIA, 2022. 852 с.] // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 119-123. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-474-4-119-123>, <https://elibrary.ru/lcaflw>
2. Липатова Е.В. Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 67-75. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
3. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Общ-во любителей российской словесности, 1996. 304 с.
4. Ревякина Н.П., Курьянов Н.А. «Город как текст» (на материале города Ростов-на-Дону) // Российский лингвистический бюллетень. 2023. № 7 (43). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.30>, <https://elibrary.ru/unwqmr>
5. Казаков К.В. Город как текст: структурно-семиотический взгляд // XXV Юбилейные царскосельские чтения: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2021. Т. 2. С. 31-36. <https://elibrary.ru/yhmmnm>
6. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 616 с. <https://elibrary.ru/vnjoij>
7. Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Пятой Всерос. науч. конф. с междунар. участием / сост. О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. 422 с. <https://elibrary.ru/pdgxmc>
8. Яранцев В.Н. Читать Петербург: город как текст // Евразийский научный журнал. 2016. № 10. С. 302-309. <https://elibrary.ru/wzzusj>
9. Березович Е.Л. Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. С. 86-95.
10. Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 1 (5). С. 5-17. <https://elibrary.ru/qhubvd>

11. Картавенко В. Семантика топонима как концентрированного текста. W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. С. 55-64. <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.06>
12. Шарандин А.Л. Являются ли имена собственные лексико-грамматическим разрядом существительных? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 68-77. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-68-77>, <https://elibrary.ru/brckqn>
13. Щербак А.С. Когнитивная концепция российских урбанонимов. Проблемы русистики в аспекте современных научных направлений. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017.
14. Щербак А.С., Ду Ч., Хэ Ю. Исследование урбанонимических единиц в рамках когнитивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 88-95. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-4-88-95>, <https://elibrary.ru/yalumx>
15. Маликов А.М., Таланбаева К.У. Некоторые особенности идентичности Шейбани-хана и монументальное строительство в Самарканде в начале XVI века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 2. С. 391-413. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413>, <https://elibrary.ru/gnlbnw>
16. Мадиева Г.Б., Сунрун В.И. Общие проблемы ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. Майкоп: Изд-во Магарин Олег Григорьевич, 2017. 444 с. <https://elibrary.ru/xyjqkx>
17. Мадиева Г.Б., Сунрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115-125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014, <https://elibrary.ru/yupmad>

References

1. Chirkova N.V. An image of the town in the context of representation of historical and cultural memory: heritage and modernity [review of the book by Anatoly I. Ionesov and Vladimir I. Ionesov. "Samarkand: an image of the town in the space of intercultural communication. an encyclopedia of foreign samarkandiana". Tashkent, SMI-ASIA, 2022. 852 p.]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2023, no. 4 (474), pp. 119-123. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-474-4-119-123>, <https://elibrary.ru/lcaflw>
2. Lipatova E.V. Representation of the Samarkand text in the linguocognitive aspect. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 67-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
3. Gorbanevskii M.V. *Russian Urban Toponymy: Methods of Historical and Cultural Study and Creation of Computer Dictionaries*. Moscow, Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti Publ., 1996, 304 p. (In Russ.)
4. Revyakina N.P., Kur'yanov N.A. "City as text" (based on the material from Rostov-on-Don). *Rossiiskii lingvisticheskii byulleten'* = *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 7 (43), Art. 35. (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.30>, <https://elibrary.ru/unwqmr>
5. Kazakov K.V. City as text: structural and semiotic view. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «25 Yubileinye tsarskosel'skie chteniya»* = *Proceedings of International Scientific Conference "25th Anniversary Tsarskoye Selo Readings"*. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2021, vol. 2, pp. 31-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yhmmnm>
6. Toporov V.N. *The St. Petersburg text of Russian literature: Selected Works*. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2003, 616 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnjoij>
7. Skibinskaya O.N., Khovrina T.K. (compilers). *Materialy Pyatoi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Yaroslavskii tekst v prostranstve dialoga kul'tur"* = *Proceedings of the Fifth All-Russian Scientific Conference with International Participation "The Yaroslavl Text in the Space of the Dialogue of Cultures"*. Yaroslavl, YSPU Publ., 2023, 422 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pgxmc>
8. Yarantsev V.N. Read Peterburg: city as text. *Evrasiiskii Nauchnyi Zhurnal*, 2016, no. 10, pp. 302-309. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wzzusj>
9. Berezovich E.L. Toponymic space as a text. *Yearbook of the Scientific Research Institute of Russian Culture*. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 1995, pp. 86-95. (In Russ.)
10. Golev N.D., Dmitrieva L.M. Unity of the ontological and mental existence of the toponymic system: a contribution to cognitive toponymics. *Voprosy onomastiki* = *Problems of Onomastics*, 2008, no. 1 (5), pp. 5-17. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qhubvd>

11. Kartavenko V. Semantics of toponym as concentrated text. W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Publ., 2014, pp. 55-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.06>
12. Sharandin A.L. Are proper names lexico-grammatical category of a noun? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 68-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-68-77>, <https://elibrary.ru/brckqn>
13. Shcherbak A.S. The cognitive concept of Russian urbanonyms. *Problems of Russian Studies in Terms of Current Prospects*. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2017. (In Russ.)
14. Shcherbak A.S., Du Ch., Kheh Yu. Urbanonym units study within the cognitive approach. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 4 (57), pp. 88-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-4-88-95>, <https://elibrary.ru/yalumx>
15. Malikov A.M., Talanbaeva K.U. Some features of the cultural identity of Shaybani Khan and the monumental construction in Samarkand at the beginning of the sixteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 391-413. (In Russ.) <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-2.391-413>, <https://elibrary.ru/gnlbnw>
16. Madieva G.B., Suprun V.I. General problems of onomastics. *Theory and Practice of Onomastic and Dermatological Research*. Maikop, Magarin Oleg Grigorievich Print House, 2017, 444 pp. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xyjkqx>
17. Madieva G.B., Suprun V.I. The system of modern Russian urbanonymic terminology. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 115-125. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014, <https://elibrary.ru/yupmad>

Информация об авторе

ЛИПАТОВА Евгения Валентиновна, преподаватель кафедры русского и общего языкознания, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, <https://orcid.org/0000-0003-1224-6019>, lipatova-yevgeniya@mail.ru

Вклад в статью: разработка концепции исследования, анализ картотеки «Топонимы г. Самарканда», написание текста статьи, редактирование текста.

Поступила в редакцию 13.09.2024

Поступила после рецензирования 20.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Yevgeniya V. Lipatova, Lecturer of Russian Language Department, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, <https://orcid.org/0000-0003-1224-6019>, lipatova-yevgeniya@mail.ru

Contribution: study conception development, "Toponyms of Samarkand" card index analysis, manuscript text drafting, manuscript text editing.

Received September 13, 2024

Revised November 20, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-879-888>

Шифр научной специальности 5.9.3

Кибернетика в филологии. Постановка проблемы

Алексей Юрьевич Овчаренко , Елизавета Андреевна Шапринская

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 ovcharenko_ayu@pfur.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрена взаимосвязь кибернетики и филологии. Бурное развитие современных технологий, и искусственного интеллекта, в частности, ставит перед современными специалистами вопрос о внедрении в высшие учебные заведения программ, ориентированных на гуманитарно-технологическую многопрофильность, что, безусловно, сопряжено со многими трудностями, в том числе психологического характера. Цель исследования – рассмотреть и проанализировать возможное применение кибернетики и количественных методов в филологии. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В основной части рассмотрены типичные современные мифы о нейросетях и взаимодействии с ними специалистов в сфере гуманитаристики. Одним из главных методов рационализации необоснованных опасений перед искусственным интеллектом становится объяснение механизма работы его алгоритмов. Даны подробные комментарии о перспективах, которые открывает совместная деятельность филологов и программистов. Кроме того, рассмотрен вопрос о внедрении кибернетических принципов в филологические исследования поэзии. Благодаря такому взгляду на проблему можно будет говорить о реконструкции стихотворений на основе существующих разночтений при помощи искусственного интеллекта. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Затронута методологическая и практическая ценность интеграции кибернетики и филологии, что позволило говорить о выведении гуманитарных исследований на новую, «цифровую» ступень. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Подчеркнуто, что не только филологам необходимо приобретать цифровые компетенции, но и программистам важно обладать знаниями из сферы языка и культуры, поскольку дальнейшее развитие ИИ-технологий невозможно без интеграции этих двух областей.

Ключевые слова: кибернетика, филология, структура, системность, искусственный интеллект, лингвистика, количественный метод

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А. Кибернетика в филологии. Постановка проблемы // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 879-888. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-879-888>

Cybernetics in philology. Statement of the problem

Alexey Y. Ovtcharenko , Elizaveta A. Shaprinskay
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
 ovcharenko_ayu@pfur.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relationship between cybernetics and philology is considered. The rapid development of modern technologies, and artificial intelligence in particular, poses the question of introducing programs focused on humanitarian and technological multidisciplinary approaches to higher education institutions to modern specialists, which, of course, is associated with many difficulties, including psychological ones. The purpose of the study is to consider and analyze the possible application of cybernetics and quantitative methods in philology. **MATERIALS AND METHODS.** The main part examines typical modern myths about neural networks and interactions with them by specialists in the field of humanities. One of the main methods of rationalizing unfounded fears of artificial intelligence is an explanation of the mechanism of its algorithms. Detailed comments are given on the prospects that are opened by the joint activities of philologists and programmers. In addition, the issue of introducing cybernetic principles into philological studies of poetry is considered. Thanks to this view of the problem, it will be possible to talk about the reconstruction of poems based on existing discrepancies using artificial intelligence. **RESULTS AND DISCUSSION.** The methodological and practical value of the integration of cybernetics and philology is touched upon, which makes it possible to speak about bringing humanitarian research to a new, "digital" level. **CONCLUSION.** It is emphasized that not only philologists need to acquire digital competencies, but it is also important for programmers to have knowledge in the field of language and culture, since further development of AI technologies is impossible without the integration of these two areas.

Keywords: cybernetics, philology, structure, systematicity, artificial intelligence, linguistics, quantitative method

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ovtcharenko, A.Y., & Shaprinskay, E.A. Cybernetics in philology. Statement of the problem. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):879-888. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-879-888>

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия наука кибернетика вновь выходит на первый план во многих сферах знания: теория игр, биология, экономика, меметика (при всём неоднозначном отношении к ней как к науке), искусственный интеллект, кибертехнологии и др. Если обратиться к этимологии слова, то становится понятным столь широкая междисциплинарность бурно развивающегося явления. Сам термин зародился во времена Античности и встречается в диалоге «Законы», последнем сочинении Платона. Как известно, с древнегреческого слово переводится на

русский как «искусство управления»: Платон, уподобляя государство кораблю, пишет о кормчем, называя его «кибернет». С течением времени само «искусство управления» перешло в разряд объектов, исследуемых кибернетикой, причём главной особенностью объекта стала его автономность. Так, теория эволюции и её основная концепция естественного отбора потому является частью кибернетики, что изучает живые организмы с точки зрения их самовоспроизводства с целью самоусовершенствования (курсив наш. — А. О., Е. Ш.).

Б.И. Ярхо, одним из первых в 1930-х гг. предложивший квантитативные методы в

литературоведении, вводит понятие «органической динамики литературы»: «Поскольку литературоведение в этом аспекте представляется как наука о жизни, то и по методу она должна быть объединена с дисциплинами биологическими. Человек – продукт природы, и его произведения не могут быть изъяты из общего потока жизни, три главных момента которой – множественность, непрерывность и изменчивость – положены здесь в основу метода. *Метод этот – сравнительно-статистический, поддерживаемый, насколько возможно, экспериментом* (курсив наш. – А. О., Е. Ш.)»¹.

Как живой организм мем² рассматривается в рамках меметики, где он играет роль внешней самостоятельной частицы культуры, способной к развитию, распространению, а также влиянию на человеческое сознание и культуру в целом, особенно с трансформацией мема в один из жанров интернет-фольклора³.

Из этих примеров можно легко понять, почему и искусственный интеллект является неотъемлемой частью кибернетики. Однако всё чаще поднимается вопрос о вовлечении в кибернетические (в особенности в сфере ИИ) процессы специалистов гуманитарных направлений, например филологов, и лингвистов, и литературоведов [1; 2]. С этой целью на базе Института русского языка РАН были открыты учебные направления «Прикладная цифровая филология» и «Кибертехнологии и анализ данных в гуманитарной сфере» [3].

Но чтобы перейти к интеграции двух наук, нужно понять, какова роль филологов в современном мире современных технологий эпохи Web 2.0. [4], в котором преобла-

дает кибернетика, а также ответить на вопрос, может ли фундаментальная филология использовать кибернетические методы в теоретических исследованиях [5]. В заключительной части обширного диалога «Закон» Платона идёт речь о значении Числа в жизни человека, «этой «высшей мудрости», – это «знание, с выходом которого из человеческого обихода и исключением его из ряда других ныне существующих знаний человек превратился бы в самое бессмысленное и безрассудное существо»⁴. Если у Платона Число было одним из элементов его идеального мира, то Б.И. Ярхо придал числу более утилитарный характер в применение своего метода количественных исследований художественного текста: «Применение вариационной статистики здесь, как и везде, исходит из того положения, что число является самой объективной категорией мышления, и математическое доказательство обладает наибольшей всеобщностью»⁵. Исходя из этого, цель исследования – рассмотреть и проанализировать возможное применение кибернетики и количественных методов в филологии [6].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Мы обращаемся к фундаментальным уровням художественного текста (форма, содержание, с одной стороны, и слово – с другой), что позволяет нам прогнозировать не только потенциальное применение методов филологии в сфере кибернетики, но и постановку конкретных задач, которые могут быть выполнены при их интеграции [7]. Среди таких задач: создание нейросетями «осмысленных» поэтических текстов на заданную тематику и реконструирование поэтических текстов, у которых есть варианты различий, как, например, в произведениях О.Э. Мандельштама.

¹ Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения // Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 6-7.

² Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.

³ Изгаршева А.В. Интернет-мем как медиатекст: лингвистический // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 86-101; Кронгауз М. Мемы в Интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2012. № 11. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/>

⁴ Платон. Законы // Платон. Соч.: в 4 т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 4. С. 512.

⁵ Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим подробно проблему нейросетей. Уже сейчас нейросети черпают информацию из всех доступных в Интернете источников, чтобы на их основе выстроить алгоритмы самообучения. Человек в данной системе – это импульс, он закладывает основы механизма, который затем начинает относительно самостоятельную жизнь. Принцип работы нейросети неразрывно связан с понятием функции и первообразной. На просторах Интернета ИИ находит определённые значения (готовые данные), и цель самообучения – определить, как они возникли. В нашем упрощённом описании алгоритма «готовые данные» – это производная, «логические операции, приводящие к возникновению этих данных» – это функции, а «понимание того, из каких соображений они возникли», – первообразная от производной.

Понимая основы, будет легче разрешить типичные сомнения⁶ и фобии [8], связанные с нейросетями⁷ и ролью филологов при их создании и использовании. Возникает и некое противостояние «Нейросети vs Писатели»⁸, и вопрос использования нейросетей в художественном творчестве: смогут ли нейросети превзойти писателя-человека?⁹ Так, вряд ли можно говорить о существовании вторичных языковых личностей у разного рода «умных» чатов, поскольку они не столько изучают структуру, способ мышления людей иной культуры, сколько отрабатывают механизмы большей вероятности того или иного лексического исхода в предложении. Потому основное внимание филологов должно быть обращено не столько на

вопросы транслингвистического характера, сколько на алгоритмизацию строя языка и выявление в нём прямых и косвенных закономерностей. Это сможет облегчить дальнейшее обучение нейросетей.

Важен и вопрос безопасности, информационной, в первую очередь. Как часто человек чистит кеш своего браузера? Но даже если и чистит, то пользователь неизбежно оставляет «цифровые следы». Цель кибертехнологий – сохранение данных пользователей. Современное поколение интернет-пользователей отличается от прошлых своей уверенностью, но и самонадеянностью. Например, они часто не смотрят, на какие именно условия соглашаются при регистрации на различных сайтах либо при скачивании приложений, что порождает множество насмешек со стороны как тех же пользователей, так и создателей приложений.

В 2010 г. онлайн-продавец GameStation внёс в пользовательское соглашение своей продукции пункт о передаче души покупателю в вечное пользование магазина. Конечно, была возможность его аннулировать, однако, по данным статистики лишь 12 % покупателей воспользовались этим. Обучить нейросети работе с данными подобного типа, вычленив из них потенциально опасной или вредоносной информации – цель кибертехнологов, обладающих достаточными навыками в области филологии.

Но не только грамотное определение и формулировка задач и целей будущих алгоритмов требует от программистов филологических навыков. Умение правильно и ясно выражать свои мысли, создавать текст как единство – также важно, ведь несмотря на то, что нейросеть обучается по огромному корпусу текстовых данных, невозможно обойтись без ограничения нормами речи и письма, поскольку их не сформулировать без образования в филологической сфере. И здесь стоит объяснить ещё один важный аспект работы нейросетей. Как уже было сказано, всё строится на реконструировании изначальной функции по найденным данным. Однако ИИ никогда не сможет реконструировать данные со стопроцентной вероятностью. Обычно для нейросети ставится порог

⁶ Фрумкин К. Искусственный интеллект против человека // Знамя. 2023. № 10. С. 161-167.

⁷ В 2023 г. в книжной серии журнала «Контекст» вышел сборник стихов «Нейролирика», «сочинённый» рекуррентной нейросетью. Но задания нейросети сформулировал человек – филолог Борис Орехов.

⁸ Писатели vs Нейросети – спецпроект о современных технологиях в литературе // Подтекст. URL: <http://podtext.media/writers-vs-neuralnetworks> (дата обращения: 16.08.2024).

⁹ Сможет ли искусственный интеллект заменить писателей? // Грамота. URL: <http://gramota.ru/journal/intervyu/kak-iskusstvennyy-intellekt-izmenit-vozmozhnosti-gramoty> (дата обращения: 17.08.2024).

в 80 %, а эталон 100 % точности задаёт человек с глубокими знаниями в определённой сфере. И если мы касаемся вопросов текста, то такой сферой является именно филология.

Но вернёмся к теме кибернетики: современные ИИ уже дошли до такой ступени развития, что могут воссоздавать не только кусочки собственного кода, но и иные нейросети, тем самым воспроизводя иллюзию автономности. Но только иллюзию. Речь не идёт о том, чтобы нейросети заменили программистов либо людей гуманитарных профессий. Во-первых, код, сгенерированный ИИ, будет качественным только в случае, если пользователь ставит перед ИИ локальную задачу. Чем сложнее проблема, тем детальнее должен быть запрос, поскольку вычислительное мышление не терпит условностей или обобщений, которые в перспективе могут привести к сбоям в программе. Соответственно, чтобы прописать детальный запрос, нужны навыки в сфере программирования, а значит, нельзя говорить о полном вытеснении программистов нейросетями. Во-вторых, нужно понять, что, несмотря на автономность, ИИ остаётся прежде всего помощником, инструментом, который можно использовать для упрощения различного рода работ. Например, если брать лингвистику, то ИИ может помочь с более быстрым анализом большого объёма данных, которые человек затем будет использовать в дальнейших умозаключениях. Или же в том, что касается перевода. Нейросеть будет полезна как источник целого ряда выражений и контекстов их употребления, что поможет переводчику быстрее найти нужный эквивалент. Но его труд нейросеть заменить в одиночку неспособна. Кроме того, перспективными направлениями в гуманитаристике становятся те, которые напрямую связаны с нейросетями: компьютерная лингвистика, ИИ-тьюторинг, цифровая филология и т. д. Поэтому некорректно говорить о вытеснении людей нейросетями: ИИ не уничтожает, а преобразует мир вокруг нас. Касаясь новых направлений, упомянутых во введении, необходимо подчеркнуть, что интеграция новых технологий в сферу гуманитарной научной деятельности была начата уже давно. Первопроходцами стали

СССР и США, причём наша страна раньше всех других подняла вопрос о совмещении лингвистических и математических методов: в 1959 г. в Ленинграде состоялось I Всесоюзное совещание по математической лингвистике, где на повестке дня был вопрос о машинном переводе. Но ещё раньше, в уже цитированной книге «Методология точного литературоведения» Б.И. Ярхо не только обосновал, но предложил количественный метод в литературоведении: «Кладя количественный учёт и микроанализ в основу исследования, я только предлагаю сделать для литературоведения то, что полтора-два года тому назад сделал Лавуазье для химии, и не сомневаюсь, что результаты не заставят себя ждать»¹⁰.

Подчеркнём, что цифровой филолог или кибертехнолог со знаниями в сфере гуманитаристики – не универсальный специалист, который может заниматься всем: от науки и программирования до копирайтинга. Потенциально он может стать таким, однако, в действительности каждое из направлений содержит сферу компетенций, строго определённую конкретными задачами. Так, кибертехнолог с гуманитарными знаниями – это прежде всего кибертехнолог, который дополнительно обладает прикладным комплексом знаний в сфере филологии, а значит, может беспрепятственно их углублять в зависимости от проблемы, которая перед ним встаёт. А цифровой филолог остаётся прежде всего филологом, который может реализовывать совместные проекты с программистами, а также применять полученные знания в области современных технологий и кибернетики для изучения на ином, более глубоком, уровне теоретических вопросов [9].

Обратимся теперь к тому, как именно можно применить кибернетическое мышление в филологии.

Литературное произведение – сложная система. С одной стороны, мы можем охарактеризовать его как текст, являющийся посредником между людьми (читателем – писателем), с другой стороны, он же содержит в себе имплицитного читателя, а также чер-

¹⁰ Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения.

ты, по которым можно исследовать личность автора. Помимо этого, нельзя не затронуть элементы системы текста – содержание и форму, представляющие перед нами как неразрывно связанные базисные элементы текста.

Одна из главных особенностей литературного произведения – его относительная автономность. Без читателя текста нет, но как только происходит соприкосновение воспринимаемого и воспринимающего, то текст начинает жить иной жизнью, влияя на умы людей. Мы анализируем тексты, вскрываем подтексты, и всё это служит тому, чтобы, оказав на нас эстетическое влияние, текст получил иную жизнь в виде исследований, статей, монографий, экранизаций или фанфиков и компьютерных игр.

Необходимо также рассмотреть аспекты, связывающие исследование литературы и кибернетику, что возможно исходя из указанных выше общих размышлений о природе текста¹¹. Конечно, в определённом смысле эта задача рассмотрена уже многими, однако вне контекста кибернетики [10].

Возьмём соотношение формы и содержания в стихотворении. У исследователя есть возможность затронуть только форму текста, написав про него, что он сочинён в условном хоре. Однако это не обогатит произведение новой информацией, не позволит ему развиваться в сознании как исследователя, так и читателя статьи. Потому важно грамотно передать многостороннюю и живую структуру, чтобы из его анализа получился «текст». Для этого нужно, подобно тексту, связать разнородные элементы вместе: не писать о бессодержательной форме, а привлечь к ней формообразующее содержание; не описывать одинокий хорей, а добавить к нему комментарий, описание его функций в стихотворении, которые, конечно же, никогда не ограничиваются одним мелодизмом: М.Л. Гаспаров, который ввёл сам термин «семантический ореол метра»¹², поз-

же, в продолжавшихся поисках «природной» семантической склонности того или иного метра», говорил уже о механизмах исторической памяти, буквально включающимся при выборе того или иного размера¹³.

Размер стихотворения, а также метр, ритм, выбранные автором слова рожают особую музыку, которая является главным отличием поэзии от прозы, даже если первая маскируется под последнюю. Музыка стихотворения ставит ритмические и гармонические рамки, из-за чего сочинение превращается практически в музыкальный труд. Особенно ярка музыкальная суть стихотворения при его запоминании. Как говорили некоторые поэты, в памяти у них откладывается не столько стихотворение, сколько его мелодический образ. С точки зрения кибернетического мышления эта особенность поэзии дарит нам большие возможности при исследовании и воссоздании её структуры. Особенно перспективным направлением представляется исследование и выявление гармонических законов в рамках отдельных стихотворений. Анализ закономерностей встречи тех или иных словосочетаний, слов и порой даже букв в таких случаях будет иметь под собой музыкальное обоснование и поможет не только по-новому взглянуть на стихотворение, но и реконструировать отдельные его элементы, если существуют разночтения тех или иных строк. Например, этот подход будет актуален для поэзии О.Э. Мандельштама, в которой разночтения встречаются нередко. К ним относятся и два известных его произведения. Приведём эти строки с разночтением: «Ни кровавых костей в колесе» // «Ни кровавых кровей в колесе» из стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931); «Как подкову куёт за указом указ» // «Как подкову дарит за указом указ» из стихотворения «Мы живём под собою не чуя страны...» (1933). Однако такой подход будет бесполезен по отношению к полноценным вариантам стихотворений, где различия

¹¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 1-288.

¹² Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Семантика русского трёхстопного хорей // Известия Российской ака-

демии наук. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 357-366.

¹³ Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. С. 10.

не на уровне отдельных нот-слов, а целого текста [11].

Стихотворение – это мелодический организм. Если проводить аналогию с теорией эволюции, то в процессе стихотворчества произведение отторгает из своей структуры менее подходящие элементы. Однако не всегда даже самый чуткий автор может услышать, какой элемент подходит больше или меньше. Так возникают разночтения слов и словосочетаний, подобно описанным выше. Мы не первые заметили автономно-мелодическую структуру стихотворения. Ещё в начале XX века русский символист А. Белый в статье «Лирика и эксперимент»¹⁴ описал методы её анализа [12]. К тому же сам О.Э. Мандельштам в экспрессивной манере говорил об этом: «Он [Мандельштам] прочёл мне известные ныне строки: «Довольно кукситься, бумаги в стол засунем, // Я нынче славным бесом обуян, // Как будто в корень голову шампунем // Мне вымыл парикмахер Франсуа». Я пошёл в наступление: – Осип Эмильевич, почему такая странная, нищая рифма «Обуян – Франсуа»? Почему не сделать «Антуан», и всё будет в порядке, и ничего не меняется. – Меняется! Меняется! Боже, – нарочито по-актёрски, обращаясь в бульварное пространство, закричал, чуть ли не завопил Мандельштам, – у него не только нет разума, у него нет и слуха! «Антуан – обуян»! Чушь! Осёл на ухо наступил!

В самом деле, думаю я теперь, может быть, он слышал так, как не слышим мы, смертные, ему в данном случае важна была не школьная точность рифмы...»¹⁵.

¹⁴ Белый А. Лирика и эксперимент // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 176-226.

¹⁵ «Угль, пылающий огнём...». Воспоминания о Мандельштаме: стихи, статьи, переписка. М.: РГГУ, 2008. С. 28-29.

Здесь кибернетический взгляд сочетается со взглядом филологическим. Однако две области можно связать не только теоретически [13]. Как мы указали выше, человек при создании стихотворения старается предугадать то или иное слово, которое будет в наибольшей степени гармонизировать с общим строем стихотворения. По сути, также работает алгоритм нейросетей. Поэтому, если создать программу, которая проанализировала бы мелодическую сетку стихотворения, то ИИ смог бы выявить в процентном соотношении наиболее подходящие к стихотворению слова среди вариантов, существующих у автора.

Обучая нейросеть на примере подобных стихотворений, можно подойти к тому, чтобы она создавала полноценные и осмысленные поэтические произведения на ином, более высоком, уровне. Итак, мы подошли к объединению современных технологий, кибернетики и филологии через понятие о структуре произведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сочетание кибернетики и филологии было бы невыполнимой задачей ещё 100 или 50 лет назад. Технический прогресс и, главное, развитие нейросетей позволяет нам говорить о переосмыслении профессии филолога и роли гуманитарного знания в современном мире [14]. Теперь ИИ – помощник, который позволяет при грамотном проектировании проанализировать те массивы данных [15], которые трудны для человеческого мозга, будь то лингвистический корпус или сборник стихотворений с их гармонической структурой. И именно филолог учит ИИ решать такие задачи. Для этого исследователю не нужно ничего, кроме как погрузиться в цифровой мир XXI века.

Список источников

1. Мамина Р.И., Елькина Е.Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? // Дискурс. 2020. Т. 6. № 4. С. 22-38. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38>, <https://elibrary.ru/wuooqy>
2. Ярославцева Е.И. Цифровая гуманитаристика: междисциплинарность стратегий будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 2. С. 3-29. <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.2.1>, <https://elibrary.ru/suwqry>

3. Luhmann J., &Burghardt M. Digital humanities – a discipline in its own right? An analysis of the role and position of digital humanities in the academic landscape // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2021. Vol. 73. № 2. P. 148-171. <https://doi.org/10.1002/asi.24533>, <https://elibrary.ru/mgvlyt>
4. Майорова Е.В. Цифровая классическая филология. Древнегреческий и латинский в эпоху цифровой революции // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание*. 2021. № 1. С. 68-81. <https://elibrary.ru/epzrjp>
5. Kizhner I., Terras M., Orekhov B., Manovich L., Kim I., Rummyantsev M., Bonch-Osmolovskaya A. The history and context of the digital humanities in Russia // *Global Debates in the Digital Humanities*. Minneapolis: University of Minnesota Press Publ., 2022. Art. 5. P. 55-70. <https://elibrary.ru/zjgotu>
6. Чёренькая С.В. Digital Humanities в контексте современного гуманитарного знания // *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*. 2020. № 2 (34). С. 61-66. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.34.2.07>, <https://elibrary.ru/jmteav>
7. Северина Е.М., Бонч-Осмоловская А.А., Бец Ю.В., Флягина М.В. Цифровые гуманитарные проекты: практики междисциплинарности // *Гуманитарные и социальные науки*. 2021. № 5. С. 112-129. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-88-5-121-129>, <https://elibrary.ru/qbpkwi>
8. Луков В.А., Луков С.В. Цифровизация в России: человеческое измерение // *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 1. С. 92-100. <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.1.7>, <https://elibrary.ru/cqhybf>
9. Piotrowski M., Xanthos A. Décomposer les humanités numériques // *Humanités numériques*. 2000. № 1. <https://doi.org/10.4000/revuehn.381>
10. Чеботарёва Е.Э. Проекты Digital Humanities как этап развития гуманитарной науки: попытка метацифрового взгляда // *Эпистемология и философия науки*. 2023. Т. 60. № 2. С. 224-240. <https://doi.org/10.5840/eps202360234>, <https://elibrary.ru/pfxyuq>
11. Шея А., Плехач П., Зеленков Ю. Феномен Батенькова и проблема верификации авторства: многомерный статистический подход к нерешённому вопросу // *Acta Slavica Estonica XII. Пушкинские чтения в Тарту*. 2020. Вып. 2. № 6. С. 131-165.
12. Пильщиков И.А., Устинов А.Б. Московский лингвистический кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Berlin: Peter Lang Publ., 2020. P. 389-413.
13. Kazartsev E., Zemskova T. A new electronic system for comparative analysis of verse and prose // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сб. по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог»*. 2021. Вып. 20. С. 378-384. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-378-384>, <https://elibrary.ru/guzeyn>
14. Фомина Н.В. Применение цифровых гуманитарных технологий для анализа вариативности английского языка (на материале телесериалов) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 2. С. 75-85. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2843>, <https://elibrary.ru/dszdtk>
15. Северина Е.М., Ларионова М.Ч. Новые филологические практики: семантическое издание текстов А.П. Чехова // *Филология: научные исследования*. 2020. № 10. С. 13-21. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.10.33970>, <https://elibrary.ru/rqevyc>

References

1. Mamina R.I., Elkina E.E. Digital humanities: is it a new science or a set of models and practices of the global network project? *Diskurs = Discourse*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 22-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38>, <https://elibrary.ru/wuooqy>
2. Yaroslavtseva E.I. Digital humanities: interdisciplinary strategies for the future. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = The Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2020, no. 2, pp. 3-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.2.1>, <https://elibrary.ru/suwqry>
3. Luhmann J., Burghardt M. Digital humanities – a discipline in its own right? An analysis of the role and position of digital humanities in the academic landscape. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2021, vol. 73, no. 2, pp. 148-171. <https://doi.org/10.1002/asi.24533>, <https://elibrary.ru/mgvlyt>
4. Mayorova E.V. Digital classical philology: ancient Greek and Latin in the digital revolution. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie = Social Sciences*

- and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics, 2021, no. 1, pp. 68-81. (In Russ.) <https://elibrary.ru/epzrjp>
5. Kizhner I., Terras M., Orekhov B., Manovich L., Kim I., Rumyantsev M., Bonch-Osmolovskaya A. The history and context of the digital humanities in Russia. *Global Debates in the Digital Humanities*, Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 2022, art. 5, pp. 55-70. <https://elibrary.ru/zjgotu>
 6. Chernenkaya S.V. Digital humanities in the context of modern humanitarian knowledge. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki = MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2020, no. 2 (34), pp. 61-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.34.2.07>, <https://elibrary.ru/jmteav>
 7. Severina E.M., Bonch-Osmolovskaya A.A., Bets Yu.V., Flyagina M.V. Digital projects in humanities: interdisciplinary practices. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 5, pp. 112-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-88-5-121-129>, <https://elibrary.ru/qbpkwi>
 8. Lukov V.A., Lukov S.V. Digitization in Russian society: human dimension. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2020, no. 1, pp. 92-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.1.7>, <https://elibrary.ru/cqhybf>
 9. Piotrowski M., Xanthos A. Unpacking the digital humanities. *Humanités numériques*, 2000, no. 1. (In French). <https://doi.org/10.4000/revuehn.381>
 10. Chebotareva E.E. Digital Humanities projects: attempt at a metadigital view. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, vol. 60, no. 2, pp. 224-240. (In Russ.) <https://doi.org/10.5840/eps202360234>, <https://elibrary.ru/pfxyua>
 11. Shelya A., Plekhach P., Zelenkov Yu. The Batenkov phenomenon and the authorship verification problem: a multivariate statistical approach to an unresolved issue. *Acta Slavica Estonica 12. Pushkinskie chteniya v Tartu = Acta Slavica Estonica 12th. Pushkin Readings in Tartu*, 2020, issue 2, no. 6, pp. 131-165. (In Russ.)
 12. Pil'shchikov I.A., Ustinov A.B. Moscow linguistic circle and the formation of Russian poetry (1919–1920). *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael*. Berlin, Peter Lang Publ., 2020, pp. 389-413. (In Russ.)
 13. Kazartsev E., Zemskova T. A new electronic system for comparative analysis of verse and prose. *Sbornik po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» «Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii» = Proceeding of Papers from the Annual International Conference “Dialogue” “Computational Linguistics and Intellectual Technologies”*. 2021, issue 20, pp. 378-384. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-378-384>, <https://elibrary.ru/guzeyyn>
 14. Fomina N.V. Application of digital humanities for the analysis of English language variability (case study of TV series). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, no. 2, pp. 75-85. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2843>, <https://elibrary.ru/dszdck>
 15. Severina E.M., Larionova M.Ch. New philological practices: semantic edition of A.P. Chekhov's texts. *Filologiya: nauchnye issledovaniya = Philology: Scientific Researches*, 2020, no. 10, pp. 13-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.10.33970>, <https://elibrary.ru/rqevyc>

Информация об авторах

ОВЧАРЕНКО Алексей Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-8544-5812>, ResearcherID: Z-3696-2019, ovcharenko_ayu@pfur.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, обработка и редактирование материала, написание части текста статьи, составление списка источников, оформление по требованиям журнала.

Information about the authors

Alexey Y. Ovtcharenko, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Language and Linguistic Studies Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8544-5812>, ResearcherID: Z-3696-2019, ovcharenko_ayu@pfur.ru

Contribution: scientific literature search and analysis, material processing and editing, part of manuscript text drafting, references compiling, design according to the requirements of the journal.

ШАПРИНСКАЯ Елизавета Андреевна, сотрудник научной школы «Лингвокультурология и профессиональное общение», Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0004-6127-0116>, lizashapr@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, обобщение опыта исследователей, анализ полученных результатов, написание части текста статьи.

Поступила в редакцию 30.08.2024

Поступила после рецензирования 11.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Elizaveta A. Shaprinskaya, Employee of the Scientific School “Linguocultural Studies and Professional Communication”, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-6127-0116>, lizashapr@yandex.ru

Contribution: main study conception, researchers experience generalization, obtained results analysis, part of manuscript text drafting.

Received August 30, 2024

Revised November 11, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82.0

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-889-902>

Шифр научной специальности 5.9.3

Василий Каменский визуально-звучарный (к 140-летию поэта-авиатора-будетлянина)

Сергей Евгеньевич Бирюков

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

[✉ sibirjukov@gmail.com](mailto:sibirjukov@gmail.com)

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к анализу творчества одного из ведущих деятелей русского футуризма Василия Васильевича Каменского. Актёр, писатель, редактор, авиатор, цирковой артист, художник, организатор литературного и сценического пространства. Все эти дарования сходятся в фокусе поэта. И необходимо последовать за поэтом в его поисках, чтобы открыть его заново. Цель исследования – выявить особенности поэтики В. Каменского, ключевой фигуры в истории русского авангарда. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования служат произведения поэта, прежде всего инновационного характера, в которых он, опираясь на традиции предшественников, совершает прорыв к новым возможностям звучания слова в соединении с визуальными решениями. Анализ текстов ведётся на основе лингвистической поэтики, а также искусствоведческих подходов и разработанного автором данной статьи трансформативного метода исследований авангардных текстов с использованием биографических материалов, мемуаристики. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Показано, что базовым фундаментом для В. Каменского является глубокая укоренённость в русской культуре (фольклор, поэтические традиции разных уровней). Именно на основе этого фундамента ведутся поиски новых форм В. Каменским, В. Хлебниковым, В. Маяковским. Авангард трансформирует, а не разрушает. Увлечение В. Каменского новейшими техническими достижениями (авиация, телефон, радио, типографские техники, строительные материалы) также привносит свои особенности в его творческую мастерскую. В. Каменский является пионером русской визуальной и звучарной поэзии. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Исследование, основанное на всестороннем обследовании творческой лаборатории поэта и его соратников, обращено к филологической и культурологической аудитории. Оно показывает возможности конвергенции методов при анализе инновационных поэтических структур. Результаты исследования могут найти применение как в теоретических разработках, так и в педагогической практике.

Ключевые слова: Василий Каменский, русский футуризм, авангардный текст, визуальное и звучарное, железобетонные поэмы, поэт-авиатор, самопрезентация

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Бирюков С.Е. Василий Каменский визуально-звучарный (к 140-летию поэта-авиатора-будетлянина) // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 889-902. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-889-902>

Vasily Kamensky visual and sound (for the 140th anniversary of the poet-aviator-budetlyanin)

Sergey E. Biryukov

Moscow State Linguistic University

1 bldg., 38 Ostozhenka st., Moscow, 1119034, Russian Federation

✉ sibirjukov@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive approach to the analysis of the work of one of the leading figures of Russian futurism, Vasily Vasilyevich Kamensky. Actor, writer, editor, aviator, circus artist, artist, organizer of literary and stage space. All these talents converge in the focus of the poet. And it is necessary to follow the poet in his searches in order to rediscover him. The purpose of the study is to identify the features of the poetics of V. Kamensky, a key figure in the history of the Russian avant-garde. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the poet's works, primarily of an innovative nature, in which he, relying on the traditions of his predecessors, makes a breakthrough to new possibilities of the sound of the word in combination with visual solutions. The analysis of the texts is based on linguistic poetics, as well as art criticism approaches and the transformative method of research of avant-garde texts developed by the author of this article using biographical materials and memoirs. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is shown that the basic foundation for V. Kamensky is deep rootedness in Russian culture (folklore, poetic traditions of different levels). It is on the basis of this foundation that V. Kamensky, V. Khlebnikov, V. Mayakovsky search for new forms. Avant-garde transforms, but does not destroy. V. Kamensky's passion for the latest technical achievements (aviation, telephone, radio, printing techniques, building materials) also brings its own characteristics to his creative workshop. V. Kamensky is a pioneer of Russian visual and sound poetry. **CONCLUSION.** The study, based on a comprehensive examination of the poet's creative laboratory and his associates, is addressed to a philological and cultural audience. It demonstrates the possibilities of convergence of methods in the analysis of innovative poetic structures. The results of the study can be used both in theoretical developments and in pedagogical practice.

Keywords: Vasily Kamensky, Russian futurism, avant-garde text, visual and aural, reinforced concrete poems, poet-aviator, self-presentation

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author of the article is a member of the editorial board of the journal "Neophilology", but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation: Biryukov, S.E. Vasily Kamensky visual and sound (for the 140th anniversary of the poet-aviator-budetlyanin). *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):889-902. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-889-902>

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время активно исследуется идиоматика русского авангарда [1], специфика отношения к вещно-материальному миру [2], проводится анализ способов языковой креативности и неологизации, аномальных высказываний русского авангарда и языковой практики авангардной литературы [3; 4].

Цель исследования – выявить особенности поэтики Василия Каменского, являющегося ключевой фигурой в истории русского авангарда.

«Василий Каменский известен как поэт-футурист, авиатор, художник, актёр», он пытался синтезировать «живопись и поэзию, театр и цирк» [4, с. 229].

140-летний Василий Васильевич Каменский остаётся песнебойцом. Его новаторство, оригинальная работа со словом, звучанием и визуальным воплощением поэтического, его позиционирование в искусстве и в медийном пространстве, после ряда публикаций в 1990-е годы, в дальнейшем всё больше привлекает внимание исследователей¹. Можно сказать, что Каменский стал постепенно заново открываться в исследовательской сфере и через неё проникать в современный литературно-художественный процесс.

И здесь надо сказать, что в случае с авангардом вообще и с Каменским, как одной из ярчайших фигур русского футуризма (будетлянства), мы попадаем в некое несовпадение с академическим дискурсом. Рассуждая о творчестве Каменского, Маяковского, Хлебникова, Бурлюка, Кручёных и других авангардных авторов в стиле строгой академичности, мы, по сути, отказываемся от пушкинского завета: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным». Это высказывание много раз воспроизводилось с уточнениями, что имеется в виду и вообще писатель. Кстати, и Каменский, и Хлебников, и Маяковский были в том числе драматическими писателями, то есть писали и драматургические произведения. Так, В. Каменский написал повесть «Пушкин и Дантес», роман «Степан Разин»², в котором отразил эксперименты «не только с формой прозы и поэзии, но и со словами, которые приобретают такое неожиданное красивое певучее звучание» [5, с. 107]. (Оба произведения имели также авторские драматургические варианты и стави-

лись на сцене, но сценическую историю мы здесь не рассматриваем).

Заметим, что «эксперимент шёл на почве самой природы искусства – природы художественности» [6, с. 124].

Обращает на себя внимание книга, которая включает роман «Невеста Пушкина» С.Н. Сергеева-Ценского и повесть «Пушкин и Дантес» В.В. Каменского³.

В. Каменский работал в разных жанрах и везде был строителем новых форм. Интересна оценка его творчества Варламом Шаламовым, который писал: «Его издавали на родине в Перми вроде как по линии краевой литературы. Между тем Каменский – яркая фигура русского, а то и мирового масштаба, занимавшая своё место рядом с Маяковским и Хлебниковым во времена раннего футуризма, а кое в чём Каменский и сам выразительнейшая страница истории русской культуры, русской поэзии... Каменский был огромный поэт-новатор и неустанный экспериментатор, выдержавший давление многовековой культуры всех народов. Все открытия, которые принёс Маринетти в Россию, давно были сделаны русским футуризмом – Хлебниковым, Маяковским, Каменским. Если уж и уподоблять творчество и жизнь Каменского какой-нибудь эпохе, надо вспомнить эпоху Возрождения – по универсализму, новаторству в любой области искусства или человеческой деятельности вообще... новаторское, экспериментаторское обновление русской поэзии, сделанное Каменским в сборниках раннего футуризма, обеспечило Каменскому место в самых первых рядах новителей русского стихосложения»⁴.

Словотворчество Каменского достигало такого уровня, что у слов исчезал всякий смысл, оставалась только их «глубинная музыкальная природа, темп, ритм, созвучные состоянию поэта в момент его творческого экстаза» [7, с. 51].

В специальном очерке о Каменском, написанном в 1970-е гг., Шаламов говорит о

¹ Казакова С.А. Творческая самопрезентация Василия Каменского и её отражение в периодике 1910–1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 24 с.; Полухина Я.П. Словотворчество Василия Каменского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2012. 22 с.; Антипина З.С. Литературная репутация и творчество В.В. Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 19 с.; Федотова Н.Ф. В.В. Каменский: эволюция лирики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 23 с.

² Каменский В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Художественная проза и мемуары. А.Г. Никитин. Вступительная статья. Жизнь и проза футуриста Василия Каменского. Комментарии. М.: Правда, 1991. 640 с.

³ Сергеев-Ценский С.Н. Невеста Пушкина; Каменский В.В. Пушкин и Дантес. М.: Вече, 2018. 416 с.

⁴ Поэт Василий Каменский // Варлам Шаламов. URL: <https://shalamov.ru/library/21/55.html> (дата обращения: 01.06.2024).

нём и как о художнике и артисте и одном из первых русских авиаторов. Но в заголовке значится «Поэт Василий Каменский». Акцент делался именно на поэтическом даровании Каменского. Прозорливые замечания Варлама Шаламова нацеливают на разговор именно о поэтическом начале в творчестве Каменского и поиске подходов к осмыслению его творчества. Благодаря новым исследованиям появились возможности дискуссии о творчестве одного из самых ярких русских авангардистов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования являются произведения В. Каменского. Были привлечены методы лингвистической поэтики, интертекстуальности, искусствоведческие подходы, а также авторский метод трансформативной поэтики с использованием биографических подходов, мемуаристики. Такой синтетический междисциплинарный подход даёт возможность выявить особенности поэтики Каменского, в том числе и на сопоставлении с поэтикой Велимира Хлебникова.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В дискуссиях об авангарде обычно довлеет представление о разрушительности этого направления по отношению к предшествующему искусству. И кажется, что авангардисты в своих манифестах дают к этому повод. Хотя при внимательном прочтении манифестов и самих произведений убеждаешься в противоположном.

Да, интенции к обновлению искусства налицо, но как это реально происходит... В том же самом «грозном» манифесте «Пощёчина общественному вкусу» говорится: «Кто не забудет своей п е р в о й любви, не узнает последней»⁵. Причём, слово «первой» подчёркнуто даётся вразрядку! Поскольку перед этим высказыванием называются имена Пушкина, Достоевского, Толстого, то, очевидно, они и являются «первой любовью»

господ футуристов. И не только они. В сфере интереса находятся пласты предшествующей и современной литературы.

Однако следует отметить, что подписи В. Каменского под «Пощёчиной» нет, как и ещё под некоторыми манифестами той поры. Его подпись появляется под «Манифестом Летучей Федерации Футуристов» (1918 г.), в котором пролетарии призываются «к третьей бескровной, но жестокой революции, революции духа»⁶.

Путь Каменского в искусстве начинался с актёрства. Он выступал под псевдонимом Васильковский в провинциальных антрепризах. Актёрская карьера была недолгой, но он навсегда заразился вирусом театральности, что скажется в его дальнейшей деятельности. Последней антрепризой, в которую он поступил, руководил Всеволод Мейерхольд. Услышав стихи актёра Васильковского, режиссёр поддержал решение Каменского оставить театр.

Далее были встречи с Велимиром Хлебниковым, Давидом Бурлюком, Владимиром Маяковским, Еленой Гуро, Михаилом Матюшиным, Алексеем Кручёных.

Встречи оказались определяющими. Именно в этом кругу шли интенсивные поиски новых содержательных форм искусства на пересечении изобразительного и словесного искусства, визуального и звучарного. И Василий Каменский в этих поисках был одним из самых активных, настоящим энтузиастом открытий.

Ю.Б. Орлицкий в специальной обзорной работе даёт краткие описания открытий Каменского в разных жанрах, которые так или иначе связаны с поэтическим началом. Завершая обзор, Орлицкий делает вывод, что Каменский «был подлинным первооткрывателем <...> многих формальных новаций, нашедших затем продолжение в творчестве представителей так называемого «второго авангарда»; среди них – прозиметрия, в том числе и за рамками художественного дискурса; короткая (версейная) строфа, использование прозаических миниатюр в составе большой прозы, заумь в прозе и драматургии;

⁵ Поэзия русского футуризма / сост. и подготовка текста В.Н. Альфонсова и С.Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 1999. С. 617.

⁶ Там же. С. 627.

акцентный и свободный стих, раешник, монотонных, прозиметрия и визуальная техника – в поэзии» [8, с. 167].

Каменский был заместителем главного редактора журнала «Весна», и можно считать, что он способствовал дебюту в печати Велимира Хлебникова. В 1908 г. в журнале «Весна» появился довольно странный по тем временам текст, полный неожиданных словообразований, – стихотворение в прозе «Искушение грешника».

Молодые поэты сдружились. Хлебников в то время создавал свои ранние словотворческие шедевры, обращаясь к истокам русской речи. Каменский почувствовал в нём родственную душу, устремлённую к поиску, в его поэзии появляются неологизмы, построенные по моделям, подобным хлебниковским [9, с. 23].

Будетляне (так именовал русских футуристов Велимир Хлебников, который ввёл для себя запрет на греко-латинские корни) по-новому прочитывали поэзию и прозу предшественников и современников. Ранние стихи Каменского перекликаются со стихами Алексея Кольцова и Ивана Никитина. Но если стихи последних были привязаны к бытовым особенностям крестьянской или мещанской жизни, то у Каменского его стиль «песнебойца» (как он сам себя именовал) позволял создать своего рода гимн русскому духу во вневременном измерении. Как его стихотворение «Русский звенидень», которое, на наш взгляд, можно было бы включить в хрестоматию русской поэзии для русских и нерусских школ:

Звени, Солнце! Копья светлые мечи,
лей на Землю жизнедатные лучи.
Звени, знойный, краснощёкий,
ясный-ясный день!
Звенидень!
Звенидень!
Пойте, птицы! Пойте, люди! Пой, Земля!
Побегу я на весёлые поля.
Звени, знойный, чернозёмный,
полный-полный день.
Звенидень!
Звенидень!
Сердце, радуйся и, пояс, развяжись!
Эй, душа моя, пошире распахнись!

Звени, знойный, кумачовый,
яркий-яркий день.
Звенидень!
Звенидень!
Звени, Солнце! Жизнь у каждого одна,
лучезарная, бегущая волна.
Звени, знойный, разудалый,
русский, алый день.
Звенидень!
Звенидень!⁷

В 1910 г. вышел коллективный альманах «Садок судей», инициированный Каменским. Он открывался большой подборкой его стихов. Н.Л. Степанов в предисловии к тому Каменского в серии «Библиотека поэта» писал: «Стихи, помещённые в «Садке судей», принадлежат к числу лучших стихов Каменского. В них звучит та простодушная пастушеская свирель, которая так восхищала его у Хлебникова. По словам Каменского, «Хлебников... показал ярко и мудро-просто, что стихи надо писать вольно, так, как вольно играет на свирели пастух, сидя на горке у ручья и слушая только сердце своё». Этот угол зрения определял характер ранних стихотворных опытов самого Каменского»⁸.

Действительно, есть ряд довольно простых в формальном отношении стихотворений. Но в основном Каменский стремится к созданию своих особых форм, в первую очередь рассчитанных на звучание. Стихотворение «Русский звенидень» как раз из таких партитурных по сути произведений. Оно построено как песенно-ораториальное, нацеленное на духоподъёмность.

Здесь преобладает сквозная императивность: **звени, мечи, лей, пойте, пой, радуйся, развяжись, распахнись**. Причём императивы обращены не только к живым существам (людям, птицам), но и к **Солнцу, Земле** (к Земле как планете, с большой буквы!), а также к **сердцу** и **душе** как воплощениям духовности и даже к неодушевлённому предмету – **поясу**. Прозвученность текста невероятная. Он весь звенит. Анафорические императи-

⁷ Здесь и далее стихи Каменского цит. по тому БС БП // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://traumlibrary.ru/book/kamenskiy-1966/kamenskiy-1966.html>.

⁸ Там же.

вы – **Звени!** Органический неологизм – **Звени-день!** Обилие звонких согласных. 25 звуков «з» на четырехстрочный текст с четырьмя двухсловными рефренами! Четырежды повторённый **знойный**. Звучарная мощь зачина усилена словом **жизнедатные** – из интеллектуального лексикона (Каменский был в то время слушателем агрономических курсов, судя по всему, довольно фундированных).

Велимир Хлебников до переезда в Петербург под влиянием отца серьёзно занимался орнитологией. Голоса птиц хорошо слышны в его поэзии: «художественные лингвофилософские выкладки включали и «птичий язык», который, с одной стороны, ассоциируется с «заумью», а с другой – строится как ономотопея, имея и символическое значение ...» [10, с. 194]. Слышны эти голоса и в поэзии Каменского. Думается, что внимание к звучанию природы актуализировал Велимир Хлебников.

Не случайно именно ему Каменский посвящает стихотворение «Развеснилась весна», в котором переговариваются голуби: «Аг-гурль... аг-гурль...».

В стихотворении «Циа-цинть» Каменский входит в птичий мир как равный, как вольная птица, отвечающая пением пению «летающих друзей»:

Циа-цинц-цвилью-ций-
Цвилью-ций-ций-тюрь-ю –
День-деньской по березнику звонкому,
Как у божиих райских дверей
Или как у источника радостей,
Слышны пташек лесных голоса.
Цвилью-ций-ций-тюрь-ю!
Сквозь густых зеленистых кудрей
Голубеют глаза-небеса.
Я лежу на траве. Ничего не таю,
Ничего я не знаю – не ведаю.
Только знаю своё – тоже песни пою,
Сердце-душу земле отдаю,
Тоже радуюсь, прыгаю, бегаю.
Циа-цинц-цвилью-ций.
Над моей головой
Пролетел друг летающий мой.
«Эй, куда?»
И ответа не жду я – пою.
Солнце алмазными лентами
Грудь мою жжёт.
Доброе солнце меня бережёт.

Образ поэта, покоющего, как птица, достаточно традиционный. Но Каменский максимально сближает птичий, природный мир со своим миром поэта, растворяющегося в природе. И не отсюда ли, не из сближения с полётностью птичьего мира возникает тяга поэта к полёту. И он обретает возможность полёта, становясь авиатором, осваивая аэроплан одним из первых в России. Ощувив в полёте, что он как будто сам летает, подобно птице, Каменский создаёт слово **самолёт!** Так из птичьего = поэтического пения рождается предметное слово.

И возвращаясь к птицам, восторженное стихотворение «На аэропланах», пронизанное звуковыми окликаками, – «бирюзовыми зовами» исполнено полётностью «цветистых птиц кораблей»:

Бирюзовыми
Зовами
Взлетая и тая
В долины лучистые
Покоя земли,
Раскрываются крылья,
Быстрины взметая, стаи –
Цветистые птиц корабли.
Воздухом –
Духом
Душа изветрилась,
Будто не хочется
Знать о земном
Крыльями воля
Людей окрылилась, – дни
Океанятся
Звёздным звоном.
Тегеран и Бомбей,
Москва и Венеция –
Крыловые пути
Людей-лебедей.
Каир и Париж,
Берлин и Турция
Перекинулись
Стами устами
Из крыльев мостами
Разлёт развели
Стаи – цветистые
Птиц корабли.

Поэт в стихе пытается передать полётность человека на аэроплане. И это ему удаётся благодаря глубокой прозвученности. Слово воспринимается в процессе полётно-

сти, что усиливается последующим словом, либо через слово или через строчку. Звуковые повторы подчёркнуто акцентируются: БирЮЗОВАми ЗОВАми, взлЕТАЯ и ТАЯ, расКРЫЛЯются КРЫЛЬЯ, возДУХОМ – ДУХОМ.

Вскоре он найдёт и другие формы передачи полётности, переходя к визуальным решениям. Но идея порождения человека-птицы, вернее, трансформации человека в САМОлёт не будет его оставлять. И он пишет «Аэро-пророчество», которое сам в скобках определяет как «(Рождественское предсказание пилота-авиатора Василия Каменского)».

В первой части он делает обзор развития и достижения авиации (к 1911–1912 гг.), особо акцентируя, что воздухоплавание «древнейшая и самая заветная мечта человечества», и подчёркивая, что «сами авиаторы в силу своего увлечения, веры и преданности любимому делу сознательно совершают смелые полёты, оставляя свою жизнь счастливой судьбе» [11, с. 11].

И далее поэт-авиатор прогнозирует полётные возможности человека от одного года через 50 – 150 – 200 – 500 – 1000 – 2000 лет... Причём поэт явно опережает авиатора. Как уже говорилось выше, можно было судить по стихам. Но прямое пророчествование было в крови у будетлян. Поэтому читаем у Каменского, что через 150 лет «...Тип летающих людей будет близко напоминать птиц. Человеческий рост сильно уменьшится, тонкие шеи вытянутся, большие, зоркие глаза, грудь выдвинется вперёд, голос будет громким, певучим» [11, с. 13].

Интересно, что при невероятной публикационной активности Каменского произведение «Аэро-пророчества» не было им опубликовано. Возможно, это был текст лекции, как предполагают публикаторы С. Казакова и А. Россомехин. Как известно, в лекциях Каменский сохранял принцип поэтического, фантазийного полёта.

Своего рода апофеозом авиапоэтики стало произведение «Полёт Васи Каменского на аэроплане в Варшаве», которым завершается знаменитая пятиугольная книга железобетонных поэм «Танго с коровами». Поэт

сделал специальное указание «читать снизу вверх». Само произведение, состоящее из слов, описывающих взлёт аэроплана, смотрится треугольником. Слова подаются как будто рывками – части слов отрываются и лепятся к другим словам. Поэт-авиатор передаёт таким образом движение летательного аппарата, его разгон по полю, вплоть до взлёта в вершине треугольника!

Зрением мы сразу схватываем треугольник разбега и взлёта. Но надо ещё прочесть, то есть озвучить этот разбег-взлёт, звук мотора, противодействие ветра, смещение картин от земли к солнцу.

К сожалению, сам Василий Васильевич не оставил нам авторского прочтения «Полёта», но он оставил нам своего рода партитуру, которую мы можем попробовать озвучить.

Собственно вся книга «Танго с коровами», кроме включённых в неё графических работ Владимира и Давида Бурлюков, представляет нам серию таких партитур, которые мгновенно схватываются взглядом и могут быть озвучены.

К «железобетонным поэмам» не раз обращались исследователи. Интересно проследить варианты подходов. Из ранних обращений наиболее известное описание поэмы «Константинополь» искусствоведом Андреем Шемшуриным. Он пользовался пояснениями самого Каменского, который рассказывал о своём посещении Константинополя и впечатлениях от него, представленных в этой стихокартине (Каменский выставлял поэму на художественной выставке). Это полезное описание, поскольку оно в значительной степени дешифрует некоторые фрагменты, которые без пояснений непонятны [12].

При факсимильном переиздании книги «Танго с коровами» искусствовед Ю. Молок называет свою статью «Типографские опыты поэта-футуриста» и делает акцент на футуристической типографике и использовании поэтом модных веяний эпохи – танго, железобетон, реклама. Что касается определения «железобетонные» применительно к поэмам, то Ю. Молок замечает: «Очевидно, Каменский употреблял этот термин в более широком смысле, а не только как прямое обозначение жёсткой конструкции: он ввёл его по

принципу «чужого» слова, как антипод лирического, романтического словаря поэзии» [12, с. 5]. В подтверждение этого наблюдения Ю. Молок называет ряд «поэм» из книги, не имеющих «железобетонной структуры».

Искусствовед Владимир Поляков определял «Танго с коровами» «вершиной в истории печатной кубофутуристической книги», а «железобетонные поэмы» «качественно новой формой поэтического творчества» [13, с. 251]. Он сопоставлял поиски Каменского с дизайнерскими новациями типографов, выпускавших известный в десятки годы «Кине-журнал» [13, с. 253], а его подход к представлению впечатлений в поэмах с коллажным принципом художников футуристического направления [13, с. 255].

Автор и теоретик направления «книга художника» М.С. Карасик в специальной работе о «железобетонных поэмах» тщательно прорабатывает визуальные ряды и делает вывод: «Железобетонные поэмы» давно, если не сразу, стали картинами для рассматривания. Понять их можно, прибегая к методикам чтения визуальной поэзии, погружаясь в секреты типографской тайнописи» [11, с. 197]. И в последнем предложении статьи выходит за границы визуального: «Для их чтения необходим декламаторский талант и многочасовые тренировки» [11, с. 197].

В.Ф. Марков в работе «Истории русского футуризма» (первое издание на английском языке опубликовано в США, 1968 г.) писал: «В «железобетонных поэмах» Каменского визуальная форма уничтожает всё остальное: читать их вслух практически невозможно» [14, с. 169].

Несколько неожиданное сопоставление «железобетонных поэм» Каменского с пластикой танцовщиц «в духе Айседоры Дункан» предложила И.Е. Сироткина, понимая под этим сопоставлением выход на перформанс: «Человек глубоко театральный и публичный, Василий Каменский строил свою жизнь и тексты как перформанс. Сценарием перформанса были и его «железобетонные поэмы» [11, с. 231]. Ранее было замечено, что «железобетонная поэма» «Солнце» «представляет собой своеобразную карту жизне-творчества футуриста» [15, с. 145].

В качестве перформера действительно нетрудно представить Каменского, также, как Маяковского, Бурлюка, Алексея Кручёных. Хотя этот термин в то время не использовался, но выступления кубо-футуристов были перформативными. Каменский был блестящим исполнителем собственных текстов. Исследователь русского поэтического авангарда В.Н. Альфонсов вспоминает, как, будучи ещё школьником, гостил у В.В. Каменского и слушал его чтение: «Надо было слышать, как читал Каменский, – пел, голосил, заливался, замирал, отчеканивал ритмы, прихохатывал. Не просто манера исполнения – это было вскрытие той стихийной подосновы... которая лишь частично умещалась в русле печатных строк»⁹.

Сохранились записи чтения Каменского, которые частично передают впечатления слышавших поэта вживую. К сожалению, среди этих записей нет авторских прочтений «железобетонных поэм». Поиском подходов к озвучанию «железобетона» довелось заниматься представителям уже следующего этапа авангарда. Валерий Шерстяной, Александр Горнон и автор этих строк в разные годы предлагали свои варианты прочтения произведений Каменского.

Представление о музыкальности «железобетонных поэм» и синтезе искусств в этом варианте поэтического формировалось постепенно [15, с. 144-146], что привело в результате к исполнению поэмы «Константинополь».

Валерий Шерстяной свои занятия русской звучарной поэзией суммировал в антологии, название которой позаимствовал у Каменского «Tango mit Kühen» («Танго с коровами»). Он перевёл на немецкий и транслитерировал звуковые произведения русского исторического авангарда, подготовил биографические справки авторов и прокомментировал тексты [16]. Эта работа помогла ему в дальнейшем в представлении русской звучарной поэзии публике в немецкоязычных странах. Ряд произведений Хлебникова, Маяковского, Каменского, Бурлюка, Кручёных мы исполняли дуэтом. В том числе и поэму «Константинополь».

⁹ Поэзия русского футуризма. С. 20.

Среди других поэм эта выделяется рядом особых определений. Во-первых, она обозначена как «первая міру книга поэзіи», затем как «творческий опыт железобетонной постройки поэм» плюс своеобразный авторский девиз: «поэзія праздник бракосочетания слов» и наконец указание – «на стены заборы».

Далее мы начинаем читать эту «книгу поэзии» и видим, что это партитура. Эта конструкция насквозь прозвучена. Там каждое слово или фрагмент слова откликается предыдущему. Это совсем не анархический текст, а строго выстроенный оркестровый. Могут быть варианты исполнения. Но в принципе он выстроен слева направо, сверху вниз (рис. 1).

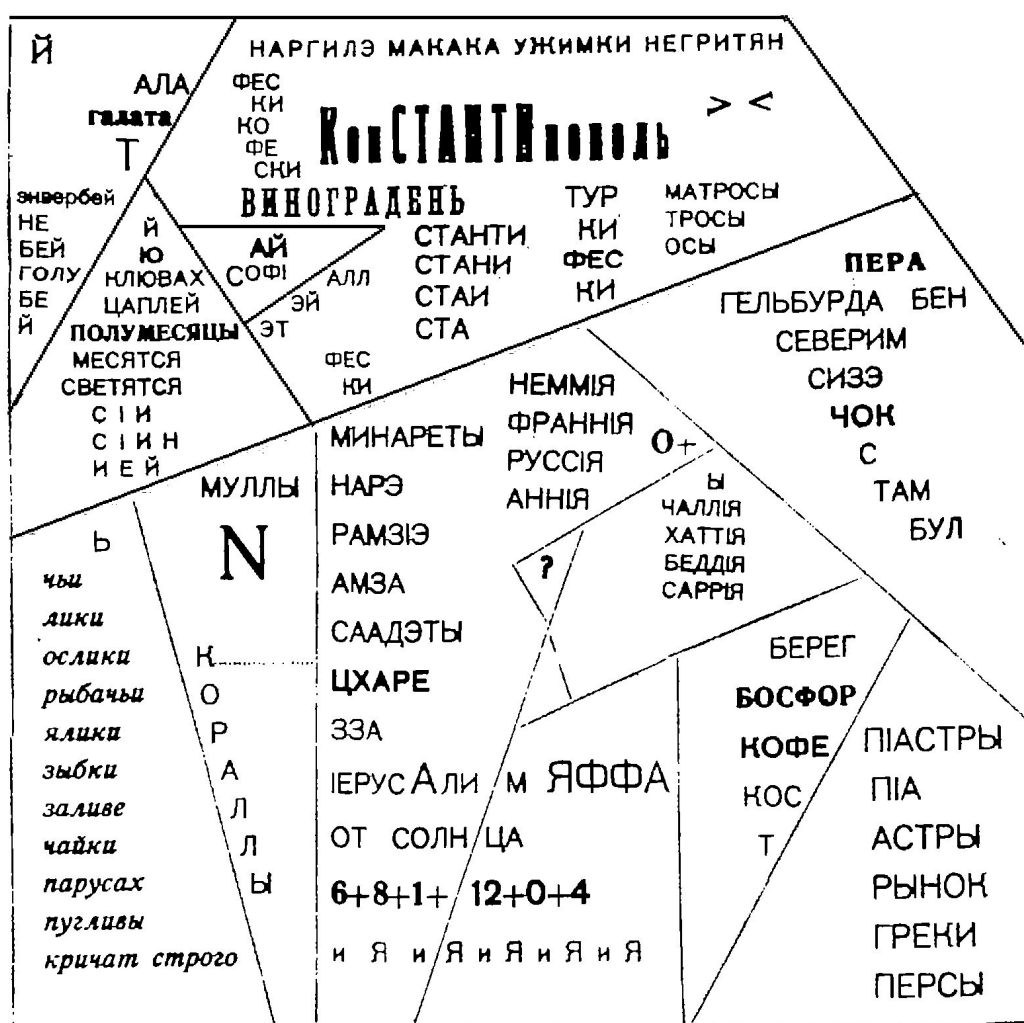

Рис. 1. Визуальные и звуковые конструкции в произведении «Железобетонная поэма»

Fig. 1. Visual and sound constructions in the work "Reinforced concrete poem"

Источник: Каменский В. Танго с коровами. Железобетонные поэмы. (Факсимильное издание с приложением статей Ю. Молока «Типографские опыты поэта-футуриста, А. Шемшурина «Железобетонная поэма»»). М.: Книга, 1991.

Source: Kamensky V. Tango with cows. Reinforced concrete poems. (Facsimile edition with the appendix of articles by Yu. Moloko "Typographic experiments of the futurist poet, A. Shemshurin "Reinforced concrete poem"). Moscow, Kniga Publ., 1991.

Автор неоднократно озвучивал «Константинополь» в разных странах и разных аудиториях. С одним из вариантов звучарного представления можно познакомиться (<https://www.youtube.com/watch?v=o6gh2ehhudk>). За чтением можно следить как по партитуре.

Случай «Константинополя» наиболее выразителен в представлении, как визуальная конструкция превращается в музыкально-поэтическое действо.

Но вернёмся к текстам, которые в типографском исполнении смотрятся не так вызывающе необычно. На самом деле они также являются партитурами и предназначены к исполнению. Это, например, «Вавилон фонетики», построенный на иностранных словах, записанных кириллицей. Ясно, что эти слова читаются с некоторым акцентом, и в то же время они передают фонетическую разнородность мира.

То есть Каменский во многих своих стихах создаёт своеобразную звуковую ауру, идущую от народной песенной стихии, от ощущения праздничности.

В одном из писем своему другу, режиссёру Николаю Евреинову, Каменский писал: «Из меня выходит композитор словотворчества-звукотворчества. Чем дальше читаю, тем успех больше растёт, а под конец ногами топают, требуя повторения». И далее определяет себя, как «мастера чтения» [11, с. 122].

В качестве одного из образцов успешного представления текста на сцене Каменский называет звучарное произведение «Жонглёр». Это произведение обращает нас к ещё одной ипостаси поэта – цирковой.

О.Д. Буренина-Петрова отмечает: «По мнению футуристов, цирк – вершина не только футуристического, но и всего авангардистского искусства, поскольку создаваемое в нём напряжение, стирая границу между манежем и залом, артистом и публикой, вовлекает всех в единое поле восприятия и переживания риска, как воплощения «сдвига» [17, с. 179]. Работы Маяковского и Каменского исследовательница приводит в качестве примеров взаимодействия футуристов с цирком.

Подробный обзор взаимодействия Каменского с цирком даёт Андрей Россомехин. «Каменский и сам выступает в цирке (с чтением поэмы о Разине, восседая на коне), и пропагандирует цирк в лекциях, и пишет стихи о цирковых артистах: «Акробатка», «Рыжий», «Жонглёр» [11, с. 115-129].

В «Жонглёре» Каменский фактически сопоставляет искусство жонглёра с искусством поэта-звучаря, который виртуозно жонглирует словами, в том числе спонтанно созданными. Каменский выступает здесь предтечей саунд-поэзии, которая получила развитие во второй половине XX века в разных странах.

Приведём фрагмент этой развёрнутой фонетической композиции:

Згара-амба
Згара-амба
Згара-амба
Згара-амба
Амб.

Амб-згара-амба
Амб-згара-амба
Амб-згара-амба
Амб.

Шар-шор-шур-шир.
Чин-драх-там-дззз.

Шар-диск
Ламп-диск
Брось-диск
Дай-диск
Иск-иск-иск-иск.

Пень. Лень. День. Тень.
Перевень. Перемень.
Пок. Лок. Док. Ток.
Перемок. Перескок.
Рча-рча
Амс.

Сень. Синь. Сан. Сон.
Небесон. Чудесон.
Словолей. Соловей аловей.
Чок-й-чок. Чок-й-чок.
Ей. Лей. Млей. Милей.
Чу сверчок.
Взгам-бара-лязг-взмай.
Ам-ара-язг-май.

Раскину ласкину из амбара слов.
И в шатре ало-шелковой айзы,
Где моё детство – чудесно росло
Пропую барбала-баралайзы.
Эль-лэ-лэ.

Уже здесь видно, с какой виртуозностью поэт-композитор представляет действия жонглёра. Вначале действие идёт на звуковом повторе, затем на вариативном, затем показ предметов, переходящий в почти неуловимое мелькание: «Иск-иск-иск-иск». Следующий этап – поиск и нахождение множественных ассоциаций – от предметов до состояний. И наконец включаются вариации словесного жонглирования – появляется **Словолей**, проявляется Поэт, который сопоставляется с жонглёром:

Наденет тонкое трико
Поэт (уста – свирели) –
И станет в ритме над рекой
Бросать золотострели.

Поэтом будь – зайли-заяй,
Будь истинным жонглёром.

И тогда можно провидеть **Судьбу словослияний**, возникнет **Словозвонная бесцель**, появится **Бродячий словокант**, жонглируя **словалью**, откроется **словоцель** и **словозвнч**, и наконец **Словольность** приведёт к началу жонглирования **безгранарабесконцамба**.

Здесь, конечно, заметна определённая переключка с хлебниковскими Смехачами. Причём не в стремлении непременно повторить, а скорее в стремлении расширить поле поиска, в том числе с включением других форм искусства.

Важно отметить, что поэтическое дарование Каменского проявлялось не только в создании текстов, а и в организации поэтического пространства. Если неутомимый Давид Бурлюк по праву носил титул отца русского футуризма, то Каменский сам себя именовал «матерью русского футуризма». Он действительно заботился и о публикациях своих друзей, и о представлении их творчества на сцене. Именно он воссоздал в своих **поэтических** мемуарах будетлянские приключения периода «бури и натиска».

Для футуристов была очень важна самопрезентация, и Каменский был виртуозом самопрезентации. И.Ю. Иванюшина отмечает: «Никогда до футуристов в поэтических самопрезентациях так не подчёркивалось ин-

дивидуальное биографическое начало» [18, с. 206]. Ср.:¹⁰

Это Я – это Я–
Футурист-песнебоец
И пилот-авиатор
Василий Каменский.

Для самопрезентации В. Каменский подерживал свой индивидуальный миф – поэт-авиатор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские футуристы радикально заострили вопрос поэтического творчества. Василий Каменский, который сочетал в себе таланты автора и организатора поэтического пространства, находился на самом острие такого заострения (воспользуемся здесь стилистикой нашего героя!). Его поэзия пересекала пространство и время. Каменский включал в поэзию преображённую прозу, поэтическую мемуаристику, но также искусство цирка и новейшее искусство авиатора. Вбирая на слух и голос русский народный распев и выкрик, он создавал звучарные партитуры, которые смотрелись своеобразными стихокартинами, или железобетонными конструкциями.

Творчество Василия Каменского, тесно связанное с фундаментальными открытиями Велимира Хлебникова, поистине будетлянское. Оно пересекает временные границы. Укоренённое в русской традиции словесности, оно задаёт новые параметры поэтического, которые открываются его восприимчивым годам спустя.

Автору этой статьи самому довелось входить в творческую лабораторию Каменского. Причём заходов было несколько. Самый первый этап, когда на излёте 1960-х, под влиянием 13-томника Маяковского шло интенсивное освоение русского авангарда. И тогда же (1969 г.) неожиданное переиздание «Пути энтузиаста» Каменского его младшим другом, пермским редактором и журналистом Савватием Михайловичем Гинцем (1903–1974). С него и начинается современ-

¹⁰ Поэзия русского футуризма. СПб.: Академ. проект. 1999. С. 252.

ное каменсковедение. И в это же время начинается переписка автора этих строк с Савватием Михайловичем, продолжавшаяся весь период работы Гинца над книгой о Каменском¹¹. Гинц посылал студенту-филологу главу за главой и наконец весь текст книги, которая очень трудно шла к изданию. Таким образом, книга проходила своего рода апробацию на молодом поэте и филологе,двигающегося в сторону авангарда. С Савватием Михайловичем я встречался только однажды, но это даёт мне возможность сказать, что с В.В. Каменским меня связывает одно рукопожатие! Видимо, это обстоятельство и подвигло впоследствии к более

пристальному всматриванию в творения поэта и к аналитической голосовой работе с его текстами, а также к взаимодействию с увлечёнными Каменским поэтами Валерием Шерстяным, Александром Горноном, фламандским поэтом-исследователем Филипом Меерсманом, с которым мы представляли железобетонную поэму «Константинополь» на русском и нидерландском языках в Королевской академии изящных искусств в Антверпене.

Творчество Василия Каменского, казалось бы, такое открытое в своей яркости, может таить в себе ещё не до конца проявленные особенности, оставляя нам возможности новых обращений к его творениям.

¹¹ Гинц С.М. Василий Каменский. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1974.

Список источников

1. Соколова О.В. Идиоматика В. Хлебникова и В. Маяковского в переводах: «декодируемые» и «кодируемые» идиомы (лексикографический аспект) // Иностранные языки в высшей школе. 2020. № 3 (54). С. 52-66. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.3.005>, <https://elibrary.ru/wvknxi>
2. Казарина Т.В. Функции вещи в литературе авангарда // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 175-182. <https://elibrary.ru/siqzen>
3. Феценко В.В. Языковые аномалии русского авангарда в фокусе лингвистических теорий // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 19. С. 44-54. <https://elibrary.ru/pirujc>
4. Казакова С.А. Турне Василия Каменского по Кавказу: к вопросу о творческом поведении // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 228-236. <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.3.054>, <https://elibrary.ru/zrtech>
5. Оконешикова А.В. Оказионализмы в романе В. Каменского «Степан Разин» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1. № 1-1 (61). С. 105-108. <https://elibrary.ru/tknklub>
6. Белая Г. Авангард как богоборчество // Вопросы литературы. 1992. №. 3. С. 115-124. <https://elibrary.ru/buejon>
7. Федотова Н.Ф. Творческая драма футуриста (лирика В. В. Каменского 1920-х гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. №. 5. С. 49-58. <https://elibrary.ru/kwmyrb>
8. Орлицкий Ю. Каменский как первооткрыватель новых форм в русской поэзии // Василий Каменский: Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования / сост. и науч. ред. А.А. Россомехин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 155-168. <https://elibrary.ru/uwzjni>
9. Никульцева В.В. Велимир Хлебников и Владимир Маяковский: параллели словотворчества // Русская речь. 2014. № 4. С. 23-27. <https://elibrary.ru/sljbcbn>
10. Васильев С.А. «Пинь-пинь-пинь! – тарарахнул зинзивер...» (Орнитологическая основа художественного образа в стихотворении В. Хлебникова «Кузнецик») // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке / отв. ред. А.И. Смирнова. М., 2019. С. 194-197.
11. Василий Каменский. Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования / сост. и науч. ред. А. Россомехин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 432 с. <https://elibrary.ru/xqsqej>
12. Каменский В. Танго с коровами. Железобетонные поэмы. (Факсимильное издание с приложением статей Ю. Молока «Типографские опыты поэта-футуриста», А. Шемшурина «Железобетонная поэма»). М.: Книга, 1991. 15 с.
13. Поляков В. Книги русского кубофутуризма. Изд. 2-е. М.: Гилея, 2007. 551 с.

14. Марков В.Ф. История русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетея, 2000. 414 с.
15. Бирюков С.Е. Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М.: Наука, 1994. 288 с.
16. Scherstjanoi V. Tango mit Kühen. Anthologie der Russischen Lautpoesie zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Wien: Edition Selene, 1998.
17. Буренина-Петрова О.Д. Цирк в пространстве культуры. М.: НЛО, 2014. 432 с.
18. Иванюшина И.Ю. Жанр самопрезентации в лирике русского футуризма // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 203-209. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-203-209>, <https://elibrary.ru/xzczkjv>

References

1. Sokolova O.V. Idiomatics of V. Khlebnikov and V. Mayakovsky in translation: decoding vs. encoding idioms (lexicographic aspect). *Inostrannye yazyki v vysshei shkole = Foreign Languages in Tertiary Education*, 2020, no. 3 (54), pp. 52-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.3.005>, <https://elibrary.ru/wvwxni>
2. Kazarina T.V. Functions of thing in the literature of avant-garde. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University*, 2014, no. 5 (116), pp. 175-182. (In Russ.) <https://elibrary.ru/siqzen>
3. Feshchenko V.V. Language anomalies of the Russian avant-garde in the focus of linguistic theories. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. = Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, no. 19, pp. 44-54. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pirujc>
4. Kazakova S.A. Vasily Kamensky's tour of Georgia: on artistic behavior. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2017, vol. 19, no. 3 (166), pp. 228-236. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.3.054>, <https://elibrary.ru/zrtech>
5. Okoneshnikova A.V. Occasionalisms in V. Kamensky's novel "Stepan Razin". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, vol. 1, no. 1-1 (61), pp. 105-108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tnkclub>
6. Belaya G. Avant-garde as atheism. *Voprosy literatury*, 1992, no. 3, pp. 115-124. (In Russ.) <https://elibrary.ru/buejon>
7. Fedotova N.F. Creative drama of futurist (lyric poetry of the 1920's years by V.V. Kamenskiy). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2009, no. 5, pp. 49-58. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kwmypb>
8. Orlitsky Yu. Kamensky as a discoverer of new forms in Russian poetry. Vasily Kamensky: Poet. Aviator. Circus performer. *Vasilii Kamenskii: Poet. Aviator. Tsirkach. Genii futurizma. Neopublikovannye teksty. Faksimile. Kommentarii i issledovaniya*, St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ., 2017, pp. 155-167. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uwzjni>
9. Nikultseva V.V. Velimir Khlebnikov and Vladimir Mayakovsky: parallels of word creation. *Russkaya rech' = Russian Speech*, 2014, no. 4, pp. 23-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sljcbn>
10. Vasiliev S.A. "Ping-ping-ping!" the zinziver banged... (Ornithological basis of the artistic image in V. Khlebnikov's poem "Grasshopper"). *Ptitsa kak obraz, simbol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke*. Moscow, 2019, pp. 194-197. (In Russ.)
11. Rossomakhin A.A. (academ. ed.-compiler). *Vasilii Kamenskii. Poet. Aviator. Circus Performer. Futurist Genius. Unpublished texts. Facsimiles. Commentaries and Research*. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ., 2017, 432 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xqsqj>
12. Kamensky V. *Tango with Cows. Reinforced Concrete Poems. (Facsimile Edition with the Appendix of Articles by Y. Moloko "Typographic Experiments of a Futurist Poet", A. Shemshurin "Reinforced Concrete Poem")*. Moscow, Kniga Publ., 1991, 15 p. (In Russ.)
13. Polyakov V. *Books of Russian Cubo-Futurism*. Moscow, Gileya Publ., 2007, 551 p. (In Russ.)
14. Markov V.F. *Russian Futurism: a History (Russian History and Culture)*. St. Petersburg, Aletya Publ., 2000, 414 p. (In Russ.)
15. Biryukov S.E. *Zeugma. Russian Poetry from Mannerism to Postmodernism*. Moscow, Nauka Publ., 1994, 288 p. (In Russ.)
16. Scherstjanoi V. *Tango with Cows. Anthology of Russian Sound Poetry at the Beginning of the 20th Century*. Vienna, Edition Selene Publ., 1998. (In German.)

17. Burenina-Petrova O.D. *Circus in the Cultural Space*. Moscow, NLO Publ., 2014, 432 p. (In Russ.)
18. Ivanyushina I.Yu. The genre of self-presentation in the lyrics of Russian futurism. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 203-209. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-203-209>, <https://elibrary.ru/xzckjv>

Информация об авторе

БИРЮКОВ Сергей Евгеньевич, доктор культуры, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0003-4976-8993>, sibirjukov@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ поэтических текстов, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 23.09.2024

Поступила после доработки и рецензирования 07.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Sergey E. Biryukov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (Philology), Leading Research Scholar of the Scientific Laboratory of Comparative Literary Behavior and Creative Practices, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-4976-8993>, sibirjukov@gmail.com

Contribution: study conception, scientific literature analysis, poetic texts analysis, material processing and editing, manuscript text drafting.

Received September 23, 2024

Approved after reviewing and revision November 7, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-903-910>

Шифр научной специальности 5.9.1

Король Филипп II Испанский как прототип Великого инквизитора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Священник Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович)

ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

105066, Российская Федерация, г. Москва, Новая Басманная ул., 35, стр. 1

✉ Artemyudakhin@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Испанский сюжет составляет важный символично-смысловой и художественный пласт «Легенды о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Цель исследования – выявить и проанализировать типологическое сходство испанского короля Филиппа II (1527–1598) и Великого инквизитора Достоевского в контексте авторского замысла «Легенды». **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Объектом исследования служит вставная притча Ивана Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», а также рукописные редакции и черновые наброски к «Легенде». В методологическую базу исследования входит метод сравнительно-исторического, культурно-исторического и системно-типологического анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В ходе исследования выявлено наличие комплексной типологической корреляции между образом короля Филиппа II, засвидетельствованным исторической литературой, и художественным образом Великого инквизитора «Легенды». Характеристики обоих персонажей, такие как деспотизм, гордыня, аморализм, фанатизм, аскетизм и отшельничество восходят к двум базовым категориям, выстраивающим жизнь и модель поведения героев – человекобожию и воле к власти. В контексте антикатолической полемики Достоевского подобное сходство портретов (духовная конституция и психологический тип) короля-инквизитора и Великого инквизитора приобретает особое значение. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Выявленная типологическая корреляция между историческим и художественным образами позволяет говорить о том, что король-инквизитор Филипп II как знаковый персонаж испанской истории послужил одним из прототипов главного героя «Легенды» Достоевского.

Ключевые слова: У. Прескотт, испанский сюжет, король Филипп II, инквизиция, антикатолическая полемика, человекобожие, воля к власти, типологическая корреляция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Финансирование работы отсутствовало.

Для цитирования: Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник. Король Филипп II Испанский как прототип Великого инквизитора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 903-910. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-903-910>

King Philip II of Spain as the prototype of the Grand Inquisitor in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"

Priest Artemy Yudakhin (Artem A. Yudakhin)

A.S. Griboyedov Moscow University

1 bldg, 35 Novaya Basmanaya St., Moscow, 105066, Russian Federation

 Artemyudakhin@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The Spanish plot forms an important symbolic, semantic and artistic layer of the Grand Inquisitor Legend by F.M. Dostoevsky. The purpose of the study is to identify and analyze the typological similarity of the Spanish King Philip II (1527–1598) and the Grand Inquisitor Dostoevsky in the context of the author's idea of the "Legend". **MATERIALS AND METHODS.** The object of the study is the insertion parable of Ivan Karamazov in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov", as well as handwritten editions and rough sketches for the "Legend". The methodological basis of the research includes the comparative historical method, cultural-historical and system-typological analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** The study revealed the presence of a complex typological correlation between the image of King Philip II, attested by historical literature, and the artistic image of the Grand Inquisitor of the Legend. The characteristics of both characters, such as despotism, pride, amorism, fanaticism, asceticism and recluse, go back to two basic categories that build the life and behavior model of the characters – godliness and the will to power. In the context of Dostoevsky's anti-Catholic polemic, such similarity of portraits (spiritual constitution and psychological type) of the Inquisitor king and the Grand Inquisitor acquires special significance. **CONCLUSION.** The revealed typological correlation between historical and artistic images suggests that the Inquisitor King Philip II, as an iconic character in Spanish history, served as one of the prototypes of the main character of Dostoevsky's "Legend".

Keywords: W. Prescott, the Spanish plot, King Philip II, the Inquisition, anti-Catholic polemic, man-godliness, the will to power, typological correlation

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Artemy Yudakhin (Artem A. Yudakhin), Priest. King Philip II of Spain as the prototype of the Grand Inquisitor in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):903-910. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-903-910>

ВВЕДЕНИЕ

Вставная притча «Великий инквизитор» в последнем романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880) по справедливости признана уникальным феноменом общечеловеческой мысли. Подобная оценка обусловлена как гениальным художественно-поэтическим прозрением автора, так и предельной широтой охвата поднятых в притче проблем, затрагивающих темы в диапазоне от этико-философских и политико-правовых [1] до религиозно-конфессиональных и историософских [2]. Кроме того, це-

лый ряд авторов усматривают в притче наличие профетических прозрений и сбывшихся впоследствии предсказаний, сделанных русским писателем. Центральной для понимания символично-смыслового содержания притчи является фигура и образ Великого инквизитора, типологический генезис которого сам по себе составляет определённую проблему для литературоведов, философов и историков культуры. Художественный персонаж «воссоздаётся» Достоевским по лекалам целого сонма прототипов, как художественных, так и реально-исторических, чем объясняется комплексный характер и структурная слож-

ность образа героя. Мы попытались выявить один из таких наиболее важных для понимания притчи прототипов в лице испанского короля Филиппа II, духовная конституция и психологический портрет которого отобразились в художественной структуре образа Великого инквизитора.

Ключевой задачей исследования становится компаративистский анализ типологического сходства испанского короля Филиппа II и Великого инквизитора Достоевского. Возможность подобного сопоставления обусловлена знакомством русского писателя с исторической и художественной литературой, посвящённой эпохе правления и биографии Филиппа II, в частности, трудам У. Прескотта, Ф. Шлоссера и бессмертному творению Ф. Шиллера.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным объектом исследования послужил текст романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880), а точнее притча Ивана Карамазова «Великий инквизитор» – концептуально сложный и комплексный «текст в тексте», имеющий философское, богословское и социально-политическое содержание. Наряду с развёрнутыми, эксплицитно выраженными смыслами, в притче имеются также свёрнутые отсылки к важным сюжетам и парадигмам, в том числе историческим. Данное исследование, в рамках установленной взаимосвязи между притчей Ивана Карамазова и историческим трудом У. Прескотта «История царствования Филиппа Второго, короля испанского» (1837), преследует цель выявить концептуальное многоуровневое влияние (типологическое, символическое и структурное) образа короля Филиппа II Испанского на формирование образа Великого инквизитора Ф.М. Достоевского. Методологической основой исследования послужили сравнительно-исторический и культурно-типологический подходы к анализу текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При составлении образа Великого инквизитора Ф.М. Достоевский, как известно, опи-

рался на целый спектр художественных произведений. Согласно наблюдению Е.И. Лысенковой, данный персонаж Достоевского «совершенно оригинален, и вместе с тем он несёт в себе многие черты предшествовавших ему литературных образов, прежде всего – Великого инквизитора Шиллера»¹. Вместе с тем важным источником «Легенды» является творчество поэта и близкого друга Достоевского А.Н. Майкова, прежде всего, его поэтические сочинения «Клермонтский собор» (1854), «Легенда об Иоанне Гусе» (1860) и «Легенда об испанской инквизиции» (1861). Б.В. Соколов убедительно продемонстрировал, что персонажи двух последних стихотворений, – кардинал-отшельник и патер-исповедник, – определённо послужили прототипами Великого инквизитора Достоевского, в то время как герой первого, нищий монах-проповедник, стал, в некотором смысле, прообразом Христа «Легенды» [3, с. 450].

Примечательно, что «Легенда», равно как и стихотворения А.Н. Майкова, имеет ярко выраженную антикатолическую направленность. Интерес Достоевского к западным вероисповеданиям, в частности, к лютеранству [4; 5] и католицизму, проявляется совершенно особым образом. Последней конфессии писатель уделяет наибольшее внимание. Можно смело констатировать, что антикатоличество является одной из ярких константных черт творчества писателя, как публицистического [6; 7], так и художественного [8], подробно изучаемой и поныне в различных аспектах и направлениях [9–12]. Интересно, что существует целый спектр работ, посвящённых обратном – анализу восприятия Достоевского католическими авторами [13–15]. Отметим следующий существенный момент: во вступительном слове перед чтением главы «Великий инквизитор» на одном из литературных вечеров в декабре 1879 г. Достоевский прямо артикулирует антикатолический аспект «Легенды» (т. 15, с. 198)². О сознательном

¹ Лысенкова Е.И. Значение шиллеровских отражений в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 2. 1994. С. 189.

² Цитирования Ф.М. Достоевского приводятся по 30-томнику собрания сочинений Ф.М. Достоевского с

антикатолицизме Достоевского свидетельствует также авторская помета в рукописных редакциях к роману «Братья Карамазовы»: «идея рабства, порабощения и тайны – идея римской церкви» (т. 15, с. 236). Согласно авторскому замыслу, «Легенда» выступала, прежде всего, как концептуальная *summa summarum* всего аникатолического дискурса Достоевского, составлявшего конфессионально-полемическое и историософское ядро послекаторжного творчества писателя³.

Наряду с антикатолическим пафосом, сюжетно- и смыслообразующее значение в поэме Ивана Карамазова имеет испанская тематика, восходящая, в частности, к творчеству Ф. Шиллера («Дон Карлос, инфант испанский») и к упомянутому выше стихотворению А.Н. Майкова «Легенда об испанской инквизиции». Выделим некоторые ключевые мотивы и образы испанского кода, зашифрованные в «Легенде».

Прежде всего, следует обратить внимание на общий исторический фон поэмы, указанный Карамазовым: XVI век (т. 14, с. 224), Реформация (т. 14, с. 226), испанская инквизиция (т. 14, с. 226), аутодафе в Севилье, присутствие короля при казни вероотступников (т. 14, с. 226) – историческая канва испанского сюжета, введенного Достоевским в «Легенду», опирается на находки американского учёного У. Прескотта, автора книги «История царствования Филиппа Второго, короля испанского» (1837), находившейся в библиотеке писателя⁴.

В 1558 г. лидер европейской Контрреформации испанский король Филипп II, поддержанный папой Павлом IV, издал королевский указ, согласно которому все печатавшие, распространявшие или читавшие лютеровский перевод Библии, приговаривались к казни через сожжение. В 1559 г. во всех крупных испанских городах состоялись торжест-

венные *auto de fe* – казнь еретиков через сожжение на костре. 8 октября 1559 г. в Вальядолиде еретики были казнены в присутствии короля Филиппа II. Когда приговорённого к смерти испанского дворянина дона Карлоса де Сасо вели на костёр, он, оказавшись вблизи королевской галереи, воскликнул, обращаясь к монарху: «Зачем ты мучишь своих невинных подданных?», – на что последовал жёсткий и бескомпромиссный ответ Филиппа II: «Если бы мой сын был еретик, я сам сложил бы костёр, чтобы сжечь его!»⁵. Согласно исследованию Прескотта, всего за десять лет массовых репрессий испанский протестантизм был уничтожен на корню.

Достоевский, формируя хронотоп «Легенды», соединяет два разных эпизода – гонения на протестантов в Севилье и казнь еретиков в присутствии монарха в Вальядолиде – в один. Также, на наш взгляд, поступает писатель и при создании образа Великого инквизитора, типологически связывая его с портретом реального исторического персонажа – короля Испании Филиппа II, тем более что этот монарх, по сообщению Прескотта, был буквально «проникнут духом инквизиции»⁶. «Филипп II был человек злой, лицемерный, бесчеловечный, хладнокровно жестокий и способный убить свою жену, если бы это было в его интересах или имелся бы какой-либо мотив к этому»⁷ – такую характеристик испанскому монарху даёт Х.А. Льоренте в «Истории испанской инквизиции». Перманентную волю к абсолютной власти выделяет в образе Филиппа II Е.В. Тарле: «холодный, жестокий, высокомерный и подозрительный, Филипп не только постановлял единолично решения по всем важным делам, но вмешивался даже в совершённые пустяки»⁸. Сове-

указанием номера тома и номера страницы: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.

³ Юдахин А.А. Антикатолическая проблематика в творчестве Ф.М. Достоевского: геополитическое, историософское и христологическое измерения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 23 с.

⁴ Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. С. 142.

⁵ Прескотт В. История царствования Филиппа Второго, короля испанского: в 2 ч. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и комп., 1858. Ч. 1. С. 49.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Льоренте Х.А. История испанской инквизиции: в 2 т. Т. 2. Гл. XXXI. Знаменитое дело дона Карлоса, принца Астурийского Австрийского. Статья первая. Жизнь и характер этого принца. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit/text/3259/23397/Llorente/istoriya-ispanskoj-inkvizicii.htm> (дата обращения: 16.07.2024).

⁸ Тарле Е.В. Филипп II // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. Т. XXVa / под ред.

менный историк А.Е. Кудрявцев пишет о короле Филиппе II как о «ярком воплощении испанского абсолютизма»⁹. В свою очередь, выстроенный монархом дворец-монастырь Эскориал являлся ничем иным, как отображением в камне психотипа Филиппа II¹⁰. На фоне мрачного и деспотичного монарха, являвшегося главным и единственным инквизитором в своём королевстве, меркнет образ великого инквизитора Фернандо Вальдеса, архиепископа Севильи, «сурового, неумолимого фанатика, не уступавшего в фанатизме самому Торквемаде»¹¹,

Абсолютный монарх Испании и лидер европейской Контрреформации Филипп II был инициатором и проводником того, что историк В.К. Пискорский назвал «инквизиционным террором»¹². В четвёртом томе «Всемирной истории» Ф. Шлоссера – с этим трудом Достоевский был хорошо знаком, о чём, в частности, свидетельствует упоминание книги немецкого историка в романе «Идиот», – присутствует характерное уточнение, согласно которому Филипп II был «совершенно убеждён, что своей инквизицией спасает человечество»¹³. Таким образом, испанский король предстаёт перед писателем как самоуверенный и бескомпромиссный моноидеист, полагавший, что «ужасы и резня, которые привели в содрогание человечество... были приятны Богу любви и милосердия»¹⁴. Такая абберация религиозного сознания имела свою причину в судьбе как короля Филиппа II, так и Великого инквизитора Достоевского – оба героя воплощают в себе «римскую идею», то есть волю к абсолютной власти и человекобожии, которые немецкий историософ В. Шубарт обозначил как латинские идеалы цезаризма и империи¹⁵.

К.К. Арсеньева и проф. Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1902. С. 770.

⁹ Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. С. 206.

¹⁰ Там же.

¹¹ Прескотт В. Указ. соч. С. 42.

¹² Пискорский В.К. История Испании и Португалии. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз–Ефрон, 1902. С. 133.

¹³ Шлоссер Ф.К. Всемирная история: в 8 т. Т. 4. Санкт-Петербург; Москва: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1870. С. 625.

¹⁴ Шлоссер Ф.К. Указ. соч. Т. 4. С. 624.

¹⁵ Шубарт В. Европа и душа Востока. Взгляд немца на русскую цивилизацию. М.: Родина, 2023. С. 180.

Наряду с романами «Идиот» и «Бесы», а также публикациями «Дневника писателя», послужившими, согласно Ф.И. Евнину, «основными первоисточками»¹⁶ «Легенды», следует особо выделить роман «Подросток». Поскольку описание портрета Версилова служит корреляционным мостиком к замыслу и сюжету «Легенды». В черновых редакциях романа находим следующие наброски к описанию персонажа: «Рядом с католическою ограниченностью, деспотизмом и нетерпимостью... почти энтузиазм в преследовании идеи, во взгляде на мир и проч. Рядом с высочайшею и дьявольскою гордостью («нет мне судьи») есть и чрезвычайные суровые требования к самому себе, с тем только, что «никому не даю отчёту»... всё это из надменного взгляда на мир, из непостижимой вершины, на которую ОН сам самовластно поставил себя над миром» (т. 16, с. 163-164). Проспекционно обозначенные автором черты практически в точности воспроизводят духовный портрет Великого инквизитора. Вместе с тем эти же самые характеристики могут быть присвоены и испанскому королю Филиппу II, в самом своём монаршем облике воплощавшим идею абсолютизма и безграничной власти. Версиров фигурирует в «Подростке» как человек противоречивый и таинственный. В частности, среди героев романа ходят слухи о его переходе в католичество. Изначально Достоевский планировал вложить в уста Григория Васина парадоксальные и, на первый взгляд, внутренне противоречивые слова: «имею сведения, что ОН действительно католик, и ревностный. Но вряд ли ОН в бога верит» (т. 16, с. 199). «Католицизм минус христианство»¹⁷ – такова, в сущности, формула той квазирелигиозной системы, адептами которой являются как католик-атеист Версиров, так и король Филипп II вместе с Великим инквизитором Ивана Карамазова. При этом все три персонажа ка-

¹⁶ Евнин Ф. Достоевский и воинствующий католицизм 1860–1870-х годов (к генезису «Легенды о Великом инквизиторе») // Русская литература. 1967. № 1. С. 32.

¹⁷ Лапшин И.И. Как сложилась Легенда о Великом инквизиторе // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сб. ст. / под ред. А.Л. Бема. М.: Рус. путь, 2007. С. 134.

толицизму и «римской идее» как деметафизированному христианству служат фанатично и ревностно. В окончательной редакции «католический монах», «странник» и «отшельник» (т. 16, с. 348) Версиров становится, по версии князя Сокольского, носителем вериг (т. 13, с. 32) и практически святым (т. 13, с. 31). Такой же пример безбожной святости, или, точнее, антисвятости являет и Великий инквизитор – суровый аскет и пустынный (т. 14, с. 237), апостат, отрёкшийся от Христа и перешедший на сторону дьявола. Примечательно, что в этом ракурсе образ Великого инквизитора также коррелирует с образом короля-аскета Филиппа II, жившего отшельником в дворце-монастыре Эскориал. Деспотизм, одержимость идеей (моноидеизм), аскетизм, фанатизм, «дьявольская гордость» и, как следствие, хорошо закамуфлированное безбожие, сознательное попрание нравственности, готовность мучить и убивать людей *ad maiorem gloriam Dei* – все вышеперечисленные черты, частично восходящие к характеристикам Версирова, типологически объединяют Филиппа II и Великого инквизитора «Легенды».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Типологическое сходство двух персонажей – испанского короля Филиппа II и Великого инквизитора «Легенды», прослеживает-

ся сразу в нескольких проекциях. Для обоих героев характерны человекобожие (*modus cogitandi*) и воля к власти (*modus vivendi*). Обе черты взаимосвязаны, порождая такие качества и характеристики их носителей, как деспотизм, гордыня и аморализм. Вместе с тем портрет «внутреннего человека» обоих персонажей дополняется сходством внешних обстоятельств их жизни и поведения. Отшельничество, суровая аскеза и фанатичная преданность идеалу (моноидеизм), превращающаяся в одержимость, выявляет присущую обоим героям антисвятость, то есть обезбоженную «святость». Личные характеристики короля-инквизитора, а также его методы управления государством («инквизиционный террор») корреспондируют с образом Великого инквизитора, предложенным Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Антикатолический пафос «Легенды», построение её художественной структуры на основе реалий испанской жизни XVI столетия лишь подтверждают наше предположение о наличии концептуальной типологической корреляции между образами короля Филиппа II и Великого инквизитора. Перспективным видится дальнейшее вдумчивое изучение исторического и религиозно-конфессионального пластов притчи о Великом инквизиторе, имеющих свои доселе сокрытые смыслы и глубины.

Список источников

1. Харитонов Т.И. Образ Великого инквизитора в государстве и в революции. Политическая теология Ф.М. Достоевского и Н.А. Бердяева // Социология власти. 2022. Т. 34. № 2. С. 96-124. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-2-96-124>, <https://elibrary.ru/sqplis>
2. Кудрявцева В. Образ Великого инквизитора Ф.М. Достоевского: динамика интерпретаций // Сборник Матице српске за славистику. 2022. Vol. 2022. № 101. С. 291-300. https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2022.101.17
3. Sokolov B. Two councils by A.N. Maykov in F.M. Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 442-450. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-3-442-450>, <https://elibrary.ru/yurfhh>
4. Исаев С.А. Достоевский и лютеранство // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 44-49. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_4_44, <https://elibrary.ru/acgipx>
5. Казаков А.А. Сюжет встречи с Чертом: Лютер – Иван Карамазов – Адриан Леверкюн // Жуковский и другие: материалы Междунар. науч. чтений памяти Александра Сергеевича Янушкевича. К 75-летию со дня рождения. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2020. С. 478-486. <https://elibrary.ru/kmetoo>
6. Линке Ш. Образ папы Пия IX в публицистике Ф.М. Достоевского (1870–1878 годы) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 179-190. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-179-190>, <https://elibrary.ru/gxzkvlv>

7. Юдахин А.А. Полемика Ф.М. Достоевского-журналиста с католицизмом: к постановке проблемы // *Litera*. 2023. № 5. С. 125-142. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.5.38246>, <https://elibrary.ru/ufkime>
8. Юдахин А.А. «Знаете ли, я думал отдать мир папе...»: антикатолический пласт романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // *Неофилология*. 2023. Т. 9. № 3. С. 573-581. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-573-582>, <https://elibrary.ru/wglzmu>
9. Алёз С. Италия в биографии Ф.М. Достоевского: несколько вводных заметок по поводу архивных находок Валентины Супино // *Неизвестный Достоевский*. 2019. Т. 6. № 1. С. 3-9. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2019.3801>, <https://elibrary.ru/wafmpl>
10. Баршум К.А. «...исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф.М. Достоевского «Бесы» // *Новый филологический вестник*. 2019. № 2 (49). С. 116-131. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00037>, <https://elibrary.ru/vcodio>
11. Волкова А.А., Фролова Е.В. Исторические взгляды Ф.М. Достоевского на Римскую католическую церковь // *Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований*. 2021. № 11 (13). С. 3-11. https://doi.org/10.52270/26585561_2021_11_13_3, <https://elibrary.ru/dfqqvs>
12. Мурзина С.В. Папская власть как реализация римской католической идеи в восприятии Ф.М. Достоевского 1860–1870-х гг. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 7. С. 2086-2091. <https://doi.org/10.30853/phil20220410>, <https://elibrary.ru/bnqqqlq>
13. Корбелла К. «Идиот» Ф.М. Достоевского в прочтении католических богословов // *Вестник Костромского государственного университета*. 2022. Т. 28. № 2. С. 175-184. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184>, <https://elibrary.ru/euzbsm>
14. Корбелла К. Диво Барсотти: Человек, Бог и Христос в произведениях Ф.М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2020. № 3 (11). С. 140-157. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-140-157>, <https://elibrary.ru/nlbmfj>
15. Корбелла К. Романо Гуардини, читатель Данте и Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2019. № 3 (7). С. 210-226. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-3-210-226>, <https://elibrary.ru/grnvay>

References

1. Kharitonov T.I. The image of the Grand Inquisitor in state and in revolution. The political theology of Dostoevsky and Berdyaev. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2022, vol. 34, no. 2, pp. 96-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-2-96-124>, <https://elibrary.ru/sqplis>
2. Kudryavtseva V. The image of the Grand Inquisitor F.M. Dostoevsky: dynamics of interpretations. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku = Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 2022, vol. 2022, no. 101, pp. 291-300. (In Russ.) https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2022.101.17
3. Sokolov B. Two councils by A.N. Maykov in F.M. Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 442-450. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-3-442-450>, <https://elibrary.ru/yurfhh>
4. Isaev S.A. Dostoevsky and Lutheranism. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*, 2021, no. 4, pp. 44-49. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_4_44, <https://elibrary.ru/acgipx>
5. Kazakov A.A. The plot of the meeting with the Devil: Luther – Ivan Karamazov – Adrian Leverkun. *Materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii pamyati Aleksandra Sergeevicha Yanushkevicha: «Zhukovskii i drugie». K 75-letiyu so dnya rozhdeniya = Proceedings of the International Scientific Readings in Memory of Alexander S. Yanushkevich “Zhukovsky and Others”. On the 75th Anniversary of His Birth*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2020, pp. 478-486. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kmetoo>
6. Lipke Sh. The image of Pope Pius IX in F.M. Dostoevsky's journal essays (1870–1878). *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal = Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2019, no. 2 (6), pp. 179-190. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-179-190>, <https://elibrary.ru/gxzkly>
7. Yudakhin A.A. The polemic of F. M. Dostoevsky with catholicism: towards the formulation of the problem. *Litera*, 2023, no. 5, pp. 125-142. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.5.38246>, <https://elibrary.ru/ufkime>
8. Yudakhin A.A. “Do you know, I have thought of giving up the world to the Pope...”: the anti-catholic layer of the novel by F.M. Dostoevsky “Demons”. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 573-581. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-573-582>, <https://elibrary.ru/wglzmu>

9. Aloe S. Italy in the biography of F. M. Dostoevsky: several introductory notes about the archival finds of Valentina Supino. *Neizvestnyi Dostoevskii = The Unknown Dostoevsky*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 3-9. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j10.art.2019.3801>, <https://elibrary.ru/wafmpl>
10. Barsht K.A. "...was passing in blessing, the Pope antichrist". About one paradoxical wording in the preparatory materials for F.M. Dostoevsky's novel "The Possessed". *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2019, no. 2 (49), pp. 116-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00037>, <https://elibrary.ru/vcodio>
11. Volkova A.A., Frolova E.V. F.M. Dostoevsky's historical views on the Roman Catholic Church. *Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskikh i humanitarnykh issledovanii = Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 2021, no. 11 (13), pp. 3-11. (In Russ.) https://doi.org/10.52270/26585561_2021_11_13_3, <https://elibrary.ru/dfqqvs>
12. Murzina S.V. Pontifical power as Roman catholic idea realization in F. M. Dostoevsky's perception in the 1860-1870s. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2022, vol. 15, no. 7, pp. 2086-2091. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220410>, <https://elibrary.ru/bnqqqlq>
13. Korbella K. Dostoevsky's the Idiot in the interpretation of catholic theologians. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 175-184. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184>, <https://elibrary.ru/euzbsm>
14. Korbella K. Divo Barsotti: man, God, and Christ in Dostoevsky's works. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal = Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2020, no. 3 (11), pp. 140-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-140-157>, <https://elibrary.ru/nlbmf>
15. Korbella K. Romano Guardini, reader of Dante and Dostoevsky. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal = Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 2019, no. 3 (7), pp. 210-226. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-3-210-226>, <https://elibrary.ru/grnvay>

Информация об авторе

Священник Артемий ЮДАХИН (Юдахин Артём Александрович), кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>, Artemyudakhin@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с научными источниками, анализ художественного текста, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 02.08.2024
Поступила после рецензирования 29.10.2024
Принята к публикации 11.11.2024

Information about the author

Artemy Yudakhin (Artem Alexandrovich Yudakhin), Priest, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of History of Journalism and Literature Department, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>, Artemyudakhin@yandex.ru

Contribution to the article: study conception, scientific sources working, literary text analysis, material processing and editing, manuscript drafting.

Received August 2, 2024
Revised October 29, 2024
Accepted November 11, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 882; 22

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-911-919>

Шифр научной специальности 5.9.1

Опыт выявления интертекстуальных связей со Священным Писанием в духовной лирике В.Д. Фёдорова

Священник Николай Николаевич Киреев

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования

«Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3

✉ okolianka@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрены межтекстовые связи духовной поэзии Василия Дмитриевича Фёдорова, с акцентом на его стихотворение «Притча» с фрагментами Священного Писания Нового и Ветхого Завета. Цель исследования – раскрыть духовные и философские аспекты творчества поэта, а также провести параллели между его произведением и произведением Альберта Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде». Актуальность исследования обусловлена потребностью для современной филологической науки интерпретации духовной лирики В.Д. Фёдорова в контексте святоотеческой экзегезы с использованием современных методов анализа текста. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Текст стихотворения В.Д. Фёдорова «Притча» представляет собой систему разноуровневых единиц, анализ которых способствует более глубокому проникновению в художественный замысел автора. Используются как общенаучные, так и специальные лингвистические методы: экзегетический, компаративный и интертекстуальный. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено, что в стихотворении «Притча» Фёдоров подчёркивает смысл труда и личной ответственности человека, делая акцент на соработничестве с Богом. В отличие от мифа о Сизифе, герой Фёдорова осознаёт свой выбор и стремится к выполнению Божественного замысла, что наполняет его действия смыслом и целью. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Работа демонстрирует, что поэзия Фёдорова обладает глубокой духовной значимостью, актуальной для современного читателя. Перспективы исследования могут включать дальнейший анализ других произведений автора в контексте религиозных и философских идей.

Ключевые слова: интертекстуальность, духовная лирика, Священное Писание, Евангелие, В.Д. Фёдоров, поэтические мотивы

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Николай Николаевич Киреев, священник. Опыт выявления интертекстуальных связей со Священным Писанием в духовной лирике В.Д. Фёдорова // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 911-919. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-911-919>

An attempt to identify intertextual connections with the Holy Scripture in the spiritual lyrics of V.D. Fedorov

Priest Nikolai N. Kireev

Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 M. Gorkiy St., Tambov, 392000, Russian Federation

 okolianka@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The article examines the intertextual connections of the spiritual poetry of Vasily Dmitrievich Fedorov, with an emphasis on his poem “Parable” with fragments of the Holy Scriptures of the New and Old Testaments. The purpose of the study is to reveal the spiritual and philosophical aspects of the poet’s work, as well as to draw parallels between his work and the work of Albert Camus “The Myth of Sisyphus. Essay on the Absurd”. The relevance of the study is due to the need for modern philological science to interpret the spiritual lyrics of V.D. Fedorov in the context of patristic exegesis using modern methods of text analysis. **MATERIALS AND METHODS.** The text of V.D. Fedorov’s poem “Parable” is a system of multi-level units, the analysis of which facilitates a deeper penetration into the author’s artistic concept. Both general scientific and special linguistic methods are used: exegetical, comparative and intertextual. **RESULTS AND DISCUSSION.** It was revealed that in the poem “Parable” Fedorov emphasizes the meaning of labor and personal responsibility of a person, focusing on cooperation with God. Unlike the myth of Sisyphus, Fedorov’s hero is aware of his choice and strives to fulfill the Divine plan, which fills his actions with meaning and purpose. **CONCLUSION.** The work demonstrates that Fedorov’s poetry has deep spiritual significance that is relevant to the modern reader. Prospects for the study may include further analysis of the author’s other works in the context of religious and philosophical ideas.

Keywords: intertextuality, spiritual lyricism, Scripture, Gospel, V.D. Fedorov, poetic motives

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Nikolai N. Kireev, Priest. An attempt to identify intertextual connections with the Holy Scripture in the spiritual lyrics of V.D. Fedorov. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):911-919. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-911-919>

ВВЕДЕНИЕ

Поэзия Василия Дмитриевича Фёдорова представляет собой уникальное явление в русской литературе середины XX века, отличающееся глубокой духовной и философской содержательностью. Вопрос о смысле человеческого труда и ответственности перед высшими ценностями является центральным в его творчестве, что делает актуальным исследование таких произведений, как стихотворение «Притча»¹. В данном контексте важной становится проблема соотношения личного выбора человека с Божественным

замыслом, а также осмысление трудностей, которые сопровождают этот выбор.

Цель исследования – проанализировать стихотворение В.Д. Фёдорова «Притча» с акцентом на его философские и духовные аспекты. Основной задачей является выявление в духовной лирике автора значения труда и личной ответственности человека в контексте замысла Божия, а также провести параллели с мифом о Сизифе и библейскими аллегориями.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Актуальность междисциплинарного подхода в богословских исследованиях под-

¹ Фёдоров В.Д. Человек: стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 18.

чёркивает митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), считая, что «одной из важнейших задач богословия – показать живую связь Священного Писания и святоотеческой традиции с актуальными духовно-нравственными темами, волнующими человека во все времена» [1, с. 175]. В исследовании были использованы методы экзегетического, компаративного и интертекстуального анализа. Использование этих методов позволило детально исследовать структуру и язык стихотворения В.Д. Фёдорова «Притча», выявить ключевые мотивы и образы, сопоставив с мифом о Сизифе и библейскими текстами, выявить сходства и различия в интерпретации темы труда и ответственности и рассмотреть исторический и культурный контекст, в котором создавалась поэзия Фёдорова, для понимания её значимости и актуальности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Василий Дмитриевич Фёдоров (1918–1984) – советский писатель и поэт середины XX века. Он родился 23 февраля 1918 г. в селе Усть-Искитимское Кузнецкого уезда Томской губернии [2]. Сибирское происхождение поэта определило его творчество в конкретно-реалистическом стиле, лишённого спекулятивных элементов, демагогических приёмов и конъюнктурности [3, с. 40]. Для лирики Фёдорова характерны мотивы утверждения долга, совести и красоты в единстве духовного и физического начал как высшей ценности человека, природы, искусства. В творчестве поэта нашли отражение ключевые особенности русского национального характера, такие как прямолинейность, нетерпимость к лжи и лицемерию, а также непримиримость к несправедливости. Приведём цитату самого Василия Фёдорова, в которой раскрывается его отношение к поэзии:

«Что такое поэзия? Во все времена – это поиск связей между небом и землёй, между людьми и вещами, между минувшим и будущим... По существу, что такое стихи? Это один из способов передачи духовной энергии от одного человека к другому. Сна-

чала она познаётся поэтом, а через него и другими. Исходный материал – СЛОВО...»².

При этом исповедь и проповедь в поэзии Фёдорова нераздельны. В лирике поэта можно найти повествовательные произведения назидательного характера, содержащие духовно-нравственные поучения в иносказательной форме. Не исключением в поэтике Василия Фёдорова стало стихотворение Притча – пронизанная духовным смыслом как по форме, так и по содержанию.

К сожалению, нам неизвестна дата написания стихотворения, так как сам автор их не датировал. По воспоминаниям самого Фёдорова, «Лет двадцать-двадцать пять, оно пролежало – не то в столе, не то в бочке со всевозможными записями»³. Известно, что автором стихотворения было написано в достаточно молодом возрасте в период становления его творческого и личного мировоззрения. Однако в итоге оно дождалось своего часа и остаётся актуальным в настоящее время [4, с. 34]. Приведём стихотворение полностью:

– Там, на горе,
Построен будет храм, –
Сказал Строитель,
Показал на камень. –
Возьмёшь его обеими руками
И понесёшь,
И к сроку будешь там.

Счастливый тем,
Что я,
А не другой
Был в ранний час
Строителем замечен,
Я камень приподнял над головой
И, пригибаясь,
Опустил на плечи.

Понёс его на горные места,
Сбивая с трав предутренние росы,

² Администрация Междуреченского муниципального округа. Малая родина большого человека: Марьевка – Василий Фёдоров. URL: <https://mrech.ru/news/smi/2021/04/15/22697-malaya-rodina-bolshogo-cheloveka-marevka-vasilij-f.html> (дата обращения: 30.06.2024).

³ Фёдоров В.Д. О себе и близких // Фёдоров В.Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 53.

И не заметил сам,
Когда устал
И как решил,
Решил я камень сбросить.

И бросил бы,
И сел на камень тот.
Но, трудный путь усталостью итожа,
Спросил себя:
«А кто же понесёт
Его наверх?
Когда не я,
То кто же?!»⁴

Приведённое стихотворение отличается широтой обобщения и значимостью заключённой в ней идеи; для нее характерны предельная заострённость главной мысли, а также выразительность и экспрессивность языка. Название стихотворения Василия Фёдорова «Притча» ориентирует читателя на вышеперечисленные характеристические особенности этого жанра непосредственно. Согласно словарю В.И. Даля, притча – это «иносказательный рассказ, нравоученье, поученье в примере, басня»⁵. Также притча понимается как небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее моральное (либо религиозное) поучение в иносказательной форме [5, с. 86].

Само стихотворение наполнено аллюзией и реминисценцией, дающими возможности интертекстуального анализа текста.

По мнению Г.Г. Коптевой, аллюзивно-реминисцентно стихотворение отсылает нас к широко известному мифу о Сизифе [5, с. 87]. Мифического древнегреческого царя Сизифа, провинившегося перед богами и осуждённого ими вечно вкатывать на гору камень, который, достигнув вершины, каждый раз скатывался обратно вниз.

Однако если в мифе о Сизифе совершаемый тяжкий труд лишён смысла, то в стихотворении Фёдорова мы видим конкретный замысел, цель и задачу, стоящую перед лирическим героем. Сизиф – символ абсурдного состояния человека. А. Камю в своём про-

изведении «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» (1942) описывает положение мифического героя и приходит к выводу, что он счастлив, несмотря на свое абсурдное положение⁶. А. Камю объясняет этот парадокс через концепцию абсурдного счастья, показывая, что осознание и принятие абсурдности своей судьбы позволяет Сизифу обрести внутреннюю свободу и, в конечном итоге, найти смысл в самом процессе бесконечного труда. По мнению А. Камю, Сизиф счастлив именно потому, что перестаёт воспринимать свой труд как наказание и начинает видеть в нём форму существования. Такое осознание позволяет ему обрести автономию и некий внутренний мир, несмотря на внешнюю бессмысленность его усилий.

Нет сомнения, что лирический герой Фёдорова внешне напоминает мифологического Сизифа, обречённого бесконечно поднимать тяжёлый камень в гору. Камень, гора, постоянный и изнурительный труд – всё это действительно сближает образы. Однако при более детальном рассмотрении сходство между ними оказывается поверхностным, и становится важным ответить на вопрос: в чём же заключается их существенное различие?

Лирический герой Фёдорова не просто выполняет тяжкий труд ради самого труда – его усилия направлены к конкретной цели, указанной Строителем.

Придерживаясь этой позиции, можно подчеркнуть, что герой Фёдорова счастлив не из-за абсурдности своей задачи, а благодаря осознанию значимости своего вклада в строительство, заповеданное Строителем. В данном случае счастье героя происходит не от принятия абсурда, как у Камю, а от ощущения себя частью высшего замысла, дарующего смысл и радость его труду. Иными словами, образ лирического героя у Фёдорова ближе к христианскому пониманию смысла и цели жизни, нежели к философии абсурда.

Если обратиться к истории мифа о Сизифе, то следует вспомнить, что его истоки уходят к античному городу Коринф, где в 50–58 гг. н. э. находился апостол Павел, при-

⁴ Фёдоров В.Д. Человек: стихотворения и поэмы. С. 18.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО, 2003. С. 534.

⁶ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: перевод. М.: Политиздат, 1989. С. 222-319.

несший Благоую весть о Воскресшем Христе. В этом контексте интертекстуальный анализ Притчи Фёдорова открывает перед нами новую трактовку, позволяя увидеть в произведении намёк на христианское понимание истинного предназначения человека. В стихотворении действительно можно найти параллели с идеями, изложенными апостолом Павлом в Посланиях к Коринфянам. Особенно это касается тем жертвенности, терпения и труда ради духовного строительства.

В стихотворении Фёдорова образ строительства храма и ношения камня связан с глубоким символизмом, отсылающим к Священному Писанию. В 1-м послании к Коринфянам (3:10–11) апостол Павел пишет: *«Я, поданною мне от Бога благодатью, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нём; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»*. Толкуя данное послание, св. блаж. Феофилакт Болгарский пишет, что апостол Павел «Называет себя мудрым строителем не из высокомерия, но желая показать, что мудрому строителю свойственно полагать такое основание, то есть Христа. А что сказал это действительно не из высокомерия, видно из слов его: «по данной мне от Бога благодати», то есть моя мудрость не моё дело, но благодатный дар Божий»⁷. Здесь апостол Павел представляет духовное строительство, в котором каждый человек, осознавая свою роль, трудится во имя великого замысла с Христом как основанием. Этот принцип самоотдачи и соработничества в деле созидания напрямую пересекается с образом строителя из стихотворения Фёдорова.

Автор стихотворения с первых строк подчёркивает смысл предстоящего труда: *«Там на горе построен будет храм, – сказал Строитель»*. Упоминание Строителя с заглавной буквы указывает на Творца, а зна-

чит, на Божие участие в строительстве, неразрывно связанном с Божественным промыслом. Здесь строитель храма призывает героя к участию в Домостроительстве спасения, где каждый несёт свою часть в общем замысле. Лирический герой воспринимает это как призыв, исполняя поручение, которое доверил ему Строитель. Такое понимание труда отличается от образа Сизифа: если Сизиф несёт камень как наказание, то герой Фёдорова чувствует своё послушание как высшую цель и исполнение воли Создателя.

Аллюзии к библейскому образу камня также подчёркивают его символичность. В книге Бытия патриарх Иаков воздвигает камень, говоря: *«то этот камень, который я поставил памятником, будет (у меня) домом Божиим»* (Быт. 28:22). Преподобный Ефрем Сирин, толкуя данный библейский стих, приходит к мысли, что камень символически изображает тайну сокрытого в нём грядущего Христа и Церкви, в которой воздаются обеты и приношения всех народов, вошедших в нее⁸. Параллель текстов подчёркивает, что камень становится символом Дома Божия и образом ветхозаветного жертвенника. В Новом Завете образ камня также ассоциируется с Церковью: *«камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»* (Мк. 12:10). Здесь святой блаженный Феофилакт Болгарский указывает на «камень» как на Самого Господа⁹. В Деяния святых апостолов апостол Петр также описывает Христа как камень, на котором зиждется спасение: *«нет ни в ком ином спасения»* (Деян. 4:11).

Таким образом, Притча Фёдорова представляет строительство храма не как простой труд, но как участие в замысле Бога. Этот замысел раскрывается герою как задача, связанная со спасением людей. В Евангелии от Иоанна говорится о духовной основе Церкви

⁸ Прп. Ефрем Сирин. Толкования на Бытие 28:22. Глава 28 // Азбука веры: православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Gen.28:22#efrem-sirin-prp> (дата обращения: 30.06.2024).

⁹ Феофилакт Болгарский, блж. Толкования на Евангелие от Марка. Глава 12 // Азбука веры: православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Mk.12:10#feofilakt-bolgarskiy-blzh> (дата обращения: 30.06.2024).

⁷ Святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский. Толкование на 1-е послание к Коринфянам святого апостола Павла. Глава 3 // Азбука веры: православный портал. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-k-korinfjanam/3 (дата обращения: 30.06.2024).

и преемственности апостольского служения, где Иисус Христос нарекает апостола Петра Кифой, что значит камень: «*ты наречёшься Кифа, что значит: камень*» (Ин. 1:42). Святой праведный Иоанн Кронштадтский, подчёркивая значимость твёрдого и непоколебимого служения Христу, вдохновляющего на духовную стойкость и преданность, даёт ему новое имя Пётр, выражающее твёрдость его исповедания, а чтобы дать такое имя, нужно было видеть расположение души Симоновой и его будущую ревность по вере¹⁰. В этом контексте герой стихотворения, по примеру Петра, воспринимает своё служение как духовное преемство и ответственность, указывая на тесную связь между личной верой и общим делом, направленным на спасение других.

Призыв к соработничеству с Богом воодушевляет лирического героя стихотворения приступить к труду с энтузиазмом, ведь речь идёт о постройке храма – важнейшей цели Строителя. Однако по мере подъёма на гору, символизирующую труднодостижимые «горные места», герой сталкивается с физическими и духовными трудностями. После продолжительного пути, сопровождаемого усталостью, в его сознание закрадывается мысль бросить камень, что показывает его несовершенство: временную слабость и внутреннее сомнение. Телесный тяжёлый труд стал для героя преградой его изначальному воодушевлению и желанию угодить Строителю.

В этом тексте можно найти отсылки к ряду новозаветных образов, связанных с преодолением искушений, слабостей и трудностей на пути к исполнению воли Божьей. Рассмотрим некоторые из них, которые могут перекликаться с упомянутыми идеями.

Искушение Иисуса Христа в пустыне (Мф. 4:1-11). Здесь можно увидеть аналогию с образом искушения и преодоления слабости. Иисус Христос, испытываемый после долгого поста, испытывает искушения, кото-

рые стремятся поколебать его верность Божьему замыслу. Святой Феофилакт Болгарский пишет следующее: «Научая нас, что после крещения более всего должно ожидать искушений, Иисус Христос отводится Духом Святым, ибо Он ничего не делал помимо Духа. Отводится же Он в пустыню, чтобы показать нам, что дьявол искушает нас тогда, когда видит, что мы одни и не получаем помощи от других. Поэтому и нам не должно отказываться от совета других и полагаться на самих себя»¹¹. Можно сделать вывод, что лирический герой стихотворения, столкнувшись с искушением и усталостью, оказывается в состоянии внутренней изоляции. Подобно тому, как Христос был искушаем в пустыне, герой испытывает свои слабости, когда остаётся «один» – без поддержки и совета других. Его усталость и сомнение указывают на уязвимость, которая возникает, когда человек полагается только на собственные силы. Точно так же и герой текста сталкивается с «временной слабостью и внутренним сомнением», что можно трактовать как искушение.

Во 2-м послании к Коринфянам апостол Павел пишет: «сила Моя совершается в немощи» (2Кор. 12:9-10). Апостол Павел говорит о своей «немощи» как о пути к духовному укреплению, так как именно через слабость может проявиться сила Божья. По мысли прп. Ефрема Сирина, ожидание немощи (бедствий и скорбей) даёт силу благодати, которая в ней совершается¹². Лирическому герою приходится сталкиваться с физической и духовной усталостью, которая становится для него преградой. В то же время именно преодоление этой слабости может помочь ему укрепиться в вере.

Преодолевая в вере искушения, апостол Павел в послании к Галатам ободряет нас

¹¹ Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский, св. Толкование на Евангелие от Матфея. Глава 4 // Азбука веры: православный портал. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/4 (дата обращения: 30.06.2024).

¹² Ефрем Сирин, прп. Толкования на Апостола Павла 2-е послание к коринфянам. Глава 12 // Азбука веры: православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?2Cor.12:9#efrem-sirin-prp> (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁰ Иоанн Кронштадтский, прав. Толкования на Евангелие от Иоанна. Глава 1 // Азбука веры: православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Jn.1:42#ioann-kronshtadtskiy-prav> (дата обращения: 30.06.2024).

«Делая добро, да не унываем; ибо в своё время пожнём, если не ослабеём» (Гал. 6:9). В данном стихе апостол Павел призывает верующих не унывать в труде на благо Бога, даже когда это тяжело. Блаженный Феодорит Кирский, размышляя над этим библейским стихом, напоминает нам, что «Ничто горестное да не прерывает усердия к доброму»¹³. Герой, которому тяжкий труд становится преградой, нуждается в укреплении духа, чтобы преодолеть это сомнение и сохранить стремление «угодить Строителю».

Эти места из Нового Завета помогают понять духовный контекст происходящего с героем: его трудности – это неотъемлемая часть пути, через которые он укрепляется и получает возможность преодолеть искушения, оставаясь верным своему призванию.

Этот момент слабости и искушения подчёркивает конфликт, возникающий в душе героя. Его изначальное рвение угодить Строителю сталкивается с человеческой усталостью и тяготой пути, что заставляет его усомниться в своих силах. Подобная внутренняя борьба напоминает слова апостола Павла, обращённые к Римлянам: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:19). Святитель Амвросий Медиоланский, толкуя данный библейский текст, подчёркивает, что истинная вера требует полного упования на Божью благодать¹⁴. Апостол Павел указывает на противоречие между искренним стремлением человека к добру и ограниченностью его греховной природы, создающей преграды на пути к духовной цели. Лирический герой стихотворения, таким образом, испытывает не только физическую усталость, но и внутреннюю борьбу, в которой его плоть оказывается препятствием к осуществлению духовных идеалов и угождению Строителю.

Но герой стихотворения Фёдорова после короткого раздумья осознаёт, что не достаточно откликнуться только на призыв Божией, важно пройти этот путь до конца, претерпевая на пути различные препятствия и скорби. В стихотворении лирический герой сначала задумывается о том, чтобы сбросить камень, но затем понимает, что должен продолжить свой путь. Об этом во 2-м послании к Коринфянам пишет апостол Павел: «А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего» (2 Кор. 5:15).

Символика испытания через страдания обретает в стихотворении значение процесса внутреннего преображения, описанного апостолом Павлом во 2-м послании к Коринфянам: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16-18). Апостол Павел показывает, что временные страдания ведут к внутреннему обновлению, возвышающему душу к вечной славе. Святитель Иоанн Златоуст, комментируя этот библейский фрагмент, пишет, что обновление внутреннего человека совершается «верою, надеждою, ревностью»¹⁵. Подобно и герой стихотворения преодолевает сомнения и усталость, осознавая ценность и значимость своего труда. Именно труд, хотя и тяжкий, становится для него средством духовного роста и приближения к истинной цели.

Таким образом, в стихотворении, как и в посланиях апостола Павла, подчёркивается значимость труда, жертвенности и самоотдачи ради духовного строительства. Оба текста указывают на то, что само преодоление трудностей и стремление к Божию соработничеству являются важными аспектами христианской веры и способствуют преображению души, приближая человека к духовному совершенству.

Апостол Павел говорит о том, что верующие должны жить не ради своих интересов, но ради Христа и его миссии (Гал. 2:20;

¹³ Феодорит Кирский, блж. Толкования на Апостола Павла послание к галатам. Глава 6 // Азбука веры: православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblio/in/?Gal.6:9#feodorit-kirskiy-blzh> (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁴ Амвросий Медиоланский, свт. Толкования на Апостола Павла послание к римлянам. Глава 7 // Азбука веры: православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblio/in/?Rom.7:19#amvrosiy-mediolanskiy-svt> (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁵ Иоанн Златоуст, свт. Толкования на Апостола Павла 2-е послание к коринфянам. Глава 4 // Азбука веры: православный портал. URL: <https://azbyka.ru/biblio/in/?2Cor.4:16#ioann-zlatoust-svt> (дата обращения: 30.07.2024).

2 Кор. 5:15; Рим. 14:7-8; Фил. 1:21). Труд во имя Христа, несмотря на усталость и искушение отступить, преобразует человека и делает его частью Божиего замысла.

Стихотворение В. Фёдорова «Притча» представляет собой размышление о духовном подвиге, осмысленном выборе и самоотверженности, с которыми герой принимает на себя труд во славу Божию. В отличие от Сизифа, чьё бессмысленное и бесконечное усилие Камю объясняет через абсурдное счастье, лирический герой Фёдорова обретает истинное счастье в созидательном труде и соучастии в Божественном замысле. Преображение его души проявляется в решимости выполнить свою задачу, осознанно принимая на себя тяжёлый труд строительства храма. Даже в моменты усталости и сомнения, когда у героя возникает желание «бросить камень», он, преодолевая своё человеческое колебание, задаёт себе вопрос: «Когда не я, то кто же?»

Эта фраза, наполненная личной ответственностью, определяет выбор героя и подчёркивает его верность порученному делу. Его стойкость тесно связана с христианским осмыслением труда, где счастье возникает не через самоцельное усилие, а в соучастии дела Божия. Лирический герой осознаёт, что, даже если он отступит, найдутся другие помощники, способные взять на себя это благое дело. Однако мысль «если не я, то кто же?» наполняет его решимостью продолжать труд. Ответственность за свои действия перед Богом и людьми проявляется в осознанном стремлении исполнить волю Строителя, что, согласно Посланию Иакова, демонстрирует живую веру: «Какая польза, братья мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет?» (Иак. 2:14-17).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Форма притчи, избранная Фёдоровым, придаёт стихотворению назидательный характер, вводя читателя в мир, где земные реалии преобразуются через духовные приоритеты. В центре стихотворения – мысль о счастье, достигнутом посредством верности своему долгу и самоотверженного служения. Образ героя, выбравшего путь соработничества, напоминает читателю о жертвенности и самоотдаче, что является основой духовного совершенства. Притча как форма позволяет Фёдорову создать произведение, где реальность как бы растворяется в более высокой духовной истине: труд героя выходит за пределы его личной жизни и приобретает универсальный смысл.

Произведение Фёдорова остаётся актуальным и в наши дни. В современном обществе, где преобладают потребительские ценности и рационализм, находятся люди, готовые взять на себя не всегда заметные, но важные задачи. Эти люди выполняют работу, которая редко приносит им материальные блага или общественное признание. Однако, разделяя принцип «если не я, то кто же?», они продолжают служить другим, находя смысл и счастье в своём призвании. Стихотворение «Притча» актуализирует именно эти непреходящие ценности – самоотдачу и жертвенность, которые, несмотря на все сложности, позволяют человеку обрести подлинное счастье и духовную полноту.

Таким образом, Фёдоров в своей «Притче» подчёркивает идею о возможности человека находить счастье в самых трудных условиях, оставаясь верным избранному пути и оставляя свою лепту в замысле Божиим.

Список источников

1. Васнев Ф. Интертекстуальность в первом слове святителя Феофана Затворника о пожарах в Тамбовской губернии // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 3 (16). С. 174-186. https://doi.org/10.51216/2687-072X_2021_3_174, <https://elibrary.ru/queknz>
2. Карпова Г.И. Василий Дмитриевич Фёдоров. К 100-летию со дня рождения поэта: историко-биографические и справочные материалы, статьи о творчестве. Кемерово, 2017. 186 с.
3. Редькин В.А. Жанрово-стилевое своеобразие поэзии Василия Фёдорова (к 100-летию со дня рождения поэта) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 39-45. <https://www.elibrary.ru/yljgxz>

4. Коптева Г.Г. Василий Фёдоров. «Притча» // Актуальные вопросы филологии: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: Науч. изд. центр «Абсолют», 2018. С. 30-35. <https://elibrary.ru/ytwuhb>
5. Коптева Г.Г. В. Фёдоров и А. Камю: Притча и эссе об абсурде («Притча» В. Фёдорова и «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» А. Камю) // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2020. С. 85-88. <https://elibrary.ru/rgcwue>

References

1. Vasnev F. Intertextuality in the first word of St. Theophan the recluse about fire in Tambov province. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii*, 2021, no. 3 (16), pp. 174-186. (In Russ.) https://doi.org/10.51216/2687-072X_2021_3_174, <https://elibrary.ru/queknz>
2. Karpova G.I. Vasily Dmitrievich Fedorov. *On the 100th Anniversary of the Poet's Birth: Historical, Biographical and Reference Materials, Articles on His Work*. Kemerovo, 2017, 186 p. (In Russ.)
3. Redkin V.A. Genre and stylistic originality of the poetry of Vasily Fyodorov (to the 100th anniversary of the poet). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya = Vestnik TvGU Series: Philology*, 2018, no. 3, pp. 39-45. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yljgxz>
4. Kopteva G.G. Vasily Fedorov. "Parable". *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy filologii: teoriya i praktika» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Philology: Theory and Practice"*. Volgograd, Scientific Publishing Center "Absolyut", 2018, pp. 30-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytwuhb>
5. Kopteva G.G. V. Fedorov and A. Camus: parable and essay on absurdity ("Parable" by V. Fedorov and "The myth of Sisyphus. Essay on absurdity" by A. Camus). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy filologii: teoriya i praktika» = Proceedings of Materials of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Research and Teaching of Native Languages and Literatures"*. Cheboksary, Sreda Publishing House, 2020, pp. 85-88. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rgcwue>

Информация об авторе

Священник Николай Николаевич КИРЕЕВ, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0008-3651-3170>, okolianka@mail.ru

Вклад в статью: идея статьи, анализ научной литературы, написание текста статьи, редактирование текста.

Поступила в редакцию 14.09.2024

Поступила после рецензирования 01.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Nikolay N. Kireev, Priest, Cand. Sci. (Economics), Research Scholar, Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-3651-3170>, okolianka@mail.ru

Contribution: study idea, scientific literature analysis, manuscript text drafting, text editing.

Received September 14, 2024

Revised November 1, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-920-931>

Шифр научной специальности 5.9.1

«Смерть в Москве» Ю. Алешковского: мортальные образы, повествовательная стратегия, жанрово-тематические особенности

Ришат Ильдарович Максинаев

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

 maksinyaev.rischat@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено изучению жанрово-тематического и нарративного своеобразия повести Юза Алешковского «Смерть в Москве». Целью исследования является выявление специфики танатологического дискурса и дискурса политического и этнического анекдота, оформляющих своеобразную поэтику и эстетику фантастического и мистического повествования. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования явилась малоизученная повесть Юза Алешковского «Смерть в Москве» (1985). Ключевым методом стал метод целостного анализа художественного произведения, а также использован мотивный и нарративный подходы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлено, что центральные сюжетные эпизоды повести выполняют карнавальную функцию, тогда как художественные приёмы определяют авторскую стратегию. На повествовательном уровне она воплощена во взаимозаменяемости и тождественности повествования от третьего и первого лица как минус-приём и якобы «снятие» авторской маски в использовании техники потока сознания. На сюжетном уровне – это вставные анекдоты и новеллы, сатирически изображающие образы советской власти, мотивы смерти, антипочвенничества, космополитизма. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Приём снижения образов советской власти в область материально-телесного низа становится в повести Юза Алешковского не только ведущим приёмом, но и приобретает ритуальную сакральность: так писатель, с одной стороны, восстанавливает баланс мифологического и бытового, государственного и частного, близкого и далёкого. С другой стороны, в противовес официальной он создаёт свою мифологию – мифологию народного анекдота, роман-анекдот, посвящённый смеховому осмыслению смерти умирающего и умерщвляющего советского государства.

Ключевые слова: повесть Юза Алешковского, танатологический дискурс, образы и метафоры смерти, анекдотизация исторического дискурса, политическая сатира, мениппея

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Финансирование работы отсутствует.

Для цитирования: Максинаев Р.И. «Смерть в Москве» Ю. Алешковского: мортальные образы, повествовательная стратегия, жанрово-тематические особенности // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 920-931. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-920-931>

“Death in Moscow” by Yuz Aleshkovsky: mortal images, narrative strategy, genre-thematic features

Rischat I. Maksinyaev

Ogarev Mordovia State University

68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation

✉ maksinyaev.rischat@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The research is devoted to the study of genre-thematic and narrative peculiarities of Yuz Aleshkovsky's story “Death in Moscow”. The purpose of the work is to reveal the specifics of thanatological discourse and discourse of political and ethnic anecdote, which form a peculiar poetics and aesthetics of fantastic and mystical narrative. **MATERIALS AND METHODS.** The material of the study is the little-studied Yuz Aleshkovsky's novella “Death in Moscow” (1985). The key method is the method of holistic analysis of the artwork, and we also used the motive and narrative approaches. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is established that the central plot episodes of the story perform a carnival function, while the artistic methods determine the author's strategy. At the narrative level, it is embodied in the interchangeability and identity of third-person and first-person narration as a minuscule technique and the alleged “removal” of the author's mask in the use of stream-of-consciousness techniques. At the plot level, these are inserted anecdotes and short stories that satirically depict images of Soviet power, motifs of death, anti-pochevanism, and cosmopolitanism. **CONCLUSION.** In Yuz Aleshkovsky's story, the technique of reducing the images of Soviet power to the realm of material and corporeal bottom becomes not only a leading technique, but also acquires a ritual sacredness: on the one hand, the writer restores the balance of mythological and everyday life, public and private, near and far. On the other hand, in opposition to the official mythology, he creates his own mythology – the mythology of the folk anecdote, a novel-anecdote, devoted to the laughing comprehension of the death of the dying and dying Soviet state.

Keywords: Yuz Aleshkovsky's story, thanatological discourse, death images and metaphors, anecdotization of historical discourse, political satire, menippea

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Maksinyaev, R.I. “Death in Moscow” by Yuz Aleshkovsky: mortal images, narrative strategy, genre-thematic features. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):920-931. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-920-931>

ВВЕДЕНИЕ

Повесть «Смерть в Москве» (1985), написанная в начале эпохи «гласности и перестройки», представляет собой рецепцию образа советской России в инокультурных условиях эмигрировавшего в США Юза Алешковского, уже имеющего «статус» представителя русского зарубежья «третьей волны». Актуальность исследования объясняется необходимостью исследования художественного своеобразия «Смерти в Москве» для выявления специфики авторской стратегии творчества писателя, в частности, и для создания

целостной картины прозы эмиграции «третьей волны», в целом.

Заметим, что повесть Юза Алешковского до сих пор не имеет целостного литературоведческого осмысления. Можно выделить лишь две значимые работы, посвященные этой повести. Во-первых, это литературно-критическая статья поэта Юрия Кублановского [1, с. 393]; во-вторых, более позднее литературоведческое исследование Дж. Коппера [2, с. 144], написанное к 75-летию юбилею писателя. Так, Ю. Кублановский рассматривает эту повесть с позиции поэта, художника, выделяя в ней такие жанровые признаки, как

«политический гротеск», «оригинальную сатиру», «яростную поэтическую патетику» [1, с. 393], а также отмечает, что «книги его (и «Смерть в Москве» в частности) своею карающей физической энергией перехлестывают приличия чисто литературного жанра» [1, с. 394]. Безусловно, Кублановский имеет в виду не чисто художественные цели автора, а цели более прагматические. Публицистичность, политическая, «диссидентская» специфика свойственна большинству произведений писателя – яркого противника всякой «литературщины» и соцреализма. Однако при этом он сумел отразить характер эпохи, сатирически изобразить «простого советского человека», вождей и многих государственных деятелей именно с точки зрения народной смеховой культуры, то есть через жанровые элементы анекдота, бранные речевые жанры, полузабытые жанры менипповой сатиры и диатрибы. Но, с другой стороны, автор статьи справедливо отмечает парадоксальную художественность, сочетающуюся с нелитературностью его произведений в целом: «Алешковский художественно, а не историографически реконструирует жуткую личность Мехлиса в день его смерти» [1, с. 394]. Справедливости ради подчеркнём, что прозаик не мог использовать серьёзные исторические труды о Мехлисе: их ещё в советскую эпоху написано не было. Первое серьёзное историографическое исследование о Л.З. Мехлисе появилось лишь в самом конце XX века после рассекречивания документов и архивов ФСБ [3]. Так, Ю.В. Рубцов, рассматривая образ Мехлиса, отмечает: «Имя Мехлиса ассоциируется с периодом утверждения в СССР тоталитарной системы власти, с пропагандистским обоснованием и освещением в нужном для сталинского руководства духе всевозможных компаний. Это и форсированная сверх всяких норм индустриализация, и насильственная коллективизация, и позорные судилища над идейными противниками вождя, и, наконец, массовые репрессии военных кадров накануне и в годы Великой Отечественной войны. Так что в памяти людей Мехлис остался верным сталинским опричником» [3, с. 6].

Дж. Коппер, в отличие от Ю. Кублановского, делает акцент на танатологическом и

мифологическом дискурсе романа. Он считает, что автор – «внимательный ученик Толстого и Гончарова. Он развивает мотив «иронии смерти», выдвигая и поддерживая пространственную метафору, характерную для образности «Смерти Ивана Ильича» и «Обломова»» [2, с. 147]. Кроме того, литературовед отмечает «три особенности, которые выходят за рамки реалистического жанра: фантазия, аллегория и изображение известного исторического деятеля как носителя общего опыта» [2, с. 147].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования явилась малоизученная повесть Юза Алешковского «Смерть в Москве» (1985). Ключевым методом стал метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому повесть Юза Алешковского рассматривается в единстве поэтики и проблематики. Мы также использовали мотивный (для выявления мортальных мотивов) и нарративный (для осмысления авторской повествовательной стратегии) подходы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Повесть Ю. Алешковского «Смерть в Москве. Сочинение на свободную тему» уже в своём двойном, поясняющем, названии содержит метапоэтический метатекст-комментарий – «сочинение на свободную тему», что указывает на специфику авторской репрезентации в тексте и фантастический способ изображения исторической эпохи и известного исторического деятеля.

Определённый метатекстуальный код содержит и двойной эпиграф к тексту. Первый – «Двум смертям не бывать, а одной не миновать» – пословица, считающаяся суворовской крылатой фразой – апеллирует к фольклорному дискурсу – к пословицам военно-танатологической тематики. Очевидно, что автор скрыто противопоставляет аскетический образ фельдмаршала графа А.В. Суворова образу далеко не аскетичного Л.З. Мехлиса, тоже военного высокого ранга, но вовсе

не имеющего таких личностных качеств и высоких достижений в военной науке.

Второй – это ироническое обращение к якобы авторитетному покойному педагогу-методологу марксистско-ленинского толка – Дмитрию Николаевичу Никифорову, которого автор фамильярно в скобках называет «Дюдя» (то есть «дедушка»). При этом пародийно искажает название сочинения покойного: «Мел и тряпка на уроках истории» вместо «Наглядность в преподавании истории и обществознания» [4], что «выворачивает наизнанку» саму методологическую идею наглядности, сведённую в пародийном искажении к её отсутствию. Кроме того, очевидно, что прозаик иронически намекает на памфлетность и карикатурность исторического воспитания в советской школе (содержащейся и в методичке Д.Н. Никифорова и С.Ф. Скляренко). При этом зеркально этому методу поступает в своей сатирической повести, предельно карикатурно изобразив Л.З. Мехлиса в жизни и в посмертии.

Повествование в повести ведётся от третьего лица, что для автора является не просто новым приёмом, а становится пародийно-игровым маркером якобы «снятия» авторской маски как *маски речевой, являющейся стилистическим приёмом* [5, с. 74-75]. Но также и примериванием другой маски – маски «элитарного» (псевдоэлитарного), авторитарного письма, но намеренно сниженного, действующего как «минус-приём» [6]. Это связано с тем, что Юз Алешковский в ранних произведениях придерживается формы я-рассказа, личностно обозначенного, эксплицитного рассказчика, скрываясь за маргинальным героем, совершающим маргинальные поступки и говорящим маргинально. Как правило, он – герой, который или вор-карманник, или плут-трикстер, антигерой, персонаж, который своими поступками и речевым поведением представляет прямую противоположность герою соцреалистической литературы.

Таким образом, в этой повести писатель осваивает новую форму повествования – «от третьего лица». Но повествование это парадоксально содержит прямые оценки, риторику брани, инвективы, сочетая различные жан-

ровые признаки, более присущие публицистическим жанрам и жанрам речевым, нежели художественным, – диатриба (обличительная речь), памфлет (статья на политическую тему обличительного содержания), инвектива (бранная речь). В целом – исходя из целого комплекса минус-приёмов, нарушением социальных норм, изображением табуированной телесной жизни и интимных подробностей частной жизни и даже субкультурной реальности – *является жанровым вариантом мениппеи* [7]. Жанровые элементы диатрибы, инвективы и памфлета относятся к инстанции нарратора, который не совпадает с автором реальным, но максимально близок к нему, поскольку отражает авторское отношение к некоторым политическим и государственным деятелям советской эпохи. Естественно, что все эти межжанровые признаки более всего относятся к отступлениям и весьма пространственным рассуждениям нарратора, выражающего открытую авторскую оценочную позицию по отношению к политическим деятелям (начиная от Ленина и заканчивая самим Мехлисом). Поэтому не случайно указание в названии повести, что это «сочинение на свободную тему», поскольку автора уже не сковывают рамки сказовой формы повествования, а также чёткие жанровые границы или непроницаемость авторской позиции, как правило, разлитой в целом произведении, характере сюжета, развязке и других иносказательно, семантически или аллюзивно выраженных индициальных знаках – сигналах авторской позиции. Именно авторская позиция в повести выражена *намеренно избыточно, виртуозно выстроены бранные выпады с помощью каламбуров, пейоративной лексики, мата, ругательств и прямых оценок*. Это – вывернутая наизнанку схема идеализированного, не существующего советского мира, изображаемого бесчисленными производственными, революционно-романтическими и героическими романами соцреализма. Несомненно, что для Юза Алешковского основная точка отталкивания – это соцреализм и советская мифологизированная действительность, поскольку автор – один из отцов соцарта, объект его сатирических и обличительных выпадов – вожди и деятели советского

государства и так называемые строители «светлого будущего», строители «коммунизма». Поэтому важнейшим жанровым определением произведения будет сатирический роман с признаками политического памфлета (романа-памфлета).

В начале текста – экспозиции – даётся тезисно и лаконично «предыстория» Л.З. Мехлиса. Его образ – это образ человека с «отталкивающей преданностью» к Сталину, который «пошёл в гору по удобнейшему пути к вершине власти, вымощенному трупами врагов и друзей без различия пола, возраста, национальности и вероисповедания»¹. Автор локализует расхожую языковую метафору «вершина власти» ленинским мавзолеем – символом кровавого сталинского режима, частным вершителем которого и был Мехлис: «он опирался во время парадов и похорон скинутых с мавзолея сослуживцев на кровавый бруствер мраморной усыпальницы Ленина – родителя нынешних властолюбцев...» (с. 320). Мортальные образы, которые звучат повторами-лейтмотивами, – «кровавый бруствер», «мраморная усыпальница Ленина» и др. – деконструируют сакральные эмблемы, символы и мифологемы, присущие соцреализму и советской культуре. Если в ранних текстах автор опирается во многом только на стихию народно-смеховой культуры, образы материально-телесного низа, во многом лишь на юмор и сатиру, то в «Смерти в Москве» происходит эволюция творческого метода писателя, а также углубляются и расширяются мировоззренческие основы его философии. Поэтому хронотоп изобилует танатологическими образами. Здесь уже автор уходит от крайних жанровых моделей сатирического соц-арта, бывших в «Николае Николаевиче», «Кенгуру», «Маскировке» и др. В «Смерти в Москве», наряду со смеховым модусом повествования, используется риторика «серьёзного прямого слова» (хотя этот приём характерен как для более раннего «Кенгуру», 1975, так и для более поздней повести «Синенький скромный платочек...», 1980); а также образы, символы и мотивы

танатологического дискурса, зачастую смеховая стихия редуцируется в брань, обценную лексику, «однотонное слово» [7] современности. Такая эволюция свидетельствует о глубинных процессах осмысления сталинского режима Юзом Алешковским в инокультурных социально-психологических условиях эмиграции в США, освободивших автора от вполне объяснимых психологических реакций в виде почти подросткового юмора и сатиры на советскую действительность (например, «Николай Николаевич», 1970). Углубление и мифопоэтизация образов советской власти в виде актуализации архетипа смерти и её советской социокультурной атрибутики в романе – *один из приёмов изображения как смерти государства через частный пример смерти «маленького вождя» (тени Сталина), так и в целом через систему повторов-лейтмотивов образов умерщвляющей и умирающей советской власти.* С другой стороны, этот текст – *исследование частного случая человека у власти при сталинском режиме, что имеет не только символично-аллегорическое значение, но также обретает и форму прямого памфлета (с жанровыми элементами диатрибы и инвективы, а в целом – мениппеи).*

Для понимания социокультурного контекста необходимо оговориться, что танатологическая тематика была весьма характерна для официальной советской культуры. Известно остроумное высказывание М. Жванецкого (входил в литературную группу «Багачь» вместе с Ю. Алешковским в начале 1990-х): «Ничто так не сплачивает народ, как похороны руководства», касающееся, конечно, смерти советских вождей – Сталина, Брежнева, Черненко, Андропова. Культ смерти, некрологов и панегириков, похорон и мавзолеев, изображения жертвенных смертей героев в соцреализме, в целом гиперболическая эстетизация и пафосная героизация смерти – характерная черта советской культуры и литературы (например, красноречиво об этом говорит известный советский речевой штамп «пал смертью храбрых»). Сюжет «смерть героя» по сути своей глубоко мифологичен, отражает не только исторические реалии Советского Союза, но и встроен в мифопоэтику

¹ Цитаты приведены в тексте с указанием страниц по книге: *Алешковский Юз. Собрание сочинений: в 3 т. М.: ННН, 1996. Т. 2. С. 320.*

соцреализма («Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Разгром» А. Фадеева, «Четвертая высота» Е. Ильиной и мн. др.).

В экспозиции повести прозаик предельно тезисно, почти протоколно, фиксирует все достижения Л. Мехлиса в рамках стратегии жанра памфлета: провал крымской операции совместно с Будённым; «сковывал политическим руководством инициативу ремесленников Отечественной войны, а солдаты и офицеры подыхали и уродовались на поле напрасного боя»; в 30-е – «неподкупный рыцарь партийной бойни» (с. 323-324).

Л.З. выказывает невежество в обращении с трофейными предметами. Его дом – это музей, своего рода «гроб» (дериват мавзолея – параллель к образу ленинского мавзолея) для живого человека, неестественно живущего среди древних экспонатов, собственники которых десятки и сотни лет назад умерли. Среди настроенных против Л.З. вещей-экспонатов есть две вещи, ассоциирующиеся с загробным миром и трансцендентностью, – трофейные зеркало (с. 319) и арфа (с. 330).

Важен и в контексте танатологического дискурса и мотив смерти-возрождения (перерождения) – перерождение Л.З. из еврея в коммуниста, в человека нового типа и качества (с. 326). Но здесь «перерождение» нужно понимать с негативной коннотацией.

В повести подвергается переосмыслению мифологема героической смерти в советской культуре. В советской публичной культуре – смерть – отнюдь не бытовое явление, а явление высокое, идеологически насыщенное, жертвенно-героическое (культура похорон вождей, мавзолей Ленина, сюжет «смерть героя» в соцреализме и др.). У Аleshkovского наблюдается приписывание образам и символам (эмблемам) советской власти функции умерщвления, гиперболическое подчёркивание её кровожадности и болезненной смертности (утрирование и гротескное изображение «дела врачей»).

Название раскрывает идею повести. «Смерть» можно прочесть как троп («Смерть в Москве» равно «Смерть, находящаяся в Москве»), приписывающий смерти антропоморфность (Танатос, ангел смерти). Поэтому

название «Смерть в Москве» воспринимается как фигура речи, обозначающая возмездие, фатум. Москва – столица СССР. Она является и дериватом советской власти, и топосом её сосредоточения. С другой стороны, в повести повествуется о смерти Л.З. Мехлиса, который в действительности умер за три недели до смерти И.В. Сталина. Мехлис – alter ego Сталина. Его правая рука. Тень, погибнув, забрала с собой и хозяина. Поэтому антропоморфное прочтение названия романа указывает на такое мистическое осмысление автором исторических событий сталинской эпохи как эпохи смерти, смертей и кровожадности – образов умерщвляющей и умирающей власти. Не случайно громкое, гротескно изображённое «дело врачей» и мехлисовская выходка еврея-юдофоба показывает такую смерть – смерть больного человека и смерть метафизическую, духовно-нравственную. Очевидные ориентиры Ю. Аleshkovского на русскую классику – это «Смерть Ивана Ильича» (1886) Л.Н. Толстого и «Бобок» (1873) Ф.М. Достоевского.

Рассмотрим ключевой эпизод повести – встречу двух евреев Л.З. Мехлиса и Рахили Израилевны Раппопорт. При всей серьёзности и драматичности этого эпизода нужно понимать, что Ю. Аleshkovский именно тот писатель, который способен серьёзный эпизод сделать анекдотичным, а смешной – серьёзным и даже драматичным. Эту ситуацию мы наблюдаем в эпизоде встречи двух евреев. Заметим также, что сам по себе сюжетный мотив «встреча двух евреев» типичен для жанра советского анекдота. Абсурдна, как в анекдоте, сама возможность встречи бывшего министра Госконтроля СССР и обычного советского участкового врача. Представим это в более структурированном виде: 1) встреча двух евреев (анекдотический сюжетный мотив); 2) встреча «маленького человека» и «сильного мира сего», представителя тоталитарной власти, министра, «маленького вождя» (снова типичный сюжетный мотив советского политического анекдота). Очевидно, автор в этом сюжетном эпизоде контаминирует два типа советских анекдота – о евреях и советских вождях. Отметим, что в жанре советского политического анекдота

происходит тотальная карнавализация: увенчания – развенчания образов дискурса официальной советской власти, осмеяние – разоблачение, столкновение верха (власти) и низа (народа). Однако в этом эпизоде типичный политический подтекст *глубоко усложнён проблематикой национальной идентичности, пресловутым анахроническим «еврейским вопросом»*, возникшим в контексте борьбы с космополитизмом в СССР в 1948–1953 гг., во многом имевшей антисемитскую направленность и напрямую связанной с «делом врачей». В остром межнациональном смысле историческая и художественная фигура Л. Мехлиса – это крайняя форма проявления юдофобии, причём самым же представителем еврейского народа. Именно этот момент для писателя еврейской национальности Юза Алешковского становится *экзистенциально важным, критически значимым, принципиальным*. Не случайно автор выбирает в качестве главного персонажа политического памфлета из всех возможных именно историческую личность Л.З. Мехлиса, хоть и крайне неприятную для самого автора. Безусловно, автора волнует проблема разобщения еврейского народа, возможно, уход от религиозных традиций (хотя автор был православным), атеизм некоторых его представителей. Как известно, Л. Мехлис говорил о себе: «Я не еврей, я коммунист» [8, с. 588]. Отрицание своей национальной идентичности в угоду марксистской идеологии представляется для Алешковского крайне возмутительным, своего рода *индикатором глубин духовного падения человека*, поскольку именно национальные и конфессиональные традиции народа составляют его основу, связывают с предками и с современными человеку национальными сообществами и группами. Оторванность Л. Мехлиса от почвы, в терминологии очень близкого автору почвенника Ф.М. Достоевского, принципиально важна оттого, что здесь «почву» (родину, традиции) отчасти заменяет национальная сплочённость и солидарность, с которыми бесповоротно порывает Л. Мехлис – как реальный, исторический, так и художественный персонаж романа: «Вот Л.З. и просиживал целыми днями в кабинете, прикидывая: как быть?

Сталинская стратегия тотального уничтожения евреев стала ему в основных чертах совершенно понятной. <...> Если бы Л.З. привлекли к решению еврейского вопроса, он, не задумываясь, отдал бы все свои силы и организаторские способности уничтожению всех евреев, отказавшихся от ассимиляции и не пожелавших забыть навек о заветной встрече в следующем году в Иерусалиме. Но Л.З. никто не собирался привлекать к окончательному, советскому, варианту решения еврейского вопроса... Что делать?.. Скажите мне, что делать, и я переверну эту кремлёвскую шарашку, набитую юдофобами, не делающими никакого различия между Мехлисом и какими-то перецами феферами, – сионистской продажной бандой... Я выхожу... Мехлис выходит из игры... посмотрим, хватит ли у тебя, чёрная жопа, времени разобраться не только с еврейским, но и с русским, с украинским, с грузинским, с литовским, нанайско-чукчевым и адыго-бурято-эстонско-таджикскими вопросами... анализы внутреннего положения в стране... Именно слово «анализы» подсказало Л.З. основную стратегию последующего поведения» (с. 406).

Так, уже агонизирующий, больной Мехлис после того как претерпевает фиаско во внутрипартийной борьбе со Сталиным (оказалось, что анализы Мехлиса вероломно подделывали его любовницы и личные медсёстры Верочки, и он смертельно болен), в отчаянии вызывает по стационарному телефону участкового врача из *обычной советской поликлиники*. Еврей-юдофоб Мехлис возмущается, что прислали из поликлиники врача еврейской национальности, Рахиль Израилевну Раппопорт, которая при этом ещё и картавит (как это и положено в советских анекдотах о евреях). При этом Мехлис передразнивает её речевой дефект, копируя картавость: «Я тебя, гадючка, раздавлю, как мокгицу» (ответ регистраторше из поликлиники); «Гапопогт... Гапопогт...» (с. 384-385). Однако вся эстетическая и карнавальная суть этого эпизода заключается в том, что автор (согласно жанровым особенностям мениппеи) переворачивает сюжет наизнанку («игра верхом и низом», «нарушение социальной нормы»): всесильный «маленький вождь»,

министр Госконтроля СССР внезапно оказывается на месте простого обывателя, сталкиваясь с типичным советским хамством в системе медицинского обслуживания населения:

«—Почему Раппопорт?.. Что у вас там больше никого для меня нет, понимаете? — чуть ли не визжал, выходя из себя, Л.З. <...>

—А ты сам-то, Мехлис, не из вашего брата случайно? — довольно здраво спросила сестрица-регистраторша и торжественно хихикнула.

Л.З. выпучился на трубку, потом шваркнул её об аппарат <...> (с. 384).

Так же маргинально-перевёрнуто поступает и сама участковый врач Рахиль Израилевна Раппопорт, буквально отказываясь выполнить клятву Гиппократу, причём своему соплеменнику: «Бросился было, хотя оружия вовсе не имел, но непредвиденная встряска сузила сосуды мозга до непереносимого страха. Ноги подогнулись, он, как мешок, свалился на диван и побелевшими губами умоляюще прошептал:

— Укол... укол... плохо...

Может быть, всего, что случилось, милая, добрая женщина — человек и врач — никогда себе не простила бы, но в те минуты, глядя на обмякшего товарища Мехлиса, возжаждавшего наконец-то помощи, она без малейшего желания превозмочь подступившую ко всему её существу гадливость, еле сдерживая слёзы обиды, унижения, ненависти и непонимания, сказала:

— Ты — мгазь... плюгавая мгазь и выгдок... ты можешь подохнуть у меня на глазах... я не хагну в твою гошу, потому что бгезгую тгатить на тебя человеческую слюну... дегьмо... мокгица... <...>

— Да. Ты — жалкая, плюгавая мгазь, — спокойно повторила женщина и направилась к двери, накидывая на себя пальто. Перед тем как выйти, она обернулась и добавила. — Ты и тебе подобные — не люди... вы даже не мокгицы... вы — неогганическое дегьмо. Не забудь мою фамилию: Гаппопогт. Гахиль Израилевна Гаппопогт...

Впавший в столбняк Л.З. смог только передразнить врача:

— Гаппопогт... Гаппопогт...

Дверь захлопнулась» (с. 384-385).

«Дело врачей» и юдофобская выходка Л.З. «превысило возможность продвижения жизни». Иначе говоря, автор *интерпретирует* события советской истории, рассказывая свою *альтернативную* историю: смерть Л.З., а затем и Сталина — как цепь причинно-следственных связей, когда «дело врачей» в общем контексте борьбы с космополитизмом в последние сталинские годы стало последней каплей терпения. То, что «превысило жизнь на чаше весов», что сюжетно обозначено передачей «своего подопечного с крыльев на крылья иным — суровым, абсолютно безжалостным Воинам» (с. 386). В философско-мистической концепции Юза Аleshковского ангел-хранитель оставил Л.З. и поручил его ангелу смерти. В романе этот момент центральный и кульминационный, показывающий символический и фактический предел жизни, который предопределяет смерть. Схожей анекдотической матрице подчиняется и сюжет «два еврея в бункере» — Розенблюм и Мехлис, оказывающиеся запертыми в ядерном бункере по халатности пьяных инженеров.

Таким образом, нужно отметить следующие центральные сюжетные эпизоды повести, выполняющие карнавальную функцию, и художественные приёмы, определяющие авторскую стратегию.

1) На уровне повествования — спонтанность переходов от основного повествования к анекдотам и новеллам дополнительно «снижает» якобы «нейтральный» стиль псевдоповествования от 3-го лица, сохраняя стилистические признаки привычного для автора я-рассказа (ненормативную лексику, разговорный стиль, спонтанность, индивидуализацию речи, фрагментарность, хаотичность и ассоциативность в сочетании и порождении микромотивов и образов):

а) взаимозаменяемость и тождественность повествования от 3-го и 1-го лица, их парадоксальная «стёртость», как минус-приём и якобы «снятие» авторской маски;

б) техника потока сознания (внутренняя монологическая речь) в изображении внутренней речи Л. Мехлиса как сатирический приём «саморазоблачения»; несобственно-

авторское повествование в лице Л.З. Мехлиса («Сколько с ходу убито было бы зайцев!.. Дух захватывает... Но рябая харя осадил меня и заподозрил в узко-практическом эгоизме, а также в каком-то мистическом левачестве, папахивающем «львом другого типа»...» (с. 327));

в) всезнание нарратора и его возможность проникать в сознание героя.

2) На уровне сюжета:

а) вставные анекдоты и новеллы, сатирически изображающие образы советской власти, институты советской власти, образы вождей и государственных деятелей, генералов (например, комический эпизод с посещением советскими писателями застенок Лубянки; контаминация истории и анекдота в сюжетных линиях Мехлиса, Сталина, Ленина и Будённого);

б) мотив смерти концептуально и метафорически оформляет речь нарратора и понижает всю идейно-тематическую архитектуру повествования – *образы умирающей и умерщвляющей советской власти*;

в) мотив антипочвенничества, космополитизма в образе евреев и евреев-юдофобов (Мехлис, Раппопорт, Ройтман, Розенблюм, медсёстры Верста и Верлена);

г) «снижение» образов советской власти в область материально-телесного низа, через утрирование медицинских процедур (микробиологические исследования (сатирический образ микробиолога Розенблюма), анализы кала, мочи и мокроты вождей; акцент на запахе биологических материалов, акцент на половой, интимно-физиологической жизни Мехлиса и вождей: совокупления, дефлорации, испражнения и т. п.) и др.

В эпизоде передачи Верстой и Верленой секретной информации Мехлису о состоянии здоровья Сталина приём спуска в материально-телесный низ образов власти (Суслов, Булганин, Ворошилов, Микоян, Каганович) мотивирован медицинскими терминами (кал, моча, мокрота), которые встроены в танатологическую тематику романа и подчёркивают постоянное пограничное состояние между жизнью и смертью, между увенчанием и развенчанием образов советских вождей. Автор при этом вводит *мортальный неологизм* –

смертины, которые находят в крови советских вождей и самого Мехлиса.

В повести с отчётливой мифопоэтикой смерти постоянно вербализуются нарратором различные образы и метафоры смерти – дериваты смерти, осмеяние смерти, отождествление пограничных состояний со смертью, спускание образов советской власти в материально-телесный низ сюжетно (через действия Мехлиса, Будённого – их половыехождения) и через речевое поведение нарратора, испытывающего карнавальную свободу. Смерть и смех семантически отождествлены, поскольку авторская концепция – это беспощадное спускание в материально-телесный низ, то есть в символическо-хронотопические эквиваленты образов смерти, всего советологического дискурса.

Поэтому Эрос и Танатос здесь тоже выступают как семантические эквиваленты. Такую же семантическую связанность отмечает и Ю.М. Лотман: «Непрерывность процесса размножения коллективной жизни антитетически связана с принципиальной прерывностью индивидуального бытия» [6, с. 419]. Мотив смерти, опустошённости, пустоты и бездуховности в образе палача Мехлиса, являющегося тенью и alter ego Сталина, проходит через весь текст, что отражается также в особенностях речевого поведения нарратора, содержащих метафоры смерти – эвфемизмы смерти, дериваты смерти, архетипические отождествления, приёмы аллегоризации, эмблемы, символы смерти и т. п. Мотив смерти при этом сопряжён с образами главных вождей – Сталина и Ленина. Танатологизация образов вождей намеренно утрирована и подвергает их образы мортальной десакрализации: «нужно кончить со Сталиным и начинать новую нормальную жизнь» (с. 372); Верста, по словам всезнающего нарратора, совращённая в детстве учителем истории, «заставит кончить даже мёртвого Ильича» (с. 373).

Речь нарратора изобилует не только языковой метафористикой (семантические/метафорические отождествления полового акта и акта смерти, отмеченные, например, у О.М. Фрейденберг [9, с. 106]), но при этом имеет смеховую семантику, выраженную ка-

ламбурной лексикой («кончить со Сталиным», «заставит кончить даже мёртвого Ильича»). Конгломерат различных подтекстов – мортальных, эротических, анекдотических, смеховых в единой концепции метафоры смерти, реализованной также в отождествлении Эроса и Танатоса, создаёт единую мифопоэтику повести, наполненной различными философскими, литературными и интеллектуальными дискурсами (мифологическими, раблезианскими, фрейдистскими, психоаналитическими, фантазмагорическими). Эта авторская стратегия, а также языковое поведение нарратора создают особую сюрреалистическую, отчасти барочную панораму жизни Л. Мехлиса, непрерывно совокупляющегося палача, находящегося в пограничной зоне – между жизнью и смертью; убивая своими распоряжениями людей, он сам не совсем является живым. Не случайно в начале третьей главы, смотря в зеркало, Мехлис не видит своего изображения (с. 371). Убивая, он сам становится потусторонним существом, приобретает черты существа загробного, нижнего мира. Поэтому в романе активно присутствует и монструозный мотив – образ палача-чудовища, исполняющего якобы долг перед исторической необходимостью (с. 355).

Кроме того, Л.З. Мехлис – всего лишь «один из...», поскольку в философских отступлениях нарратор вспоминает, не называя известных имён, и других соратников Сталина, переживших его и его тень – Мехлиса, но забытых советской властью и компартией и презираемых простым советским народом («По прошествии многих лет и палачи-долгожители...» (с. 355), противопоставляя Мехлису и имея в виду Молотова и Кагановича: Молотов дожил до 92 лет, а Каганович – до 93).

Отдельно как более живой и анекдотический персонаж выступает образ Будённого, который отчасти противопоставляется мёртвым советским вождям. Это, например, эпизод с профессором Вагиновым, занимавшимся проблемами сексологии в социализме-коммунизме, автор труда «Путеводитель по ЭС и БЭ», где есть целая глава, посвящённая «масслишдевству» молодых оби-

тательниц коммунальных общежитий. В этом эпизоде – анекдотизация советского исторического дискурса, связанного с 1920-ми годами, когда была провозглашена идеология «свободной любви» (общие жёны в коммунах) и полового воспитания. Здесь комический Будённый участвует в групповой дефлорации молодых обитательниц коммунальных общежитий.

К этому же типу нужно отнести и образ Л.И. Брежнева, он – ещё комиссар Мехлиса, рассказчик баек и анекдотов, очень весёлый человек: «Поёт. Пляшет. Байки весёлые тискает...» (с. 376-378). То есть образы советских вождей, генералов, собственно, номенклатуры намеренно фамильяризованы, показаны с точки зрения бытовой, телесной, неофициально-речевой реальности, приближены к фразеологической точке зрения дискурса народного политического анекдота как антитезы парадному официальному соцреализму.

Приём «снижения» образов советской власти в область материально-телесного низа становится не только ведущим приёмом, но и приобретает ритуальную сакральность: именно так прозаик восстанавливает баланс мифологического и бытового, государственного и частного, близкого и далёкого. С другой стороны, он создаёт собственную мифологию – мифологию народного анекдота, своего рода повесть-анекдот, посвящённый смеховому осмыслению смерти умирающего и умерщвляющего советского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение выделим общие особенности повести Ю. Аleshkovского, которые, заметим, характерны не только для «Смерти в Москве», но и для последующих произведений писателя.

Во-первых, приближение языка литературы к языку устной неформальной речи – фамильярной, народной, дружеской, бранной, блатной, обценной.

Во-вторых, высокая степень проникновения анекдотического дискурса – более того, матрицы политического и этнического анекдотов в архитектуру художественного про-

изведения, в целом – анекдотизация сюжета, языка, литературного героя.

В-третьих, изображение сознания «простого советского человека» как индикатора социального самосознания советского общества («двоемыслие» – мифологическое и реально-бытовое, опровергающее первое), а сознания советских государственных деятелей – через пародийно-сатирический и памфлетный модусы повествования.

В-четвёртых, мениппейность художественного метода – поэтика скандала, нарушения социальных норм, социальных дистанций, изображения маргинальных (непечатных) сторон жизни, интимно-бытовых подробностей частной жизни.

Наконец, повести свойственен барочный тип построения художественного образа при ориентации на вневременные вечные ценности и гуманистические идеалы.

Список источников

1. Кублановский Ю. Казнь Льва Мехлиса // Континент. 1986. № 49. С. 393-396.
2. Коппер Дж. Мифо-поэтическое мышление в романе Ю. Алешковского «Смерть в Москве» // ЮЗ! Чтения по случаю 75-летия Юза Алешковского / под ред. П. Майер, А. Свиридовой. М.: Три квадрата, 2005. 192 с.
3. Рубцов Ю.В. *Alterego Сталина. Страницы политической биографии Л.З. Мехлиса*. М.: Звонница-МГ, 1999. 304 с.
4. Никифоров Д.Н., Склярёнок С.Ф. Наглядность в преподавании истории и обществознания. М.: Просвещение, 1978. 319 с.
5. Осмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 288 с. <https://elibrary.ru/qxglwv>
6. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417-430.
7. Бахтин М.М. Проблемы творчества / поэтики Достоевского. Киев: Next, 1994. 511 с.
8. Лев Гумилёв: энциклопедия / сост. Т.К. Шанбай. М.: Художественная лит., 2013. 701 с.
9. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

References

1. Kublanovskii Yu. The execution of Lev Mekhlis. *Kontinent*, 1986, no. 49, pp. 393-396. (In Russ.)
2. Kopper J. Mythopoetic thinking in Aleshkovsky's *Smert' v Moskve*. *YUZ! Chteniya po sluchayu 75-letiya Yuza Aleshkovskogo* = *YUZ! Readings on the occasion of the 75th anniversary of Yuz Aleshkovsky*. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2005, pp. 144-162. (In Russ.)
3. Rubtsov Yu.V. *Stalin's Alterego. Pages of the Political Biography of L.Z. Mekhlis*. Moscow, Zvonitsa-MG Publ., 1999, 304 p. (In Russ.)
4. Nikiforov D.N., Sklyarenko S.F. *Visual Aids in Teaching History and Social Studies*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978, 319 p. (In Russ.)
5. Osmukhina O.Yu. *Russian Literature through the Prism of Identity*. Saransk, Ogarev Mordovia State University Publ., 2009, 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxglwv>
6. Lotman Yu.M. Death as a plot problem. In: *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* = *Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School*. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 417-430. (In Russ.)
7. Bakhtin M.M. *Problems of Dostoevsky's Creativity/Poetics*. Kiev, Next Publ., 1994, 511 p. (In Russ.)
8. Shanbai T.K. (compiler). *Lev Gumilev: Encyclopedia*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 2013, 701 p. (In Russ.)
9. Freidenberg O.M. *Poetics of Plot and Genre*. Moscow, Labirint Publ., 1997, 448 p. (In Russ.)

Информация об авторе

МАКСИНЯЕВ Ришат Ильдарович, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-8304-7764>, maksinyayev.rischat@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ художественного произведения, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 17.09.2024

Поступила после рецензирования 20.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Rischat I. Maksinyayev, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature Department, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-8304-7764>, maksinyayev.rischat@yandex.ru

Contribution: study conception, scientific literature search and analysis, literary work analysis, manuscript text drafting.

Received September 17, 2024

Revised November 20, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82-1/-9

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-932-943>

Шифр научной специальности 5.9.1

В. Пелевин и Д. Кроненберг: точки пересечения отечественного и западного постмодернизма

Екатерина Вадимовна Шерчалова¹ , Елена Сергеевна Тулушева²

¹ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

105066, Российская Федерация, г. Москва, Новая Басманная ул., 35, стр. 1

²ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

 e.kabir777@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. И Виктор Пелевин, и Дэвид Кроненберг – состоявшиеся мастера своего жанра. Как бы критически не отзывались рецензенты об их творчестве, канадский режиссёр пользуется титулом короля биологического хоррора, а отечественного постмодерниста неоднократно называли одним из самых популярных писателей современной русской литературы, и оба деятеля искусств уже давно обрели преданных почитателей. В 2015 г. Д. Кроненберг дебютировал с романом «Употреблено», что позволяет сопоставить художественные миры известных творцов в литературной плоскости. Несмотря на то, что, на первый взгляд, В. Пелевин и Д. Кроненберг не имеют ничего общего, детальное исследование обнажает художественные принципы, типичные для обоих писателей. Целью исследования выбран поиск сходств и общих идейно-эстетических решений, характерных для отечественного и западного постмодернизма. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В качестве эмпирической базы привлечены большая проза В. Пелевина (выбраны произведения, опубликованные с 1996 по 2023 г.) и роман Д. Кроненберга «Употреблено». Были задействованы структурный, мотивный и компаративный методы анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Сделан акцент на фабуляции и поэтике инобытия, а также на осмыслении капитализма как культурно-экономической основы современного мира и критики общества потребления как признаков постмодернизма. Отдельное внимание уделено изучению образа действующего героя, среди отличительных черт которого – соответствующие топографической организации текста мозаичность, фрагментарность и лиминальность. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Анализ отразил схожие художественные решения, в том числе мотивы и топографическую организацию в творчестве Пелевина и Кроненберга-писателя, позволяющие говорить о точках сближения и общности отечественного и западного современного литературного постмодернизма.

Ключевые слова: художественная концепция, авторский метод, постмодернизм как литературное направление, отечественный и западный постмодернизм, В. Пелевин, Д. Кроненберг, фабуляция, инобытийный хронотоп

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шерчалова Е.В., Тулушева Е.С. В. Пелевин и Д. Кроненберг: точки пересечения отечественного и западного постмодернизма // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 932-943. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-932-943>

V. Pelevin and D. Cronenberg: points of intersection of domestic and Western postmodernism

Ekaterina V. Sherchalova¹ , Elena S. Tulusheva²

¹A.S. Griboyedov Moscow University

1 bldg, 35 Novaya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation

²National Research University "Higher School of Economics"

20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

 e.kabir777@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. Both Victor Pelevin and David Cronenberg are accomplished masters of their genre. No matter how critically reviewers respond to their work, the Canadian director enjoys the title of the king of biological horror, and the domestic postmodernist has repeatedly been called one of the most popular writers of modern Russian literature, and both artists have long found devoted admirers. In 2015, D. Cronenberg debuted with the novel "Consumed", which allows us to compare the artistic worlds of famous creators in the literary plane. Despite the fact that, at first glance, V. Pelevin and D. Cronenberg have nothing in common, a detailed study reveals artistic principles typical of both writers. The purpose of the study is to search for similarities and common ideological and aesthetic solutions characteristic of domestic and Western postmodernism. **MATERIALS AND METHODS.** The empirical base is the great prose of V. Pelevin (works published from 1996 to 2023) and the novel by D. Cronenberg "Consumed". Structural, motive and comparative methods of analysis were used. **RESULTS AND DISCUSSION.** The emphasis is on the fabulation and poetics of otherness, as well as on the understanding of capitalism as a cultural and economic basis of the modern world and criticism of consumer society as signs of postmodernism. Special attention is paid to the study of the image of the protagonist, whose distinctive features include mosaicism, fragmentation and liminality, corresponding to the topographic organization of the text. **CONCLUSION.** The analysis reflected similar artistic solutions, including motives and topographic organization in the works of Pelevin and Cronenberg the writer, allowing us to talk about points of convergence and commonality of Russian and Western contemporary literary postmodernism.

Keywords: artistic conception, author's method, postmodernism as a literary trend, domestic and western postmodernism, V. Pelevin, D. Cronenberg, fabulation, otherworldly chronotope

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Sherchalova, E.V., & Tulusheva, E.S. V. Pelevin and D. Cronenberg: points of intersection of domestic and Western postmodernism. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):932-943. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-932-943>

ВВЕДЕНИЕ

Интерес научного сообщества к творчеству В. Пелевина не утихает уже который год. Однако, несмотря на пристальное внимание исследователей к творчеству писателя, вопрос о жанровых, мотивных и в целом – художественных стратегиях остаётся открытым.

Работы режиссёра и сценариста Д. Кроненберга, одного из крупнейших представителей современного независимого американ-

ского кино, рассматриваются исключительно в рамках кинодискурса, в то время как и его художественный роман – «Употреблено» («Consumed», 2015) – любопытен в литературоведческом ключе. Его фильмография почти всегда определяется в границах постмодернизма, однако своеобразие его художественного текста ещё не рассмотрено. Более того, сопоставление художественных методов В. Пелевина и Д. Кроненберга ранее не осуществлялось, поэтому поиск точек пере-

сечения как в творчестве, так и шире – в литературных направлениях и авторских методах – представляется актуальным, востребованным и свежим.

В статье также определены некоторые художественные принципы, базисные для романа Д. Кроненберга «Употреблено» (2015), что обуславливает новизну полученных результатов. Целью исследования выступает определение схожих художественных инструментов, композиционных, топографических и иных решений, характерных для отечественного и западного постмодернизма. Обращение к широкому исследовательскому материалу позволяет дополнительно определить типичные для В. Пелевина приёмы, что выступает потенциальным доказательством определения пелевинского текста как свехтекста.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Представлены результаты сопоставительного анализа романа Д. Кроненберга с художественным миром В. Пелевина. В качестве примеров привлекаются избранные отрывки из романов «Священная книга оборотня» (2004; упоминаются главные герои лиса А и волк-оборотень Александр), «Empire V» (2006; упоминается главный герой Рама), «Любовь к трём цукербринам» (2014; упоминается главный герой Кеша), «iPhuck 10» (упоминаются Жанна, Мара, Порфирий Петрович), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018; упоминаются главные герои Федя и Таня), «Непобедимое солнце» (2020; упоминаются героиня-рассказчица Саша, Фрэнк, Наоми), «Путешествие в Элевсин» (2023) (упоминается герой-рассказчик Порфирий Петрович)¹. Использована комплексная методология, включающая структурный, мотивный и компаративный методы анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К определению ключевых черт постмодернистского метода и художественной концепции. Анализ творческого метода

¹ В дальнейшем персонажи упоминаются без указания произведения.

В. Пелевина, в частности, номинация его как писателя-постмодерниста, пусть и с определёнными оговорками, ранее уже осуществлялась неоднократно (например, в диссертациях И.В. Каленовой, М.В. Репиной и мн. др.), в то время как роман Д. Кроненберга исследован не так тщательно. Так, в отечественном литературоведении внимание на произведение обратил только Д.С. Шалагинов². В основном, фокус смещён на кинематографические работы режиссёра (в исследованиях А.П. Люсого, Т.В. Крувко, А.Ю. Чукурова, О.Н. Гурова и др.). Впрочем, художественный текст Кроненберга без труда укладывается на постмодернистское «прокрустово ложе»: среди его характерных черт назовём деконструкцию, нелинейный мозаичный хронотоп, субъективное повествование, фрагментарный сюжет, ризоматичные структуры, интертекстуальность, гротеск и абсурд.

Как в романе, так и в кинокартинах отчётливо воплощается постмодернистский взгляд на телесность со свойственной ему симулятивностью и многозначностью. Человеческое тело как идейный компонент философии Кроненберга-режиссёра – нестабильное, страдающее и нуждающееся в технологическом апгрейде, который «...подарит человечеству избавление от боли и страданий, болезней, наконец, наделив его бессмертием» [1, с. 263]. Техногуманистическая антиутопическая идея отчётливо звучит и в новейшем творчестве В. Пелевина: в трилогии «Transhumanism.Inc» акцентируется внимание на технологических приспособлениях и разделении тела и мозга, то есть разума. Несмотря на то, что Пелевин выбирает иной тон повествования, для обоих авторов очевиден вопрос осмысления телесного и человеческого в эпоху технократии.

Роман Д. Кроненберга отличается и жанровым синкретизмом: произведение начинается как детектив (журналистка Наоми, которая архетипически ближе к рассказчику, чем

² Шалагинов Д.С. Энтомология – это гуманизм: рецензия на книгу Дилана Тригга о феноменологии ужаса // Филомофия. Журнал высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 3. С. 249-261. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2018-II-3-249-261>, <https://elibrary.ru/ymcwbf>

к главному герою, расследует жестокое убийство), после трансформируется в размеренную драму с иным, более спокойным тоном повествования.

Пародийный и формальный характер жанровых канонов быстро становится очевидным. Перенасыщенное жестокостью, антиэстетизмом и технофетишизмом начало перетекает в философскую исповедь интеллектуала Аристиды Аростеги, который предположительно жестоко убил свою жену и расчленил её тело. История завершается постмодернистской деконструкцией и хаосом, в чём принципиальное отличие романа от текстов В. Пелевина, в финале которого нередко – создание нового мира («Непобедимое солнце») или монументальное Ничто («Священная книга оборотня», «Чапаев и Пустота»). История представляет собой лоскутное полотно, фрагментарность которого подчёркивается отсутствием единого художественного пространства, разобщённости героев и ориентацию на отказ от метанарратива как постмодернистской практики [2].

Также Д. Кроненберг широко использует приём фабуляции – вымышленное сочетается с реальным: персонажи на протяжении всей истории называют известных философов (Сартр, Вебер, Беккет и пр.) и ссылаются на их труды. При этом упоминаются и вымышленные научные исследования, к примеру, работы самих супругов Аростеги (эссе Аристиды «Анатомия совершенного объекта» и эссе Селестины «Разумное уничтожение культа насекомых»). Упоминаются действительно существующие модели технических устройств и программных обеспечений. Но при этом журнал, для которого пишет Наоми, «Сартр», выдуман автором.

Среди физиологических болезней, упомянутых в тексте, отметим вымышленную болезнь Ройфе, которой заражается журналист Натан, второй герой-рассказчик. При этом один из героев, велосипедист Эрве Блумквист, страдает от реального недуга – болезни Пейрони. Молодой человек рассказывает Наоми, что от этого заболевания страдает Лэнс Армстронг – реальная фигура, профессиональный шоссейный велогонщик, многократный победитель велогонки «Тур де

Франс». В действительности спортсмен победил рак, в открытых источниках о его заболевании Пейрони не упоминается, из чего можно сделать вывод, что Кроненберг намеренно допускает ошибку, сочетая реальность с художественным вымыслом и конструируя сновидческий, но при этом убедительный нарратив. Фабуляция становится одним из инструментов размытия границы между художественным вымыслом и реальностью, что характерно для постмодернизма как культурного явления в целом [3, с. 18].

В целом, автор наделяет персонажей множеством реально существующих психических, психологических и физиологических недугов: рак, дисморфобия, синдром нарушения целостности восприятия собственного тела и пр. Физиологические детали приближают роман к жанру боди-хоррора – традиционной формы повествования для Кроненберга-режиссёра: к примеру, в сцене, знакомящей читателя с одним из героев, Натаном, подробно описывается операция груди. Медицинские подробности, позволяющие детально и объективно представить происходящее, перемежаются с субъективным – эротизированным – взглядом героя.

В целом, выбор профессии рассказчиков (журналистка и фотограф) не случайны. Оба героя субъективно – и как индивиды, и как представители своих профессий – репрезентируют ненастоящую реальность, создавая симулякр, копию, имитирующую жизнь.

Д. Кроненберга – не только как писателя, но и как кинорежиссёра и сценариста – волнует вопрос сексуальности и границ телесности, сопряжённый с вопросом человеческого познания, что порождает одну из главных дихотомий его творчества: культурно-антропоцентрический мир противопоставляется миру естественному, не обременённому технократическим безумством [4, с. 31].

В. Пелевин также сочетает реальное и вымышленное: так, его мифология частично комбинирует узнаваемые сюжеты из мифологий народов мира [5, с. 12], а реальные исторические лица вводятся в повествование наравне с вымышленными героями. Пелевин активно использует фабуляцию, сочетая прототипы с вымышленными образами и трак-

туя факты неординарно, подчас неожиданно. В романе «iPhuck 10» описываются, но при этом не называются акции реального художника-акциониста П. Павленского «Фиксация» (2013) и «Отделение» (2014). Сам художник упоминается ранее под своим настоящим именем, однако некоторые приписываемые ему акции выдуманы автором, например, «...антитрамповская акция “Pussy Grab#3”...»³.

Пелевинские герои так же, как и персонажи Кроненберга, оперируют и реальными, и вымышленными научными и литературными трудами. Так, в «iPhuck 10», помимо текстов, которые создаёт повествователь – литературно-полицейский алгоритм «Порфирий» (сам роман и киорецензии), также упоминается несуществующая книга гуру Соула Резника «Разумен ли разум».

В структуру пелевинского повествования включены в том числе и многочисленные аллюзии, среди которых обнаруживаем отсылки к литературным произведениям. В качестве референсов к фильму про выдуманного философа Жан-Люка Бейонда (Beyond, англ. – за, после), выступающему гротескной реминисценцией трагедии Жана-Доминика Боби и его автобиографической книги «Скафандр и бабочка» (1997) на ономастическом и нарративном уровнях, названы действительные труды М. Хайдеггера «Время и бытие» и Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто».

Также в первой рецензии Порфирий упоминает роман М. Уэльбека «Soumission» (фр.), но при этом для соответствия художественному нарративу название переводит как «Подчинение», а не «Покорность», что было бы более привычно русскоязычному читателю. Рецензия написана на фильм «Resistance», который также, согласно сюжету, снят Порфирием. История рассказывает о съёмках реального фильма «Вечное возвращение» (реж. Ж. Деланнуа, 1943 г.). В рецензии приводятся действительные имена актёров и действующих в картине персонажей, исторические факты (к примеру, пылкие романтические отношения Кокто и Маре).

³ Пелевин В.О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2019. С. 203.

В романе «Путешествие в Элевсин», среди прочего, приводится рецензия на книгу П. Лукина «Душа-ветерок». В тексте смешаны реальные факты и авторский вымысел: упоминаются концепция планетаризма, авторы которой также называются верно – Дж. Лавлок и Л. Маргулис, писатель У. Голдинг («...повелитель мух и детских сердец...»⁴), действительно друживший с Лавлоком. Однако ни у одного настоящего Павла Лукина – а история знает как минимум двоих: историка, исследователя Древней Руси, и отечественного писателя-фантаста XIX века – нет книги с таким названием.

В «римской части» романа, то есть в тех отрывках, где сюжет повествует о деяниях императора Порфирия, неоднократно упоминается Гегесий – киренийский философ (290 г. до н. э.) – вдохновитель и кумир императора. Концепция философа излагается верно. Однако трактат «Да, смерть», с которым знакомится главный герой, выдуман автором или представляет собой достаточно свободный перевод: согласно сохранившимся источникам, Гегесий написал книгу «ἀλοκαρτερόν» (греч. – церковь Христова; также распространён перевод «Смерть от голода»).

Сочетание факта и фикции создаёт псевдодокументальную прозу и вовлекает читателя, которому предстоит отделить правду от вымысла, в постмодернистскую игру. Г.В. Заломкина приходит к выводу, анализируя роман «Искусство лёгких касаний», что фабуляция как художественный приём позволяет осмыслить мировую историю [6, с. 404] – именно с этой целью автор привлекает фактологическую базу, а не следует исключительно за собственной фантазией.

Об этом свидетельствуют и наши наблюдения. Постмодернист не просто использует «метод так называемого минса», как сказано в рецензии Порфирия, то есть не просто произвольно перемешивает реальные факты и вымысел. В нарративе, построенном на реминисценциях, отчётливо прослеживается отношение автора к предмету повествования.

⁴ Пелевин В.О. Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2024. С. 207.

Для творчества В. Пелевина характерно смешение стилей и сочетание светлых возвышенных переживаний, которые испытывают персонажи, с низменным плотским: так, в романе «Тайные виды на гору Фудзи» описание инициации завершается ремаркой о рвоте главной героини. Однако здесь Пелевин жанрово расходится с Д. Кроненбергом, так как творчество отечественного постмодерниста нельзя назвать боди-хоррором. Несомненно, признаки трансгрессивной литературы присутствуют, что можно рассматривать в контексте постмодернистской иронии и деконструкции⁵.

Критика общества потребления как один из доминирующих мотивов. Очевидна и схожесть проблематики В. Пелевина и Д. Кроненберга, а именно – исследование общества потребления в художественной литературе. Анализируя кинокартину «Преступления будущего» (реж. Д. Кроненберг, 2022), О.Н. Гуров говорит об «избыточном и развращённом потреблении», которому подвержены герои [4, с. 29].

Текст романа «Употреблено» перенасыщен упоминаниями брендов, в особенности, технических, которые создают образ идеального современного человека, для которого потребление становится основой жизненного уклада и философии: «...страсть к определённым брендам – вот на чём замешана эмоциональная близость в парах»⁶. Такая гиперфиксация и скрупулёзное внимание к деталям напоминает роман Б.И. Эллиса «Американский психопат» [7].

Мотив потребления как доминирующий вынесен в название: обратим внимание, что использовано краткое причастие «употреблено», то есть не активный глагол, а признак, характеристика и вместе с тем – пассивный залог, подразумевающий отсутствие деятеля. То есть «употреблению» подлежат не только объекты физического мира, например, техника, но и субъекты – люди, что напоминает

философские взгляды Ж. Бодрийяра, называющего потребление основой современных социальных отношений⁷.

Консьюмеризм в значении «культ потребления» у Д. Кроненберга предполагает не просто понимание потребления и приобретения материальных благ как ключевой ценности современного человека. Потребление – это владение, захват и присвоение чужого [8, с. 187].

Скорость, динамичность и продуктивность выступают ключевыми характеристиками капиталистического мира в художественной вселенной Д. Кроненберга, а аутсайдером – лишним, не приспособленным к современности человеком – становится тот, кто не успевает за постоянно меняющимися реалиями. Традиционно консьюмеризм воспринимают как часть или черту капиталистического дискурса, однако любопытное определение характера взаимодействия явления и социально-экономической системы в романе «Употреблено» даёт А. Кечик: исследователь видит в сюжетной линии Аростеги идею о понимании консьюмеризма как силы, способной преодолеть несовершенство капитализма, «способность исчерпывать этот мир, забирать из него необходимое» [8, с. 193].

Мотив поглощения сопрягается у Кроненберга с мотивом телесности через культ тела, гипертрофированную эротику и навязчивую, сюрреалистичную идею Селестины Аростеги о необходимости отнять грудь, так как там поселились насекомые, а также имитацией поглощения самой героини – очевидно ритуального. Более того, эпизод задвигается: в финале одна из второстепенных героинь воспроизводит ритуал с куклой, изображающей Селестину. Это доказывает искусственность действия: женщина в действительности не умерла, а перешла в иной мир, о чём мы скажем далее.

Ритуал – сексуализированное жертвоприношение через каннибализм, отрицающий культуру и цивилизацию, – был необходим для осуществления этого перехода: поглощённая Селестина воскресла «там», в

⁵ Этот вопрос частично рассмотрен в диссертации автора статьи: Шерчалова Е.В. Художественный мир позднего В.О. Пелевина (2000–2010-е годы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. С. 132.

⁶ Кроненберг Д. Употреблено. М.: АСТ, Corpus, 2015. С. 16.

⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 384 с. <https://elibrary.ru/qwmwqb>

ином мире, то есть в Северной Корее, что иллюстрирует размышления Е.В. Тараненко, исследующей структуру сюжета о поедании в современной культуре. Филолог в заключении резюмирует: «Образы каннибализма в культуре XX века, некогда ужасающие и эпатажные, сегодня, превратившись в китчевые, ширпотребные, становятся обыденными и привычными. И если они были задуманы своими создателями как способ встряски общественного сознания, то, возможно, это было довольно опасное по своим свойствам средство, которое само стало со смехом доедать и разжевывать остатки культуры»⁸.

Потребление в творчестве Кроненберга – с одной стороны, разрушительно, если ему следовать. А с другой – представляется инициатическим испытанием: отказ от западного изобилия, то есть капиталистического материального мира, и принятие аскезы позволяет совершить переход в иную реальность, воплощённую в образе Северной Кореи, так что мы склонны согласиться с А. Кечиком.

Для Д. Кроненберга вовсе не свойственна ирония и сарказм, что в избытке обнаруживаем в творчестве В. Пелевина. Несмотря на то, что В. Пелевин также обращается к критике общества потребления, он использует другой подход – а именно высмеивание. Например, автор намеренно допускает ошибку в термине, упрощённо называя «консюмеризм» «конsumerизмом». Для него потребление – западно-капиталистическое зло, а не кроненберговский путь к преодолению несовершенств капитализма.

Физическая привлекательность в пелевинских сюжетах становится конверсивной, будучи «разменной монетой» на рынке социальных взаимодействий. Мотив потребления – сквозной в творчестве Пелевина.

Стремление к наживе, показанное в романе «iPhuck 10», также отлично иллюстрирует отношение автора к доминанте потребления: по сюжету, группа айти-специалистов создаёт алгоритм – Жанну, которая испытывает боль и страдание, являю-

щиеся топливом для создания предметов искусства. Созданные им (или ей, если мы понимаем Жанну как личность, а не как алгоритм) артефакты герои продают, не заботясь о моральной стороне вопроса.

С. Жижек указывает на очевидную границу доминирования консюмеризма как составляющего капитализма – физические ограничения. Невозможно бесконечно производить и потреблять товары, это приведёт к экологической катастрофе. Однако виртуальная реальность снимает это затруднение: производство виртуального нематериального продукта требует финансовых вложений со стороны покупателя, но приобретённый товар не нуждается в дополнительном для него месте. «Виртуальная реальность переживается как реальность, не будучи таковой...» – говорит философ⁹. Н.А. Царёва говорит о возникновении самостоятельного «виртуального государства», вырабатывающего собственные аксиологические установки, нормы и культуру [9, с. 159]. Экспансия виртуального потребления оказывается неограниченной. Более того, потребление становится избыточным и навязчивым: для иллюстрации обратимся к некоторым эпизодам романа «Любовь к трём цукербринам».

В канву повествования вплетены отсылки к социальным сетям, художественная история репрезентирует типичные паттерны поведения «онлайн-жителя» (демонстративное потребление, например). В. Пелевин отдельно останавливается на механизме работы рекламы, в частности, контекстной, которая реагирует на ключевые мысли, а не поисковые запросы: «Лицо сестрички закрыл трёхмерный поп-ап. <...> Яхта пронеслась мимо, море стало меркнуть, и перед Кешей зажглась огромная надпись... <...> Поп-ап начал наконец растворяться... <...>. Теперь главное было случайно не кивнуть, и Кеша замер, как питон в джунглях.

Говорили, по сговору с продавцами техническая служба специально так настраивает датчики шейного клика, что они распознают мельчайшее движение шеи как кивок, доста-

⁸ Тараненко Е.А. Актуализация мифологического сюжета поедания в современной литературе // Вестник Нижневартского государственного университета. 2008. № 4. С. 59-66. <https://elibrary.ru/oxwuz>

⁹ Жижек С. Виртуальный капитализм // Чубакка. URL: https://chewbakka.com/brains/virtual_capital (дата обращения: 29.07.2024).

точный для покупки. <...> *Все дешёвое и доступное. Потому что не настоящее*»¹⁰.

Эпизод с шампанским повторяется несколько раз, и наконец реклама побеждает: «Перед глазами возник квадратный поп-ап.

Кеша увидел перед собой огромный бокал, в котором отражалась сидящая за арфой девушка в легчайшем белом платье, трогательно юная и чистая. <...> Кеша *сокрушённо* уронил подбородок, и тут же ощутил во рту кисло-сладкое бульканье»¹¹.

Итак, мы видим, что тематическая близость столь разных авторов отражает, с одной стороны, их беспокойство относительно проблемы избыточного, всепроникающего потребления, а с другой – принадлежность к постмодернизму, для которого эта проблема и мотив являются базисным.

Инобытийный хронотоп. Топографическая картина мира в художественной вселенной Пелевина отчётливо трехчастна и состоит из реального мира, следующего физическим законам, виртуального мира и лиминальной реальности, сосредоточия божеств и чудесного, где возможно нарушение привычного миропорядка; и пространства по ту сторону опыта, принципиально не описываемое, где физические законы вовсе не существуют.

Пространственная организация романа Д. Кроненберга двоична и состоит из мозаичной реальности. Герои в основном действуют в несвязных неперсонализированных локациях – номер отеля, к примеру, или дом Ройфе: «Натан стоял перед домом, который Наоми обозвала *фальшивым* шато... <...> Замок Ройфе оказался не одиноким: в глазах у Натана рябило от обличованных *искусственным* камнем фасадов, усечённых башенок, крытых медным листом, сланцевых крыш. ... Комната была обставлена в классическом стиле, опять же в духе викторианской фантазии на тему французского шато, и это усиливало общее впечатление *бутафории* – словно дом купили вместе с мебелью, кото-

рую риелторы расставили в нём для *декорации*, и больше здесь ничего не трогали»¹². Фрагментарность мира порождает мёртвых, искусственных и неискренних персонажей: в романе в большей степени описываются, но не мысли и чувства героев, что приводит к разрушению телесности и личности.

И у Пелевина встречаются такие обезличенные пространства: квартира покойного вампира Браммы, которую он получает в наследство, так и не становится для него домом, а Саша большую часть романа находится в разъездах.

Впрочем, имея доступ к корпусу пелевинских текстов, мы получаем в распоряжение количественно больше примеров, нежели почерпнутых из романа «Употреблено», поэтому видим и персонализированные места, к примеру, личные покои Фёдора. Но в действительности, и квартира Тани, и даже – ассоциативно – жилище лисы А – это пространства, воплощающие либо культурный стереотип, либо миф: у Феди комната перенасыщена предметами патриархального искусства. Убранством занимался дизайнер, а не сам герой, что роднит его с домом Ройфе, а Таня получает квартиру в порядок от любовника. Помещение, где живёт лиса А, с одной стороны, модернизирует классическое жилище мифологической китунэ – то есть кладбище. С другой стороны, как указывает Д.С. Гудин при исследовании особенностей топоса кладбища в прозе Е. Водолазкина, определяет, среди прочего, его интермедиальную функцию [10, с. 109-110], что также справедливо и для пелевинского спациума: лиса А находится и действует на границе мира живых и иного мира.

Мы уже упоминали в статье Корею как пространство инобытия в романе Д. Кроненберга. Остановимся подробнее. Северная Корея – это иной мир, нереальность, мир инобытия, аскетичный и идеальный, непознаваемый технократичный рай.

С. Жижек, рассуждая о свойственной современному капиталистическому миру виртуальности, говорит о парадоксальной организации пространства: реальность лишается

¹⁰ Пелевин В.О. Любовь к трём цукербринам. М.: Эксмо, 2014. С. 77. Курсив здесь и далее наш. – Е. Ш., Е. Т.

¹¹ Пелевин В.О. Любовь к трём цукербринам. С. 132.

¹² Кроненберг Д. Употреблено. С. 211.

реального, теряет свою субстанцию, что выступает в роли «каркаса <...> киберкапитализма» и инструмента преодоления несовершенного капиталистического уклада современности¹³. Северную Корею, очевидно антикапиталистичную по своей природе, можно назвать, с одной стороны, виртуальной реальностью в том смысле, как о ней пишет Жижек, однако с поправкой на фрейм о конце света.

С другой стороны, Северная Корея в романе – утопична, государственный уклад, склад жизни в целом и культурные ценности которой принципиально отличаются от западного мира, в котором развиваются основные события. Азиатская страна представляет собой относительно позитивный «сценарий развития современного общества», о котором пишет А.П. Фоменко [11].

Обратимся к сюжету романа Д. Кроненберга, чтобы проследить, как именно герои совершают переход из реальности в иной мир. Условия для всех едины: для перехода требуется качественное изменение, необходимо перестать быть человеком, то есть умереть.

Первым в хронологическом порядке «умирает» возлюбленный Селестины, режиссёр Ромм Вертегаал, который появляется только в эпилоге романа – в диалоге с Эрве. Главным доказательством ирреальности Кореи служит как раз этот финальный разговор – наивысшая точка деконструкции всего романа: «Ромм в окошке скайпа открыл рот, хотел что-то сказать, но внезапно *завис, замер, как компьютерная картинка, а потом осыпался дождём сверкающих пикселей*. После многозначительной паузы окошко скайпа тоже схлопнулось, и на мгновение посреди вихревой туманности Андромеды, изображённой на стандартных обоях рабочего стола операционной системы Mac OS X (кодовое имя “Лев”), образовалась квадратная чёрная дыра. <...> Тупо уставившийся в очередную чёрную дыру, возникшую во Вселенной, Эрве почувствовал себя младенцем, которому жестоко обрезают пуповину, и даже *усомнил-*

ся на мгновение, что говорил с настоящим Роммом Вертегаалом»¹⁴.

Вторым умершим становится Селестина Аростеги, чья смерть становится завязкой всей истории. Впоследствии коллективный акт каннибализма оказывается фикцией, а фотографии, а также якобы расчлennённое тело – симулякром. В финале упоминается, что женщина в действительности не умерла, а тоже уехала в Корею («...Селестина мертва. / – Нет-нет. Она с Роммом в Пхеньяне»¹⁵). Следом умирают Аристид Аростеги и Наоми, при этом тело философа загадочным образом пропадает.

Вертегаал так и не возвращается обратно, из чего мы можем сделать вывод, что путешествие «на ту сторону» – билет в один конец. Читателю предстоит самому сделать вывод, символическую или реальную кончину переживают герои.

Герои В. Пелевина также трансформируются и умирают: Александра убивают, как минимум, в социальном плане, отказываясь от него и не признавая его авторитета, соратники [12, с. 3176], Рома умирает в самом начале произведения, перерождаясь вампиром Рамой, Саша исчезает вместе с физической реальностью. Однако В. Пелевин даёт своим персонажам возможность вернуться: Александр возрождается как спаситель Нигвале Ринпоче, Рома становится богоподобным вампиром Рамой, а Саша, пусть и на краткий миг, становится Шивой, танцующим богом, создающим мир – то есть его физическую ипостась – заново.

В приведённых примерах речь идёт о символической смерти, обязательной для инициации, в то время как с персонажами Д. Кроненберга всё не так однозначно: автор предлагает читателю самостоятельно объяснить нарратив, определив для себя, действительно ли Селестина, Ромм, Аристид и Наоми умерли – или же переместились в иную реальность.

Герои В. Пелевина воспринимают недоступность иного мира человеческим органам чувств как данность, называя его «пространством по ту сторону опыта», в то время как

¹³ Жижек С. Виртуальный капитализм // Чубакка. URL: https://chewbakka.com/brains/virtual_capital (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁴ Кроненберг Д. Употреблено. С. 416.

¹⁵ Там же. С. 381.

персонажи Д. Кроненберга рационализируют, объясняя закрытость страны и помехами в работе Skype.

Разграничить, что в пелевинском хронотопе является физической реальностью, где реальность виртуальная, а что представляет из себя знаменитая пелевинская Пустота, помимо того, что она ничем не является, иногда представляется крайне затруднительным. Более того, физический мир зачастую оказывается лингвистическим, искусственным конструктом, описанным несовершенным человеческим умом [13, с. 77].

Автор оставляет намёки, в том числе интертекстуальные, позволяющие внимательному читателю ориентироваться: так, например, основное действие истории, которую рассказывает Саша, происходит в ином мире, за «огненной рекой» – топографическим маркером инобытия [12].

В одном из эпизодов на яхте описывается убранство в ванной комнате, а именно оформления кранов: «Над одним – эмалевая ладонь с синей пилюлей, над другим – с красной»¹⁶, что является отсылкой к научно-фантастической кинокартине «Матрица», где выбор между красной и синей таблеткой для главного героя означал выбор между правдой и иллюзией. Примечательно, что героиня хочет включить красный кран, то есть выбрать красную пилюлю – правду. Но горячей воды нет, и она вынуждена воспользоваться холодной.

¹⁶ Пелевин В.О. Непобедимое солнце. М.: Эксмо, 2020. С. 243.

Саша находится в виртуальной реальности, в зазеркалье, что также подтверждается и амбивалентным финалом, в котором представлен иной исход – Наоми и Фрэнк не умирают, а всё произошедшее может истолковать то ли как события из параллельного мира, то ли как сон. Читатель пелевинского романа, так же, как и почитатель творчества Д. Кроненберга, остаётся на развилке, определяя для себя самостоятельно, чем была история – правдой или галлюцинацией.

ВЫВОДЫ

Следует оговориться, что иное пространство, хоть и представляющее интерес в переложении постмодернистской поэтики, всё же не является топографическим маркером исключительно постмодернистского текста. Так, А.В. Филатов, исследуя хронотоп поэзии О.Э. Мандельштама, поэта XX века, обнаруживает «инфернальное» пространство, инвариантом которого выступает античный Аид [14].

Исследование творчества выбранных авторов – В. Пелевина и Д. Кроненберга – отразило самобытность каждого из них. Реальный мир становится вторичным по отношению к виртуальному в творчестве обоих авторов, а критика навязчивого потребления звучит в унисон. Но при несхожести сюжетов, авторского метода и художественной структуры представленный анализ обнажил общие смысловые и мотивные узлы в художественном мире постмодернистского художественного текста – как отечественного, так и западного.

Список источников

1. Багдасарьян Н., Кравченко А. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма // ЛОГОС. 2022. Т. 32. № 6 (151). С. 245-272. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-6-245-271>, <https://elibrary.ru/uopula>
2. Ермаков Т.К., Дегтяренко К.А., Шпак А.А. Конструирование художественных метанарративов в современной культуре: формальные и смыслообразующие аспекты // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 4. С. 681-693. <https://elibrary.ru/lqplyw>
3. Бабошко Е.Ю., Галкин Д.В., Коновалов К.В. Концептуализация современности в контексте постмодернистской рефлексии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 14-29. <https://doi.org/10.17223/22220836/49/2>, <https://elibrary.ru/pemhwo>

4. Гуров О.Н. Технологии. Телесность. Будущее: Рефлексия Д. Кроненберга в кинофильме «Преступления будущего» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. №. 1. С. 28-39. <https://doi.org/10.46726/H.2024.1.3>, <https://elibrary.ru/hogzht>
5. Борунов А.Б., Шерчалова Е.В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 8-20. <https://doi.org/10.51762/IFK-2021-26-03-01>, <https://elibrary.ru/fycgxx>
6. Заломкина Г.В. Фабуляция как способ осмысления мировой истории в романе В. Пелевина «Искусство лёгких касаний» // Гротовские чтения-2020: материалы Всерос. науч. конф. Самара, 2021. С. 395-405. <https://elibrary.ru/ovvrfv>
7. Исаева М.В. Скомпрометированная образность в романе Брета Истона Эллиса «Американский психопат» // Визуальное во всем: сб. статей спецсеминара. М., 2021. Вып. 2. С. 93-96. <https://elibrary.ru/rhglmt>
8. Кечик А. Образ капитализма и консюмеризма в творчестве Дэвида Кроненберга // Кино и капитал: альманах Центра исследований экономической культуры. Москва; Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 182-195.
9. Царёва Н.А. Процессы цифровизации в искусстве и творчестве: диалектика взаимосвязи // Проблемы музыкальной науки. 2024. № 1. С. 157-168. <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2024.1.157-168>, <https://elibrary.ru/tslyio>
10. Гудин Д.С. Топос кладбища в романах Е.Г. Водолазкина // Неофилология. 2022. Т. 8. № 1. С. 107-117. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117>, <https://elibrary.ru/cskltu>
11. Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 58-63. <https://doi.org/10.17223/15617793/478/7>, <https://elibrary.ru/xyperu>
12. Сильчева А.Г., Шерчалова Е.В. Мифологический топос в романах В. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3174-3178. <https://doi.org/10.30853/phil20220511>, <https://elibrary.ru/hqnfph>
13. Чжан Ч. Мотив утраты «Я» в романе Виктора Пелевина «Generation 'П'» // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 74-82. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-74-82>, <https://elibrary.ru/lqugrq>
14. Филатов А.В. Поэтика русской литературы. Поэтика inferнального пространства в поэзии О.Э. Мандельштама: философский аспект // Русская словесность. 2021. № 1. С. 82-92. <https://elibrary.ru/kvkcck>

References

1. Bagdasaryan N., Kravchenko A. The digital society and discourses of posthumanism. *Logos*, 2022, vol. 32, no. 6 (151), pp. 245-272. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-6-245-271>, <https://elibrary.ru/uopula>
2. Ermakov T.K., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The artistic meta-narratives construction in modern culture: formal and semantic aspects. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2024, vol. 17, no. 4, pp. 681-693. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lqplyw>
3. Baboshko E.Yu., Galkin D.V., Kononov K.V. Conceptualization of modernity in the context of postmodern reflection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2023, no. 49, pp. 14-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22220836/49/2>, <https://elibrary.ru/pemhwo>
4. Gurov O.N. Technologies. Corporeality. Future: reflections of D. Vronenberg in the movie "Crimes of the Future". *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities*, 2024, no. 1, pp. 28-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.46726/H.2024.1.3>, <https://elibrary.ru/hogzht>
5. Borunov A.B., Sherchalova E.V. Author's myth in the contemporary post - modern novel. *Filologicheskii klass = Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 8-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.51762/IFK-2021-26-03-01>, <https://elibrary.ru/fycgxx>
6. Zalomkina G.V. Fabulation as a way of understanding world history in V. Pelevin's novel "The Art of Light Touches". *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Grotovskie chteniya-2020» = Proceedings of the*

- All-Russian Scientific Conference "Grotovskie Readings-2020". Samara, 2021, pp. 395-405. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/ovvrf>
7. Isaeva M.V. Compromised Imagery in Bret Easton Ellis's American Psycho. *Sbornik statei spets-seminara «Vizual'noe vo vsem» = Proceedings of Articles from the Special Seminar "Visual in Everything". Moscow, 2021, issue 2, pp. 93-96. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/rhglmt>
 8. Kechik A. The image of capitalism and consumerism in the works of David Cronenberg. *Kino i kapital: al'manakh Tsentra issledovaniy ekonomicheskoi kul'tury*, Moscow, St. Petersburg, The Gaidar Institute Publ., 2019, pp. 182-195. (In Russ.)
 9. Tsareva N.A. The processes of digitalization in art and creativity: dialectics of interconnection. *Problemy muzykal'noi nauki = Music Scholarship*, 2024, no. 1, pp. 157-168. (In Russ.) <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2024.1.157-168>, <https://elibrary.ru/tslyio>
 10. Gudin D.S. Topos of cemetery in E.G. Vodolazkin's novels. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 107-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117>, <https://elibrary.ru/cskltu>
 11. Fomenko A.P. Utopia in search of the subject, the subject in search of utopia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 478, pp. 58-63. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/478/7>, <https://elibrary.ru/xypcr>
 12. Silcheva A.G., Sherchalov E.V. Mythological topos in V. Pelevin's novels. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2022, vol. 15, no. 10, pp. 3174-3178. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220511>, <https://elibrary.ru/hqnfph>
 13. Zhang Ch. The motif of losing oneself in the novel generation "P" by Victor Pelevin. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 74-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-74-82>, <https://elibrary.ru/lqugrq>
 14. Filatov A.V. Poetics of infernal space in the poetry of O.E. Mandelstam: the philosophical aspect. *Russkaya slovesnost'*, 2021, no. 1, pp. 82-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvkcek>

Информация об авторах

ШЕРЧАЛОВА Екатерина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, коммуникаций и рекламы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7190-1151>, e.kabir777@gmail.com

Вклад в статью: отбор первичного материала из художественных текстов для анализа, подготовка части текста статьи.

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент факультета гуманитарных наук, докторант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>, be-so-happy@yandex.ru

Вклад в статью: разработка идеи, концепции и дизайна исследования, поиск и анализ научной литературы, подготовка теоретических вставок, написание части текста статьи.

Поступила в редакцию 19.08.2024
Поступила после рецензирования 02.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the authors

Ekaterina V. Sherchalova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Journalism, Communications and Advertising Department, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7190-1151>, e.kabir777@gmail.com

Contribution: selection of primary material from literary texts for analysis, part of manuscript text preparation.

Elena S. Tulusheva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Humanities Faculty, Doctoral Candidate, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>, be-so-happy@yandex.ru

Contribution: study idea, conception and design development, scientific literature search and analysis, theoretical inserts preparation, part of manuscript text drafting.

Received August 19, 2024
Revised November 2, 2024
Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955>

Шифр научной специальности 5.9.1

Мифологема птицы в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор»

Денис Сергеевич Гудин , Наталия Владимировна Сорокина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 sorok_tam@rambler.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Птица – знаковый образ в творчестве Е.Г. Водолазкина. Цель исследования – определение функции орнитологических образов в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» и их связи с литературно-мифологической традицией. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Объект исследования – орнитологическая символика в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор». Исследование основывается на комбинированном подходе, сочетающем историко-культурный, мифопоэтический, биографический, структурный, сравнительно-исторический и рецептивный методы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлена бестиарная и мифологическая семантика образов ворона, вороны, филина, лебедя, голубя. Проанализировано орнитологическое окружение главного героя, изучены функции и приёмы создания персонажей-орнитоморфов в «Авиаторе». Выявлены и детально исследованы типологические и генетические сходжения с текстами-«протографами» – средневековыми апокрифами, Физиологом, Толковой Палесей, творчеством Овидия, А.С. Пушкина, А.К. Толстого, А.А. Блока и др. Определена связь романа «Авиатор» Е.Г. Водолазкина с романами «Бесы» и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Обоснована гипотеза о палимпсестной природе романа «Авиатор». **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Материалы исследования могут быть использованы как для анализа поэтики Е.Г. Водолазкина, так и при анализе мифологической образности в современной русской и зарубежной литературе.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, Ф.М. Достоевский, русская литература, мифологизм, образ птицы, миф, архетип, компаративистика

Благодарности и финансирование. Материал был подготовлен в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Поэтика романной прозы Е.Г. Водолазкина».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гудин Д.С., Сорокина Н.В. Мифологема птицы в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 944-955. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955>

Bird mythologem in E.G. Vodolazkin's novel "The Aviator"

Denis S. Gudin , Nataliya V. Sorokina

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 sorok_tam@rambler.ru

Abstract

INTRODUCTION. Bird is a symbolic image in the works of E.G. Vodolazkin. The aim of the study is to determine the function of ornithological images in the novel by E.G. Vodolazkin "The Aviator" and their connection with the literary and mythological tradition. **MATERIALS AND METHODS.** The object of the study is ornithological symbolism in the novel by E.G. Vodolazkin "The Aviator". The study is based on a combined approach, combining historical-cultural, mythopoetic, biographical, structural, comparative-historical and receptive methods. **RESULTS AND DISCUSSION.** The bestiary and mythological semantics of the images of a raven, crow, eagle owl, swan, and dove have been established. The ornithological environment of the protagonist has been analyzed, and the functions and techniques of creating ornithomorphic characters in "The Aviator" have been studied. Typological and genetic similarities with "protograph" texts – medieval apocrypha, Physiologus, Explanatory Paleia, the works of Ovid, A.S. Pushkin, A.K. Tolstoy, A.A. Blok, etc. – have been identified and studied in detail. The connection between the novel "The Aviator" by E.G. Vodolazkin and the novels "Demons" and "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky has been determined. The hypothesis about the palimpsest nature of the novel "The Aviator" has been substantiated. **CONCLUSION.** The research materials can be used both for the analysis of E.G. Vodolazkin's poetics and for the analysis of mythological imagery in contemporary Russian and foreign literature.

Keywords: E.G. Vodolazkin, F.M. Dostoevsky, Russian literature, mythologism, image of a bird, myth, archetype, comparative studies

Acknowledgements and Funding. The material was prepared as part of the research project "The Poetics of E.G. Vodolazkin's Novel Prose".

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Gudin, D.S., & Sorokina, N.V. Bird mythologem in E.G. Vodolazkin's novel "The Aviator". *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):944-955. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955>

ВВЕДЕНИЕ

Роман Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016) активно исследуется современным отечественным литературоведением. Учёные дискутируют о том, к какой художественной системе следует отнести это произведение, как и творчество писателя в целом, – постмодернистской [1] или неомодернистской [2], а также пытаются встроить «Авиатора» в литературный контекст [3], выявить и интерпретировать связи с литературной традицией (творчеством В. Набокова [4–5], А. Платонова

[6] и др.). Самобытный творческий почерк Е.Г. Водолазкина¹ интересует и языковедов [7].

Большинство исследователей сконцентрированы на анализе темпорального устройства его прозы в целом и отдельных романов: наиболее часто предметами научной рефлексии становятся проблемы памяти [8], времени и вневременности [9–10], соотношения категорий исторического и неисторического [11], общие проблемы онтологии и аксиологии времени [12], жанровой специфики [13].

¹ Скларова О.С. Лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты репрезентации элитарной языковой личности писателя в художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2021.

Многие персонажи произведений Е.Г. Водолазкина являются носителями «птичьего гена»: в их именах, внешнем облике, действиях проступают черты реальных или мифологических птиц. Так, например, в романе «Соловьёв и Ларионов» (2009) птичья фамилия принадлежит одному из главных героев – молодому историку Соловьёву. В «Лавре» (2012) лекарь Арсений напрямую сравнивается с солярными птицами – харадром и фениксом. В «Брисбене» (2019) гитарист Глеб Яновский не только влюбляется в Анну Лебедь, женится на «жар-птице» Катарине и удочеряет «гадкого утёнка» Веру, но и является двойником и «однофамильцем» Н.В. Гоголя (птица-гоголь). Нам уже приходилось писать об орнитологических образах в романе «Лавр» [14].

Однако больше всего «персонажей-орнитоморфов» присутствует в романе «Авиатор». На наличие орнитологического кода указывает даже название: «авиатор» происходит от латинского *avis* – «птица», а в одном интервью Водолазкин признаётся, что назвал роман вопреки советам – важно было сохранить птичью семантику и подобрать такое слово, в котором чувствовался бы большой размах крыльев². В центре сюжета – судьба Иннокентия Платонова, заключённого соловецкого лагеря, которого подвергают экспериментальной заморозке. Спустя шестьдесят с лишним лет герой приходит в сознание и пытается расшифровать своё прошлое.

В «Авиаторе» представлены несколько поколений семьи *Ворониных* (здесь и далее курсив наш. – Д. Г., Н. С.), а также их однофамилец – чекист Дмитрий Валентинович *Воронин*, с которым герой встречается в лагере. Среди персонажей, чья орнитоморфность задаётся на уровне номинации, также *Скворцов* – знакомый Платонова, его двойник и вместе с тем будто бы и не персонаж романа, а скорее персонаж города или эпохи. Встречаются и «скрытые птицы» – персона-

жи, связь которых с птичьим миром обозначается не за счёт ономастикона – доктор Гейгер, кузен Сева и хромая девушка из квартиры Мещеряковых.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках данной статьи определяется видовой состав «птиц» романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор».

В том, какой «птицей» является Гейгер, загадки нет – это очередной представитель семейства вороновых: «На углу Большого и Зверинской остановились (припарковались, *прокаркал* Гейгер)»³. Ещё один орнитоморф – Сева, кузен Платонова, обладающий слишком высоким, крикливым голосом: «Иногда он смешивается с криками *чаек* и становится почти от них неотличим» (с. 25).

Однако самая неочевидная, скрытая «птица» – безымянная хромоногая девушка, персонаж эпизодический и, казалось бы, едва заметный в романном ландшафте. Она появляется в двух воспоминаниях главного героя. В первом, петроградском, Платонов возвращает книги, которые брал почитать профессор Воронин: «Дверь открыла хромая девушка – я почему-то сразу понял, что она хромая... А может, знал это? Лицо узкое, глубоко посаженные глаза – есть такой питерский тип. <...> Пошла впереди меня, не стеснясь своей хромоты» (с. 140). Второе воспоминание – уже соловецкое. Герой слышит, как в соседней палате несколько человек насилуют девушку, каким-то мистическим образом узнаёт её и снова вспоминает долагерную жизнь: «Удивительно, но я знал, кто лежит за стеной. <...> Хромала, да. Волосы собраны сзади, шаль на плечах, так посмотришь – библиотечарша библиотечаршей, да ещё эти книги вокруг. <...> Я её впервые рассмотрел: нет, не библиотечарша. Ни в коем случае. <...> Улыбалась. Удивительное лицо: готическое, с запавшими глазами. И оплетающая тонкую шею вена. И эта хромота... <...> Королева. <...> Недаром даже звероподобные гэпэушники охотились за ней в лечебной

² Евгений Водолазкин о пластиковых бутылках в Средневековье, хронофагах и ДиКаприо // The Voice. URL: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/films/evgeniy-vodolazkin-o-plastikovyyh-butylkah-v-srednevekovem-hronofagah-i-dikaprio/> (дата обращения: 24.08.2024).

³ Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 98. (Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте).

части. <...> Им, сволочам, хотелось нематериального» (с. 255-256).

Изучим оба этих эпизода-вспоминания. Почему при первой встрече в квартире на Каменноостровском проспекте Платонов предугадывает хромоту девушки и почему этот образ кажется смутно знакомым не только главному герою, но и внимательному читателю? Ответ простой: бросающаяся в глаза худоба, хромота, готическое лицо, улыбка, собранные назад волосы, шаль – едва ли не детальный портрет Марьи Тимофеевны Лебядкиной, тайной жены Николая Всеволодовича Ставрогина, Хромоножки из романа «Бесы». К тому же сюжет об изнасиловании юродивой или хромой, мотив надругательства над «нематериальным», потусторонним и безгрешным существом получил глубокую и детальную художественную проработку именно в творчестве Достоевского [15, с. 59-63]. В том, что Платонов знаком с романом, сомневаться не приходится: когда кузен Сева приносит революционные агитки, герой охлаждает его вопросом о «Бесах» (с. 87).

«Бесы» – самый «орнитологичный» роман Достоевского: действие концентрируется вокруг поместья *Скворешники*, многие персонажи носят птичьи фамилии – *Лебядкины*, *Дроздовы*, *Гагановы*, сравниваются с птенцами, орлами, ястребами, соколами, филинами, сычами, а кроме того, ведут себя как птицы – летают, влетают, подлетают и разлетаются, по-птичьи шумят и ссорятся. За счёт этого Достоевский создаёт герметичный, шумный, хлопающий крыльями бесовской мир [16, с. 171-173]. Среди многочисленных «птиц» Лебядкина сильно выделяется: философы Серебряного века – Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.И. Иванов, заново открывавшие Достоевского, – видели в ней Богородицу, белую лебедь, Вечную Жену и Душу Мира, дохристианскую святую и юродивую⁴; современные исследователи обращают внимание на двойственность героини, противопоставляя богородичности очевидные хто-

ничность и ведьмовство⁵. В мифах лебедь фигурирует как оборотная форма волшебной жены, часто (но не всегда) символ чистоты. Пример лебединой девы – Марья Белая Лебедь, жена былинного богатыря Потока (Михайло Потык). В качестве одного из литературно-мифологических прототипов главного героя «Авиатора» критик Г. Юзефович называет именно Потока⁶, имея в виду уже не героя эпоса, а персонажа баллады А.К. Толстого «Поток-богатырь». Любопытно, но имя богатыря включает в себя орнитологический компонент: оно читалось как «Потька», что значит «птица», «птичий»⁷.

Итак, орнитологическое окружение героя – вороны / вороны, скворец, чайка, лебедь. Теперь необходимо разобраться, почему в романе так много представителей семейства вороновых, и ответить на вопрос, какой же «птицей» является главный герой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Комплексное решение поставленной задачи предполагает обращение к истокам, семантике и функциональному значению орнитологических образов.

Образ ворона обладает древней символикой. Е. Мелетинский писал о том, что эта демоническая птица в мифологиях выполняет посреднические функции между небом, землёй и подземным царством; воспринимается как медиатор между верхом и низом, водой и сушей, мудростью и глупостью и др. Ворон амбивалентен: он трикстер и культурный герой (у некоторых народов ворон создаёт мир, доставая сушу со дна океана). Кроме того, это важный персонаж в мифе о Потопе⁸. Семантика и коннотация образа ворона в вариантах этого мифа отличаются. В вавилонской/шумерийской версии Утнапиш-

⁵ Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. С. 149.

⁶ Юзефович Г.Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана: 150 000 слов о литературе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. С. 236.

⁷ Балаиов Д.М., Новичкова Т.А. Русский былинный эпос // Былины: в 25 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука; Москва: Классика, 2001. С. 34.

⁸ Мелетинский Е.М. Мифы народов мира: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 245-247.

⁴ Криницын А.Б. Образ хромоножки в перспективе мотивной структуры романов Достоевского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 56.

тим поочерёдно выпускает голубя, ласточку и ворона. Голубь и ласточка возвращаются на корабль, а ворон находит пищу и улетает, что и свидетельствует о прекращении Потопа:

Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит⁹.

Ветхозаветный Ной выпускает ворона, который «отлетал и прилетал», а затем трижды выпускает наружу голубя, после чего покидает ковчег¹⁰. В апокрифе «Откровение Мефодия Патарского» Ной выпускает голубя и ворона, причём ворон находит сушу и не возвращается на ковчег, за что получает проклятие от Ноя¹¹. В Толковой Палее сюжет о Потопе дополняется апокрифичными подробностями: ворон не возвращается до тех пор, пока с земли не уходит вода, и выклёвывает глаза утонувших людей¹². Согласно народным легендам, из-за поедания падали во время Потопа ворон, изначально белый как снег и кроткий как голубь, становится чёрным и кровожадным¹³. Для сравнения: в «Метаморфозах» Овидия говорится о том, что Аполлон-Феб наказывает ворона чёрным опереньем за дурные вести об измене Кориныды, божественной возлюбленной:

Ибо когда-то был серебряной, снега белее,
Птицей, сравниться бы мог с голубями,
что вовсе без пятен¹⁴.

Мотив кровавой пищи, поедания останков наблюдаем и в «Авиаторе»: соловецкое смертельное пространство, над которым властвует «великий преступник» (Великий Инквизитор?) чекист Воронин, усеяно мёртвы-

ми телами: «Я видел тех, кого находили весной, – их называли подснежниками – с выклеванными глазами, отгрызенными ушами» (с. 75). О связи чекиста Воронина с этим мотивом говорит ещё один фрагмент: «И вот шли мы, значит, втроём к Воронину, и я думала: ну надо же – Воронина к Воронину летит!» (с. 361). Это отсылка к стихотворению Пушкина «Ворон к ворону летит», первые две строфы которого выглядят следующим образом:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том поведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый»¹⁵.

Особого внимания заслуживает универсальная, существующая не одну тысячу лет оппозиция «голубь/ворон». Конкретно в Толковой Палее голубь представляет собой знак Христа и Святого Духа, а ворон – аллегорическое изображение иудеев¹⁶. М. Пастуро замечает, что ворон – второе животное (после змея) и первая птица, упоминаемая в Библии, а сразу за ним следует голубь. Цвет оперения этих птиц определил христианское мировоззрение: «<...> белый цвет – сияние чистоты и добродетели, символ жизни и надежды; чёрный – пятно грязи и порока, знак греха и смерти»¹⁷. Антагонизм голубя и ворона в целом характерен для средневековой культуры, наследующей иудейской (разделение животных на чистых и нечистых) и дохристианской европейской (ворон как вестник зла) традициям: ворон ассоциируется с адскими, дьявольскими силами, а голубь – с раем, ангелами и Святым Духом¹⁸.

¹⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 75.

¹⁶ Белова О. О «грешных» животных в славянских легендах // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей. М., 2000. С. 171-174.

¹⁷ Пастуро М. Чёрный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 32-33.

¹⁸ Мелетинский Е.М. Мифы народов мира. С. 247.

⁹ Эпос о Гильгамеше (О всевидавшем). Москва: Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 77.

¹⁰ Быт. 8:7-12.

¹¹ Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гум. ин-та, 1999. С. 692.

¹² Камчатнов А.М. Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. С. 145.

¹³ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. С. 527; Сумцов Н.Ф. Ворон в народной словесности. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1890. С. 6-7.

¹⁴ Овидий, Назон Публий. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Студия Биографика, 1994. Т. 2. С. 43.

Однако бывают исключения. В разных списках «Беседы трёх святителей» голубь символизирует смерть, а ворон является птицей с солнечным значением¹⁹. В некоторых средневековых памятниках, например в Физиологе (Естествослове), образы животных отличаются пластичностью, и нет их жёсткого закрепления за каким-либо мифологическим полюсом – верхом или низом. На амбивалентность зооморфных образов Физиолога обращал особое внимание С.С. Аверинцев: «Твари двояки: хвалимы и хулимы»²⁰. Всё дело в том, что автору (авторам) Физиолога важно было отразить присутствие Бога во всех живых существах, поэтому даже нечистые по второму закону животные, такие как харадр, ночной ворон, неясый, ворона и т. д., здесь оцениваются положительно и могут даже сравниваться с Христом, или Богом-отцом, или Святым Духом [17, с. 179]. Птичья образность «Авиатора», по всей видимости, генетически восходит именно к Физиологу, но, поскольку в этом памятнике (греческий Физиолог и его русские переводы, например Кирилло-Белозёрский список) нет отдельной главы, посвящённой ворону, рассмотрим семантически близкие сюжеты «О ночном вороне», «О вороне», а также две главы «О голубе» и главу «О горлице».

Описание голубя, приведённое в Физиологе, отражает христианское видение: голубь символизирует Святой Дух, сравнивается с ветхозаветными пророками, Иисусом, а также носителями духовной чистоты и девственности²¹. Отличительными свойствами горлицы являются её голос и склонность к пустынножительству²². Исследователи указывали на родство образов горлицы и вороны: будучи воплощениями целомудрия, они являются символами мистического брака Христа с церковью²³.

Главными качествами вороны, согласно Физиологу, являются вдовство, оставленность и единобрачие, что соответствует античной традиции²⁴. У Плутарха ворона хранит верность после гибели мужа в течение *девяти* поколений²⁵, а у Овидия говорится, что ворона может прожить *девять* сотен лет²⁶. В «Авиаторе» также прослеживаются мотивы вдовства и верности возлюбленному: Анастасия Воронина долгое время ждёт Платонова, который находится в лагере, а потом всё-таки выходит замуж. Вряд ли является совпадением, что «траур» Ворониной длится девять лет – с 1923 (арест Платонова) по 1932 (заморозка героя). Анастасия Воронина переживает арест первого мужа, блокаду, смерть сына, рождение ребёнка и развод со вторым мужем и при этом с трогательной верностью цепляется за жизнь, чтобы перед смертью, девяностотрёхлетней старухой (снова числовая символика – девять десятков лет), встретиться с Платоновым. Внучка Анастасии, Настя Воронина, в финале романа остаётся вдовой, так что воронье одиночество и оставленность – это то, что переходит ей по наследству вместе с именем и фамилией бабушки. В последнем письме к Насе Платонов, словно предчувствуя скорую гибель, подробно рассказывает о воронах и их привычке качаться на тонких ветках, на что героиня про себя отвечает: «<...> много ли, если вдуматься, радостей у ворон?» (с. 397).

Ещё один персонаж Физиолога – ночной ворон – птица, которая любит ночь сильнее дня, в чём проявляется её сходство с Иисусом, полюбившим язычников во тьме и тени смерти²⁷. Ночной ворон – это не ворон, а филин. Обозначавшее филина греческое слово

¹⁹ Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о голубиной книге. Варшава: Тип. Михаила Земкевича, 1887. С. 224-225.

²⁰ Аверинцев С.С. Переводы: Многоценная жемчужина. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. С. 390.

²¹ Физиолог / изд. подгот. Е.И. Ванеева; отв. ред. Л.А. Дмитриев. СПб.: Наука, 1996. С. 33-34.

²² Там же. С. 29.

²³ Мочульский В.Н. Происхождение «Физиолога» и его начальные судьбы в литературах Востока и Запа-

да // Русский филологический вестник. Варшава: Тип. Марии Земкевич, 1889. Т. XXII. № 3. С. 63, 107-108; Evans E.P. Animal Symbolism in Ecclesiastical Architecture. L.: W. Heinemann, 1896. P. 147; Physiologus. A Metrical Bestiary of Twelve chapters by Bishop Theobald. L., 1928. P. 93-95.

²⁴ Мочульский В.Н. Указ соч. С. 101.

²⁵ Плутарх. Грилл, или о том, что животные обладают разумом // Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 137.

²⁶ Овидий, Назон Публий. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Студия Биографика, 1994. Т. 1. С. 46.

²⁷ Физиолог. С. 14, 128.

Νυκτικораξ (νύξ – ночь, кораξ – ворон) вызывало затруднение у переводчиков, поэтому в латинских источниках встречаются такие переводы, как Bubo (филин), Herodius (цапля), Perdix (куропатка) и калька Nicticorax [18, с. 60-63], а в славянских переводах Физиолога и Библии закрепился вариант «ночной ворон» (быхъ ѣкѡ нощный вранъ на нырищи). Важно, что и в русской церковной традиции, и тем более в народно-поэтическом сознании образы ворона и филина как ночных и демонических птиц если не ассимилируются, то явно соседствуют.

Ночной ворон присутствует в романе Водолазкина. Платонов цитирует стихотворение Блока «Авиатор», в котором «сражаются» творец-авиатор (птица-авиатор) и его антипод – ночной летун (с. 132). Кроме того, ночной ворон / филин – это состояние, результат духовной трансформации. Например, падение Ставрогина в «Бесах» Достоевского выражается орнитологически – Лебядкина обличает мужа: «Нет, не может того быть, чтобы сокол филином стал. <...> А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слепая подъехала? Нет, голубчик, плохой ты актёр <...>. Только мой – ясный сокол и князь, а ты – сын и купчишка!»²⁸. В «Авиаторе» ночной ворон – итог личностной энтропии глэпушника Воронина и самого Платонова. Персонажи-орнитоморфы в «Авиаторе» отзеркаливают главного героя – являются его продолжениями, противоположностями или двойниками. Платонов вспоминает: «Может быть, оставшись в моей памяти, Воронин стал частью меня, и я ненавижу его в себе?» (с. 189). Подсознательно герой чувствует связь с убийцей и богоотступником Ворониным и примеряет обличье ночного ворона.

Если ночной ворон – это промежуточный итог «орнитологического пути» героя, то какой «птицей» Платонов являлся изначально? Герой сравнивает себя либо с птицей-авиатором: «<...> авиатор – это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я» (с. 92), либо с голубем: «Мне вспоминались <...> дохлые собаки и голуби – всё, что мучительно вытаскивало из льда весной. Как

я выглядел в ледяном плену – как голубь?» (с. 110-111). На орнитологическую ипостась главного героя косвенно указывает имя: Иннокентий (лат. Innocentius) переводится как невинный, девственный (характерные свойства голубя по Физиологу). В греческом языке **περίστερα** – это голубь, голубка, Святой Дух, а выражение *υλοκρίνεται την αθώαν περίστέραν* означает «прикидываться невинным»²⁹.

С помощью образа голубя, в частности, выстраивается диалог между романами «Авиатор» и «Преступление и наказание». Для сравнения: «Этак вы опять, голубчик, прежнюю болезнь себе возвратите, – *закудахта* с дружественным участием Порфирий Петрович <...>»³⁰. В «Преступлении и наказании» лексемы голубчик/голубка встречаются пятнадцать раз. Причём десять раз обращение «голубчик» адресовано Раскольникову: единожды так к герою обращается Свидригайлов, один раз – мать, а восемь – Порфирий Петрович. Следовательно будто бы программирует Раскольникова, призывая вернуться к догреховной чистоте. В.П. Владимирцев замечает, что «голубчик» у Достоевского – нечто большее, чем диминутивное обращение. Это маркер избранности героя: «Бестиарное по происхождению и функциям словечко выступает <...> как христианско-поэтический определитель сущности людей, праведных и грешных» [19, с. 314]. Таким образом, романские оппозиции «голубь/ворон» (ночной ворон) и «авиатор / ночной летун» не представляются случайными.

Несмотря на многочисленные намёки, оставленные Водолазким, и сам Платонов, и его «апостолы» Гейгер и Настя, и читатель о тёмном прошлом героя (убийство Зарецкого) догадываются далеко не сразу. Большую часть романа Платонов не осознаёт вины или притворяется невиновным. Нельзя забывать, что формально «Авиатор» – роман постмо-

²⁹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Юрия Шичалина, 2006. Стб 990; Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993. С. 619.

³⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1973. С. 265.

²⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Бесы. Л.: Наука, 1974. С. 219.

дернистский. В своей сконструированности гораздо более постмодернистский, нежели «Лавр» или «Брисбен». Исповедальная интонация в модернистских и постмодернистских произведениях обманчиво сокращает дистанцию между рассказчиком и читателем. Но такая исповедь часто исходит от героя «набоковского типа», героя-трикстера. Для сравнения: Гумберт Гумберт Набокова иногда очень убедительно исповедуется перед читателем, но белых пятен в его истории предостаточно; исповедуется и Ставрогин в призрачной, апокрифичной главе «У Тихона», но насколько честен герой с самим собой, святым старцем и читателем – вопрос спорный. В этом смысле «Авиатор» – трогательная исповедь ненадёжного рассказчика, которая встраивается в ряд произведений о людях, остро переживающих кризис времени и находящихся в эпицентре темпорального разрыва. Тем не менее невинность как личностная доминанта Платонова запечатана в его имени. К безвинности, догреховности как самости (Selbst) и стремится герой. Причём диссонансное сочетание имени и поступка (безвинный убийца) характеризует не только Платонова, усиливая его трагическую духовную расколотость, но и других персонажей романа. Так, эпизодический персонаж Катя (Екатерина, чистая) является проституткой, а Севе (Всеволод, всевластный), как бы он отчаянно не искал власти и силы, не хватает не то что политических ресурсов, чтобы пережить внутреннюю чистку в НКВД, но даже сил «дорости» до полной именной формы. В этом Водолазкин также следует традиции: имя как оксюморон, как парадоксальное сцепление взаимоисключающих понятий – важнейшая черта ономастической поэтики Достоевского (Николай Ставрогин противопоставлен своему имени, а бестиарно оппозиционное имя Лев Мышкин сообщает о противоборстве христианского и языческого в персонаже и намекает на его трагическую обречённость) [20, с. 124].

При этом вина Иннокентия Платонова сложнее вины обычного убийцы. Эта вина за век, веру и русскую литературу, возложенная на одного человека. Платонов по воле автора расплачивается за грехи свидригайловых,

раскольниковых и ставрогиных, так что это вина за трагическую русскость в самом широком смысле. Любопытно, что в Физиологе ночного ворона «оправдывают» цитатой из второго Послания к Коринфянам: «Не виде греха, законный грех сотвори»³¹ (ср. «Не знавшего греха за нас грехом сделал»³²), эти слова применимы и к безвинному от природы (догреховность как самость), но ставшему убийцей Платонову. Оговоримся, однако, сразу: в образе Платонова Водолазкин не выводит нового Христа, но, очевидно, вслед за Достоевским конструирует такую литературную ситуацию, где человеческое сердце становится полем битвы бога и дьявола, праведника и Великого Инквизитора, авиатора и ночного летуна, голубя и ворона. И если мы посмотрим на роман через призму этого знания, через призму идей Достоевского, нам откроется возможный смысл орнитологического окружения героя.

Водолазкин создаёт внутренне дисгармоничный характер, в котором сосуществуют Христово и антихристово. В апокрифичном Апокалипсисе от Илии говорится: «<...> явится (сын беззакония), говоря: «Я – Христос», но это не (будет) Он <...> Ведь когда придет, грядя, Христос, Он грядёт как голубятня, и венец из голубей окружает Его»³³. Платонова окружают вовсе не голуби, а их антагонисты. Герой «Авиатора» претендует и на то, чтобы называться беззаконником – символ Фемиды с отломанными весами проходит через весь роман. В Апокалипсисе от Илии даётся также любопытная примета, по которой можно различить Христа и антихриста: «Он совершит деяния, которые Христос совершил, за исключением лишь воскрешения мёртвых <...>»³⁴. Тем любопытнее, что персонажи-антихристы у Достоевского и Водолазкина думают о воскресении, а фоном этих размышлений становится евангельский сюжет о Лазаре. В одной из самых пронзительных сцен «Преступления и

³¹ Физиолог. С. 15.³² Там же. С. 128.³³ Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. СПб.: Алетейя, 2001. С. 216-217.³⁴ Там же. С. 217.

наказания» Раскольников требует от Сони, чтобы та читала вслух притчу о Лазаре; а до этого Порфирий Петрович расспрашивает героя о Лазаревом воскресении³⁵. В «Авиаторе» Платонов не только поднимается из мёртвых, символически повторяя путь Лазаря, но и буквально становится «лазарем» – подопытным ЛАборатории по ЗАморозке и РЕгенерации).

«Авиатор» – роман-перевертыш: Иннокентий Платонов поочерёдно надевает маски разных героев Достоевского – мечтателя из повести «Белые ночи», князя Мышкина и Алёши Карамазова, обитателя «мёртвого дома», а в конечном итоге читатели встречаются с «инкарнациями» Ставрогина и Раскольникова. Было бы большой ошибкой считать «Авиатор» стилизацией или подражанием: этот роман – идейное продолжение «Преступления и наказания», «Бесов» или шире – метатекста Достоевского. Водолазкин начинает повествование с того места, где его оборвал Достоевский, но идёт дальше и показывает литературное воскресение героя. Воскресение, через гибель и Голгофу, которое предсказывал Бердяев: «Была судьба Ставрогина до «Бесов» и будет судьба его после «Бесов». После трагической гибели будет новое рождение, будет воскресение»³⁶. И в этом смысле роман Водолазкина повествует даже не о каком-то локальном воскресении, он о Всевоскресении – героя, поколения, русской литературы.

³⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. С. 201, 249-251.

³⁶ Бердяев Н.А. Ставрогин // Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/stvrogin.html> (дата обращения: 24.08.2024).

ВЫВОДЫ

Таким образом, орнитологический код упрочняет связь «Авиатора» с текстами Достоевского и даёт внимательному читателю подсказку о палимпсестной природе романа: глубокое понимание художественной структуры «Авиатора» невозможно в отрыве от проблематики и поэтики творчества Достоевского. Поэтический бестиарий Водолазкина, как и бестиарий Достоевского, восходит к Физиологу – популярной христианской экзегетической книге. Образы животных в Физиологе отличаются пластичностью – даже «нечистые» звери и птицы сравниваются с Богом-отцом, Иисусом, Святым Духом. Наиболее функциональными птичьими образами романа «Авиатор» являются ворон (и его варианты) и голубь, а главный герой совмещает в себе черты этих непохожих птиц и проходит «орнитологический» путь: голубь – ворон (ночной ворон) – авиатор (тот, кто преодолел гравитацию греха). Голубь является знаком невинности, праведности, духовной чистоты, которая имманентно присутствует в герое и запечатана в его имени. Важнейшая символическая функция ворона – медиаторная, эта птица связывает антагонистические начала, а в ряде мифов выступает демиургом – ворон достаёт сушу со дна морского. Подобно ворону, Платонов выступает посредником между прошлым и настоящим, земным и небесным, живым и мёртвым. Герой достаёт со дна прошлого выцветшие краски, умолкнувшие голоса, затихшие запахи и с их помощью создаёт не-историю, новый миф о времени и ушедшей эпохе.

Список источников

1. Осьмухина О.Ю. Идиостиль писателя-постмодерниста: специфика воплощения интертекстуальности в современной отечественной прозе // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всерос. науч. конф. Астрахань, 2018. С. 184-191. <https://elibrary.ru/ymwddv>
2. Кротова Д.В. 当代俄罗斯文学中的新现代主义思潮 (Неомодернистская тенденция в современной русской литературе) // Russian Literature & Arts. 2022. № 1. С. 77-87.
3. Солдаткина Я.В. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотничкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 309-318.

4. Белоусова Е.Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 33-40. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3>, <https://elibrary.ru/glvyli>
5. Трубецкова Е.Г. Борьба с амнезией: набоковские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. №. 1. С. 104-108. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108>, <https://elibrary.ru/uivngh>
6. Солдаткина Я.В. Мотивы прозы А.П. Платонова в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 19-28. <https://elibrary.ru/xhffut>
7. Тирадо Р.Г. Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор») // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 473-486. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486>, <https://elibrary.ru/vrxhfc>
8. Ничипоров И.Б. Парадоксы памяти в современном русском романе: «Авиатор» Е. Водолазкина // Учёные записки Орловского государственного университета. 2019. № 1 (82). С. 127-130. <https://elibrary.ru/qyrvql>
9. Лисова А.Е. Категория времени в художественном мире Е.Г. Водолазкина. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 81 с. <https://doi.org/10.23681/599954>, <https://elibrary.ru/sxqevp>
10. Солдаткина Я.В. Время и пространство современной русской прозы: неомодернизм и постмодернизм (рецензия на учебное пособие: Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 4. С. 477-482. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-4-477-482>, <https://elibrary.ru/yuxvtf>
11. Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 188-197. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-2-188-197>, <https://elibrary.ru/xremod>
12. Анастасьева И.Л. Русский человек на rendezvous (по роману Е. Водолазкина «Авиатор») // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 5-1. С. 293-299. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.15.30.035>, <https://elibrary.ru/blaqkf>
13. Шуников В. Метаморфозы жанровых стратегий в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Филология и культура. 2021. № 1. С. 219-224. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-219-224>, <https://elibrary.ru/gjfgmb>
14. Гудин Д.С. Орнитологическая символика романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина // Казанская наука. 2021. № 12. С. 20-23. <https://elibrary.ru/ozdpyy>
15. Криницын А.Б. Образ хромоножки в перспективе мотивной структуры романов Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 3. С. 54-69. <https://elibrary.ru/mvxxkzx>
16. Скуридина С.А. Орнитоморфизм ономастического пространства романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 171-175. <https://elibrary.ru/uzchcx>
17. Сафонова Н.В. Александрийский «Физиолог» и ранняя библейская экзегеза // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 177-179. <https://elibrary.ru/xvnawz>
18. Нестеров А. «И всегда отличать одно от другого», или о «символических контекстах» совы и филина в европейской живописи XV–XVII вв. // Бестиарий ненависти. 2021. С. 55-78.
19. Владимирцев В.П. Животные в поэтологии Достоевского: народно-христианское бестиарное предание // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 312-320. <https://elibrary.ru/ruykjj>
20. Владимирцев В.П. Поэтический бестиарий Достоевского // Достоевский и мировая культура. 1999. № 12. С. 120-134.

References

1. Osmukhina O. Yu. Idiostyle of a postmodernist writer: specificity of the embodiment of intertextuality in contemporary domestic prose. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Intertekstual'nost' khudoz-*

- hestvennogo diskursa» = *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Intertextuality of Artistic Discourse"*. Astrakhan, 2018, pp. 184-191. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymwddv>
2. Krotova D. V. Neomodernist tendency in modern Russian literature. *Russian Literature & Arts*, 2022, no. 1, pp. 77-87. (In Chinese).
 3. Soldatkina Ya. V. Dialogue with Russian Literature of the 20th Century in the novels of Evgeny Vodolazkin "Laurus" and "The Aviator". *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury. Evgenii Vodolazkin*, 2019, vol. 2, pp. 309-318. (In Russ.)
 4. Belousova E.G. The Aviator by Eugene Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 479, pp. 33-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3>, <https://elibrary.ru/glvyli>
 5. Trubetskova E.G. The fight against amnesia: Nabokov's 'signs and symbols' in the novel by E. Vodolazkin The Aviator. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 104-108. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108>, <https://elibrary.ru/uivngh>
 6. Soldatkina Ya.V. The motives of a. P. Platonov's prose in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin. *Rhema. Rema*, 2016, no. 3, pp. 19-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xhffut>
 7. Tirado R.G. Translation of words with a cultural component (based on the Spanish translation of the novel by Eugene Vodolazkin "The Aviator"). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 2, pp. 473-486. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486>, <https://elibrary.ru/vrhxfc>
 8. Nichiporov I.B. Paradoxes of memory in the modern Russian novel: "Aviator" by E. Vodolazkin. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, 2019, no. 1 (82), pp. 127-130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qyrvql>
 9. Lisova A.E. *The Category of Time in the Artistic World of E.G. Vodolazkin*. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2020. 81 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.23681/599954>, <https://elibrary.ru/sxqevp>
 10. Soldatkina Ya.V. Time and space of contemporary Russian prose: newmodernism and postmodernism (review of the study guide: Krotova D.V. Modern Russian literature. Post-modern and "new-modern". Moscow, Maks Press Publ., 2018. 224 p.). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2018, no. 4, pp. 477-482. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-4-477-482>, <https://elibrary.ru/yuxvtf>
 11. Bochkina M.V., Golubkov M.M. the concepts of historical and non-historical in aesthetic and philosophical system of the novel "The Aviator" by E. Vodolazkin. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 188-197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-2-188-197>, <https://elibrary.ru/xremod>
 12. Anastas'eva I.L. Russian person at a rendezvous (based on The Aviator by E. Vodolazkin). *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*, 2021, vol. 11, no. 5-1, pp. 293-299. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2021.15.30.035>, <https://elibrary.ru/blaqkf>
 13. Shunikov V. Metamorphoses of genre strategies in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2021, no. 1, pp. 219-224. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-219-224>
 14. Gudin D.S. Ornithological symbolism of the novel "Laurus" by E.G. Vodolazkin. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2021, no. 12, pp. 20-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ozdpvy>
 15. Krinitsyn A.B. The character of khromonozhka within the framework of motif structure in Dostoyevsky's novels. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Moscow University Philology Bulletin*, 2010, no. 3, pp. 54-69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvxxzx>
 16. Skuridina S.A. Ornithomorphism of the onomastic space of F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2015, no. 4 (18), pp. 171-175. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzchcx>
 17. Safonova N.V. "Physiologus" of Alexandria and the early biblical exegesis. *Vlast'*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 177-179. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvnawz>
 18. Nesterov A. "And always distinguish one from the other", or about the "symbolic contexts" of the owl and eagle owl in European painting of the 15th–17th centuries. *Bestiarii nenasisti*, 2021, pp. 55-78. (In Russ.)
 19. Vladimirtsev V.P. Animals in poetic of Dostoyevsky: Christian demonic legend. *Problemy istoricheskoi poetiki = The Problems of Historical Poetics*, 1998, no. 5, pp. 312-320. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ruykjj>

20. Vladimirtsev V.P. Poetic bestiary of Dostoevsky. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura*, 1999, no. 12, pp. 120-134. (In Russ.)

Информация об авторах

ГУДИН Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, учитель Державинского лицея, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5706-7917>, lordslaing@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция, анализ художественного текста, написание части текста статьи.

СОРОКИНА Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, sorok_tam@rambler.ru

Вклад в статью: подбор литературы, написание части текста статьи, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

Поступила в редакцию 25.09.2024
Поступила после рецензирования 01.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the authors

Denis S. Gudin, Cand. Sci. (Philology), Teacher of Derzhavin Lyceum, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5706-7917>, lordslaing@yandex.ru

Contribution: study conception, literary text analysis, part of manuscript drafting.

Natalia V. Sorokina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, sorok_tam@rambler.ru

Contribution: literature selection, part of manuscript drafting, material processing and editing, final manuscript approval.

Received September 25, 2024
Revised November 1, 2024
Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-956-966>

Шифр научной специальности 5.9.1

Художественная ценность бестселлера: жанровое искусство романа Г. Яхиной «Дети мои»

Синь Цзан , Юеэ Гуань

Нанкинский педагогический университет

210097, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, р-н Гулоу, ул. Нинхай, 122

 gye_1970@126.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено выявлению художественного приёма «жанровая гибридность» в романе «Дети мои» современной российской писательницы Гузель Шамилевны Яхиной. Цель исследования – выявить гибридизацию жанров романа «Дети мои», проанализировать подход к её осуществлению, осмыслить её значение и оказываемый эффект на формирование творческого стиля автора. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования является роман «Дети мои» Г. Яхиной, лауреата национальной литературной премии «Большая книга» в 2019 г. При анализе текста романа использован феноменологический подход, метод реконструкции творчества художника и его произведения, текстуальный анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено, что в тексте романа описываются исторические события с помощью художественных приёмов, характерных для фольклорных жанров сказок и легенд, показывается сущность реальной истории на фоне фантастического колорита. «Жанровая гибридность» проявляется благодаря тому, что сказочные сюжеты, присутствующие в тексте произведения, играют особую роль, они начинают сбываться «в обратную сторону». Установлено, что в произведении отражён почерк автора в изображении предмета в романе (немцев Поволжья) на фоне «кипучей эпохи» с мифологическими элементами, вследствие чего усиливается глубина смысла произведения. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Установлено, что использование жанровой гибридности в романе Г. Яхиной «Дети мои» способствует преодолению противоречия между реальностью и романтикой, историчностью и вымыслом, предоставляя читателям разнообразные эстетические переживания.

Ключевые слова: Гузель Яхина, роман, историзм, жанровая гибридность, мифопоэтика, сказка, легенда

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Цзан Синь, Гуань Юеэ. Художественная ценность бестселлера: жанровое искусство романа Г. Яхиной «Дети мои» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 956-966. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-956-966>

The artistic value of the bestseller: the genre art of G. Yakhina's novel "My Children"

Zang Xinyi , Guan Yuee

Nanjing Normal University

122 Ninkhai St., Gulou district, Nanjing, 210097, People's Republic of China

 gye_1970@126.com

Abstract

INTRODUCTION. The study is devoted to identifying the artistic technique "genre hybridity" in the novel "My children" by modern Russian writer Guzel Shamileevna Yakhina. The purpose of the study is to identify the hybridization of the genres of the novel "My Children", analyse the approach to its implementation, comprehend its meaning and the effect on the formation of the author's creative style. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the novel "My Children" G. Yakhina, winner of the national literary award "Big Book" in 2019. When analysing the text of the novel, a phenomenological approach, a method for reconstructing the artist's work and his art, and textual analysis are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is revealed that the text of the novel describes historical events with the help of artistic techniques characteristic of folklore genres of fairy tales and legends, and shows the essence of real history against the backdrop of fantastic flavor. "Genre hybridity" manifests itself due to the fact that the fairy-tale plots present in the text of the work play a special role, they begin to come true "in the opposite direction". It has been established that the work reflects the author's handwriting in the depiction of an object in the novel (Germans of the Volga region) against the background of the "ebullient era" with mythological elements, as a result of which the depth of the work's meaning increases. **CONCLUSION.** It has been established that the use of genre hybridity in the novel by G. Yakhina "My Children" helps overcome the contradiction between reality and romance, historicity and fiction, providing readers with a variety of aesthetic experiences.

Keywords: Guzel Yakhina, novel, historicism, genre hybridity, mythopoetics, fairy tale, legend

Acknowledgments and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Zang Xinyi, & Guan Yuee. The artistic value of the bestseller: the genre art of G. Yakhina's novel "My Children". *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):956-966. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-956-966>

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется его основной целью: показать жанровые особенности романа современной российской писательницы Яхиной «Дети мои»¹, проанализировать применение художественного приёма «жанровая гибридность», выявить его влияние на художественную ценность и популярность романа и объяснить, как автору удастся сочетать художественные и коммерческие ценности своего произведе-

ния. Обращение к исторической и социально-политической проблематике обуславливает междисциплинарный характер этого исследования.

Обычно литературоведы стремятся исследовать классические произведения с высокой художественной ценностью, но такие произведения, как правило, сложны для понимания обычных читателей. И наоборот, популярные произведения, которые легче понять читателям и самые продаваемые на рынке, обычно меньше привлекают внимание исследователей. Разрешение этого противоречия (чтобы литературные произведения обладали как эстетической, так и ком-

¹ Яхина Г. Дети мои. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018. 493 с. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

мерческой ценностью) стало важным вопросом перед критиками и авторами. Современная российская писательница Гузель Шамилевна Яхина (род. 1977), произведения которой переведены на более чем тридцать языков мира, дала ответ на этот вопрос своим творчеством. В 2019 г. Г. Яхина стала лауреатом национальной литературной премии «Большая книга» за свой исторический роман «Дети мои», который много раз переиздавался в России и был переведён на английский, французский, немецкий, китайский и другие языки. В 2018 г. отрывки текста под названиями «Утро», «День» и «Вечер» из романа «Дети мои» послужили материалом для проведения Тотального диктанта².

Успех Гузель Яхиной является необычным явлением современной русской литературы. С одной стороны, её роман соответствует современным реалиям и отвечает читательским потребностям, что определяет большой объём его продаж. С другой стороны, широкие научные исследования, посвящённые анализу культурно-исторических ценностей и смыслов в романе, доказывают художественную ценность её творчества.

Что же делает этот роман Яхиной таким популярным в разных кругах читателей и в то же время вызывает большую реакцию в среде литературных критиков? Что помогает автору совместить «популярность» и «глубину смысла»?

Роман Яхиной связан с мифологическими вкраплениями, которые существенно влияют на парадигму восприятия. Н.И. Павлова выделяет в романе «Дети мои» мифологическую составляющую поэтики романа, «принципиально важную для гармоничного его восприятия как единого и многоуровневого художественного целого» [1, с. 238]. К.А. Жулькова подчёркивает, что писательница «создаёт сказочный, изолированный от реальности мир, который будет контрастировать с миром реальным» [2, с. 138]. Учёный считает, что в художественном пространстве романа на фоне исторической действитель-

ности отчётливо проступают черты притчевого мира, мира сказок и легенд, что мировосприятие героя ложится в основу философских и аллегорических построений в тексте романа.

И. Савкина и А. Розенхольм отмечают: «Первое, что бросается в глаза, когда читаешь роман – это его жанровая гибридность» [3, с. 23].

Термин «жанровая гибридность» в понимании А.В. Кубасова и О.А. Михайловой – это «жанровый гидрид, располагающийся в пространстве между жанрами и имеющий признаки сразу двух жанров» [4, с. 25]. В художественном пространстве романа «волшебные сказки шульмейстера Баха странным образом воплощаются в реальность» [5, с. 81]. Речь идёт о гибридности жанров волшебной сказки и исторического романа. Роман «Дети мои» впервые по-настоящему демонстрирует способность автора сочетать разные литературные жанры с помощью разных нарративных техник.

Как правило, жанры сказки и легенды трудно использовать для контекста исторического повествования, поскольку сказка и легенда основаны на воображении, а история – на реальных фактах. Но в произведении Яхиной повествование истории, стремящееся к истине и реальности, совместно сосуществует в одном текстовом пространстве с фольклорными элементами. Возможно, это и способствуют популярности романа, поскольку «одна из сюжетных линий романа связана с фольклором и его бытованием в среде национальной культуры» [6, с. 101]. Между тем популярность романа, думается, объясняется именно присутствием в тексте романа жанровой гибридности. Данное исследование на материале романа Г. Яхиной «Дети мои» способствует решению проблем гибридизации жанров.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования является роман «Дети мои» Гузель Яхиной, в котором отражается осведомлённость автора в сфере истории и мифологический подтекст. Использован феноменологический подход, ме-

² Ребковец О. Хрестоматия Тотального диктанта от Быкова до Яхиной. М.: Эксмо, 2019. С. 202-207.

тод реконструкции творчества художника и его произведения, принципы текстуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сосуществование и гибридизация разных жанров. Обычно трудно совместить в одном литературном произведении сказки и легенды с историческим художественным повествованием, стремящемся к правде и реальности. Однако в творчестве Г. Яхиной они уживаются в едином текстовом пространстве.

Е.В. Терентьева утверждает, что Г. Яхина объединила реальный мир с миром вымышленным и таким образом создала свой авторский почерк [7].

Для исторического романа характерна достоверность. Вымысел и фантастическое преувеличение лишь ограничено присутствуют в данном литературном жанре. В сказках, наоборот, отражается воображение, присутствуют выразительные средства (например, метафоры, гиперболы, символы), а историческая достоверность не подчёркивается. Легенды находятся между ними, занимают промежуточное положение: они основаны на определённых фактах, но при этом зависят от воображения людей и постоянно меняются в процессе их устной передачи. Возможность гибридизации трёх жанров в романе «Дети мои» заключается в том, что легенды играют роль моста между текстами остальных двух жанров.

Рассказывая о взлёте и падении поволжских немцев – этнического меньшинства в СССР в первой половине XX века, автор преподносит читателям историю СССР в период его образования и реформ в трёх измерениях: 1) государственная история показана в форме реалистического романа; 2) этнография поволжских немцев раскрыта в жанре народной мифологии; 3) судьба человека описывается на фоне традиционных немецких сказок.

Различные измерения используют повествовательные стратегии автора романа, соответствующие особенностям жанра, иногда параллельно, иногда переплетаясь, формируя

в романе удивительный и непредсказуемый художественный мир.

В культурной памяти русских немцев национальная легенда о поисках Земли Обетованной, как и история Бытия, является основой их мировоззрения. Место, где *«текут молочные и медовые реки, где коровы приносят домой на рогах сладкие булочки...»* (с. 190) остаётся в мечтах людей из поколения в поколение. В этом видится обращение Г. Яхиной к теме отцов и детей.

Место проживания поволжских немцев называется Гнаденталь (колония в Нижнем Поволжье), что в переводе с немецкого языка означает «благодатная долина». Это изолированное мифологическое пространство: *«Новости из русской России доходили в колонию с таким запозданием, словно находилась она не в сердце Поволжья, а на самых задворках империи, так что конфузия вполне могла случиться»* (с. 16). Народ, *«неисправимый фаталист, набожный и суеверный»* (с. 188), ведёт примитивный образ жизни, занимается сельским хозяйством, начинает работу с восходом солнца и заканчивает на закате. Люди закрыты от всей новой информации, книг не читают, но жизнь их тесно связана с познанием природы. *«Одних только примет, предвещающих дождь, он может назвать не менее полусотни»* (с. 188), *«в качестве медикаментов используются скипидар, соль, машинная смазка; хорошо помогают также тараканы, лягушки, ежовый и собачий жир»* (с. 184).

Такие народные знания, основанные на приметах, традициях, отражают магические знания о мире, свойственные человеку. Некоторые «правила жизни» не соответствуют логике реального мира, но их нельзя отнести к вымыслу, поскольку важной особенностью легенд и сказаний является стремление людей к достоверности. «Важнейшее отличие сказания от сказки состоит в том, что в период своего актуального бытования сказание (во всех его разновидностях) претендует на достоверность, чего сказка никогда не делает» [8, с. 58].

Роман начинается словами: *«Волга разделила мир надвое»*. «Волга в романе – это не только географический объект, но и ключ к

целому комплексу понятий, связанных с сюжетным, символическим, мифопоэтическим уровнями текста» [9, с. 154]. Поволжские немцы жили на берегу Волги со времён Екатерины II, по приглашению которой в 1764–1773 гг. немцы стали заселять берег русской реки. Главный герой романа – Бах Яков Иванович, шульмейстер (учитель) и сочинитель сказок.

Герои романа, потомки немецких поселенцев, имеют исторические прототипы, сохранили самобытность и уникальность Особенности их миропонимания формируют философско-аллегорическую канву произведения, отражающего гибридную картину мира, в которой присутствует связь с реальным миром, но время от времени и от него отделяется.

Народные сказки и легенды в романе создают некий мифический этос, отрывающий роман от ощущения исторической реальности. Автор романа рассказывает об исторических событиях по-своему, используя выдуманные сказки как поэтические метафоры. Например, социальное расслоение показано в сюжете о посещении великаном страны карликов; катастрофы на территории колонии часто происходят из-за того, что главный герой добавил трагические сюжеты в написанные им сказки; в конце концов, главный герой фантастическим образом тонет в реке Волге, но не умирает, а чудесно воплощается в «бессмертие», что заменило трагический финал жизни этого обычного человека, умершего в изгнании. Таким образом, в повествовании исторических событий проявляется сказочный стиль.

Когда мы связываем легенды с подлинными историческими фактами, то обнаруживаем, что легенда о Земле обетованной на самом деле является ложью. Только в конце романа дополнительные примечания раскрывают всю правду, скрытую за легендами. Двадцать восемь заметок о реальных исторических событиях соответствуют сюжету романа и расположены в хронологическом порядке. Эти заметки можно рассматривать как ещё одну полноценную историю. Сюжет романа происходит в 20–30-е гг. XX века, а при использовании хронологических рамок ро-

мана в качестве точки отсчёта эти заметки охватывают целый ряд событий, в том числе строительство колонии во времена Екатерины II, постоянное нападение кочевых племён киргиз-кайсаков в первые годы существования колонии, Пугачёвское восстание в 1774 г. Эти события относятся к прошлому и связаны с настоящим: Гражданская война, введение продразверстки в начале января 1919 г. в условиях войны и разрухи, голод 1921–1922 гг., Брест-Литовский мирный договор, изобретение первого колесного трактора Карлика, существование организации «Третий Интернационал», смерть Льва Троцкого, переживания Энгельсины Чешковой, у которой такая же трагическая судьба, как у главного героя романа «Дети мои». Эти примечания не имеют соответствующих ссылок в тексте, поэтому читатели должны прочесть весь текст, чтобы узнать об их существовании и увидеть подлинную историю, скрытую за сказками и легендами. Процесс чтения похож на разгадывание тайны. После того как всё тайное в тексте становится явным, воздействие гибридного жанра на читателей достигает кульминации благодаря резкому контрасту между таинственностью легенды, романтикой сказки и достоверностью реальных событий.

Таким образом, в романе одновременно реализованы две концепции литературного творчества – воображение и документальность, переход между ними осуществляется через жанр сказки, обладающей одновременно реалистическими и образными характеристиками. Хотя повествовательный характер жанров сказки и легенды очень разный, в романе «Дети мои» они органично соединены, и всё произведение получает яркие краски исторической тайны, прекрасной романтики сказки и туманной странности мифов и легенд, что затрудняет определение стиля произведения «Дети мои» Гузель Яхиной.

Исследователи творчества Гузель Яхиной подчёркивают, что в её романах присутствует жанровый синкретизм, созданный на основе традиционного исторического романа и обращения к фольклору [10, с. 107].

Деформация и реконструкция исторических фактов. Исторические романы

обычно ориентированы на исторический вектор, отражают подлинность исторических фактов. Однако автор романа «Дети мои» обращает своё творческое измерение на фантазийность. Уникальный художественно-творческий приём «жанровая гибридность» делает подлинную историю деформированной и реконструированной. Читатель может только сам судить о том, что является реальным событием, а что – лишь фантазия главного героя или писателя.

По этой причине роман «Дети мои» вряд ли можно отнести к реализму или романтизму. Можно сказать, что Гузель Яхина создала уникальное синтетическое искусство. Если бы мы захотели в нескольких предложениях дать общий обзор сюжета романа, то решить эту задачу не так-то просто. Читатель, путешествуя между историей, легендой и сказкой, помещается в пространство то ли сказки, то ли легенды, то ли романа, то ли всего поочерёдно. Одной сюжетной линии недостаточно.

В романе отражается взаимодействие трёх жанров – сказки, легенды и исторического романа, которые участвуют в создании сюжетных линий, постепенно углубляющиеся и взаимосвязанные. В этом и проявляется гибридизация жанров как свидетельство творческой концепции «пересечение фольклорно-исторических фактов», что открывает читателям разные измерения восприятия. Выделим основополагающие компоненты концепции «пересечение фольклорно-исторических фактов», отражающих приём жанровой гибридности.

1. Интертекст и метафора.

«Маленький человек в Большой Истории»³ – точная характеристика биографического аспекта романа. Гузель Яхина создаёт классический для русской литературы образ «маленького человека» – сельского учителя немецкой колонии на Волге Якоба Ивановича Баха. В формате сказки представляет историю его жизни. Бах, пережив потрясения начала XX века и потеряв любимую жену,

покинул колонию и начал жить отшельником в уединённом сказочном «Хуторе Гримм», где сочинял свои сказки. Говорящее название хутора связано с фамилией братьев Якоба и Вильгельма Гримм – знаменитых немецких собирателей сказок.

В историческое повествование всего романа «Дети мои» вплетены сказки Баха «Дева-узница», «История барабанщика», «Три пряжи» и «Двенадцать охотников», которые воспроизводили и реконструировали сказки братьев Гримм в качестве интертекстуальных текстов.

Предоставляя читателям исторические воспоминания Баха, Яхина вводит их в мир сказок, деконструируя сказками реальность истории. При этом главный герой является одновременно и создателем сказки, и её персонажем. Жизнь Баха как сказочного персонажа – глубокий подтекст романа, отражающий процесс выхода его духовного мира за пределы реального мира, чтобы преодолеть свой страх и сохранить душу свободной и невредимой.

2. Подлинность и вымысел.

Реальная история событий и фактов из жизни героев романа раскрывается в форме этнографических сведений – одна из ключевых особенностей романа «Дети мои». В произведении показана национальная культура поволжских немцев – от особенностей их языка и правил земледелия до пословиц, поговорок и даже бранных слов, которыми они пользовались. Описаны украшения на окнах, способы приготовления пищи и реалии повседневной жизни. Информацию из жизни этнических меньшинств Г. Яхина получила в результате её поездок на места проживания русских немцев в Саратове, где в архивах библиотек искала исторические факты. Эти факты в романе намеренно облекала в мифологическую окраску. Так, при описании чувства принадлежности эмигрантов к своему новому дому подчёркивается их уникальная способность слышать зов Волги: *«Где бы он ни находился – в лесу или в степи, – организм его может безошибочно определить направление и даже с закрытыми глазами найти дорогу к Волге»* (с. 185). Такое

³ Басинский П. Гузель Яхина нашла свою тему: маленький человек в Большой Истории // Российская газета. 2018. № 95. С. 10.

описание отражает соединение мифической и реальной логики.

А.А. Житенёв и Е.С. Стрельникова отмечают отсутствие литературоведческого понятия, связанного с категорией мифологического в художественном произведении [11, с. 302], доказывая, что «мифологическому в художественном произведении свойственна структурная и смысловая замкнутость, а также резистентность к влиянию индивидуально-авторского».

Паранормальные явления, которые не совсем поддаются рациональному объяснению в реальном мире, просты в мифическом мире: *«Действует же этот внутренний компас просто: нужно лишь прислушаться к себе и идти, как шёл бы на зов любимого голоса...»* (с. 185).

Таким образом, мифологическое в произведении достигается единством формального правдоподобия и вымышленности, которое накладывается в произведении на реальную историю и развивает воображение читателей.

3. Размытость и перестройка истории.

Исторические факты – это основа текста романа о прошлом страны. В романе «Дети мои» Г. Яхина пытается воспроизвести идеологический образ первых десятилетий советского времени и центра государственной власти в истории «отдельного человека и народа в целом» [12] и одновременно метафорически изобразить отношения между национальными меньшинствами и советским государством. Чтобы дать читателю возможность вчитаться и лучше интегрировать контекст исторических событий 1920–1930-х гг. в СССР в призму мифологии, Яхина «размышляет», «перестраивает» архивные документы.

Из 30-ти глав романа четыре являются прямыми повествованиями об истории страны (7-я, 16-я, 25-я, 29-я): смерть Ленина, визит Сталина в Республику немцев Поволжья, бильярдная игра с фюрером и реализация программы «Великая чистка». В изложении этих событий писательница использует вымышленные имена, чтобы скрыть конкретную информацию о реальных некогда действующих лицах, при этом даёт читателю под- сказки для не очень сложных умозаключе-

ний, которые приводят к этим лицам. Например, Отец нации изображается как великан, тяжело шагающий через всю страну, а у его ног – люди, деревни, весь народ. Такая метаморфическая трактовка отказывается от принципа точности в историческом изображении, но не делает историю внутренне измененной на фактическом уровне, а, скорее, приобретает сказочную окраску. «Не претендуя на историческую точность, роман «Дети мои», как и любое хорошее произведение» учит думать...» [12, с. 377].

4. Перевод и трансформация языков.

«Что такое гибридизация? Это смешение двух социальных языков в пределах одного высказывания, встреча на арене этого высказывания двух разных, разделённых эпохой или социальной дифференциацией (или и тем и другим) языковых сознаний» [13, с. 113]. Перевод и трансформация между различными языками – ключевой шаг в жанровой гибридизации и инструмент объединения разных сюжетных линий.

В романе «Дети мои» автор использует «переводческий» подход, трансформируя исторические события, политические изменения и социальные катастрофы в фольклорный дискурс. Иными словами, государственная история рассказывается на языке немецкого и советского фольклора.

Главный герой Бах является агентом, который берёт на себя функцию перевода и трансформации. В записях самого Баха исторические события переводятся с помощью заголовков записей, например: «Год Разорённых Домов», «Год Безумия», «Год Небывалого Урожая», «Год Спрятанного Хлеба», «Год Бегства», которые отражают представления об исторических событиях, о жизни обычных людей. Автор романа организует сюжетную линию так, что главный герой каждую ночь на хуторе Гримм сочиняет сказки, а днём переправляется через Волгу. *«Немой отшельник с седой бородой, спующий по заснеженному полотну Волги с одного берега на другой и обратно, подобно ткацкому челноку, совершающему единственный оборот в день»* (с. 185).

Если легенда всё же обладает некоторой достоверностью, то сказка – это намеренный

вымысел, мир фантазии чётко отграничен от мира реальности. Таким образом, функция главного героя заключается не только в том, чтобы помочь автору изложить сюжет с точки зрения его биографии, но и в том, чтобы быть рассказчиком волшебных сказок, который «стоит на границе сказочного и реального миров, он вхож как свой в любой из этих миров и это он осуществляет их взаимосвязь» [14, с. 36], и тем самым осуществляют трансформация и перевод сказочного и исторического языков.

Автор романа «вмешивается» в ход истории страны с помощью вымысла и воображения, фольклор служит основой для понимания идентичности немцев и сохранения культурной памяти, позволяя читателю размышлять над вымышленным текстом и исторической реальностью.

Реалистические произведения изображают и отражают жизнь такой, какая она есть. Это помогает воссоздать социальный облик определённого периода, но описание событий на основе объективных фактов неизбежно находится под влиянием социальной идеологии и политической власти. Поэтому события, описанные объективным историческим языком, могут быть самыми субъективными.

Гузель Яхина использовала смешение жанров, наполнила рамки исторического романа жанрами сказки и легенды, чтобы преодолеть ограничение реалистического описания, выразить искренние эмоции и тем самым достичь существенной подлинности на литературном уровне.

В сказке, легенде и других формах народной литературы конкретная информация о персонажах, времени и месте не так чётки, что может снижать показатель абсолютной подлинности. Персонажи с советскими чертами стали героями воображаемыми. Главный герой Бах, жертва изгнания и свидетель национальной трагедии, имеет такие сказочные имена: «Шекспир нечесаный» (с. 211), «Немой отшельник с седой бородой» (с. 185). При восприятии такого образа ощущается пустынножителство немого отшельника. Гофман, председатель колхоза, больной, страдающий карликовостью, изображён в

романе как «чудак с девчачьим лицом» с «эльфийской фигурой». Торопливые рабочие превратились в молчаливых рыб и мышей, испытывая правление короля великана и разрушение бедной деревни.

Настоящий замысел использования жанров сказки и легенды автором романа состоит в том, чтобы воспроизвести путешествие обычных маленьких людей к непрерывному искуплению своей и чужой души и, наконец, преодолеть трагедию истории, обрести духовную свободу. Именно поэтому сказки и мифы служат средством репрезентации реальности, в которую погружается и читатель. Фольклорные персонажи оказываются ближе к сердцу читателя и становятся средой обитания народного духа.

Концепции, связанные с сущностью человеческих эмоций, сложно передать только через реалистические тексты, поэтому писательница выходит за пределы документов, используя разнообразные жанры и насыщая их эмоциями, чтобы превратить чёрно-белый мир истории в красочное и сюрреалистичное царство.

В романе отражаются простые истины о сущности человеческих эмоций, отличных от рациональных. Природа абстрактных человеческих эмоций, таких, как любовь и страх, в полной мере отражена в романе Яхиной. «Отсутствие страха вовсе не означало отваги: его заменила не храбрость, а успокоенность. Отрепённый взгляд видел много больше прежнего, словно со всех предметов и людей сдёрнули завесу – и лишь теперь, впервые, Бах разглядел мир по-настоящему» (с. 443).

Название романа «Дети мои» взято из фрагмента исторического документа – так царица Екатерина II называла немецких крестьян, издавая указ о позволении иностранцам селиться в России. Гузель Яхина в своём романе «думала обо всех малых народах, подвергшихся репрессиям» [15]. Поэтому, несмотря на то, что романы Яхиной посвящены советской истории, читатели других стран, не жившие в советское время, могут сопереживать судьбе героев, что, вероятно, является одной из причин, почему произве-

дения Яхиной всегда переводятся и пользуются популярностью в других странах мира.

Роман Г. Яхиной «Дети мои» перевёл на китайский язык Чэн Фан (профессор Народного университета Китая, г. Пекин). Опубликовано в 2020 г.⁴, что заложило основу для изучения китайскими исследователями художественных особенностей произведений Гузель Яхиной [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман Гузель Яхиной «Дети мои» через смешение жанров демонстрирует, во-первых, документальность исторического произведения, во-вторых, романтику сказки, в-третьих, таинственность легенды.

С помощью художественного приёма «жанровая гибридность» автор, преодолевая

исторические ограничения при описании истории, создаёт новый стиль. Чтобы объединить повествовательные тона разных жанров, каждый из трёх жанров – сказка, легенда и роман – принимает законченную сюжетную линию и отражает историю с разных точек зрения, завершая выход за пределы реальности и позволяя роману обрести внутреннюю правдивость на литературном уровне.

Роман Гузель Яхиной «Дети мои» является литературным произведением на историческую тему, но это не столько грандиозная симфония о большой государственной истории, сколько реквием, посвящённый национальной трагедии и исчезновению «маленького человека». Это роман, исследующий и отразивший безмолвную музыку душ людей в пыли истории.

Украшать чёрно-белую историю гибридными жанрами, показывать любовь и нежность в аду – это вечное содержание в постоянно изменяющейся истории, и это то, что Яхина хочет нам показать в своём творчестве.

⁴ Яхина Гузель. Дети мои. Пекин: Октябрьское литературное изд-во, 2020. 569 с. [古泽尔·雅辛娜. 我的孩子们. 北京: 十月文艺出版社, 2020 年, 569 页]

Список источников

1. Павлова Н.И. Сказка – миф – логос в поэтике романа Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 237-247. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-237-247>, <https://elibrary.ru/laqftg>
2. Жулькова К.А. «Бывают странные сближения»: особенности поэтики романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Дети мои» Г. Яхиной // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 6 (861). С. 136-143. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_136, <https://elibrary.ru/jwnjbt>
3. Савкина И., Розенхольм А. «Секрет её успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 3-4. С. 22-25. <https://elibrary.ru/xrvcdx>
4. Кубасов А.В., Михайлова О.А. Жанровая гибридность как литературно-речевая стратегия книги Линор Горалик «Говорит:» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. Т. 22. № 22. С. 23-39. <https://doi.org/10.17223/23062061/22/2>, <https://elibrary.ru/adfjxt>
5. Розин В.М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 79-87. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.10.26710>, <https://elibrary.ru/yymmkb>
6. Шафранская Э.Ф. Фольклор как сюжетобразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2. С. 101-110. <https://elibrary.ru/nynach>
7. Терентьева Е.В. Жанровые черты сказки в романах Гузель Яхиной как примета авторского стиля // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа: материалы Седьмых Международных научных чтений. Калуга: Изд-во Калуж. гос. ун-та им. К.Э. Циолковского, 2020. С. 556-574. <https://elibrary.ru/cblbel>
8. Тюпа В.И. Дискурс. Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
9. Жулькова К.А. Мифологема реки в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 153-159. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_6_874_153, <https://elibrary.ru/ipdjru>

10. Иркабаева Ф.М., Камилова С.Э. Художественные доминанты в творчестве Гузель Яхиной // *International Journal of Formal Education*. 2024. Vol. 3. № 8. С. 104-109.
11. Житенёв А.А., Стрельникова Е.С. Нео-мифология: опыт уточнения современной исследовательской терминологии // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 5. С. 302-319. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319>, <https://elibrary.ru/fnecqh>
12. Шарыпова Т.П. Роман Г. Яхиной «Дети мои» // *Учёные записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия»*. 2021. Т. 17. С. 373-377. <https://elibrary.ru/umsbyw>
13. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.
14. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск: Изд-во «Урал», 1992. 184 с.
15. Султанов К.К. Травматический опыт и антропологическая доминанта. Гузель Яхина // *Вопросы литературы*. 2022. № 6. С. 13-31. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-6-13-31>, <https://elibrary.ru/qgcbok>
16. Лю Лю. Гузель Яхина в Китае // *Миссия конфессий*. 2023. Т. 12. № 5 (70). С. 79-84. <https://elibrary.ru/ldpwey>

References

1. Pavlova N.I. Fairy tale – myth – logos in the poetics of G. Yakhina's novel "Children of mine". *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures*, 2021, vol. 59, pp. 237-247. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-237-247>, <https://elibrary.ru/laqftg>
2. Zhul'kova K.A. "There are strange rapprochements": features of the poetics of novels "Laurus" by E. Vodolazkin and "Children of mine" by G. Yakhina. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 6 (861), pp. 136-143. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_136, <https://elibrary.ru/jwnjbt>
3. Savkina I., Rozenkhol'm A. "A secret of her success": reflections on Guzel Yakhina's novel "Zuleikha opens her eyes". *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy = Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2016, no. 3-4, pp. 22-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xrvcdx>
4. Kubasov A.V., Mikhailova O.A. Genre hybridization as a literary communication strategy in Linor Gorali's book says. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie = Text. Book. Publishing*, 2020, vol. 22, no. 22, pp. 23-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/23062061/22/2>, <https://elibrary.ru/adfjxt>
5. Rozin V.M. The artistic reality of Guzel Yakhina's novel "Children of mine". *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2018, no. 10, pp. 79-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.10.26710>, <https://elibrary.ru/yymmkb>
6. Shafranskaya E.F. Folklore as a plot-forming concept in Guzel Yakhina's novel "My children". *Palimpsest. Literaturovedcheskii Zhurnal*, 2019, no. 2, pp. 101-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nynaeh>
7. Terent'eva E.V. Genre traits of a fairy tale in G. Yakhina's novels as a sign of the author's style. *Materialy Sed'mykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii «Avtor – tekst – chitatel': teoriya i praktika analiza» = Proceedings of the 7th International Scientific Readings "Author – Text – Reader: Theory and Practice of Analysis"*. Kaluga, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski Publ., 2020, pp. 556-574. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cblbel>
8. Tyupa V.I. *Diskurs. Zhanr*. Moscow, Intrada Publ., 2013, 211 p. (In Russ.)
9. Zhul'kova K.A. The mythologeme of the river in G. Yakhina's novel "Children of mine". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, no. 6 (874), pp. 153-159. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_6_874_153, <https://elibrary.ru/ipdjru>
10. Irkabaeva F.M., Kamilova S.E. Artistic dominants in the Guzel Yakhina's works. *International Journal of Formal Education*, 2024, vol. 3, no. 8, pp. 104-109. (In Russ.)
11. Zhitenev A.A., Strel'nikova E.S. Neo-mythologic: experience of clarifying modern research terminology. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2022, vol. 11, no. 5, pp. 302-319. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319>, <https://elibrary.ru/fnecqh>
12. Sharypova T.P. G. Yakhina's novel "My children". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Filiala "Rossiiskogo Gosudarstvennogo Universiteta Pravosudiya"*, 2021, vol. 17, pp. 373-377. (In Russ.) <https://elibrary.ru/umsbyw>

13. Bakhtin M.M. *Collected Works. Vol. 3: Theory of the Novel (1930–1961)*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012, 880 p. (In Russ.)
14. Lipovetskii M.N. *The Poetics of a Literary Fairy Tale*. Sverdlovsk, Ural Publ., 1992, 184 p. (In Russ.)
15. Sultanov K.K. A traumatic experience and the anthropological leitmotif. Guzel Yakhina. *Voprosy literatury = Russian Studies in Literature*, 2022, no. 6, pp. 13-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-6-13-31>, <https://elibrary.ru/qgcbok>
16. Lyu Lu. Guzel Yakhina in China. *Missiya konfessii = Mission Confessions*, 2023, vol. 12, no. 5 (70), pp. 79-84. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ldpwey>

Информация об авторах

ЦЗАН Синьи, магистрант кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, <https://orcid.org/0009-0003-6381-460X>, zangxinyi8867@163.com

Вклад в статью: сбор и систематизация фактического материала, анализ художественного текста, написание части текста статьи.

ГУАНЬ Юеэ, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, <https://orcid.org/0000-0001-9821-1030>, gye_1970@126.com

Вклад в статью: разработка общей концепции исследования, написание части текста статьи, редактирование текста.

Для контактов:

Юеэ Гуань
e-mail: gye_1970@126.com

Поступила в редакцию 20.09.2024
Поступила после рецензирования 05.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the authors

Xinyi Zang, Master's Degree Student of Russian Language and Literature Department of Institute of Foreign Languages, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, <https://orcid.org/0009-0003-6381-460X>, zangxinyi8867@163.com

Contribution: material acquisition and systematization, fiction text analysis, part of manuscript text drafting.

Yuee Guan, Cand. Sci. (Philology), Professor of Russian Language and Literature Department of Institute of Foreign Languages, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, <https://orcid.org/0000-0001-9821-1030>, gye_1970@126.com

Contribution: main study conception development, part of manuscript text drafting, manuscript text editing.

Corresponding author:

Guan Yuee
e-mail: gye_1970@126.com

Received September 20, 2024
Revised November 5, 2024
Accepted November 18, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81-13

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-967-976>

Шифр научной специальности 5.9.9

Фактура медиатекста как его ключевой параметр

Татьяна Викторовна Шмелёва

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»
173003, Российская Федерация, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
✉ szmiel@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Представлено осмысление одного из параметров медиатекста – его фактуры – в плане его соотношения с другими параметрами. При этом получает толкование такая потенциальная характеристика медиатекста, как полифактурность, и ставится цель – показать, как она определяет обращения текста в современной медиасфере. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Исследование методологически основано на семиотическом толковании медиатекста и внимании к региональному медиаполю, в рамках которого тексты разных дискурсов формируют фактурные парадигмы и функционируют по фактурным маршрутам, что обуславливает использование в их изучении дискурс-анализа, а также методов семантического и стилистического анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Рассмотрение двух фактурных парадигм медиатекстов – новостей из дискурсов здоровья и культуры – позволяет показать, что с учётом хронологии появления медиатекстов, их жанров (анонс, новость, пост в телеграм-канале и т. д.), интертекстуальности, соотношения вербального и визуального и других моментов удастся установить, что исходным элементом парадигм оказывается теле-текст, что объясняется приверженностью региональной аудитории к телевидению как каналу связи. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Фактура медиатекста – его ключевой параметр, определяющий во многом его обращение в региональном медиаполе, присутствие его контента в зоне внимания разных сегментов региональной аудитории, что существенно для медиаменеджмента и медийной политики региона.

Ключевые слова: медиакоммуникация, медиатекст, параметры, фактура, полифактурность, региональное медиаполе

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда и администрации Новгородской области № 24-28-20290, <https://rscf.ru/project/24-28-20290>.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шмелёва Т.В. Фактура медиатекста как его ключевой параметр // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 967-976. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-967-976>

The texture of a media text as its key parameter

Tatyana V. Shmeleva

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

 szmiel@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The article presents an understanding of one of the parameters of a media text – its texture – in terms of its relationship with other parameters. At the same time, such a potential characteristic of a media text as polytexture is interpreted and the goal is set – to show how it determines the circulation of a text in the modern media sphere. **MATERIALS AND METHODS.** The study is methodologically based on a semiotic interpretation of a media text and attention to the regional media field, within which texts of different discourses form texture paradigms and function along texture routes, which determines the use of discourse analysis in their study, as well as methods of semantic and stylistic analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** The examination of two texture paradigms of media texts – news from the discourses of health and culture – allows us to show that, taking into account the chronology of the emergence of media texts, their genres (announcement, news, post in a telegram channel, etc.), intertextuality, the relationship between the verbal and visual, etc., it is possible to establish that the initial element of the paradigms is teletext, which is explained by the commitment of the regional audience to television as a communication channel. **CONCLUSION.** The texture of a media text is its key parameter, which largely determines its circulation in the regional media field, the presence of its content in the attention zone of different segments of the regional audience, which essentially.

Keywords: media communication, media text, parameters, texture, poly-texture, regional media field

Acknowledgements and Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation and the Novgorod Region Administration No. 24-28-20290, <https://rscf.ru/project/24-28-20290>.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Shmeleva, T.V. The texture of a media text as its key parameter. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):967-976. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-967-976>

ВВЕДЕНИЕ

Усложнение медиасферы предоставляет новые возможности для отправителей текстов и их адресатов, обнаруживая при этом новые свойства медиатекстов, возвращая вновь и вновь к их обсуждению как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Это связано с тем, что, казалось бы, хорошо известные свойства начинают иначе восприниматься и иначе использоваться в условиях цифровизации при решении разного рода коммуникативных задач.

Обсуждение этой проблемы в медиалингвистике с первых лет её существования не кажется удивительным: медиатекст – первичное понятие этой научной дисциплины.

Так, в словаре-справочнике подчёркивается, что это «центральный предмет изучения медиалингвистики», при его рассмотрении используются понятия *особенности, свойства, специфические признаки*¹. В учебнике термин *медиатекст* толкуется как «зонтичный», обозначающий все виды текстов в СМИ², при этом отмечается, что интернет-текст, «сохраняя ведущие *параметры* классического текста, получает новые *характеристики*, связанные с техническими особенностями

¹ Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 74-79.

² Клушина Н.И., Николаева А.В. Стилистика интернет-текста. М.: Эдитус, 2019. С. 16.

интернет-коммуникации»³. К параметрам текста авторы относят ограниченность от других текстов, грамматическую оформленность, связность, когерентность, целостность, интенциональность, линейность, авторство, адресность, прагматическую направленность, перлокутивный эффект и способы его достижения, коммуникативные стратегии и тактики, код, конситуацию, интертекстуальность⁴. К параметрам интернет-текста – гипертекстовость, расширение границ текста за счёт комментариев, поликодовость и мультимедиальность⁵.

Анализ реальной практики использования понятия *медиа́текст* в научных и дидактических целях, судя, например, по публикациям, размещённым в библиотеке РИНЦ, где, кстати, по запросу «медиа́текст» обнаруживается более 3000 работ, показывает, что это понятие используется настолько разнообразно, что напрашивается эпитет *бесконечно*: от «газетный медиа́текст» [1], где *медиа́* кажется избыточным, до «сериал как медиа́текст» [2], где оно кажется загадочным. Даже беглый просмотр названий публикаций убеждает, что изучаются разные элементы медиа́текста, начиная с его содержательных и стилистических моментов, включая характер заголовка, как, например, в [3] или отдельные типы лексем, как в [4; 5].

Однако вопрос о свойствах медиа́текста не снимается с повестки дня, см., например, [6]. При этом терминологически они обозначаются как *признаки, свойства, особенности, специфика, характеристики, параметры*⁶. Предпочитая последний термин *параметры* как соответствующий современному языку науки, см. например, [7], отдаём себе отчёт в том, что его отличие от приведённых выше весьма условно, и важнее говорить о реальных свойствах медиа́текстов, чем отстаивать тот или иной термин для их обозначения.

Можно утверждать, что особое место среди параметров медиа́текста занимает его **фактура**. Это понятие отсылает к термину общей филологии *фактура речи*, который используется в значении «обработанный определёнными орудиями определённый материал речи», и позволяет противопоставлять устную, письменную, печатную речь и речь массовой коммуникации⁷. Отмечены тексты, запрограммированные на существование в двух фактурах: «драматургическое произведение сначала пишется автором, а потом произносится со сцены актёрами»⁸, то есть письменная и устная фактура обязательны для полного осуществления такого текста, тогда как для поэтического текста достаточно одной – письменной – фактуры.

В рамках общей филологии названы фактуры, в которых осуществляется массовая коммуникация: это радио, кино, телевидение, массовая пресса, ЭВМ⁹. Конечно, в 1979 г. представить возможности фактуры «ЭВМ», которую мы сейчас называем компьютерной, было трудно, но важно, что уже тогда она имела в виду с учётом общей мысли об историчности фактур речи: «Каждая вновь открытая и используемая фактура речи развёртывает по внешним правилам словесности новую совокупность видов и разновидностей словесности»¹⁰. Значимость таких изменений требует формирования особого раздела общей и частной филологии, которые предлагалось именовать фактуроведением – областью истории техники и истории общества¹¹.

В рамках медиалингвистики предлагалось институализировать её особую речеведческую дисциплину – фактурологию, так как фактура обеспечивает медиа́контенту возможность быть предъявленным на разных каналах медиа́коммуникации – в прессе, на радио и телевидении, в интернет-простран-

³ Клушина Н.И., Николаева А.В. Стилистика интернет-текста. С. 4.

⁴ Там же. С. 11-12.

⁵ Там же. С. 17-18.

⁶ Характерно в этом отношении название статьи «Медиа́текст телеканала «Вести Алтай»: основные характеристики, классификационные параметры» [8].

⁷ Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979. С. 8.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 213.

¹¹ Там же. С. 214.

стве, а это требует специальных исследований¹².

Таким образом, в рамках общей филологии и медиалингвистики высказан ряд положений, которые позволяют рассмотреть вопрос о фактуре медиатекста более детально, рассчитывая на развитие и практическое применение этого теоретического понятия.

В настоящей работе ставится **цель** внести уточнения в понятие фактуры медиатекста, существенные для интерпретации его обращения в региональном медиаполе. Иначе говоря, основной вопрос, к ответу на который намечено приблизиться в настоящем исследовании, можно было бы сформулировать так: как такой параметр медиатекста, как фактура обеспечивает его эффективное обращение в региональном медиаполе?

При этом предполагается, что конкретный медиатекст может быть преобразован из одной фактуры в другую последовательно: например, некая информация, прозвучав в виде радиотекста, затем появится в печатной фактуре – на страницах газет и их интернет-версий, а на следующий день – в видеосюжете на телеканалах. Единство контента объединяет тексты в серию, которую можно обозначить как *фактурную парадигму*¹³, а последовательность его фактурных перевоплощений – проследить как *фактурный маршрут* (понятие предложено А. Бондаренко и А. Комиссаровой).

Это означает, что медиатекст мыслится как **полифактурный**, и этот его параметр оказывается в ряду иных, требующих для обозначения сложных терминов с первой частью *много-* и её греческими и латинскими эквивалентами *поли-* и *мульти-*: многосредовость [7, с. 413], поликодовость [9], мультимодальность [10], мультимедийность [11–13], мультиплатформенность [14; 15].

Принципиально различать полифактурность как потенциальной свойств и как реальную характеристику медиатекста. Совре-

менные компьютерные технологии позволяют создание медиатекстов, в которых разные фактуры присутствуют одновременно. Так, полифактурен телевизионный текст: в нем соединяются видеофактура и аудио-, он воспринимается одновременно слухом и зрением, при этом важно, что визуальная составляющая текста воспринимается не как статичное изображение, а как движения и действия героев, кроме того, на экране может появиться и вербальный графический текст, например, в бегущей строке. Одновременно разные фактуры присутствуют в лонгриде: графический текст дополняет аудио- и/или видео, такие тексты получили наименование мультимедийных [12; 13].

Из этого, в частности, следует, что филологическому термину *полифактурность* соответствует медийный – *мультимедийность*, однако, имея дело с медийностью как общим свойством современной коммуникации и характеристикой текста, сложно представить, что есть ещё и мультимедийность. Но как бы ни обозначить этот параметр текста, его сущность видится в том, что некоторый контент получает различное воплощение, рассчитанное на разное восприятие адресатом, и переживает при этом содержательные и стилистические трансформации, обусловленные характером каждой фактуры.

Итак, полифактурность как потенциальное свойство медиатекста оказывается одним из условий его обращения и позволяет регулировать это обращение. Региональное медиаполе как обозримое медиапространство предоставляет реальные возможности предъявления аудитории определённого контента в ряде фактур, что позволяет увидеть его фактурную парадигму и при этом проследить его фактурный маршрут.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологически настоящая работа основана на семиотической интерпретации медиатекста с учётом понятий общей филологии. Это означает, что носителем медиаконтента может быть текст во всей полноте его

¹² Шмелёва Т.В. Фактурология в контексте медиалингвистики // Речевое общение: спец. вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. Вып. 14 (22). С. 138-145.

¹³ Понятие предложено в работе: Шмелёва Т.В. Фактурология...

фактур и кодов, а не только в вербальном воплощении.

Основной метод исследования медиатекста – дискурс-анализ, предполагающий отбор и рассмотрение текстов одного дискурса в рамках регионального медиаполя. В рассмотрении конкретных медиатекстов используется семантический метод, цель которого – сопоставление языковых воплощений контента в разных фактурах и объяснение выявляющихся при этом различий с опорой на понятия семантического синтаксиса и грамматики текста.

Наряду с этим используются стилистические методы анализа текста, результатом применения которых должна стать интерпретация различий, возникающих в разных фактурах медиатекста. Интертекстуальный метод позволяет установить отношения медиатекстов, в том числе в отношении первичности/вторичности, присутствия фрагментов одного текста в других.

Конкретная методика проводимого исследования строится как поиск медиатекстов одного дискурса по ключевому слову, построение их фактурных парадигм и выявление маршрутов движения контента в рамках новгородского медиаполя с опорой на данные семантического, стилистического и интертекстуального анализа. Таким образом, работа оказывается в контексте региональных медиалингвистических исследований¹⁴ с учётом дискурсивной модели новгородского медиаполя, представленной, в частности, в коллективной монографии¹⁵.

Материалом исследования послужили актуальные медиатексты новгородского медиаполя (сентябрь 2024 г.), рассмотрено более 70 текстов, однако в рамках статьи представлены результаты анализа двух новостных парадигм, что представляется достаточно репрезентативным для демонстрации исследуемого параметра медиатекста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ выборки медиатекстов позволил построить фактурные парадигмы с разными маршрутами. Типичными представляются два случая, результаты анализа которых целесообразно показать подробно.

В первом случае Новгородское областное телевидение (НТ) в выпуске новостей 5 сентября 2024 г. показывает видеосюжет о новом оборудовании, которое позволяет существенно быстрее диагностировать онкологическое заболевание, в графической фактуре этот текст затем размещается на сайте НТ:

В ЛАБОРАТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ЦГКБ ПОЯВИЛОСЬ НОВОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Обнаружить рак шейки матки можно, окрасив пробы специальным составом. Для этого и нужен новый аппарат. Метод греческого учёного Папаниколау позволяет оценить степень созревания цитоплазмы и выделить атипичные ядра. Проще говоря, найти онкологию на ранней стадии. По золотому стандарту, признанному во всём мире, давно работают и в лаборатории городской больницы. Но раньше мазки приходилось окрашивать вручную.

Виктория Шутова, заведующая централизованной лабораторией ГОБУЗ «ЦГКБ»: «Процесс трудоёмкий: это человек делает руками, время засекает – тут погрешность очень велика и время. Так – ты в аппарат поставил и можешь уже, в принципе, заниматься другими делами».

Раньше, чтобы окрасить 25 проб, требовался день. Сейчас – не больше четырнадцати минут. Новый аппарат – отечественного производства, стоимость – около семисот тысяч рублей. Только за день в лаборатории проводят сотню таких исследований. К слову, сдать мазок можно в рамках диспансеризации. Кроме того, лаборатория ЦГКБ выполняет множество других исследований в оперативном режиме: в день поступает почти две тысячи проб (Анастасия Васюнова, <https://novgorod-tv.ru/news/v-laboratorii-novgorodskoj-czgkb-poyavilos-novoe-oborudovanie/>).

¹⁴ Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. С. 74-79.

¹⁵ Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: коллективная монография / под ред. Т.В. Шмелёвой. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2015.

Позднее текст появляется на RUTUBE (<https://yandex.ru/video/preview/6408434221467521667>). 10 сентября 2024 г. новость прозвучала на радио «Славия», а её графическая версия была размещена на сайте с фотографией, представляющей собой один из кадров видеосюжета, что подчёркивает связь с ним и вторичность радионовости (<https://vesti53.com/projects/vesti-velikij-novgorod/v-czentralnuyu-gorodskuyu-klinicheskuyu-bolniczu-velikogo-novgoroda-postupilo-oborudovanie-dlya-issledovaniy-onkologicheskikh-zabolevaniy.html>). Там же указано на присутствие текста, точнее – его графических версий, в соцсети ВКонтакте и в Телеграм-канале. Интересно, что эту новость не опубликовало издание «53 Новости», для которого типично размещение графических версий телесюжетов Новгородского телевидения, тем более что у них есть рубрика «Здоровье».

Таким образом, информация о новом медицинском оборудовании в течение недели предстала перед зрителями/слушателями/читателями региона семь раз на пяти каналах, то есть контент выступает в парадигме из семи текстов. Её фактурный маршрут можно представить так: «телевизионная – Интернет – радио – Интернет», что обеспечило представления в трёх фактурах – видео-, радио- и графической, включая фото как визуальный компонент графического текста. Нельзя не заметить, что эфирные фактуры дублируются графической, что говорит, видимо, о том, что она в большей степени подходит для архивирования.

Анализ контента показывает, что телевизионный сюжет более информативен, в частности, содержит больше медицинских подробностей, количественных данных, тогда как радиотекст завершается напоминанием о том, что «раннее обнаружение – залог будущего выздоровления», включаясь в дискурс медицинского просвещения. При этом, соотносясь с другими новостями о техническом оснащении медицинских заведений региона, текст включается в медицинский дискурс и смежные с ним в рамках дискурсивной модели регионального медиаполя¹⁶.

¹⁶ Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований. С. 102-116.

Второй случай представляют тексты о культурном событии – фотовыставке. Серия текстов о ней начинается с анонса и рекламы на телеэкране, продублированной в графической фактуре на интернет-странице телеканала:

НОВГОРОДЦЕВ ПРИГЛАШАЮТ ПОСЕТИТЬ ФОТОВЫСТАВКУ, ПОСВЯЩЁННУЮ ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

В детском музейном центре готовится к открытию фотовыставка «Тишина говорит». Экспозицию составили 35 фоторабот 21 автора из Великого Новгорода.

Чтобы увидеть на фотографии знаменитого ангела с памятника «Тысячелетие России» – надо присмотреться – и вот сквозь деревья и туман проступает так хорошо известный всем новгородцам символ города. Увидеть Великий Новгород и окрестности с нового ракурса можно на фотовыставке «Тишина говорит». 21 автор поделился своими запечатлёнными ощущениями от любимого города.

Анна и Владимир Щелкановы, фотографы: «Эта выставка, скорее – про состояние, про состояние особого внутреннего покоя и гармонии, в которое человек может попасть, увидев то, что трогает его душу. И вот в это мгновение он замирает, хватается фотоаппарат, снимает, и получается это особое состояние»

Инициаторы и идейные вдохновители выставки – фотографы Анна и Владимир Щелкановы, которые связывались с коллегами по искусству и предлагали присоединиться к проекту. Здесь можно найти имена хорошо известных новгородских мастеров и любителей, которые только начинают свой путь. Зрители смогут использовать фотографии как путеводитель, чтобы найти места, в которых ещё не были. Выставка, которую поддержал Новгородский музей-заповедник, начнёт работу с 16 сентября в детском музейном центре (Анна Вихрова // НТ. 13.09.2024. URL: <https://novgorod-tv.ru/news/novgorodczev-priglashtayut-posetit-fotovystavku-posvyashhennuyu-lyubimomu-gorodu>).

Накануне открытия выставки об этом как о случившемся факте сообщается в Теле-

грам-канале музея – буквально в нескольких строках с «неновостным» заголовком «ВРЕМЕНА ГОДА» (<https://t.me/novmuseum/4697>) и на интернет-странице газеты «Московский комсомолец в Великом Новгороде» со ссылкой на этот текст, но с типичным для новостей заголовком «В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ ОТКРЫЛАСЬ ФОТОВЫСТАВКА «ТИШИНА ГОВОРИТ»» (<https://www.mk-novgorod.ru/social/2024/09/15/v-velikom-novgorode-otkrylas-fotovystavka-tishina-govorit.html>).

В день открытия выставки – 16 сентября – на официальном сайте музея-заповедника публикуется развёрнутый пресс-релиз «ФОТОВЫСТАВКА «ТИШИНА ГОВОРИТ» с комментарием её куратора и бэкграундом – о других выставках фотографов (<https://novgorodmuseum.ru/visit/sobytiya/fotovystavka-«tishina-govorit»>). В тот же день интернет-издание «53 новости» публикует текст под заголовком «21 НОВГОРОДЕЦ ПРЕДСТАВИЛ СВОИ РАБОТЫ НА ФОТОВЫСТАВКЕ «ТИШИНА ГОВОРИТ»» (<https://53news.ru/novosti/fotovystavka-novgorodskih-avtorov-otkrylas-v-detskom-muzejnom-centre.html>), в основе которого, судя по цитированным словам куратора выставки, – названный пресс-релиз:

Новгородский фотохудожник и куратор выставки Владимир Щелканов считает, что у фотографий есть удивительная сила: они способны останавливать не только время, но и людей, бегущих, торопящихся всё успеть, не спящих ночами, покоряющих вершины.

«Вдруг ты видишь что-то и замираешь. На несколько вдохов, на несколько ударов взволнованного пульса. Чтобы потом схватить фотоаппарат и сохранить, сберечь, остановить это чудо, ворвавшееся в твою душу. А потом замирает зритель, встретивший твою фотографию. С такими фотографиями нужно встречаться на выставках. Дарить себе время на эту остановку, встречу и тишину. Слушать, чувствовать, наполняться», – отметил Владимир Щелканов (<https://53news.ru/novosti/fotovystavka-novgorodskih-avtorov-otkrylas-v-detskom-muzejnom-centre.html>).

Таким образом, фактурную парадигму контента о выставке составляют шесть текстов, а его фактурный маршрут можно обозначить так: «телевизионная + графическая на сайте телеканала – графическая в Телеграм-канале – графическая на интернет-странице газеты – графическая на сайте музея – графическая в новостном интернет-издании». На первый взгляд, в этом случае фактурная парадигма рассматриваемого контента меньше: использованы только две фактуры – телевизионная и графическая (без радио), но на самом деле графические тексты на официальном сайте музея и в Телеграм-канале не могут быть совершенно идентичными, у каждого из каналов свои требования к тексту, начиная от его объёма и завершая стилистикой. Важно, что в разных версиях контент представлен в региональном медиаполе шесть раз, при этом тексты ранжируются как первичные и вторичные, а так как у каждой фактуры – своя аудитория, охват оказывается солидным. Существенно, что исходная точка фактурного маршрута, как и в первом случае, – телевидение, что объясняется приверженностью региональной аудитории к этому каналу связи.

ВЫВОДЫ

Итак, наблюдения над функционированием медиатекстов в региональном медиаполе в аспекте фактуры позволяет убедиться в том, что полифактурность медиатекста оказывается важным фактором его обращения в региональном медиаполе. И хотя в обоих представленных случаях серия текстов начинается с телевизионного, преобладают графические интернет-тексты, что характерно сегодня для регионального медиаполя в силу ряда причин: в частности, их приспособленности к архивированию и повторным просмотрам, простоты генерирования, тиражирования за счёт репостов, уже привычности восприятия.

Конечно, анализ всего двух фактурных парадигм медиатекстов, приведённый в исследовании, вряд ли показывает все аспекты проблемы, тут нужен солидный корпус текстов, который даст материал для обобщений,

однако довольно понятно, что фактура текста – его ключевой параметр, обеспечивающий движение контента в медиаполе. Дальнейшие наблюдения такого рода, планируемые в рамках проекта, необходимы не только для того, чтобы систематизировать полученные данные, но и для того, чтобы разработать пути оптимизации маршрутов разных текстов, что повышало бы уровень информирования аудитории о важных моментах жизни региона. Более детально планируется изучить влияние фактуры на стилистику медиатекста, чему здесь практически не было уделено места.

В теоретическом плане есть смысл уточнить общефилологическое понятие *фактура речи*. Для анализа медиатекстов оно оказывается «тесноватым»: так, графическая фактура текста представлена как в печатных издани-

ях, так и в Интернете, что не делает их неразличимыми, поскольку у каждого из интернет-форматов собственные требования к медиатексту, поэтому предложенное понятие *мультиплатформенность* [14] можно трактовать как более конкретное, чем фактура.

Таким образом, понятие фактура текста находит место в понятийном аппарате медиалингвистики и практике лингвистических исследований медиасферы. Кажется достаточно убедительным вывод о том, что фактура – ключевой параметр медиатекста, который при взаимодействии с такими его параметрами, как поликодовость, авторское начало, маркированность знаками разных сфер, жанровые и стилистические характеристики, обеспечивает максимальное присутствие в медиапространстве, дифференциацию и таргетированность контента.

Список источников

1. Косова И.О. Газетный медиатекст как отражение различных аспектов культурной идентичности // *Национальная ассоциация учёных*. 2020. № 56-1 (56). С. 67-70. <https://elibrary.ru/ezliwy>
2. Кудрина Л.В. Сериал как медиатекст: проблемные аспекты // *Медиаскоп*. 2022. № 3-4. С. 5. <https://elibrary.ru/pzpcz>
3. Гаврикова О.А. Анализ смысловой организации медиатекстов (на примере кликбейт-заголовков новостного онлайн-издания The Guardian) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 2. С. 207-211. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.41>, <https://elibrary.ru/auqhnu>
4. Кобенко Ю.В., Рябова Е.С., Снисар А.Ю. Функции неологизмов в американских средствах массовой информации XXI века // *Мир лингвистики и коммуникации*. 2018. № 54. С. 231-250. <https://elibrary.ru/yrxsix>
5. Беспалова Е.А., Ельникова А.В. Библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах // *Научный диалог*. 2021. № 6. С. 29-42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-29-42>, <https://elibrary.ru/qfppsw>
6. Зайцева Н.Н., Нерушева Т.В. К вопросу о сущности и признаках медиатекста // *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*. 2020. № 12. С. 178-181. <https://doi.org/10.36683/2500-249X/2020-12/178-181>, <https://elibrary.ru/kfjjsh>
7. Трубина Л.А., Солдаткина Я.В. Современный медиатекст: основные методологические подходы к изучению // *Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации / сост. и науч. ред. Л.А. Трубина, В.К. Сигов. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2018. С. 405-423. <https://elibrary.ru/ylufqt>*
8. Роднова А.Д. Медиатекст телеканала «Вести Алтай»: основные характеристики, классификационные параметры // *Молодёжь – Барнаулу: материалы XXV городской науч.-практ. конф. молодых учёных*. Барнаул, 2024. С. 199-200. <https://elibrary.ru/nalnal>
9. Тун Ч., Петрова Т.Е. Поликодовый текст: взаимодействие и взаимообусловленность вербального и невербального // *Коммуникативные исследования*. 2021. Т. 33 (46). С. 670-672. <https://elibrary.ru/ujjfbp>
10. Ахренова Н.А., Зарипов Р.И. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 4. С. 428-449. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.401>, <https://elibrary.ru/mgsnlk>

11. Колесниченко А.В. Типология мультимедийных форматов новостных публикаций // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. Т. 49. № 3. С. 122-143. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.122143>, <https://elibrary.ru/gbuplu>
12. Аксеновский Д.И. Мультимедийный лонгрид как стратегический контент в цифровой коммуникации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 4 (42). С. 141-151. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2023_1_4_142, <https://elibrary.ru/kspyer>
13. Муха А.В., Шевченко З.И. Лонгрид как форма мультимедийного контента в современной отечественной и зарубежной журналистике // ОГАРЁВ-ONLINE. 2023. № 6 (191). Ст. 3. <https://elibrary.ru/ifgqlk>
14. Минчук И. Мультиплатформенность институционального дискурса в Сети: конкуренция в условиях избытка информации // Слова ў кантэксте часу: матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А.І. Наркевіча. Рэдкалегія: В.М. Самусевіч. Мінск, 2019. С. 192-196. <https://elibrary.ru/zagrnб>
15. Антонов-Овсенко А.А., Шитикова Е.М. Мультимедийность и мультиплатформенность как инструменты расширения аудитории и монетизации контента печатных СМИ на современном этапе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1 (72). С. 119-125. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.119>, <https://elibrary.ru/opbpgw>

References

1. Kosova I.O. Newspaper media text as a reflection of various aspects of cultural identity. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*, 2020, no. 56-1 (56), pp. 67-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ezliwy>
2. Kudrina L.V. Series as a media text: problematic aspects. *Mediaskop = Mediascope*, 2022, no. 3-4, p. 5. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzpcz>
3. Gavrikova O.A. On the problem of semantic arrangement of media texts (by the example of click-bait headlines of "The Guardian" online newspaper). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 207-211. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.41>, <https://elibrary.ru/auqhnu>
4. Kobenko Yu.V., Ryabova E.S., Snisar A.Yu. The Functions of Neologisms in American Mass Media in the 21st Century. *Mir lingvistiki i kommunikatsii = World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 54, pp. 231-250. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yrxsix>
5. Bepalova E.A., Elnikova A.V. Biblical phraseological units with an anthroponym in modern media texts. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 6, pp. 29-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-29-42>, <https://elibrary.ru/qfppsw>
6. Zaitseva N.N., Nerusheva T.V. To the question of the essence and signs of media text. *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*, 2020, no. 12, pp. 178-181. (In Russ.) <https://doi.org/10.36683/2500-249X/2020-12/178-181>, <https://elibrary.ru/kfjjsh>
7. Trubina L.A., Soldatkina Ya.V. Modern media text: main methodological approaches to study. *Tekst kak filologicheskii fenomen: aktual'nye aspekty retseptsii i interpretatsii*. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 405-423. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylufqt>
8. Rodnova A.D. Media text of the TV channel "Vesti Altai": main characteristics, classification parameters. *Materialy 25 gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh «Molodezh' – Barnaulu» = Proceedings of the 25th city scientific and practical conference of young scientists "Youth – Barnaulu"*. Barnaul, 2024, pp. 199-200. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nalnal>
9. Tong Zh., Petrova T.E. Polycode text: interaction and interoperability of verbal and non-verbal components. *Kommunikativnye issledovaniya = Cognitive Studies of Language*, 2021, vol. 33 (46), pp. 670-672. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ujjfbp>
10. Akhrenova N.A., Zaripov R.I. The linguopragmatic characteristics of modern polycode-multimodal media text in the context of information-psychological influence. *Medialingvistika = Media Linguistics*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 428-449. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.401>, <https://elibrary.ru/mgsnlk>
11. Kolesnichenko A.V. Typology of multimedia formats of news publications. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2024, vol. 49, no. 3, pp. 122-143. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.122143>, <https://elibrary.ru/gbuplu>
12. Aksenovskiy D.I. Multimedia longread as strategic content in digital communication. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2023, vol. 1, no. 4 (42), pp. 141-151. (In Russ.) https://doi.org/10.51965/2076-7919_2023_1_4_142, <https://elibrary.ru/kspyer>

13. Mukha A.V., Shevchenko Z.I. Longread as a form of multimedia content in modern Russian and international journalism. *Ogarev-online*, 2023, no. 6 (191), art. 3. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ifgqlk>
14. Minchuk I. Multiplatformity of institutional discourse on the web: competition in the conditions of information excess. *Materyyaly 4 Mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferentsyi, prysvechanai 90-goddzyu z dnya narodzhennya doktora filalagichnykh navuk prafesara A.I. Narkevicha «Slova ŷ kontekstse chasu»* = *Proceedings of Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference, Celebrated on the 90th Anniversary of the Establishment of the Doctor of Philalagic Sciences by Grand Professor A.I. Narkevich "Words at the End of the Hour"*. Minsk, 2019, pp. 192-196. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zagrnrb>
15. Antonov-Ovseenko A.A., Shitikova E.M. Multimedia and multi-platform approaches as nowadays tools for broadcasting and monetizing print media content. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. = *Vestnik TvGU Series: Philology*, 2022, no. 1 (72), pp. 119-125. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.119>, <https://elibrary.ru/opbpgw>

Информация об авторе

ШМЕЛЁВА Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>, szmiel@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ научной литературы, обработка результатов исследования, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 30.09.2024

Поступила после рецензирования 21.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Tatyana V. Shmeleva, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Journalism Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>, szmiel@mail.ru

Contribution: main study conception, scientific literature search and analysis, research results processing, manuscript text drafting.

Received September 30, 2024

Revised November 21, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-977-986>

Шифр научной специальности 5.9.9

Средства привлечения и удержания внимания в персонифицированных видеоблогах демонстрационного типа

Алла Михайловна Шестерина

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские Горы, 1

✉ shesterina8@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Активное развитие аудиовизуального сектора новых медиа в высококонкурентной среде предполагает, что авторы контента активно работают над развитием средств привлечения и удержания внимания аудитории на конкретном произведении. Особенно ярко этот процесс реализуется в персонифицированных видеоблогах демонстрационного типа, где автор, как правило, остаётся один на один с аудиторией. А потому представляется целесообразным проанализировать те средства, которые используют видеоблогеры в своих произведениях с целью обеспечения их популярности. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Эмпирическую базу исследования сформировали публикации на каналах “The Kate Clapp” и “Sasha Spilberg” на платформе YouTube с 1 сентября 2023 г. по 1 сентября 2024 г. Исследование осуществлялось с опорой на текстологический, сравнительно-типологический методы и метод контент-анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что блогеры чрезвычайно активно работают как с визуальными, так и с аудиальными субмодальностями. К часто используемым визуальным субмодальностям относятся местоположение, размер, игра с цветом, использование графических элементов. К аудиальным субмодальностям – громкость и чередование речи, музыки и шума. Также удалось установить взаимосвязь между частотностью использования визуальных и аудиальных субмодальностей: как правило, блогер, активно работающий с одними, чаще обращается и к другим. Наиболее популярны субмодальности, общие для сетевого видеоконтента и традиционного телевидения. Однако в сфере видеоблогинга их концентрация в произведении в среднем выше, чем на телеэкране. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Субмодальности позволяют блогеру привлечь и удержать внимание аудитории на произведении. В ходе исследования удалось установить корреляцию между частотностью использования субмодальностей и степенью интереса аудитории к фрагменту видеоролика: в эпизодах, где концентрация субмодальностей выше, отмечается всплеск интереса пользователей к медиаконтенту.

Ключевые слова: сетевой видеоконтент, новые медиа, аудиовизуальные медиа, видеоблоги, субмодальности, средства привлечения внимания

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявляла.

Для цитирования: Шестерина А.М. Средства привлечения и удержания внимания в персонифицированных видеоблогах демонстрационного типа // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 977-986. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-977-986>

Means of attracting and holding attention in personalized video blogs of the demonstration type

Alla M. Shesterina

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
 shesterina8@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. The active development of the audiovisual sector of new media in a highly competitive environment suggests that content authors are actively working on developing means of attracting and retaining the audience's attention to a specific work. This process is especially vividly realized in personalized video blogs of the demonstration type, where the author, as a rule, remains one-on-one with the audience. Therefore, it seems appropriate to analyze the means that video bloggers use in their works in order to ensure their popularity. **MATERIALS AND METHODS.** The empirical basis of the study was formed by publications on the channels "The Kate Clapp" and "Sasha Spielberg" on the YouTube platform from September 1, 2023 to September 1, 2024. The study was carried out based on textual, comparative-typological methods and the method of content analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** In the course of the study, we came to the conclusion that bloggers work extremely actively with both visual and auditory submodalities. Frequently used visual submodalities include location, size, playing with color, and the use of graphic elements. Auditory submodalities include volume and alternation of speech, music, and noise. We also managed to establish a relationship between the frequency of using visual and auditory submodalities: as a rule, a blogger who actively works with one more often turns to the other. The most popular submodalities are those common to online video content and traditional television. However, in the field of video blogging, their concentration in a work is, on average, higher than on a television screen. **CONCLUSION.** Submodalities allow the blogger to attract and hold the audience's attention to the work. The study managed to establish a correlation between the frequency of submodalities and the degree of audience interest in a video fragment: in episodes where the concentration of submodalities is higher, a surge in user interest in media content is noted.

Keywords: network video content, new media, audiovisual media, video blogs, submodalities, means of attracting attention

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author of this article is a member of the journal's editorial board of "Neophilology", but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal's peer review procedure. The author declares no other conflicts of interest.

For citation: Shesterina, A.M. Means of attracting and holding attention in personalized video blogs of the demonstration type. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):977-986. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-977-986>

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация информационного поведения аудитории в сторону активизации потребления медиаконтента в его аудиовизуальной форме отмечается сегодня такими учёными, как А.А. Амзин¹, Е.Л. Варганова [1; 2], А.В. Вырковский, М.В. Загидулина

[2], А.А. Грабельников, Н.С. Гегелова [3], Е.А. Зверева, В.И. Сапунов, О.В. Пинчук [4], К.М. Конкина, П.А. Лапина, Д.М. Храпова, П.В. Штифанова [5], Л.А. Круглова, К.В. Чобанян, Г.Г. Щепилова [6]. Результаты социологических исследований также подкрепляют эти наблюдения. По данным "Mediascope", среднее время интернет-потребления россиян на февраль 2024 г. составляло 4,42 часа, из которых 20 % приходилось на просмотр видеоконтента (что на 4 % превышает всё время,

¹ Амзин А.А. Особенности медиапотребления // Портал Bstudy.net. URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/osobennosti-mediapotrebleniya/> (дата обращения: 05.04.2022).

проводимое россиянами в социальных сетях)². Очевидно, что такие параметры медиапотребления делают сетевой контент значимым каналом формирования представлений человека о мире вообще и о конкретных аспектах бытования в частности. Особенно заметна в этом аспекте роль персонифицированных видеоблогов, созданных, безусловно, творческим коллективом, однако позиционируемых как блог конкретного автора. Videоблогеры, ведущие такие каналы, становятся макроинфлюенсерами, способными в значительной степени моделировать поведение своей целевой аудитории. Особенно ярко поведенческие модели транслируются в демонстрационных жанрах – таких, как влог и лайфстайл [7].

Между тем авторы, работающие в подобных жанрах, находятся в состоянии острой конкуренции за аудиторию как в связи с популярностью такого рода контента, так и в связи с его распространённостью в сетевой среде. Для того чтобы победить в конкурентной борьбе, они используют различные стратегии привлечения и удержания внимания аудитории, эффективность которых доказывается лояльностью подписчиков. Очевидно, что данные стратегии могут быть полезны авторам видеоконтента разного типа. Вышесказанное делает актуальным исследование методов и приёмов привлечения и удержания внимания зрителя блогерами указанного типа.

Несмотря на актуальность темы, степень её изученности нельзя считать достаточной. Исследователи в целом обращаются к анализу видеоблогов [8–13]. Работы таких авторов, как Н.В. Гусева [14], Ю.Ю. Наливайко, С.Р. Каюшова [15], А.А. Попов, Е.А. Кожемякин [16], К.Г. Фрумкин [17] затрагивают различные аспекты воздействия видеоблогов на аудиторию. Учёные анализируют методы взаимодействия авторов со зрителями, выделяют психологические особенности видеоблогеров, а также исследуют связь между видеоблогами и другими формами медиа, однако не рассматривают вопросы, связанные с привлечением

и удержанием внимания аудитории. Мы в нашей работе стремимся компенсировать этот пробел и с опорой на теорию субмодальностей [18] рассматриваем приёмы, используемые блогерами для повышения степени востребованности видеоконтента.

Цель исследования заключается в попытке конкретизировать средства, используемые авторами персонифицированных видеоблогов, для привлечения и удержания аудитории.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования стали наиболее популярные персонифицированные видеоблоги Кати Клэпп (Екатерины Трофимовой) “TheKateClapp”³ и Саши Спилберг “SashaSpilberg”⁴. Эти блоги входят в топовые списки видеоблогеров России⁵, наиболее точно совпадают с интересующим нас форматом и при этом имеют очевидные различия. Так, Катя Клэпп на своём канале рассказывает обо всём, что ей интересно. Тематика блога универсальна. Блог Саши Спилберг хотя и является политематическим, но сосредоточен в большей степени на публикации популярных клипов и влогов. Различаются и имиджевые параметры коммуникантов. Вышесказанное позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что сопоставление контента этих каналов позволит нам конкретизировать универсальные средства привлечения и удержания внимания аудитории в сетевой среде. В своём исследовании мы опирались на текстологический, семиотический и сравнительно-типологический методы, а также на метод анализа контента. Эмпирическая база исследования сформирована методом сплошной выборки. В ходе исследования было проанализировано 16 выпусков на канале “TheKateClapp” и 10 выпусков на канале “SashaSpilberg”, опубликованные с 1 сентября 2023 г. по 1 сентября 2024 г.

³ TheKateClapp // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/c/TheKateClapp> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ SashaSpilberg // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/c/SashaSpilberg> (дата обращения: 10.09.2024).

⁵ ТОП-20 каналов в YouTube за 2023 год // Компания «Медиалогия». URL: <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/12700> (дата обращения: 12.09.2024).

² Медиапотребление и E-commerce в России // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/4fe/y85jka001645h8f5qaw2zd52fhxrz4x3/Ecom%202024_Mediascope.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сопоставительный анализ двух каналов позволил выявить как общие черты, так и отличительные особенности, характеризующие каждого автора. К общим параметрам блогов можно отнести следующие:

1) выбор в качестве доминирующих жанров «лайфстайл» и «влог»;

2) выбор тем, соответствующих интересам целевой (преимущественно молодёжной) аудитории. Ключевыми для выпусков можно считать следующие темы: тренды, одежда, путешествия, еда, косметика;

3) сокращение дистанции общения со зрителем. Катя Клэпп и Саша Спилберг говорят о своей жизни, показывают то, что с ними происходит, а также отвечают на вопросы, интересующие аудиторию, и делают рубрики в жанре «таг» (ответы на вопросы);

4) активная работа с интерактивностью. Несмотря на монологическую форму, девушки взаимодействуют с аудиторией, обращаясь к ней, а также общаются с ними в социальных сетях, отвечают на вопросы подписчиков в своих видеоматериалах и даже проводят рубрику «Вопрос-ответ». Кроме того, под каждым видеоматериалом зритель может поставить лайк или дизлайк, оценить комментарии, поделиться контентом, увидеть количество подписчиков и, разумеется, самому подписаться на видеоблог;

5) заметим, что обе девушки позволяют себе использовать центральное кадрирование для привлечения внимания, при этом обязательно смешивают планы, рекурсию и акцент на деталях, а в кадре на голове всегда присутствует пространство, за исключением крупных планов.

Ключевые формально-содержательные различия анализируемых каналов заключаются в следующем.

1. Авторы выбирают разный стиль ведения блога. Доминирующий стиль канала Саши Спилберг – реализм. Съёмки осуществляются в павильоне, имитирующем квартиру. Образ блогера направлен на формирование впечатления о ней как о симпатичной, но вполне обычной девушке. Стиль же канала Кати Клэпп можно назвать эклектичным, сочетаю-

щим в равной степени черты реализма, натурализма, сюрреализма и постмодернизма. На экране очевидно вымышленный мир – квартира с элементами, нехарактерными для реальности, и девушка, внешность которой оригинальна и часто отвечает тематике выпуска.

2. Катя Клэпп активно работает с графическими элементами, сложными монтажными решениями и элементами саунддизайна, тогда как для видеоблога Саши Спилберг характерна простота – последовательный монтаж, прямые склейки, минималистичное решение кадра. Катя Клэпп в обилии использует подписи, графику, скриншоты из социальных сетей, изображения в виде помех, а Саша Спилберг предпочитает лаконичные переходы в виде чёрного экрана.

3. Обнаруживается разница в подходе к структурированию композиции видеоблога. Катя Клэпп позволяет себе отходить от темы или переходить к заявленной теме лишь в конце видео, в то время как Саша Спилберг соблюдает выбранную тему.

4. Катя Клэпп и Саша Спилберг ведут блоги в монологической форме, но Спилберг иногда приглашает гостей на съёмку.

5. Если говорить о вербальных выразительных средствах, то для Кати Клэпп характерно использование гротеска, гиперболы, сарказма, молодёжного сленга и даже нецензурной лексики. Саша Спилберг, напротив, ограничивается преимущественно только использованием молодёжной лексики.

Таким образом, анализируемые нами каналы имеют как много общего в подходе к информированию, так и немало значимых различий, что важно учитывать в аспекте анализа средств привлечения и удержания внимания зрителей, которые они используют.

В ходе анализа сетевого видеоконтента двух каналов мы установили, что ключевым средством привлечения и удержания внимания аудитории является активная работа с субмодальностями – то есть такими компонентами видеопроизведения, при резком изменении которых внимание зрителя непроизвольно привлекается к произведению. Количественно использование субмодальностей отличается у двух авторов как в аудиальном, так и в визуальном аспекте.

Таблица 1
Количество видеороликов, в которых присутствуют визуальные субмодальности
Table 1
Number of videos containing visual submodalities

Визуальная субмодальность	Количество выпусков, содержащих субмодальность, на канале "The Kate Clapp"	Количество выпусков, содержащих субмодальность, на канале "Sasha Spilberg"
Ассоциированный или дисассоциированный	16 (100 %)	8 (80 %)
Цветной или монохромный	10 (62 %)	3 (30 %)
В рамке или без границы	4 (25 %)	1 (10 %)
Глубина (плоский или объёмный)	16 (100 %)	6 (60 %)
Местоположение	16 (100 %)	10 (100 %)
Расстояние	16 (100 %)	10 (100 %)
Яркость	10 (62 %)	2 (20 %)
Контрастность	4 (25 %)	1 (10 %)
Резкость	12 (75 %)	7 (70 %)
Подвижность (фильм или слайд)	16 (100 %)	4 (40 %)
Скорость	2 (12,5 %)	1 (10 %)
Количество (разделённый экран)	14 (87,5 %)	3 (30 %)

Источник: рассчитано и составлено автором.
Source: estimated and compiled by the author.

Таблица 2
Количество видеороликов, в которых присутствуют аудиальные субмодальности
Table 2
Number of videos containing auditory submodalities

Аудиальная субмодальность	Количество выпусков, содержащих субмодальность, на канале "The Kate Clapp"	Количество выпусков, содержащих субмодальность, на канале "Sasha Spilberg"
Сtereo или моно	0 (0 %)	0 (0 %)
Слова или звуки	16 (100 %)	10 (100 %)
Громкость	16 (100 %)	10 (100 %)
Тон	16 (100 %)	10 (100 %)
Тембр	16 (100 %)	10 (100 %)
Местоположение источника звука	4 (25 %)	2 (20 %)
Длительность	16 (100 %)	10 (100 %)
Непрерывность или прерывистость	16 (100 %)	10 (100 %)
Темп	2 (12,5 %)	0 (0 %)
Отчётливость	10 (62,5 %)	8 (80 %)

Источник: рассчитано и составлено автором.
Source: estimated and compiled by the author.

Таблица 3

Частота появления визуальной субмодальности в одном выпуске видеоблога

Table 3

Frequency of occurrence of visual submodality in one video blog episode

Визуальная субмодальность	Среднее количество появления субмодальности в выпуске на канале "The Kate Clapp"	Среднее количество появления субмодальности в выпуске на канале "Sasha Spielberg"
Ассоциированный или дисассоциированный	14	4
Цветной или монохромный	11	6
В рамке или без границы	4	1
Глубина (плоский или объёмный)	12	2
Местоположение	112	83
Расстояние	126	94
Яркость	4	1
Контрастность	3	1
Резкость	4	2
Подвижность (фильм или слайд)	13	1
Скорость	1	1
Количество (разделённый экран)	3	1

Источник: рассчитано и составлено автором.
Source: estimated and compiled by the author.

Таблица 4

Частота появления аудиальной субмодальности в одном выпуске видеоблога

Table 4

Frequency of occurrence of auditory submodality in one video blog episode

Аудиальная субмодальность	Количество выпусков, содержащих субмодальность, на канале "The Kate Clapp"	Количество выпусков, содержащих субмодальность, на канале "Sasha Spielberg"
Сtereo или моно	0	0
Слова или звуки	148	73
Громкость	54	42
Тон	38	31
Тембр	52	29
Местоположение источника звука	1	1
Длительность	37	12
Непрерывность или прерывистость	8	4
Темп	1	0
Отчётливость	4	1

Источник: рассчитано и составлено автором.
Source: estimated and compiled by the author.

Наиболее заметно различие видеоблогеров в использовании визуальных субмодальностей. В табл. 1 приведены количественные показатели использования визуальных субмодальностей в выпусках на двух каналах.

В ходе исследования удалось установить, что видеоблогеры в равной степени активно апеллируют к таким субмодальностям, как «местоположение» и «расстояние». Эти субмодальности используются авторами в 100 % произведений и появляются всякий раз, когда мы наблюдаем смену плана (в этом случае блогер оказывается в разных частях экрана и на разном расстоянии от объектива). Однако, несмотря на одинаковую частотность использования субмодальности «местоположение», она по-разному проявляется в видеороликах двух авторов. Так, помимо смены кадров, в контенте Кати Клэпп изменение местоположения заметно чаще происходит со сменой локации.

По другим субмодальностям также наблюдаются расхождения. Например, Катя Клэпп часто использует субмодальность «ассоциированный или дисассоциированный» – в частности, в чередовании профессиональной и любительской съёмки. Она же нередко переходит с цветного на чёрно-белое изображение и использует включения фотографий в видеоконтент.

Оба автора обращаются к такой визуальной субмодальности, как «глубина». В видеороликах нередко появляются графические плоские вставки. Но в их использовании можно заметить различия: если у Кати Клэпп это элементы оформления, то у Саши Спилберг часто титры.

Оба блогера крайне редко апеллируют к таким субмодальностям, как «скорость», «контрастность», «в рамке или без границ». Также редко появляется разделённый экран – преимущественно в эпизодах, где наряду с обычным изображением транслируется экран телефона.

Не менее разнообразна и работа блогеров с аудиальными субмодальностями (табл. 2).

Понимая, что в ситуации фонового слушания звук часто становится единственным средством возвращения аудитории к видеопросмотру и средством удержания внимания пользователя, блогеры активно работают с

субмодальностями. Такие параметры, как громкость, тон, тембр претерпевают постоянные изменения в видеороликах двух каналов. Также авторы активно работают с чередованием речи, музыки и интершума.

Вместе с тем заметна и разница в подходе к звуковому оформлению видеоконтента. Если в случае с выпусками Саши Спилберг речь идёт только о звукорежиссуре, то Катя Клэпп активно использует элементы саунддизайна: всякий раз, когда на экране появляются графические изображения, этот процесс сопровождается звуком, зачастую не связанным напрямую с демонстрируемым изображением.

Неожиданным результатом исследования стало редкое обращение блогеров к изменению темпоритма произведения, а также отсутствие многоканальности (то есть возможности разведения звука по наушникам или колонкам).

Интересные и не всегда ожидаемые результаты дало исследование частотности появления каждой субмодальности в одном видеоролике. С целью установления этого показателя мы методом случайной выборки отобрали по три выпуска на каждом канале и с опорой на метод контент-анализа определили среднюю численную представленность субмодальностей в выпусках двух блогеров. Частотность появления визуальных субмодальностей представлена в табл. 3.

В ходе анализа отдельных выпусков удалось установить, что такие визуальные субмодальности, как местоположение и расстояние, изменяются у видеоблогеров заметно чаще остальных. Реже всего осуществляется апелляция к субмодальностям «скорость» и «контрастность», а также «в рамке или без границ». На фоне активной работы видеоблогеров с трансформацией времени частым использованием таких приёмов, как таймлапс, гиперлапс и слоумоушн, почти полное отсутствие изменения скорости изображения в анализируемом контенте стало неожиданностью.

Интересны и результаты средней количественной представленности в видеороликах аудиальных субмодальностей (табл. 4).

Общее в использовании аудиальных субмодальностей на двух каналах – это частая апелляция к изменению громкости, тона и тембра. Также можно говорить и о том, что

блогеры активно чередуют вербальные, музыкальные и шумовые фрагменты. А вот ускорение или замедление, как и в случае с видеоизображением, используется крайне редко.

Также в ходе исследования удалось установить корреляцию между частотой использования субмодальностей и усилением или снижением внимания аудитории к контенту. Сопоставляя показатели популярности фрагментов с численными показателями присутствия субмодальностей, мы обнаружили, что всплески интереса отмечаются именно там, где концентрация субмодальностей достигает максимума. Думается, это связано с тем, что зритель возвращается к телепросмотру с помощью использования звуковых эффектов, а затем проявляет интерес к динамично изменяющемуся видеоизображению.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно утверждать, что субмодальности являются значимым средством

формирования интереса аудитории к контенту, а также в привлечении и удержании внимания зрителя. В персонифицированных блогах активнее используются те визуальные субмодальности, которые характерны и для телевизионной коммуникации (местоположение и расстояние), и те аудиальные субмодальности, которые активно работают на привлечение внимания в обычной жизнедеятельности человека (громкость, чередование слов, музыки и звуков).

Однако, несмотря на то, что видеоблогинг и традиционное телевидение реализуют общие подходы в аспекте выбора субмодальностей, в сетевом видеоконтенте они проявляются в более концентрированной форме. И хотя анализируемые каналы имеют отличия в аспекте апелляции к разным субмодальностям, можно утверждать, что авторы осознают их эффективность и иногда осознанно добавляют различные элементы оформления и звуки в видеоконтент, что несвойственно телевидению.

Список источников

1. Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022. № 2. С. 8-14. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2022.814>, <https://elibrary.ru/yrzxdz>
2. Вартанова Е.Л., Вырковский А.В., Загидуллина М.В. Медiateкст в эпоху цифровых платформ: возможности и угрозы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 3 (49). С. 3-13. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.313>, <https://elibrary.ru/uujmhi>
3. Грабельников А.А., Гегелова Н.С. Экранная коммуникация и визуализация журналистики. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2019. 335 с. <https://elibrary.ru/jmjkk>
4. Зверева Е.А., Сапунов В.И., Пинчук О.В., Шестерина А.М. Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа. Воронеж: Кварта, 2018. 256 с. <https://elibrary.ru/vpbnyi>
5. Конкина К.М., Лапина П.А., Храпова Д.М., Штифанова П.В. Контент телевизионных развлекательных каналов в социальных сетях (на примере VK и Telegram) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 1 (49). С. 29-48. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2024.2948>, <https://elibrary.ru/hubezd>
6. Круглова Л.А., Чобанян К.В., Щепилова Г.Г. Онлайн-видео: Структура, контент, монетизация. М.: Аспект Пресс, 2020. 112 с. <https://elibrary.ru/kvtxtxt>
7. Шестерина А.М. К вопросу о типологизации новых медиа // Неофилология. 2023. Т. 9. № 4. С. 931-939. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-931-939>, <https://elibrary.ru/uzuain>
8. Бейненсон В.А. Развитие журналистских жанров и форматов в видеоблогах // Век информации. 2019. Т. 7. № 1. С. 82-93. <https://elibrary.ru/vyalpa>
9. Бычкова М.Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 127-131. <https://elibrary.ru/wtadsl>
10. Демченков С.А., Заднепрянская А.С. Videоблоги как разновидность новых медиа: проблема типологии // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: материалы 9 Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гум. ун-та профсоюзов, 2015. С. 58-60. <https://elibrary.ru/idlyde>

11. Доронина Ю.Г. Видеоблоги как новые медиа // Альманах мировой науки. 2018. № 6 (26). С. 97-99. <https://elibrary.ru/yvqepz>
12. Дудникова М.М. Travel-видеоблогинг в условиях трансформационной среды // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 2. С. 200-206. <https://elibrary.ru/ppdtkr>
13. Сайганова Е.В., Лепнева А.М., Жолудева А.А. Видеоблогинг как новое пространство для самореализации молодых людей // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 3 (74). С. 95-97. <https://elibrary.ru/cpwpap>
14. Гусева Н.В. Средства привлечения и удержания внимания в аудиовизуальных сетевых медиа // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2021. С. 68-75. <https://elibrary.ru/gqwbvq>
15. Наливайко Ю.Ю., Каюшова С.Р. Способы и приёмы воздействия на аудиторию через видеоблогинг // Донецкие чтения-2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы 8 Междунар. науч. конф. Донецк: Изд-во Донец. гос. ун-та, 2023. С. 368-370. <https://elibrary.ru/lshgry>
16. Попов А.А., Кожемякин Е.А. Журналистский блоггинг как новая форма профессиональной журналистики: опыт сравнения с «традиционной» журналистикой // Журналистика и медиаобразование-2010: сб. тр. 4 Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Короченского, М.Ю. Казак. Белгород, 2010. С. 89-94.
17. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Топос: литературно-философский журнал. 2010. № 9. URL: <http://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 12.09.2024)
18. Куренова Д.Г., Мартынова М.Ю., Мигаль В.В. Опыт использования эффекта субмодальности в продвижении вуза // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 8-2. С. 202-209. <https://doi.org/10.17513/vaael.2957>, <https://elibrary.ru/tmhcdp>

References

1. Vartanova E.L. On the issue of consequences of digital transformation of the media environment. *Medi@l'manakh* = *Medi@lmanah*, 2022, no. 2, pp. 8-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/medi@lmanah.2.2022.814>, <https://elibrary.ru/yrzxdz>
2. Vartanova E.L., Vyrkovsky A.V., Zagidullina M.V. Media text in the era of digital platforms: opportunities and threats. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2024, no. 3 (49), pp. 3-13. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.313>, <https://elibrary.ru/uujmhi>
3. Grabelnikov A.A., Gegelova N.S. *Screen Communication and Visualization of Journalism*. Tver, Tver State University Publ., 2019, 335 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jmjkk>
4. Zvereva E.A., Sapunov V.I., Pinchuk O.V., Shesterina A.M. *Features of the functioning of modern audiovisual media*. Voronezh, Kvarta Publ., 2018, 256 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpbnyi>
5. Konkina K.M., Lapina P.A., Khrapova D.M., Shtifanova P.V. Content of television entertainment channels in social media (a case study of VK and Telegram). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2024, no. 1 (49), pp. 29-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2024.2948>, <https://elibrary.ru/hubezd>
6. Kruglova L.A., Chobanyan K.V., Shchepilova G.G. *Online Video: Structure, Content, Monetization*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2020, 112 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvttxt>
7. Shesterina A.M. On the issue of new media typology. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 931-939. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-931-939>, <https://elibrary.ru/uzuain>
8. Beynenson V.A. Development of journalistic genres and formats in video blogs. *Vek informatsii* = *Information Age*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 82-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vyalpa>
9. Bychkova M.B. Modern video blog: the reasons of its popularity and genre multiplicity. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik TvGU Series: Philology*, 2019, no. 1 (60), pp. 127-131. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wtadsl>
10. Demchenkov S.A., Zadneprianskaya A.S. Video blogs as a type of new media: the problem of typology. *Materialy 9 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Elektronnye sredstva massovoi informatsii: vchera, segodnya, zavtra»* = *Proceedings of the 9 All-Russian Scientific and Practical Conference "Electronic Media: Yesterday, Today, Tomorrow"*. St. Petersburg, Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2015, pp. 58-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/idlyde>

11. Doronina Yu.G. Video blogs as new media. *Al'manakh mirovoi nauki*, 2018, no. 6 (26), pp. 97-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvqepz>
12. Dudnikova M.M. Travel video blogging in a transformational environment. *Vestnik filologicheskikh nauk = Philological Sciences Bulletin*, 2024, vol. 4, no. 2, pp. 200-206. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ppdtkt>
13. Sayganova E.V., Lepneva A.M., Zholudeva A.A. Video blogging as a new space for self-realization of young people. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, 2020, no. 3 (74), pp. 95-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cpwpap>
14. Guseva N.V. Means of attracting and holding attention in audio-visual network media. *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii = Modern Media Environment: Traditions, Current Practices And Trends*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2021, pp. 68-75. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gqwbbvh>
15. Nalivaiko Yu.Yu., Kayushova S.R. Methods and techniques of influencing the audience through video blogging. *Materialy 8 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti» = Proceedings of the 8th International Scientific Conference “Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time”*. Donetsk, Donetsk State University Publ., 2023, pp. 368-370. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lshgry>
16. Popov, A.A., Kozhemyakin E.A. Journalistic blogging as a new form of professional journalism: an experience of comparison with “traditional” journalism. *Sbornik trudov 4 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Zhurnalistika i mediaobrazovanie-2010» = Proceedings of Works of the 4 International Scientific-Practical Conference “Journalism and Media Education-2010”*. Belgorod, 2010, pp. 89-94. (In Russ.)
17. Frumkin K.G. Clip thinking and the fate of the linear text. *Topos: literaturno-filosofskii zhurnal*, 2010, no. 9. (In Russ.) Available at: <http://www.topos.ru/article/7371> (accessed 12.09.2024)
18. Kurenova D.G., Martynova M.Yu., Migal V.V. Experience of using the submodality effect in the promotion of the university. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2023, no. 8-2, pp. 202-209. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.2957>, <https://elibrary.ru/tmhcdp>

Информация об авторе

ШЕСТЕРИНА Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе Высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-7270-2376>, shesterina8@gmail.com

Вклад в статью: дизайн исследования, поиск научной литературы, изучение и анализ видеоконтента, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 16.09.2024
Поступила после рецензирования 21.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Alla M. Shesterina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Deputy Dean for Research of the Higher School (Faculty) of Television Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7270-2376>, shesterina8@gmail.com

Contribution: study design, scientific literature search, video content study and analysis, manuscript text drafting.

Received September 16, 2024
Revised November 21, 2024
Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81'42

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-987-996>

Шифр научной специальности 5.9.9

Конструктивно-стилевые векторы в цифровом рекламном тексте: трансформация и взаимодействие

Ольга Александровна Ускова , Илона Владимировна Валиева

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

olgauskova@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено проблеме трансформации цифрового рекламного текста под влиянием конструктивно-стилевых векторов (КСВ) книжности, массмедиа и разговорности. Целью исследования является выявление особенностей взаимодействия различных КСВ в современной цифровой рекламе. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Объектом исследования выступают цифровые рекламные тексты. Анализируются проявления КСВ книжности, массмедиа и разговорности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Для достижения поставленной цели были использованы методы лингвистического, дискурсивного, контекстуального, сравнительного анализа и метод сплошной выборки. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В исследовании выявлены способы смешения средств различных КСВ для повышения эффективности рекламной коммуникации, установлено влияние цифровых технологий на формирование новых тенденций в создании рекламных текстов, таких как персонализация, мультимодальность и интерактивность. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Результаты исследования могут быть использованы копирайтерами и маркетологами в качестве инструментария для создания более эффективных рекламных текстов в цифровой среде. Кроме того, полученные данные могут быть применены при разработке учебных программ по цифровому маркетингу, копирайтингу и рекламе, обеспечивая студентов актуальными знаниями о современных тенденциях в рекламной коммуникации, а для исследователей в области лингвистики и коммуникативистики работа предоставит новый материал для дальнейшего изучения трансформации языка в цифровой среде и его влияния на эффективность коммуникации. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением трансформации КСВ в контексте развития искусственного интеллекта и виртуальной реальности в рекламе.

Ключевые слова: конструктивно-стилевые векторы, рекламный текст, цифровая среда, цифровая реклама

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ускова О.А., Валиева И.В. Конструктивно-стилевые векторы в цифровом рекламном тексте: трансформация и взаимодействие // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 987-996. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-987-996>

Constructive-style vectors in digital advertising text: transformation and interaction

Olga A. Uskova , Ilena V. Valieva

Moscow State Linguistic University

1 bldg 38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation

 olgauskova@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The study is devoted to the problem of digital advertising text transformation under the influence of constructive-style vectors (CSV) of bookishness, mass media and colloquialism. The purpose of the study is to identify the interaction features of various CSV in modern digital advertising. **MATERIALS AND METHODS.** The object of the study is digital advertising texts. The manifestations of CSVs of bookishness, mass media, and colloquialism at the lexical, morphological, and syntactic levels are analyzed. To achieve this goal, methods of lingual-stylistic, discourse, contextual, and comparative analysis, as well as the method of continuous sampling, are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** The study identified ways to mix the means of various CSVs to enhance the effectiveness of advertising communication. It also established the influence of digital technologies on the formation of new trends in creating advertising texts, such as personalization, multimodality, and interactivity. **CONCLUSION.** The results of the study can be used by copywriters and marketers as tools for creating more effective advertising texts in a digital environment. Additionally, the obtained data can be applied in developing educational programs in digital marketing, copywriting, and advertising, providing students with up-to-date knowledge of modern trends in advertising communication. For researchers in linguistics and communication, the work provides new material for further study of language transformation in the digital environment and its impact on communication effectiveness. Prospects for further research are related to studying the transformation of CSVs in the context of the development of artificial intelligence and virtual reality in advertising.

Keywords: constructive-style vectors, advertising text, digital environment, digital advertising

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Uskova, O.A., & Valieva, I.V. Constructive-style vectors in digital advertising text: transformation and interaction. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):987-996. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-987-996>

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху цифровых технологий рекламный текст претерпевает значительные изменения, адаптируясь к новым форматам и каналам коммуникации [1; 2]. Теория конструктивно-стилевых векторов (КСВ), разработанная В.Г. Костомаровым [3], предоставляет эффективный инструментарий для анализа этих трансформаций. КСВ – это «отвлечённые стиливые установки, задающие не определённые наборы средств выражения и приёмы их конструирования, но специфиче-

ские направления их выбора из общего источника» [3, с. 62].

В данном исследовании рассматривается взаимодействие и смешение трёх основных КСВ книжности, масс-медиа и разговорности в контексте современного цифрового рекламного текста. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования и взаимопроникновения КСВ в современной цифровой рекламе, анализе их роли в создании эффективной рекламной коммуникации.

В.Г. Костомаров выделил три ключевых КСВ: книжности, массмедиа и разговорности. КСВ книжности характеризуется исполь-

зованием сложных синтаксических конструкций, специальной терминологии и логической последовательности изложения. КСВ массмедиа сочетает элементы книжности и разговорности, используя экспрессивные средства языка и стремясь к диалогичности. КСВ разговорности отличается непринужденностью общения, использованием разговорной лексики и упрощённых синтаксических конструкций [3].

В контексте цифровой рекламы эти векторы приобретают новые особенности и формы взаимодействия. Рекламный текст, будучи гибридным жанром, активно использует средства всех трёх векторов, создавая уникальные стилистические комбинации для достижения максимальной эффективности коммуникации [4]. Влияние цифровой среды на рекламный текст приводит к формированию новых жанров, подразумевающих ненавязчивое включение рекламного материала, что позволяет избежать вызываемой у читателей раздражительной реакции, характерной для традиционной рекламы [5]. В эпоху цифровых технологий рекламные тексты претерпевают значительные изменения, влияющие на их стиль, структуру и процесс создания контента. Эти изменения обусловлены необходимостью адаптироваться к быстро развивающемуся цифровому миру и переменам в поведении потребителей [6; 7].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для исследования послужили цифровые рекламные тексты различных жанров и форматов (баннеры, посты в социальных сетях, рекламные видеоролики и др.), представленные на разнообразных интернет-платформах. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: изучить теоретические основы концепции конструктивно-стилевых векторов и их применение к анализу рекламных текстов; собрать и систематизировать корпус цифровых рекламных текстов для анализа; проанализировать особенности проявления КСВ книжности, массмедиа и разговорности в цифровой рекламе на различных языковых уровнях (лексическом, морфологическом, синтак-

сическом); выявить основные тенденции трансформации и взаимодействия КСВ под влиянием цифровых технологий и платформ; определить роль КСВ в создании эффективной рекламной коммуникации в цифровой среде. Для решения поставленных задач используются следующие методы исследования: метод сплошной выборки для формирования корпуса цифровых рекламных текстов; методы лингвостилистического и дискурсивного анализа для выявления особенностей функционирования КСВ в рекламных текстах; метод сравнительного анализа для сопоставления проявлений КСВ в различных жанрах и форматах цифровой рекламы; метод количественного анализа для определения частотности использования средств различных КСВ в исследуемых текстах; метод контекстуального анализа для изучения взаимодействия КСВ с учётом особенностей цифровой среды и платформ. Таким образом, материалы и методы данного исследования направлены на всестороннее изучение трансформации и взаимодействия конструктивно-стилевых векторов в цифровом рекламном тексте с учётом специфики интернет-коммуникации и современных технологий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование взаимодействия конструктивно-стилевых векторов в цифровом рекламном пространстве позволило выявить ряд особенностей и тенденций в современной интернет-рекламе. Анализ проявлений КСВ книжности, масс-медиа и разговорности на различных языковых уровнях показал, что эти векторы претерпевают значительные трансформации, адаптируясь к специфике цифровой среды и потребностям целевой аудитории.

КСВ книжности в цифровой рекламе.

В цифровом рекламном пространстве КСВ книжности претерпевает значительные изменения. Традиционно ассоциируемый с официально-деловым и научным стилями, этот вектор в рекламе приобретает новые функции:

– использование специализированной терминологии для создания эффекта экспертности. Например, в рекламе косметических средств: *Антивозрастной крем с гиалу-*

роновой кислотой и комплексом пептидов предназначен для обезвоженной, зрелой и увядающей кожи лица¹;

– применение сложных синтаксических конструкций для придания авторитетности рекламному сообщению. Например: *Учитывая потребности наших клиентов, мы разрабатываем и внедряем совместно с ведущими научными институтами и производителями окрасочных материалов инновационные решения, которые становятся эталоном и применяются для реализации проектов любой сложности в производстве и промышленности*²;

– использование логической аргументации для убеждения аудитории. Пример из рекламы финансовых услуг: *Прогнозы на будущее рынка недвижимости показывают, что инвестиции в эту отрасль остаются перспективными и востребованными. Важно учитывать текущие тенденции и адаптировать свои инвестиционные стратегии под изменяющиеся условия рынка, чтобы обеспечить стабильный и прибыльный доход от инвестиций в недвижимость*³.

КСВ массмедиа в цифровой рекламе.

КСВ массмедиа в цифровой рекламе играет ключевую роль, так как именно этот вектор наиболее близок к природе рекламной коммуникации [8]. В цифровом пространстве он приобретает следующие особенности:

– интерактивность и диалогичность [9; 10]. Например: *Устали от безвкусного кофе и однообразных чаёв? Попробуйте наши новинки и делитесь впечатлениями в комментариях!*⁴;

– использование мультимедийных элементов. Текстовая реклама дополняется визуальными и аудиальными компонентами, создавая комплексное воздействие на аудиторию [11] (рис. 1);

¹ Cos de baha petide cream. URL: <https://goldapple.ru/19000166617-peptide-cream/> (accessed: 12.09.2024).

² Wagner Innovation. URL: <https://wagner.ru/o-kompanii/innovatsii/> (accessed: 12.09.2024).

³ Недвижимость: инвестиция в будущее. URL: <https://sz-saratov.ru/news/nedvizhimost-investiciya-v-budushhee/> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Свежеобжаренный кофе Torrefacto. URL: <https://m.vk.com/torrefacto?reactions/> (дата обращения: 12.09.2024).

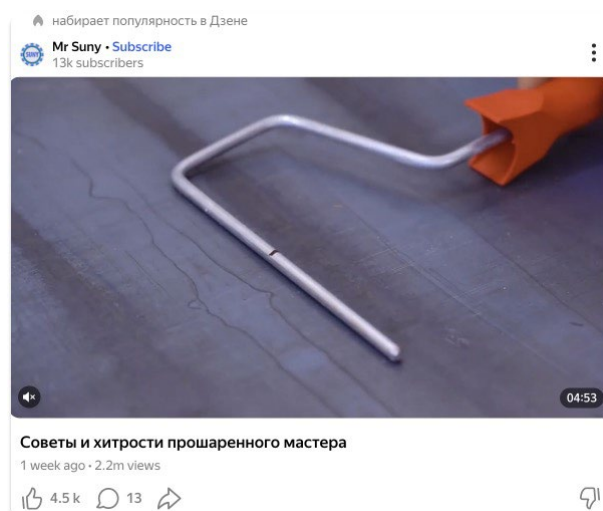

Рис. 1. Мультимедийные элементы в рекламном тексте

Fig. 1. Multimedia elements in the advertising text

Источник: скриншот видеорекламы на Яндекс.Дзене. URL: <https://roistat.com/rublog/videoreklama-v-2022/> (дата обращения: 12.09.2024). Source: screenshot of a video advertisement on Yandex.Zen. Available at: <https://roistat.com/rublog/videoreklama-v-2022/> (accessed: 12.09.2024).

– гипертекстуальность. Рекламный текст часто содержит гиперссылки, позволяющие пользователю получить дополнительную информацию или совершить целевое действие [11]. Например: *Переходите по ссылке под видео, чтобы узнать больше о курсе и уже этой осенью быть на пике стиля*⁵.

КСВ разговорности в цифровой рекламе. КСВ разговорности в цифровой рекламе приобретает особое значение, так как позволяет установить более тесный контакт с аудиторией. Его особенности в цифровом пространстве следующие:

– использование разговорной лексики и сленга. Например: *Бомба честно говоря: доставка еды в Оренбурге*⁶;

– эмоциональность и экспрессивность. Например: *Шок-цена! Отличное качество по*

⁵ Формула гардероба. URL: <https://lichtstyle.com/formula> (дата обращения: 12.09.2024).

⁶ Кафе Бомба честно говоря. URL: <https://bomba.sushi.ru/> (дата обращения: 12.09.2024).

очень низким ценам! Успейте, пока всё не разобрали!⁷

– имитация живого диалога. Например: *Ты все ещё пользуешься бритвой?! Тогда тебе к нам!*⁸

Влияние цифровых платформ на КСВ в рекламном тексте. Различные цифровые платформы оказывают существенное влияние на взаимодействие средств различных КСВ в рекламных текстах. В социальных сетях преобладает смешение КСВ разговорности и массмедиа. Например, в рекламе социальной сети ВКонтакте часто используются неформальные обращения и призывы к действию: *Подписывайтесь, у нас круто! ...лайк под аву, ответ взаимно!!! го в друзья, приму всех!!!*⁹

В профессиональных сетях (например, LinkedIn) чаще встречается комбинация КСВ книжности и КСВ массмедиа: *Глобальный цифровой бренд – развитие компании Superdry до уровня компании с международным признанием и с цифровыми технологиями в качестве основного ресурса. Одной из ключевых особенностей этого принципа является применение цифровых технологий во всём, что мы делаем. Хотите узнать больше об успешном сотрудничестве Superdry и Centric Software?*¹⁰

На видеохостингах (YouTube, TikTok) часто наблюдается смешение всех трёх КСВ, с акцентом на разговорность и массмедиа: *Через призму Яндекс.Еды узнайте, как грамотно анализировать рынок и успешно запускать продукты, покоряя реально весь мир*¹¹.

⁷Авито. Детская одежда и обувь. URL: https://m.avito.ru/vidnoe/detskaya_odezhda_i_obuv/kofta/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁸Стена ВКонтакте. Воск и сахар. Депиляция в Омске. URL: https://m.vk.com/wall-59662707_9673/ (дата обращения: 12.09.2024).

⁹Добавляйтесь в друзья, в группы и ставьте лайки. URL: <https://vk.com/club97702086/> (дата обращения: 13.09.2024).

¹⁰Глобальные темпы роста компании Superdry наблюдаются благодаря PLM-решению от Centric. URL: <https://www.centricsoftware.com/ru/blogs/> (дата обращения: 13.09.2024).

¹¹ШМЯ 2023 – Исследования и запуски продуктов на международном рынке. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0OcezOSHDTw/> (дата обращения: 13.09.2024).

Изменения в современном рекламном тексте. Персонализация и таргетирование. Современные технологии позволяют создавать персонализированные рекламные сообщения, адаптируя использование КСВ под конкретного пользователя [12; 13]. Например, для молодёжной аудитории может преобладать КСВ разговорности, в то время как для профессиональной аудитории – сочетание КСВ книжности и массмедиа. Например: *Мы рядом с Вами. Хотите вкусный ужин, но не хотите выходить из дома? Нет проблем! Ресторан «Моккано»*¹².

*Говорят, что поправки должны сделать рынок прозрачнее и упростить его урегулирование. Однако многие рекламодатели до сих пор не знают о грядущих изменениях или не ориентируются в них. На этот случай 4 августа в 13:00 у моих друзей из eLama состоится вебинар. Эксперты расскажут, как нам всем адаптироваться к новым условиям и не нарушить правила игры. Регистрируйся бесплатно*¹³.

Мультимодальность. Цифровой рекламный текст становится всё более мультимодальным, сочетая в себе текстовые, визуальные и аудиальные элементы [14]. Это влияет на применение КСВ, создавая новые формы их взаимодействия (рис. 2).

Интерактивность. Современный рекламный текст часто предполагает активное участие пользователя, что влияет на использование КСВ [15]. Например, интерактивные элементы могут сочетать в себе КСВ разговорности (призыв к действию в форме повелительного наклонения единственного числа) и массмедиа (технологическая реализация): *Нажимай на кнопку «За покупками» получишь дополнительные баллы Плюса*¹⁴.

Взаимодействие КСВ в цифровом рекламном тексте. Одной из ключевых особенностей современного цифрового рекламного текста является активное взаимодействие

¹²Ресторан «Моккано». URL: <https://msk.mokkano.ru/> (дата обращения: 13.09.2024).

¹³Elama. Работа с контекстной и таргетированной рекламой. URL: http://link.elama.ru/jnu8z_t.mc/smmrus/ (дата обращения: 13.09.2024).

¹⁴Стена ВКонтакте. Яндекс Маркет. Все промокоды сентябрь 2024. URL: https://vk.com/wall-189443731_346/ (дата обращения: 13.09.2024).

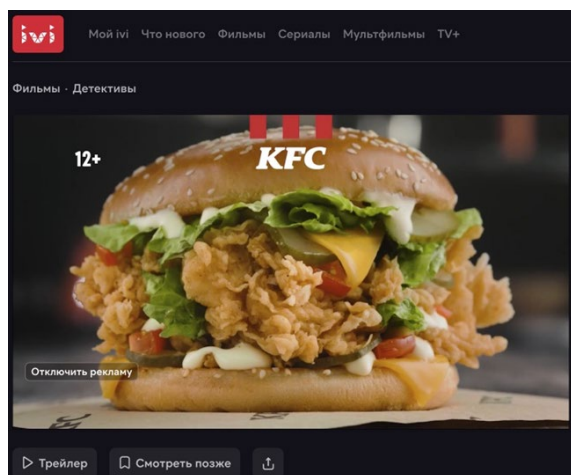

Рис. 2. Мультиmodalность цифровых рекламных текстов

Fig. 2. Multimodality of digital advertising texts

Источник: скриншот видеорекламы в онлайн-кинотеатре Иви. URL: <https://roistat.com/rublog/videoreklama-v-2022/> (дата обращения: 13.09.2024).

Source: screenshot of a video advertisement on the online cinema IVI. Available at: <https://roistat.com/rublog/videoreklama-v-2022/> (accessed: 13.09.2024).

различных КСВ, что позволяет создавать уникальные стилистические комбинации, адаптированные под конкретные целевые аудитории и платформы: *Следите за новостями про нейросети? Что творят, а? Особенно взрывает мозг, когда искусственный интеллект используют для бытовых целей. Например, человек умаялся от поисков квартиры – и написал нейронку, чтобы она сама фильтровала результаты поиска. Я вот думаю, зачем столько сложных ухищрений, если можно просто зайти на Домклик и выгодно подобрать жильё. Так недолго и квартиру своей мечты накликасть! Приобретайте и оформляйте недвижимость с помощью Домклик*¹⁵.

В представленном рекламном тексте наблюдается явное взаимодействие трёх конструктивно-стилевых векторов. КСВ книжно-

сти включает фразы, такие как: *«используют для бытовых целей»* и *«приобретайте и оформляйте недвижимость»*, характерные для более формального стиля. Эти конструкции придают тексту академической строгости, что может помочь усилить доверие читателя к предлагаемой услуге и подчеркнуть профессионализм. КСВ разговорности отличается использованием непринуждённых, разговорных выражений: *«Что творят, а?»* и *«взрывает мозг»*. Разговорный стиль создаёт атмосферу неформального общения и вовлекает читателя в диалог, что способствует установлению контакта и расширению аудитории. Использование местоимения первого лица единственного числа (*«я вот думаю»*) дополнительно усиливает этот эффект, делая текст более личным и интерактивным. К конструктивно-стилевому вектору разговорности относятся и слова *«нейронка»*, *«умалялся»*, *«накликасть»*. КСВ массмедиа включает призывы к действию, как, например, *«посетите Домклик»*. Автор также указывает ссылку на сайт, что служит средством для прямого взаимодействия с аудиторией и позволяет пользователям легко переходить к подробной информации о продукте или услуге. Ссылка не только выполняет информационную функцию, но и способствует проведению рекламной кампании в цифровом формате, делая её доступной для широкой аудитории.

Таким образом, современный рекламный текст активно использует средства всех трёх векторов. В табл. 1 приводятся примеры взаимодействия КСВ на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Взаимодействие КСВ в приведённых примерах позволяет достичь нескольких целей: привлечь внимание широкой аудитории, предоставить научное обоснование эффективности продукта и создать впечатление доступности сложных технологий для повседневного использования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ конструктивно-стилевых векторов в цифровом рекламном тексте показывает, что современная реклама характеризуется

¹⁵ Стена ВКонтакте. Азамат Мусажалиев. URL: https://vk.com/wall-110135406_93857/ (дата обращения: 13.09.2024).

Таблица 1

Взаимодействие КСВ в цифровых рекламных текстах

Table 1

The interaction of CSV in digital advertising text

ЦРТ	Языковые средства		
	Лексический аспект	Морфологический аспект	Синтаксический аспект
<i>Революционная нанотехнология в каждой капле! Наш инновационный крем с пептидами реально творит чудеса. Омоложение на клеточном уровне – это не фантастика, а наука. Закажи сейчас и получи индивидуальную консультацию косметолога бесплатно [Bioderma revolution. URL: http://www.biodermivecream.com/ (accessed: 13.09.2024)]</i>	КСВ книжности: «нанотехнология», «пептиды», «клеточный уровень»;	КСВ книжности: использование отглагольных существительных: «омоложение»	КСВ книжности: сложные предложения;
	КСВ разговорности: «реально творит чудеса»;	КСВ массмедиа: употребление глагола в повелительном наклонении: «закажи»	КСВ разговорности: простые восклицательные предложения;
	КСВ массмедиа: «революционная», «инновационный»		КСВ массмедиа: использование парцелляции
<i>Искусственный интеллект в твоём кармане! Наш новый смартфон с продвинутым нейропроцессором не просто крутой гаджет, а настоящий прорыв в мобильных технологиях. Закажи онлайн сейчас и получи эксклюзивный чехол в подарок! [Smart. Модель с искусственным интеллектом. URL: http://www.smartphoneinnovation.ru (дата обращения: 13.09.2024)].</i>	КСВ книжности: «искусственный интеллект», «нейропроцессор»;	КСВ книжности: использование причастий: «продвинутый»;	КСВ книжности: сложные предложения с причастными оборотами;
	КСВ разговорности: «крутой гаджет»;	КСВ разговорности: употребление местоимения «твой»;	КСВ разговорности: простые восклицательные предложения;
	КСВ массмедиа: «эксклюзивный», «прорыв»	КСВ массмедиа: глаголы в повелительном наклонении: «закажи»	КСВ массмедиа: использование однородных членов предложения

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

активным взаимодействием и взаимопроникновением различных стилистических элементов. КСВ книжности, массмедиа и разговорности в цифровом пространстве приобретают новые формы и функции, адаптируясь к особенностям онлайн-коммуникации.

Взаимодействие КСВ позволяет рекламным текстам быть одновременно информативными, убедительными и вовлекающими, что отвечает требованиям современной аудитории. Персонализация, мультимодальность и интерактивность цифровой рекламы создают новые возможности для стилистиче-

ских экспериментов и инноваций в области рекламного текста.

Теоретическое значение исследования заключается в формализации подхода к анализу КСВ в сфере цифровой рекламы, что открывает новые перспективы для исследования изменения языка и стилистики в цифровой эпохе. Практическая значимость проявляется в возможности использования результатов исследования копирайтерами и маркетологами в качестве инструментария для создания более эффективных рекламных текстов в цифровой среде. Кроме того, полученные данные могут быть применены при

разработке учебных программ по цифровому маркетингу, копирайтингу и рекламе, обеспечивая студентов актуальными знаниями о современных тенденциях в рекламной коммуникации, а для исследователей в области лингвистики и коммуникативистики работа предоставит новый материал для дальнейшего изучения трансформации языка в цифровой среде и его влияния на эффективность коммуникации.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение влияния новых технологий, таких как виртуальная и дополненная реальность, на трансформацию КСВ в рекламном тексте, а также на анализ лингвокультурологических и лингвистических особенностей средств КСВ в глобальном цифровом рекламном пространстве.

Список источников

1. Евстафьев В.А., Абаев А.Л., Тюков М.А. Креатив в рекламе. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. 390 с. <https://elibrary.ru/ltsarc>
2. Лемешко Т.Б. Цифровые технологии в рекламе. М.: Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2019. 100 с. <https://doi.org/10.34677/2019.034>, <https://elibrary.ru/pkhcen>
3. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с. <https://elibrary.ru/xhjhtj>
4. Аганина Р.Н., Андропова Т.А. Интернет-реклама в эпоху цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 44-52. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.71.7.044-052>, <https://elibrary.ru/hbtdch>
5. Терских М.В., Алексеева А.С. Нативная реклама в фуд-блогах: форматы, жанры, инструменты воздействия // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (38). С. 91-96. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2023-38-91-96>, <https://elibrary.ru/izpipy>
6. Швырев А.Д. Интернет-реклама как один из важнейших инструментов современного маркетинга // Научный журнал. 2020. № 3 (48). С. 40-43. <https://elibrary.ru/rxnry>
7. Береговская Т.А., Гришаева С.А. Поколение Z: потребительское поведение в цифровой среде // Вестник университета. 2020. № 1. С. 92-99. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-92-99>, <https://elibrary.ru/qdhwgc>
8. Ускова О.А., Шаталова Л.С., Шаталова Н.С. Метаязыки профессиональной коммуникации: интегративная модель описания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (859). С. 93-98. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_4_859_93, <https://elibrary.ru/nfqrbo>
9. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 97-105. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-97-105>, <https://elibrary.ru/xuvjid>
10. Кушнерук С.Л. Национально-культурная специфика дискурсивных миров в коммерческой рекламе Великобритании и России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 1. С. 210-220. <https://elibrary.ru/secevf>
11. Шестёркина Л.П., Лободенко Л.К. Базовые подходы к созданию универсального медиатекста в интернет-СМИ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. № 2. С. 42-46. <https://elibrary.ru/raithn>
12. Морозова А.А. Вербальный и иконический компоненты таргетированной рекламы в социальной сети ВКонтакте // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 58-64. <https://elibrary.ru/aufgpw>
13. Можяев А.В., Сидоров П.Ю. Персонализация как фактор влияния на пользовательское восприятие интернет-рекламы // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 3. С. 142-161. <https://elibrary.ru/bycxxu>
14. Загидуллина М.В. Мультиmodalность: к вопросу о терминологической определённости // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 181-188. <https://elibrary.ru/gbswk>

15. Васерчук Ю.А. Инновационные подходы к разработке рекламной печатной продукции. Интерактивность // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2010. № 6. С. 119-129. <https://elibrary.ru/pmdziv>

References

1. Evstaf'ev V.A., Abaev A.L., Tyukov M.A. *Creativity in Advertising*. Moscow, Publishing and Trading Corporation "Dashkov and C^o", 2023, 390 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ltsarc>
2. Lemeshko T.B. *Digital Technologies in Advertising*. Moscow, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev Publ., 2019, 100 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.34677/2019.034>, <https://elibrary.ru/pkhcen>
3. Kostomarov V.G. *Our Language in Action: Essays on Contemporary Russian Stylistics*. Moscow, Gardariki Publ., 2005, 287 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xhjhtj>
4. Aganina R.N., Andronova T.A. Internet-advertising in the age of digitalization. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYU) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 7 (71), pp. 44-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.71.7.044-052>, <https://elibrary.ru/hbtdch>
5. Terskikh M.V., Alekseeva A.S. Native advertising in food blogs: formats, genres, impact tools. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2023, no. 1 (38), pp. 91-96. (In Russ.) <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2023-38-91-96>, <https://elibrary.ru/izpipy>
6. Shvyrev A.D. Internet advertising as one of the most important tools of modern marketing. *Nauchnyi zhurnal = Science Magazine*, 2020, no. 3 (48), pp. 40-43. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rxnrrpy>
7. Beregovskaya T.A., Grishaeva S.A. Generation Z: consumer behavior in digital ecosystem. *Vestnik Universiteta*, 2020, no. 1, pp. 92-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-92-99>, <https://elibrary.ru/qdhwgc>
8. Uskova O.A., Shatalova L.S., Shatalova N.S. Metalanguages of professional communication: integrative description model. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 4 (859), pp. 93-98. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_4_859_93, <https://elibrary.ru/nfqrbo>
9. Kolokol'tseva T.N. Dialogism in the genres of Internet communication (chat, forum, blog). *Zhanyr rechi = Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 97-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-97-105>, <https://elibrary.ru/xuvjid>
10. Kushneruk S.L. Cultural identity of discourse worlds in British and Russian advertising. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 210-220. (In Russ.) <https://elibrary.ru/secevf>
11. Shesterkina L.P., Lobodenko L.K. Basic approaches to the production of a universal media text in online media. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 42-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raithn>
12. Morozova A.A. Verbal and iconic components of targeted advertising in the social network VKontakte. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2020, no. 1 (35), pp. 58-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/aufgpw>
13. Mozhaev A.V., Sidorov P.Yu. Personalization as a factor of influence on user perception of internet advertisement. *Kommunikatsii. Media. Dizain = Communications. Media. Design*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 142-161. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bycxxu>
14. Zagidullina M.V. Multimodality: to the question of terminological definition. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2019, no. 1 (31), pp. 181-188. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gbswk>
15. Vaserchuk Yu.A. Innovative approaches to the development of advertising printed materials. Interactivity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela = News of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing*, 2010, no. 6, pp. 119-129. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pmdziv>

Информация об авторах

УСКОВА Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, директор Центра тестирования иностранных граждан, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9132-9949>, olgauskova@mail.ru

Вклад в статью: разработка концепции статьи, анализ научной литературы, анализ фактических данных, написание части текста статьи, редактирование.

ВАЛИЕВА Илона Владимировна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0006-9756-8314>, ilona-valieva-99@mail.ru

Вклад в статью: поиск научной литературы, сбор, систематизация и обработка результатов исследования, написание части текста статьи.

Поступила в редакцию 23.09.2024

Поступила после рецензирования 19.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the authors

Olga A. Uskova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, Director of Testing Foreign Citizens Center, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9132-9949>, olgauskova@mail.ru

Contribution: study conception development, scientific literature analysis, factual data analysis, part of manuscript text drafting, editing.

Ilona V. Valieva, Lecturer of Russian as a Foreign Language Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0006-9756-8314>, ilona-valieva-99@mail.ru

Contribution: scientific literature search, research results collection, systematization and processing, part of manuscript text drafting.

Received September 23, 2024

Revised November 19, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-997-1006>

Шифр научной специальности 5.9.9

Аккаунт во «ВКонтакте» как средство продвижения новостного телеканала

Светлана Ивановна Симакова , Анна Павловна Тажетдинова

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

454001, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

 simakovi@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Сегодня SMM-стратегии являются эффективным инструментом продвижения не только в сфере бизнеса, но и журналистского текста. Предмет исследования – инструменты продвижения новостного телеканала в социальной сети «ВКонтакте». Цель исследования – на примере анализа SMM-стратегии аккаунта «Россия-1» выявить особенности продвижения новостных телеканалов в социальной сети «ВКонтакте». Внимание сосредоточено на инструментах продвижения, используемых телеканалом. Систематизированы выявленные инструменты и наглядно показан результат их применения. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть полезны для организации работы SMM-специалистов для повышения эффективности работы редакций СМИ. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалами исследования послужили публикации в социальной сети «ВКонтакте» в аккаунте новостного телеканала «Россия-1» за период с 1 по 31 декабря 2022 г. Основными методами исследования стали: описание, анализ, наблюдение, сравнение, анализ контента. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Рассмотрены инструменты продвижения и определена их значимость в продвижении аккаунта телеканала в социальной сети «ВКонтакте». Изложено практическое применение каждого инструмента. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Полученные выводы дают возможность пользователям познакомиться с возможностями социальной сети и помогают разработать индивидуальную стратегию его использования.

Ключевые слова: ВКонтакте, маркетинг в социальных сетях, продвижение, социальные сети, телеканал «Россия-1», новостные аккаунты, стратегия продвижения

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Симакова С.И., Тажетдинова А.П. Аккаунт во «ВКонтакте» как средство продвижения новостного телеканала // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 997-1006. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-997-1006>

VKontakte account as a means of promoting a news TV channel

Svetlana I. Simakova , Anna P. Tazhetdinova

Chelyabinsk State University
129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation
 simakovi@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. Nowadays SMM strategies are an effective tool for promoting not only business, but also journalistic text. The subject of the study is tools for promoting a news TV channel on the social network VKontakte. The purpose of the proposed study is to use the example of analyzing the SMM strategy of the “Russia-1” account to identify the features of promoting news TV channels on the social network “VKontakte”. Attention is focused on the promotion tools used by the TV channel. The authors systematize the identified tools and clearly show the results of their use. The results obtained during the study may be useful for organizing the work of SMM specialists to improve the efficiency of media editorial offices. **MATERIALS AND METHODS.** The research materials were publications on the social network “VKontakte” in the account of the news channel “Russia-1” for the period from December 1 to December 31, 2022. The main research methods were: description, analysis, observation, comparison, content analysis. **RESEARCH RESULTS.** Promotion tools are considered and their importance in promoting a TV channel account on the social network VKontakte is determined. The article outlines the practical application of each tool. **CONCLUSION.** The findings enable users to get acquainted with the capabilities of the social network and help develop an individual strategy for its use.

Keywords: VKontakte, Social Media Marketing, promotion, social networks, TV channel “Russia-1”, news accounts, promotion strategy

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Simakova, S.I., & Tazhetdinova, A.P. VKontakte account as a means of promoting a news TV channel. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):997-1006. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-997-1006>

ВВЕДЕНИЕ

Возможности социальных сетей значительно возросли. В последнее время наибольшую популярность принимает социальная сеть «VKontakte». «VKontakte» – это разнообразный базис возможностей для продвижения не только малого и среднего бизнеса, но и новостных телеканалов, которые развивают свои цифровые проекты и расширяют публику. Дополнительные инструменты позволяют интернет-аудитории своевременно получать необходимую информацию. Аудитория может самостоятельно отбирать новости и активно участвовать в работе проектов – от простых обсуждений до размещения собственных видеоматериалов и отстаи-

вания личного мнения в решении важных социальных проблем.

Социальные сети становятся надёжным инструментом продвижения средств массовой информации, включая и телевидение. Важным направлением в организации этого процесса становится выстраивание работы с аудиторией – активно используются видео от зрителей канала; различного рода кастинги среди телезрителей; обратная связь, организованная на страницах СМИ в социальных сетях. Благодаря организации обратной связи редакции СМИ и телеканалов, в частности, имеют возможность реагировать на запросы аудитории и учитывать при формировании контента. Следует заметить, что социальные сети чаще дублируют уже имеющиеся ново-

сти, в связи с чем становится важной «переупаковка» этих новостей под функционал каждой интернет-платформы. Такая адаптация позволяет подписчикам быстро ориентироваться в потоке информации, увеличивает посещаемость групп в социальных сетях, что прямо пропорционально влияет на интерес к самому СМИ. В связи с чем актуальность нашей работы не вызывает сомнений. Цель исследования – выявление особенностей продвижения новостных телеканалов в социальной сети «ВКонтакте».

Степень научной разработанности темы. Работы, затрагивающие в той или иной степени тему нашего исследования, можно разделить на две группы. К первой, на наш взгляд, стоит отнести труды исследователей, рассматривающих понятие SMM в целом, выделяющие его задачи и авторов, анализировавших продвижение в социальной сети «ВКонтакте». Третью группу составляют работы, раскрывающие связь социальных сетей, SMM и журналистики.

Такие исследователи, как Д. Фоллс и Э. Декерс дают в своих исследованиях обоснование термина SMM. Книгу «Маркетинг в социальных медиа. Просто о главном» можно назвать обобщением практического опыта авторов и руководством для выстраивания стратегии развития бизнеса с помощью маркетинга в социальных сетях. Её основные положения актуальны и сегодня: описанные методы и инструменты, позволяющие задействовать возможности социальных медиа, эффективны и в настоящее время. По мнению авторов, социальные медиа становятся обязательным атрибутом современной жизни, со временем их популярность будет только возрастать, в связи с чем любая компания, претендующая на успех, должна научиться работать с ними [1]. Л.А. Браславец анализирует особенности функционирования интернет-сервисов социальных сетей в качестве СМИ¹. Обзор определений термина “Social Media Marketing” представлен в работе Б.Т. Гурцкой и П.А. Меренковой, здесь же авторы акцентируют внимание на организа-

ции работы SMM-специалиста: необходимые умения и навыки, особенности SMM-продвижения [2]. М.П. Прохорова и Т.Е. Лебедева рассматривают возможности продвижения компании средствами соцсети «ВКонтакте», для чего обращаются к функциональному потенциалу ВК и предлагают алгоритм действия для реализации данной цели (продвижение компании. – *Примечание авторов*. С. С., А. Т.) [3]. Маркетингу социальных сетей как инструменту продвижения посвящена статья И.В. Игнатьевой и И.И. Зедгенизовой. Исследователи раскрывают сущность и популярность социальных сетей, их возможности как инструмента продвижения – преимущества и риски при использовании [4]. Об инструментах SMM, общих чертах стратегий маркетинга в социальных сетях – в статье Е.А. Рыкова и А.П. Кадиной [5]. SMM как вирусную стратегию в медиапространстве предлагает рассматривать В.Л. Музыкант [6].

В рамках нашего исследования наиболее интересными стали научные работы, показывающие взаимосвязь социальных сетей, Social Media Marketing и журналистики [7–11].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Мы выбрали площадку «ВКонтакте» и провели исследование инструментов продвижения новостного аккаунта телеканала «Россия-1».

«Россия-1» – общероссийский федеральный государственный телеканал. Сообщество «Россия-1» в социальной сети «ВКонтакте» было создано 22 февраля 2011 г., имеет 1,2 млн подписчиков. Целевая аудитория – пользователи в возрасте от 18 до 55 лет. В день публикуется по 10–18 постов. Среднее количество просмотров на публикациях – 25 тыс., а отметок «Мне нравится» – от 100 до 500 лайков. Обратим внимание, что отсутствуют продающие посты, в основном это информационные и развлекательные публикации.

Хронологические рамки исследования: с 1 по 31 декабря 2022 г. Объём эмпирической базы составил 465 публикаций.

Основными методами исследования стали: описание, анализ, наблюдение, сравнение, анализ контента.

¹ Браславец Л.А. Интернет-сервисы социальных сетей в современной системе средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 169 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа выделили следующие критерии, по которым рассмотрели сообщество: визуальное оформление; контент; копирайтинг; хештеги; различные формы захвата; обратная связь.

Первое, что наблюдаем при анализе сообщества – инструмент «Визуальное оформление». Он является посредником знакомства с аудиторией, способствует формированию первого впечатления. Яркими элементами здесь служат аватар и баннер. На аватаре представлен логотип телеканала, а на баннере премьера программы «Шалапин». Как и всё сообщество, они представлены в фирменных цветах новостного телеканала «Россия-1» – красный и синий (рис. 1).

Цветовая схема вызывает ассоциации с конкретным телеканалом, что является первостепенной задачей при продвижении сообщества и сказывается на лояльности целевой аудитории.

Следующее, на что стоит обратить внимание – «Контент». Он включает *фото- и видеоматериалы, истории, клипы, прямые эфиры*.

Большое внимание в сообществе уделяется видеоматериалам – информация в основном публикуется в аудиовизуальном формате. В отдельном окне «Видео» наблюдаем 148 плейлистов с различными программами: «Жизнь и судьба», «Ну-ка, все вместе!», «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и др. (рис. 2).

Телеканал активно пользуется инструментом «Истории»: ежедневно публикуются как статичные, так и анимационные макеты. Общее количество: 15–18 публикаций в день. В основном – это анонсы предстоящих программ и событий с дополнительными ссылками внизу для перехода на сайт. Отметим, что визуально инструмент выделяется за счёт наличия фирменных цветов и текста (рис. 3).

Он позволяет транслировать информацию в рамках группы и на главной странице во «ВКонтакте», что, в первую очередь, хорошо для телеканала, истории помогают больше поддерживать контакт с аудиторией и укреплять их вовлечённость.

«Клипы» – относительно новый и действенный инструмент продвижения. Он помогает «собирать» потенциальную аудиторию и становится каналу популярнее. Здесь телеканал транслирует анонсы программ и короткие стендапы медийных личностей. Алгоритмы работают так, что интересные видеоматериалы попадают в рекомендации и их видит новая публика, которая ещё не подписана на сообщество. Данную тенденцию мы замечаем в телеканале, за всё время публикаций видеоматериалов сообщество успело набрать 32,1 М просмотров, 473 К оценок, 1,2 М подписчиков (рис. 4). Количество подписавшихся пользователей говорит об эффективности данного инструмента в продвижении.

Телеканал старается удовлетворить информационные потребности «самого широкого» зрителя, которого интересует всё. Мы наблюдаем публикации на разную повестку – новостную, развлекательную, научную и др. Форматы: анонсы программ, премьеры и трейлеры фильмов, мультфильмов. Особенно аудитории интересна политическая и экономическая направленность в постах. Больше всего встречаются выступления политических деятелей, высказывающихся о спецоперации на Украине, а также анонсы программ, пропагандирующие патриотизм («Бесогон ТВ»). Информация, которую публикуют, остаётся консервативной. В целях привлечения внимания аудитории публикации дублируются с изменённым текстом и добавляются эмодзи.

Рассмотрим бесплатный эффективный инструмент для создания трафика – «Хештеги». Данный инструмент используется под каждой публикацией, во внимание берутся два–четыре тега. Самыми популярными обозначениями считаются следующие слова и словосочетания: #Россия1, #НашеКино, #УтроРоссии, #ВладимирСоловьёв, #операция. Все хештеги, которые использовались в сообществе, создавались индивидуально. Благодаря им удобно ориентироваться среди большого потока публикаций, переходя на интересующий контент.

Акцентируем внимание на *различные формы захвата – меню, музыка, статьи, видео, клипы и сюжеты*. Последние три мы

уже обсуждали, подробнее проанализируем оставшиеся.

В инструменте «Меню» собраны актуальные программы телеканала – «Синяя птица», «Классная тема», «#УЗНАЙШАЛЯПИ-

НА», «Танцы со звёздами», «Ну-ка, все вместе», «Тайны следствия», «Андрей Малахов». Все виджеты выделяются за счёт яркой обложки, тем самым сразу бросаются в глаза пользователям (рис. 5).

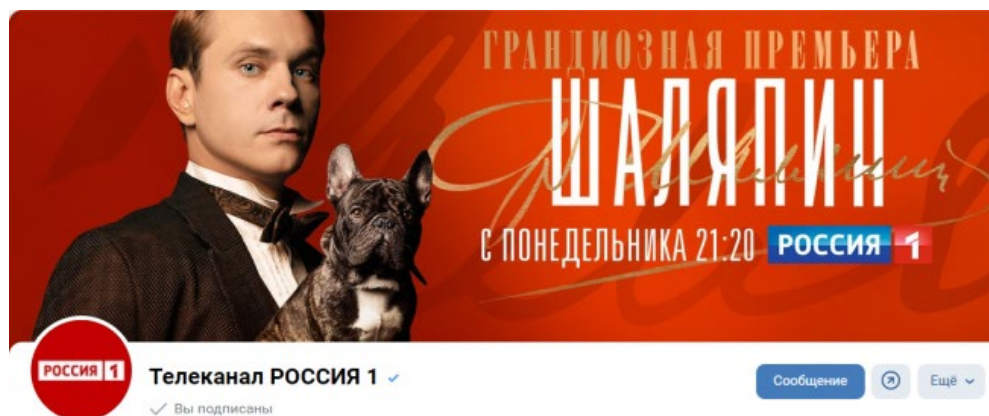

Рис. 1. Инструмент «Визуальное оформление»

Fig. 1. Tool “Visual design”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>

Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

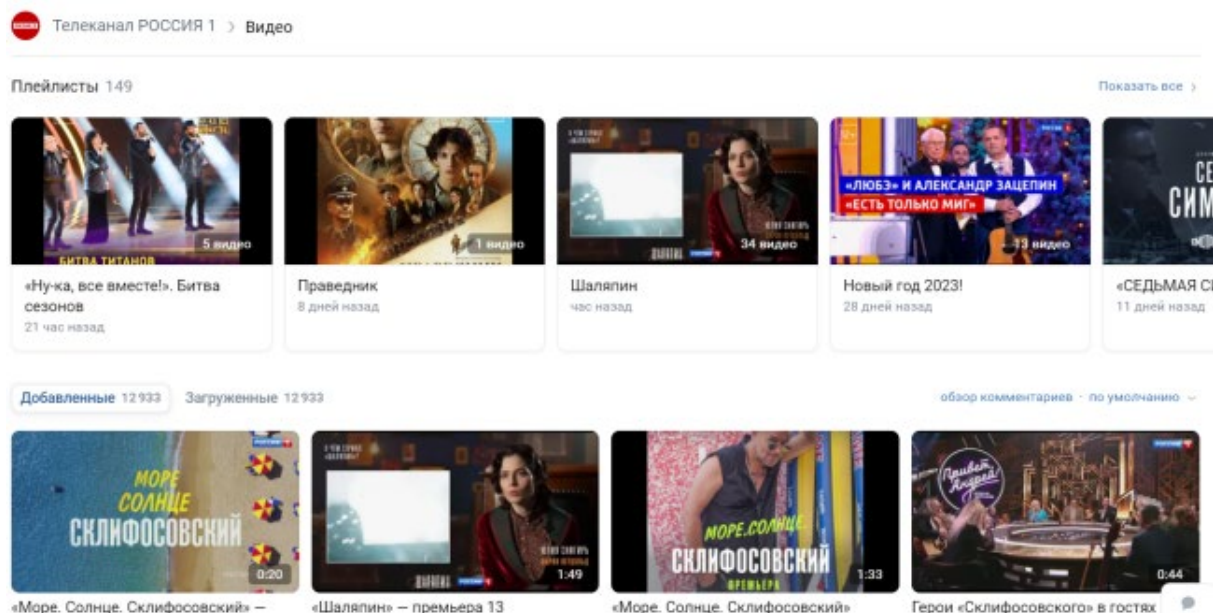

Рис. 2. Контент

Fig. 1. Content

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>

Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

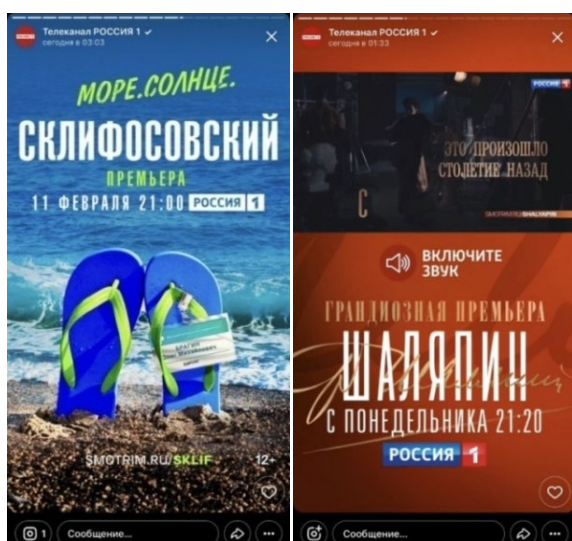

Рис. 3. Инструмент «Истории»

Fig. 3. Tool “Stories”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>
Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

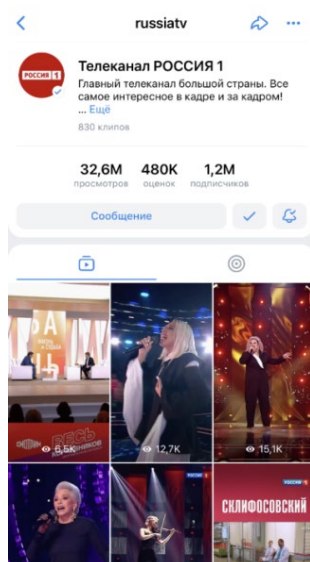

Рис. 4. Инструмент «Клипы»

Fig. 4. Tool “Clips”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>
Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

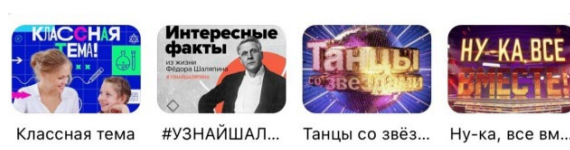

Рис. 5. Инструмент «Меню»

Fig. 5. Tool “Menu”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>
Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

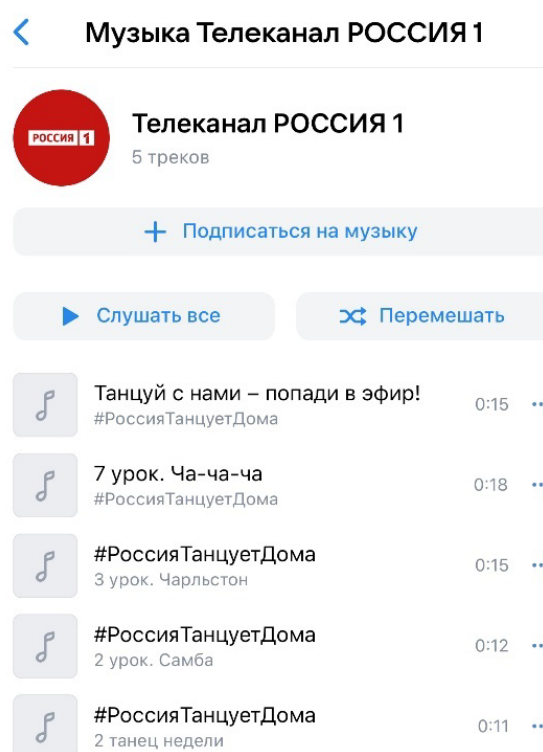

Рис. 6. Инструмент «Музыка»

Fig. 6. Tool “Music”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>
Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

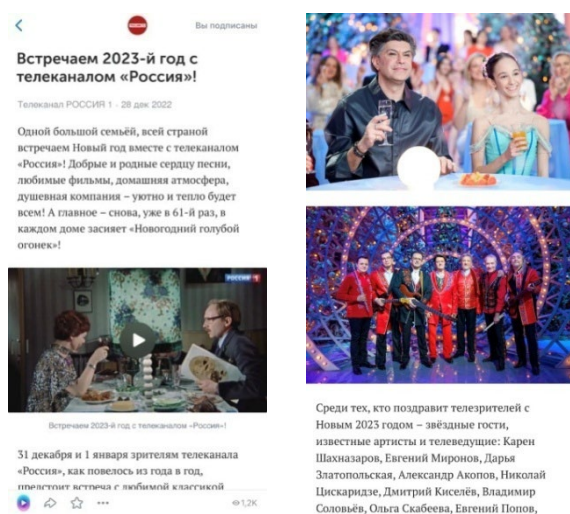

Рис. 7. Инструмент «Статьи»
Fig. 7. Tool “Articles”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>
Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

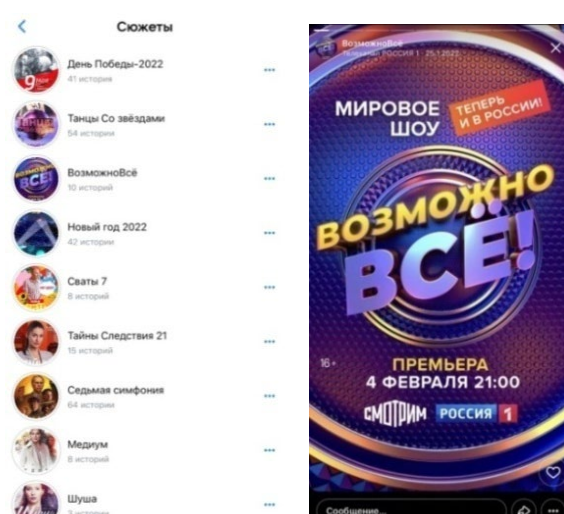

Рис. 8. Инструмент «Сюжеты»
Fig. 8. Tool “Moments”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>
Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

При нажатии на один из них открывается страница, где мы наблюдаем содержимое виджета. Видеоматериалы не содержат полную продолжительность программы, это анонсы и небольшие отрывки, которые больше заинтересовывают на дальнейший просмотр.

Дальше переходим к инструменту «Музыка». Раздел содержит всего пять аудиофайлов, которые представляют собой 15-секундные танцевальные мелодии (рис. 6).

Он не выполняет определённых задач по продвижению сообщества. Предполагаем, что музыка использовалась в более ранних публикациях, связанных с танцевальной программой.

Следующий инструмент – «Статьи». За декабрь месяц в разделе был опубликован один материал «Встречаем 2023-й год с телеканалом «Россия»!». В статье перечисляются и подробно описываются новогодние передачи, которые будут транслироваться 31 декабря 2022 г. Материал наполнен яркими и качественными фотографиями, которые привлекают к себе внимание. Статистика статьи следующая – 1162 просмотра и 30 упоминаний (рис. 7).

Рис. 9. Инструмент «Обратная связь»
Fig. 9. Tool “Feedback”

Источник: скриншот сделан авторами в официальной группе ВК «Телеканал Россия-1». URL: <https://vk.com/russiatv>
Source: screenshot made by the authors in the official VK group “Russia-1 TV Channel”. Available at: <https://vk.com/russiatv>

Раздел обладает слабой активностью, следовательно, мало участвует в продвижении сообщества.

Последняя форма захвата, которая тесно связана с инструментом «Истории» – «Сюжеты». Это серия фото- и видеоматериалов из историй, с собственной обложкой и назва-

нием. Раздел похож на интерактивный альбом, который можно публиковать на стене, отправлять в личные сообщения и групповой чат, добавлять в закладки. Всего в сообществе 33 иконки, в каждой из которых разное количество историй – от 5 до 35 и больше. Это даёт нам понять, что бренд не придерживается чётких границ. Инструмент схож с «Меню», отражает следующую основную идею – трансляция анонсов программ с внедрением эксклюзивных закадровых материалов, некоторые из них можно увидеть исключительно в сюжетах. Все, что нельзя найти на просторах Интернета, завлекает целевую аудиторию больше всего (рис. 8).

«Обратная связь» помогает формировать как положительный, так и отрицательный образ новостного портала. Здесь этот инструмент выполняет обе функции, что можем отнести к хорошему фактору, потому что быть свободным в высказываниях, участвовать в рассуждениях, проявлять активность – зачастую целевой аудитории необходимо. Это помогает сделать сообщество более информативным и полезным. Обратную связь наблюдаем исключительно в комментариях под публикациями (рис. 9).

Каждый инструмент продвижения в социальной сети «ВКонтакте» уникален, нацелен на определённую задачу в стратегии развития телеканала. Функционал инструментов определяет главные цели – оперативность в публикации и обновлении материалов, удобная ориентации пользователей в потоке информации, повышение интереса к сообществу телеканала в социальной сети, использование для «работы» с аудиторией разнообразных форм общения, увеличение погружённости в события. Статистика показывает, что в работе задействованы действительно

эффективные и проверенные временем методы. Важно использовать их в совокупности, тогда они дадут ощутимый результат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего исследования мы выявили инструменты продвижения в социальной сети «ВКонтакте» и определили эффективность их использования для продвижения новостных телеканалов. Проанализировав сообщество «Россия-1» по выбранным критериям, определили специфику применения инструментов развития канала.

На основе проведённого анализа выявили особенности продвижения аккаунтов новостных телеканалов в социальной сети «ВКонтакте»:

1) публикация большого количества ежедневного контента, включающего новости, видео, клипы, созданные на основе телетрансляции канала;

2) поддержание постоянного взаимодействия телезрителя и канала, связью между которыми служит сообщество во «ВКонтакте»;

3) влияние на аудиторию телеканала к предстоящим премьерам на ТВ путём публикации анонсов, интересных фактов и опросов о выпускаемой программе, фильме, телесериале;

4) продвижение видеосервисов и сайтов, принадлежащих телеканалу.

Исходя из проведённого нами анализа, можно сделать вывод, что внедрение SMM-инструментов в социальную сеть «ВКонтакте» с целью продвижения новостных порталов является необходимым условием для удержания лидирующих позиций среди конкурентов на медиарынке.

Список источников

1. Фоллс Д., Декерс Э. Маркетинг в социальных медиа. Просто о главном / пер. с англ. В. Иващенко. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2013. 335 с.
2. Гурицкая Б.Т., Меренкова П.А. Продвижение продуктов с помощью SMM // E-Scio. 2020. № 1 (40). С. 294-303. <https://elibrary.ru/ihmiaf>
3. Прохорова М.П., Лебедева Т.Е. Возможности продвижения компании средствами социальной сети ВКонтакте // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 7 (33). С. 140-145. <https://elibrary.ru/ypndrz>

4. Игнатьева И.В., Зедгенизова И.И. Маркетинг социальных сетей как инструмент продвижения // Инновации и инвестиции. 2019. № 7. С. 125-129. <https://elibrary.ru/uyfebo>
5. Рыков Е.А., Кадина А.П. SMM и социальные сети: влияние на экономику продвижения бизнеса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 11-2 (93). С. 127-129. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-11-2-127-129>, <https://elibrary.ru/wzetek>
6. Музыкант В.Л. Опыт исследования SMM как вирусной стратегии в медийном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 75-85. <https://elibrary.ru/sylzxd>
7. Красавина А.В., Золина Д.О. Трансформация медиаформатов в социальных сетях: феномен Тик Тока // Медiasreda. 2021. № 1. С. 44-52. <https://doi.org/10.47475/2070-0717-2021-10108>, <https://elibrary.ru/rddxwe>
8. Устинов В.В. SMM-копирайтинг в журналистской деятельности // Медiasreda. 2017. № 12. С. 276-281. <https://elibrary.ru/zgifsr>
9. Файкова С.Д. Социальные сети как инструмент формирования лояльности молодежи к российским телеканалам // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 3 (45). С. 81-94. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10309>, <https://elibrary.ru/cjwpuj>
10. Шевченко В.С. Мессенджеры как набор коммуникативных технологий (опыт медиагруппы «Наш Челябинск») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 3 (49). С. 62-67. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-49-3-62-67>, <https://elibrary.ru/xsuceq>
11. Щепилова Г.Г., Круглова Л.А. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 3. С. 3-16. <https://elibrary.ru/urwdfc>

References

1. Folls J., Deckers E. *No Bullshit Social Media: The All-Business, No-Hype Guide to Social Media Marketing*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., Eksmo Publ., 2013, 335 p. (In Russ.)
2. Gurt'skaya B.T., Merenkova P.A. Promoting products using SMM. *E-Scio*, 2020, no. 1 (40), pp. 294-303. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ihmiaf>
3. Prokhorova M.P., Lebedeva T.E. Possibilities of the company promotion by means of the social network VKontakte. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2018, no. 7 (33), pp. 140-145. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ypndrz>
4. Ignat'eva I.V., Zedgenizova I.I. Social media marketing as a promotion tool. *Innovatsii i investitsii*, 2019, no. 7, pp. 125-129. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uyfebo>
5. Rykov E.A., Kadina A.P. SMM and social networks: impact on the economy and business promotion. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2022, no. 11-2 (93), pp. 127-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-11-2-127-129>, <https://elibrary.ru/wzetek>
6. Muzykant V.L. The study of SMM as a virus strategy in the media space. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2014, no. 4, pp. 75-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sylzxd>
7. Krasavina A.V., Zolina D.O. Transformation of media formats in social networks: the TikTok phenomenon. *Mediasreda*, 2021, no. 1, pp. 44-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2070-0717-2021-10108>, <https://elibrary.ru/rddxwe>
8. Ustinov V.V. SMM copywriting in journalism. *Mediasreda*, 2017, no. 12, pp. 276-281. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgifsr>
9. Faikova S.D. Social networks as a tool for forming youth loyalty to Russian TV channels. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2022, no. 3 (45), pp. 81-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10309>, <https://elibrary.ru/cjwpuj>
10. Shevchenko V.S. Messengers as a set of communication technologies (experience of the "Our Chelyabinsk" media group). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2023, no. 3 (49), pp. 62-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-49-3-62-67>, <https://elibrary.ru/xsuceq>
11. Shchepilova G.G., Kruglova L.A. Television channels and social networks: specifics of interaction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2018, no. 3, pp. 3-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/urwdfc>

Информация об авторах

СИМАКОВА Светлана Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры медиапроизводства, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5248-9459>, simakovi@mail.ru

Вклад в статью: разработка общей концепции статьи, поиск и анализ научной литературы, обзор литературы, изучение эмпирического материала, анализ полученных результатов, научное консультирование, обработка и редактирование материала, написание части текста статьи, оформление статьи.

ТАЖЕТДИНОВА Анна Павловна, студентка факультета журналистики, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0008-7684-6754>, anna.tokareva.200181@gmail.com

Вклад в статью: поиск научной литературы, набор и анализ первичного материала, обработка его результатов, написание части текста статьи.

Поступила в редакцию 04.04.2024

Поступила после доработки и рецензирования 14.10.2024

Принята к публикации 11.11.2024

Information about the authors

Svetlana I. Simakova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Media Production Department, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5248-9459>, simakovi@mail.ru

Contribution: main study conception development, scientific literature search and analysis, literature review, empirical material study, obtained results analysis, scientific consulting, material processing and editing, part of manuscript text drafting, manuscript design.

Anna P. Tazhetdinova, Student of Journalism Faculty, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-7684-6754>, anna.tokareva.200181@gmail.com

Contribution: scientific literature search, source material acquisition and analysis, results processing, part of manuscript text drafting.

Received April 4, 2024

Approved after reviewing and revision October 14, 2024

Accepted November 11, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1007-1016>

Шифр научной специальности 5.9.9

Особенности образовательного и просветительского сетевого видеоконтента в России

Дмитрий Александрович Стерликов

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий»

394036, Российская Федерация, г. Воронеж, пр-кт Революции, 19

✉ dimok.36@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Активное развитие аудиовизуального сектора новых медиа и его интеграция в систему образовательных и просветительских практик делает актуальным вопрос о конкретизации ключевых особенностей современного сетевого образовательного и просветительского видеоконтента. Цель исследования заключается в попытке дать системное описание такого рода контенту. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Объектом исследования является образовательный и просветительский видеоконтент, представленный в русскоязычном секторе Интернета. Хронологические рамки исследования – 2022–2023 гг. Ключевые методы исследования – сравнительно-типологический, историко-функциональный, текстологический. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Несмотря на значительные пересечения в сфере реализуемых функций, образовательный и просветительский контент не является тождественным. Первый, как правило, предлагается образовательными организациями в структурированной форме с чётко обозначенной целью формирования конкретных знаний, умений и навыков. Второй – это контент, направленный на удовлетворение интереса или любопытства пользователя в какой-либо сфере, предлагающий интересующие пользователя сведения с целью саморазвития и не направленный на формирование конкретных знаний, умений и навыков. Эти типы контента имеют существенные различия по таким типологическим признакам, как целеполагание, аудиторная направленность, жанрово-тематическое наполнение. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** В ходе исследования удалось обнаружить существенные различия между образовательным и просветительским сетевым видеоконтентом, которые в целом заключаются в том, что образовательный контент в большей степени копирует учебные жанры и форматы, а также тяготеет к классическим видеоформатам, тогда как просветительский контент в большей степени ориентирован на подходы, выработанные в видеоблогинге.

Ключевые слова: сетевой видеоконтент, новые медиа, аудиовизуальные медиа, видеоблоги, образовательный видеоконтент, просветительский видеоконтент, типология медиа

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стерликов Д.А. Особенности образовательного и просветительского сетевого видеоконтента в России // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 1007-1016. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1007-1016>

Features of educational and enlightening online video content in Russia

Dmitry A. Sterlikov

Voronezh State University of Engineering Technologies
19 Revolyutsiya Ave., Voronezh, 394036, Russian Federation
✉ dimok.36@bk.ru

Abstract

INTRODUCTION. The active development of the audiovisual sector of new media and its integration into the system of educational and enlightening practices makes the issue of specifying the key features of modern online educational and enlightening video content relevant. The purpose of the study is to attempt to give a systemic description of this type of content. **MATERIALS AND METHODS.** The object of the study is educational and enlightening video content presented in the Russian-language sector of the Internet. The chronological framework of the study is 2022–2023. The key research methods are comparative-typological, historical-functional, and textual. **RESULTS AND DISCUSSION.** Despite significant overlaps in the area of implemented functions, educational and enlightening content are not identical. The former is usually offered by educational organizations in a structured form with a clearly defined goal of forming specific knowledge, skills, and abilities. The latter is content aimed at satisfying the user's interest or curiosity in a particular area, offering information of interest to the user for the purpose of self-development and not aimed at forming specific knowledge, skills, and abilities. These types of content have significant differences in such typological features as goal setting, audience focus, genre and thematic content. **CONCLUSION.** The study revealed significant differences between educational and enlightening online video content, which generally consist of the fact that educational content largely copies educational genres and formats, and also gravitates toward classical video formats, while enlightening content is more focused on approaches developed in video blogging.

Keywords: network video content, new media, audiovisual media, video blogs, educational video content, enlightening video content, media typology

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Sterlikov, D.A. Features of educational and enlightening online video content in Russia. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):1007-1016. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1007-1016>

ВВЕДЕНИЕ

Вектор развития современных медиа в сторону визуализации отмечается многими исследователями. Такие учёные, как Е.Л. Вартанова [1], А.А. Грабельников, Н.С. Гегелова [2], Е.А. Зверева, В.И. Сапунов, О.В. Пинчук, А.М. Шестерина [3], А.Г. Качкаева, С.А. Шомова [4], фиксируют процесс активизации интереса современной аудитории к новейшим видеоформатам. Наряду с этим, констатируется и интерес представителей образовательной сферы к возможности использования сетевого видеоконтента в ходе преподавания в школе и вузе. Так, О.Ю. Копылова [5], А.А. Куликов и Л.В. Вахидова [6–8] размышляют о медиати-

зации образования в целом, а А.М. Шестерина [9–11], О.В. Пинчук [12], Е.Е. Абросимова [13], Е.И. Соболева, А.А. Купавская [14], А.Э. Корчак, Т.Е. Хавенсон [15], К.А. Баранников, Д.П. Ананин, Н.Г. Стрикун, О.Н. Алканова, А.Е. Байзаров [16] пишут о потенциале использования аудиовизуальных медиа в системе высшего образования, В.Е. Терещенко, Д.С. Новиков, А.А. Фокин [17] анализируют его возможности в процессе школьного обучения, Е.А. Измайлова, Т.И. Шишкина [18] размышляют о потенциале видеоблогинга во внеурочной деятельности. А.В. Прохоров [19], П.В. Сысоев, Е.М. Филатов, М.Н. Евстигнеев, О.Г. Поляков, И.А. Евстигнеева, Д.О. Сорокин [20] подчёркивают значимость

внедрения новых технологий в учебный процесс. Наряду с этим, собственно образовательный сетевой видеоконтент изучен слабо. Несмотря на то, что ряд исследователей анализирует такого рода контент с точки зрения анализа количественных характеристик [21], жанровой специфики [22], языковых средств [23] и типа самопрезентации автора [24; 25], типология сетевого образовательного контента практически не разработана.

Между тем конкретизация понимания роли образовательного и просветительского сетевого видеоконтента в системе современного образования представляется значимой как в силу частотности его использования в ходе обучения и информирования вообще, так и в связи с переходом значительного числа практик в формат дистанционного онлайн-обучения. Несмотря на значительное число рисков, связанных с этими процессами, остановить их развитие невозможно в силу экономических, технико-технологических и социокультурных причин, а потому они требуют скорейшего и всестороннего осмысления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Наше исследование имеет целью выявить особенности современного образовательного и просветительского сетевого видеоконтента в России. Решаемые в исследовании задачи заключаются в стремлении конкретизировать и разграничить категории «образовательный сетевой видеоконтент» и «просветительский сетевой видеоконтент», разработать типологию такого рода контента и определить его ключевые особенности.

Материал исследования – видеоконтент, публикуемый в сети Интернет образовательными организациями и видеоблогерами преимущественно с целью осуществления образовательной и просветительской деятельности. Эмпирическая база исследования включила сетевой видеоконтент, опубликованный такими ведущими вузами России, как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Высшая школа экономики на сайтах и в официальных публикациях организаций в 2022–2023 гг. Для отбо-

ра контента использовался метод сплошной выборки. Также материалом исследования стали наиболее популярные видеоблоги, размещённые на платформе Рутьюб и выведенные алгоритмами приоритизации на лидирующие позиции в рубриках «культура» и «обучение» в 2022–2023 гг. («Евгений Ширяев», «Хот Культуру», «Лекторий Достоевский», «Умскул», «Что, если», «Алексей Марков», «ВГИК», «Российское общество Знание», «Классическая литература»). Методом случайной выборки на каждом из анализируемых каналов были отобраны 10 выпусков (всего – 80 выпусков).

Исследование контента проходило с опорой на сравнительно-типологический, историко-функциональный и текстологический методы с опорой на системный подход. В определении типологических признаков сетевого видеоконтента мы опирались на типологию новых медиа, разработанную А.М. Шестериной [26], и сосредоточили внимание на таких значимых параметрах медиапроизведения, как цель создания медиа, особенности контента (тематическая направленность, жанровое и форматное своеобразие) и аудиторная направленность.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя в целом контент, направленный на повышение грамотности аудитории, мы пришли к выводу о том, что, несмотря на значительную вариабельность и активную трансформацию анализируемого видео, можно обнаружить ряд групп видеопроизведений, которые могут быть объединены на основе ключевых типологических признаков.

Так, **по целевой направленности** мы можем условно разграничить образовательный и просветительский видеоконтент. Понимая просвещение как процесс постоянного повышения уровня осведомлённости человека в ходе его жизнедеятельности, а образование как локализованный во времени, организованный и структурированный процесс передачи знаний в определённой сфере, мы усматриваем разницу в образовательном и просветительском контенте именно в его обязательности и структурированности. Это по-

звolyет нам дать следующие определения двум типам видеоконтента.

1. Сетевой аудиовизуальный образовательный контент – это контент, предлагаемый образовательными организациями в структурированной форме с чётко обозначенной целью формирования конкретных знаний, умений и навыков. К такому контенту можно отнести видеолекции высших учебных заведений, школьные видеоуроки, онлайн-видеокурсы различной направленности.

2. Сетевой аудиовизуальный просветительский контент – это контент, направленный на удовлетворение интереса или любопытства пользователя в какой-либо сфере, предлагающий интересующие пользователя сведения с целью саморазвития и не направленный на формирование конкретных знаний, умений и навыков. Последние, безусловно, могут быть сформированы в ходе медиапотребления, однако обязательными не являются. К такого рода контенту можно отнести просветительские видеоблоги, вебинары, воркшопы, научно-популярные видеолекции и т. д.

Анализ этих двух типов видеоконтента позволил нам обнаружить некоторые особенности каждого из них. Они, прежде всего, связаны со спецификой двух процессов – образования и обучения. Так, образовательные видеоблоги по формату тяготеют к классическим формам организации учебного процесса. Это могут быть видеолекции, записанные специально для какого-либо образовательного проекта или снятые в ходе осуществления образовательной практики. Примером первого типа лекций может служить контент проекта «Открытое образование» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова¹, основанный именно на профессиональной видеосъёмке разделов конкретных курсов. Лекторы в этих проектах основывают свои выступления на разработанном заранее учебном плане с полным пониманием цели и задач курса. Такая лекция читается на нейтральном фоне и сопровождается презентацией подобно офлайн-формату. Примером лекций второго типа могут быть разме-

щённые на аккаунтах вузов и школ в социальных сетях лекции, уроки и мастер-классы (например – цикл мастер-классов Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова²). Примечательно, что каналом дистрибуции образовательного контента почти всегда является официальный сайт образовательной организации с возможностью дублирования информации в корпоративных пабликах и аккаунтах в социальных сетях и на видеохостингах. Так, например, все три университета, контент которых подвергался анализу, размещают образовательное видео на видеохостинге Рутуб, однако это касается лишь бесплатного контента. Видео с платным доступом размещается только на порталах организаций или специальных сайтах, созданных для такого рода проектов.

Иначе формируется стратегия доступа к сетевому просветительскому видеоконтенту. Он размещается, прежде всего, в социальных сетях и на видеохостингах. Фрагментарно он может дублироваться на порталах организаций, однако это не является обязательным и, как правило, носит фрагментарный, бессистемный характер. Для этого контента необязательна аффилиация с каким-либо образовательным учреждением, хотя подобные примеры, безусловно, существуют. Так, каналы «ВГИК», «Российское общество Знание» и «Умскул», несомненно, аффилированы с базовыми организациями, хотя авторами контента могут не являться сотрудники этих организаций. В числе разработчиков такого контента могут оказаться преподаватели, учителя, ведущие специалисты отрасли и даже харизматичные блогеры, не являющиеся специалистами в какой-либо сфере, но стремящиеся к ведению просветительской деятельности.

Этого типа контент обладает некоторыми чертами, отличающими его от видео предыдущего типа.

1. Большая ориентация на специфику сетевой среды. Она выражается в открытой

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова // Открытое образование. URL: <https://openedu.ru/university/msu/> (дата обращения: 20.08.2024).

² Мастер-классы Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова // Высшая школа (факультет) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <https://ftv.msu.ru/about/media/> (дата обращения: 20.08.2024).

персонализации формы подачи информации, в сокращении дистанции общения вплоть до интимизации повествования, в усилении различных форм интерактивности, в нарушении традиционных канонов съёмки и монтажа.

2. Активизацией средств привлечения и удержания внимания аудитории в высококонкурентной среде. Так, можно отметить присутствие элементов геймификации, выражающееся в формировании такого явления, как эдьютеймент (образование сочетается с развлечением). Фиксируется обилие графики, спецэффектов, элементов саунддизайна, характерных для сетевой среды.

3. Нередко трансформируется экранный имидж автора. Экспертность отчасти уступает место имиджевым параметрам шоумена. Присутствует такое качество карнавализации, как ношение маски.

4. В выборе тем отдаётся предпочтение не следованию логике какой-либо дисциплины, а интересам аудитории. Имеет место ещё одно свойство карнавала – перевёрнутая иерархия, в которой пользователь диктует автору, о чём и как он должен вести повествование.

5. В видео просветительского характера в обилии присутствуют элементы другого типа контента: рекламного, информационного, развлекательного, идеологического.

6. Наконец, сам формат аудиовизуального произведения заметно отличается от классических образовательных форматов (лекций, уроков, мастер-классов) и опирается на жанровую систему видеоблогинга.

Последнее позволяет нам утверждать, что мы можем выделить несколько типов сетевого образовательного и просветительского видеоконтента **по жанровому признаку**:

- 1) видеоконтент с доминантой классических образовательных жанров и форматов;
- 2) видеоконтент с доминантой жанров и форматов видеоблогинга.

В первом случае доминируют такие жанры, как видеолекции, вебинары, мастер-классы, воркшопы. Реже встречаются учебные экскурсии. Основной формат – классическое горизонтальное видео.

Во втором случае мы обнаруживаем большую вариативность жанров и форматов, что обусловлено стремлением адаптации к кана-

лу дистрибуции контента – сетевой среде, – и запросам аудитории. Здесь встречаются такие образовательные жанры, как документальные фильмы, докьюментари, мокьюментари, гайды, обзоры, комментарии, эссе, лайфхаки. Можно отметить отдельно жанры с доминированием конкретной тематики (бьюти-блоги, фитнес-блоги). Присутствует разнообразие форматов: горизонтальное видео, вертикальное видео, прямая трансляция, гибридная прямая трансляция, видео с доски, анимация. Вариативность форм подачи информации обусловлена стремлением обратиться к разной по типу аудитории.

По **аудиторному признаку** образовательный и просветительский контент можно разделить на две крупные группы – детский и взрослый.

Детский контент на всех платформах имеет определённые ограничения в аспекте как содержания, так и формы транслируемой информации. Так, ряд платформ (например, YouTube) делает недоступным для детей формат прямых трансляций в связи с непредсказуемостью и возможной вредоносностью транслируемой информации. В целом же детский контент характеризуется активным использованием технологий эдьютеймента и частым обращением к анимации как к одной из эффективных технологий репрезентации информации детской аудитории.

Контент для взрослых в целом более вариативен и лишён назидательности. Авторы общаются с аудиторией чаще всего как равный с равным. Именно в этом типе контента образование и просвещение могут сочетаться с реализацией идеологической и рекламной функций.

Примечательно, что контент, адресованный взрослой аудитории, может демонстрировать черты инфантилизма (например, в подаче информации, в некоторых компонентах имиджа автора и даже в системе аргументации). Это полностью соотносится с качествами современной сетевой аудитории, в числе которых исследователи называют возрастную регрессию [4; 27].

По **тематике** как каждый отдельный выпуск, так и наполнение каналов в целом можно отнести к трём типам – монотематическо-

му, политематическому и универсальному. Причём все три типа встречаются как в образовательном, так и в просветительском контенте, что позволяет говорить о сегментированности этого сектора медиа, о его нишефикации и о стремлении авторов выйти на «свою» аудиторию.

Монотематические каналы направлены на освещение какой-либо конкретной темы. В системе образования – это практически все курсы проекта «Открытое образование» МГУ им. М.В. Ломоносова, а в области просвещения – контент канала «Классическая литература».

Политематические каналы предоставляют информацию по нескольким смежным темам. Так, например, в образовательной сфере – это контент конкретных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, ВШЭ. В сфере просвещения – контент канала «Хот Культур», который, как следует из названия, охватывает широкий спектр тем, но в рамках вопросов культуры.

Универсальные каналы лидируют в количественном плане. К примеру, они представлены на открытых площадках вузов, где транслируется видеоконтент разных факультетов. А также большая часть каналов, представленных в подборках Рутуб, относится к этому типу.

Кроме того, каждый отдельно взятый видеоролик можно классифицировать по тематическому признаку. Ряд видеороликов (например, на каналах «Умскул» и «Российское общество Знание») полностью посвящены одной теме, другие (на каналах «Что если» и «Евгений Ширяев») несколькими темам, а некоторые представляют обзоры наиболее интересных событий в области образования и культуры (канал «Алексей Марков»). В количественном отношении по этому параметру можно обнаружить определённую неравномерность: образовательный видеоконтент

представлен, преимущественно, видеороликами первого типа (64 % контента данного типа), а просветительский контент – роликами второго типа (71 % контента данного типа). Универсальный тип видеороликов встречается крайне редко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование демонстрирует широкую палитру возможностей использования сетевого видеоконтента в области образования и просвещения. Несмотря на то, что эти области сложноразличимы и, по мнению ряда исследователей, в значительной степени пересекаются, мы можем обнаружить некоторые типологические различия между образовательным и просветительским сетевым видеоконтентом:

1) образовательный контент в большей степени копирует учебные жанры и форматы, а также тяготеет к классическим видеоформатам, тогда как просветительский контент в большей степени ориентирован на подходы, выработанные в системе видеоблогинга;

2) просветительский контент активнее, чем образовательный, использует средства привлечения и удержания внимания аудитории, а также различные инструменты геймификации в полном соответствии с трансформацией информационного поведения современного зрителя.

Думается, скрупулёзный анализ каждого типологического признака в будущем расширит наше представление о потенциале интеграции сетевого образовательного и просветительского контента в процесс повышения грамотности и культурного уровня аудитории. Этот сектор медиа, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении, и особенно важно активизировать подобные исследования в области изучения детского контента.

Список источников

1. Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022. № 2 (109). С. 8-14. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2022.814>, <https://elibrary.ru/yrzxdz>
2. Грабельников А.А., Гегелова Н.С. Экранная коммуникация и визуализация журналистики. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2019. 334 с. <https://elibrary.ru/uizns0>

3. Зверева Е.А., Сапунов В.И., Пинчук О.В., Шестерина А.М. Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа. Воронеж: Кварта, 2018. 256 с.
4. Качкаева А.Г., Шомова С.А. Мультимедийная журналистика. М.: Высшая школа экономики, 2017. 413 с.
5. Копылова О.Ю. Педагогический потенциал СМИ в формировании личности // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2010. № 1 (6). С. 50-55. <https://elibrary.ru/pjkgfj>
6. Куликов А.А. Медиатизация образования как новый тренд ведения обучения // Научный лидер. 2022. № 3 (48). С. 47-49. <https://elibrary.ru/bkutsn>
7. Куликов А.А., Вахидова Л.В. Блог как новый тренд обучения // Теория и практика современной науки. 2022. № 1 (79). С. 224-227. <https://elibrary.ru/rwixia>
8. Куликов А.А., Вахидова Л.В. Обучение путём медиафикации образования // Мировая наука. 2022. № 1 (58). С. 203-206. <https://elibrary.ru/qtqntl>
9. Шестерина А.М. Потенциал использования сетевых видеоформатов в системе гуманитарного образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 6. С. 1365-1375. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1365-1375>, <https://elibrary.ru/jwecri>
10. Шестерина А.М. Потенциал использования современных видеоформатов в системе современного филологического образования // Филологическое образование в цифровую эпоху: опыт актуализации образовательных программ: сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2022. С. 128-130. <https://elibrary.ru/njjzew>
11. Шестерина А.М. Потенциал видеоблогинга в аспекте медиаобразования // MEDIAОбразование: векторы интеграции в цифровое пространство: материалы 4 Междунар. науч. конф. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2019. С. 65-68. <https://elibrary.ru/ktrjnae>
12. Пинчук О.В. Ресурсы по созданию видеоблога как объект самостоятельной медиаобразовательной деятельности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 187-191. <https://elibrary.ru/zrcsfr>
13. Абросимова Е.Е. Восприятие студентами университета видеоблогов как цифрового ресурса обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 11-14. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0001>, <https://elibrary.ru/cxggjx>
14. Соболева Е.И., Кунавская А.А. Использование видеоресурсов Интернета в самостоятельной работе студентов неязыковых вузов // Формирование личности будущего на основе психолого-педагогического анализа: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Агентство международных исследований, 2018. С. 192-197. <https://elibrary.ru/nrzhjd>
15. Корчак А.Э., Хавенсон Т.Е. Понятие «качество» в высшем образовании: от офлайн- к онлайн-формату // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 1. С. 9-27. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27>, <https://elibrary.ru/hvmrbg>
16. Баранников К.А., Ананин Д.П., Стрикунов Н.Г., Алканова О.Н., Байзаров А.Е. Гибридное обучение: российская и зарубежная практика // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 33-69. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-2-33-69>, <https://elibrary.ru/sbpthd>
17. Терещенко В.Е., Новиков Д.С., Фокин А.А. Совершенствование учебного процесса в современных условиях: учебник или «Ютуб»-канал? // Актуальные вопросы образования. 2023. № 1. С. 150-160. <https://doi.org/10.33764/2618-8031-2023-1-150-160>, <https://elibrary.ru/amovrq>
18. Измайлова Е.А., Шишкина Т.И. Образовательный потенциал видеоблога как медиаформы во внеурочной деятельности (по итогам конкурса «Творчество в сети») // Шатиловские чтения: сб. науч. тр. СПб.: С.-Петербург. политех. ун-т Петра Великого, 2022. С. 140-144. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id22-216>, <https://elibrary.ru/yhlscs>
19. Прохоров А.В. Потенциал технологий искусственного интеллекта в языковой подготовке будущих медиаспециалистов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 3. С. 589-595. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-589-595>, <https://elibrary.ru/yuvnvd>
20. Сысоев П.В., Филатов Е.М., Евстигнеев М.Н., Поляков О.Г., Евстигнеева И.А., Сорокин Д.О. Матрица инструментов искусственного интеллекта в лингвометодической подготовке будущих учителей иностранного языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 3. С. 559-588. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588>, <https://elibrary.ru/jazkme>
21. Филипова А.Г., Малахова В.Р. Образовательные видеоблоги: анализ количественных характеристик // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего: сб. материалов конф. М.: Рос. об-во социологов, 2024. С. 485-490. <https://elibrary.ru/fksjeq>

22. Пушкарёва В.В. Жанровые признаки образовательного видеоблога // Наука и молодёжь: проблемы, поиски, решения: тр. Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. Новокузнецк: Сибир. гос. индустриальный ун-т, 2018. Вып. 22. Ч. 1. С. 140-143. <https://elibrary.ru/bhrzhq>
23. Щипицина Л.Ю., Чуб А.С. Языковые средства акцентирования информации в образовательных видеоблогах // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 60. С. 165-181. <https://elibrary.ru/kohkey>
24. Филипова А.Г., Скрыпникова Е.М., Абросимова Е.Е. Особенности и типы самопрезентаций в образовательном видеоблогинге // Социодинамика. 2023. № 11. С. 46-62. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.11.69015>, <https://elibrary.ru/hakzve>
25. Абросимова Е.Е., Малахова В.Р., Филипова А.Г. Цифровой профиль и самопрезентация в образовательном видеоблогинге: работа с целевой аудиторией // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 6 (63). С. 4-13. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.6.4-13>, <https://elibrary.ru/wauamv>
26. Шестерина А.М. К вопросу о типологизации новых медиа // Неофилология. 2023. Т. 9. № 4. С. 931-939. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-931-939>, <https://elibrary.ru/uzuain>
27. Шестерина А.М. Трансформация информационного поведения современной телевизионной аудитории // Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа. Воронеж, 2018. С. 124-169. <https://elibrary.ru/yvmutz>

References

1. Vartanova E.L. On the consequences of the digital transformation of the media environment. *Medi@l'manakh = Medi@lmanah*, 2022, no. 2 (109), pp. 8-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2022.814>, <https://elibrary.ru/yrzxdz>
2. Grabelnikov A.A., Gegelova N.S. *Ekrannaya kommunikatsiya i vizualizatsiya zhurnalistiki*. Tver, Tver State University Publ., 2019, 334 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uiznso>
3. Zvereva E.A., Sapunov V.I., Pinchuk O.V., Shesterina A.M. *Osobennosti funktsionirovaniya sovremennykh audiovizual'nykh media*. Voronezh, Kvarta Publ., 2018, 256 p. (In Russ.)
4. Kachkaeva A.G., Shomova S.A. *Mul'timediinaya zhurnalistika*. Moscow, HSE University Publ., 2017, 413 p. (In Russ.)
5. Kopylova O.Y. The pedagogical potential of the media in the formation of personality. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute*, 2010, no. 1 (6), pp. 50-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjkgfj>
6. Kulikov A.A. Mediatization of education as a new trend in teaching. *Nauchnyi lider = Scientific Leader*, 2022, no. 3 (48), pp. 47-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bkutsn>
7. Kulikov A.A., Vakhidova L.V. Blog as a new learning trend. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*, 2022, no. 1 (79), pp. 224-227. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rwixia>
8. Kulikov A.A., Vakhidova L.V. Education media as a new paradigm of learning. *Mirovaya nauka*, 2022, no. 1 (58), pp. 203-206. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtqntl>
9. Shesterina A.M. The potential of using network video formats in the humanities education system. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. = Tambov University Review: Series Humanities*, 2023, vol. 28, no. 6, pp. 1365-1375. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1365-1375>, <https://elibrary.ru/jwecri>
10. Shesterina A.M. The potential of using modern video formats in the system of modern philological education. *Sbornik tezisev Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Filologicheskoe obrazovanie v tsifrovuyu epokhu: opyt aktualizatsii obrazovatel'nykh programm» = Proceedings of Abstracts of the International Scientific and Practical Conference "Philological Education in the Digital Age: Experience of Updating Educational Programs"*. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2022, pp. 128-130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/njjzew>
11. Shesterina A.M. Potential of video blogging in the aspect of media education. *Materialy 4 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Mediaobrazovanie: vektory integratsii v tsifrovoe prostranstvo» = Proceedings of the 4th International Scientific Conference "Media Education: Vectors of Integration into the Digital space"*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2019, pp. 65-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/krijnae>
12. Pinchuk O.V. Resources for creating a video blog as an object of independent media educational activity. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2017, no. 4 (26), pp. 187-191. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zrcsfr>

13. Abrosimova E.E. Perception of videoblogs by university students as a digital resource of education. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* = *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2021, vol. 10, no. 4 (37), pp. 11-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0001>, <https://elibrary.ru/cxggjx>
14. Soboleva E.I., Kupavskaya A.A. Using Internet video resources in independent work of students of non-linguistic universities. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Formirovanie lichnosti budushchego na osnove psikhologo-pedagogicheskogo analiza»* = *Proceedings of Works from the International Scientific and Practical Conference "Formation of the Personality of the Future Based on Psychological and Pedagogical Analysis"*. Ufa, Agentstvo Mezhdunarodnykh Issledovaniy Publ., 2018, pp. 192-197. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nrzhjd>
15. Korchak A.E., Khavenson T.E. Concept of "quality" in higher education: from offline to online mode. *Vyshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*, 2024, vol. 33, no. 1, pp. 9-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27>, <https://elibrary.ru/hvmrbg>
16. Barannikov K.A., Ananin D.P., Strikun N.G., Alkanova O.N., Bayzarov A.E. Hybrid learning: Russian and international practice. *Voprosy obrazovaniya* = *Educational Studies*. Moscow, 2023, no. 2, pp. 33-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-2-33-69>, <https://elibrary.ru/sbpthd>
17. Tereshchenko V.E., Novikov D.S., Fokin A.A. Improving education in the current conditions: textbook or YouTube channel? *Aktual'nye voprosy obrazovaniya*, 2023, no. 1, pp. 150-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.33764/2618-8031-2023-1-150-160>, <https://elibrary.ru/amovrq>
18. Izmailova E.A., Shishkina T.I. Educational potential of the video blog as a mediaform in extracurricular activities (according to the results of the competition "creativity on the web"). *Sbornik nauchnykh trudov «Shatilovskie chteniya. preemstvennost' traditsii v sovremennom inoyazychnom obrazovanii»* = *Proceedings of Scientific Works "Shatilov Readings. The Continuity of Traditions in Modern Foreign Language Education"*. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2022, pp. 140-144. (In Russ.) <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id22-216>, <https://elibrary.ru/yhlsco>
19. Prokhorov A.V. Potential of artificial intelligence technologies in language training of future media specialists. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. = *Tambov University Review: Series Humanities*, 2024, vol. 29, no. 3, pp. 589-595. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-589-595>, <https://elibrary.ru/yuvnvd>
20. Sysoyev P.V., Filatov E.M., Evstigneev M.N., Polyakov O.G., Evstigneeva I.A., Sorokin D.O. A matrix of artificial intelligence tools in pre-service foreign language teacher training. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. = *Tambov University Review: Series Humanities*, 2024, vol. 29, no. 3, pp. 559-588. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-559-588>, <https://elibrary.ru/jazkme>
21. Filipova A.G., Malakhova V.R. Educational video blogs: analysis of quantitative characteristics. *Sbornik materialov konferentsii «Tsifrovoye obshchestvo: sotsiologicheskoe izmerenie nastoyashchego i budushchego»* = *Proceedings of Conference Materials "Digital Society: Sociological Dimension of the Present and Future"*. Moscow, Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov Publ., 2024, pp. 485-490. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fksjeq>
22. Pushkareva V.V. Genre features of an educational video blog. *Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Nauka i molodezh': problemy, poiski, resheniya»* = *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Students, Post-Graduates and Young Scientists "Science and Youth: Problems, Searches, Solutions"*. Novokuznetsk, Siberian State Industrial University Publ., 2018, issue 22, pt 1, pp. 140-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bhrzhq>
23. Shchipitsina L.Yu., Chub A.S. Linguistic means of accentuating information in educational video blogs. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* = *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 2020, no. 60, pp. 165-181. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kohkey>
24. Filipova A.G., Skripnikova E.M., Abrosimova E.E. Features and types of self-presentations in educational video blogging. *Sotsiodinamika* = *Sociodynamics*, 2023, no. 11, pp. 46-62. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.11.69015>, <https://elibrary.ru/hakzve>
25. Abrosimova E.E., Malakhova V.R., Filipova A.G. Digital profile and self-presentation in educational video blogging: working with the target audience. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik* = *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, 2023, no. 6 (63), pp. 4-13. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.6.4-13>, <https://elibrary.ru/wauamv>

26. Shesterina A.M. On the issue of new media typology. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 931-939. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-931-939>, <https://elibrary.ru/uzuain>
27. Shesterina A.M. Transformation of information behavior of modern television audiences. *Osobennosti funktsionirovaniya sovremennykh audiovizual'nykh media = Features of the Functioning of Modern Audiovisual Media*. Voronezh, 2018, pp. 124-169. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvmutz>

Информация об авторе

СТЕРЛИКОВ Дмитрий Александрович, преподаватель кафедры управления качеством, гостиничного дела и туризма, Воронежский государственный университет инженерных технологий, г. Воронеж, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-4915-6844>, dimok.36@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ видеоблогов и видеороликов, лингвистический анализ, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 01.09.2024

Поступила после рецензирования 22.10.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Dmitry A. Sterlikov, Lecturer of Quality Management, Hotel Business and Tourism Department, Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-4915-6844>, dimok.36@yandex.ru

Contribution: study idea, scientific literature search and analysis, video blogs and videos analysis, linguistic analysis, material processing and editing, manuscript text drafting.

Received September 1, 2024

Revised October 22, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1017-1026>

Шифр научной специальности 5.9.9

Конвергентность функционала интерактивных приёмов коммуникации с региональной аудиторией в медиатекстах социальных медиа

Елизавета Алексеевна Семёнова

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ lizsem1989@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Построение эффективной коммуникации с целевой аудиторией посредством медиатекстов – актуальный приём интерактивного взаимодействия. Изучена корреляция способов интерактивной коммуникации с региональной аудиторией и функционального назначения элементов медиатекста социальных медиа. Цель исследования – обосновать конвергентность функционала интерактивных приёмов коммуникации с региональной аудиторией в медиатекстах социальных медиа. Теоретическая новизна работы заключается в выявлении конвергенции функционала медиатекстов, во введении в научный оборот понятия «приземление» медиаконтента. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Теоретической базой исследования выступили работы Л.Р. Дускаевой, Е.А. Зверевой, А.А. Казакова, Н.И. Клушиной, А.М. Шестериной по использованию интерактивных приёмов в медиатекстах. В качестве эмпирической базы выбраны наиболее охватные тамбовские сообщества во ВКонтакте и телеграм-каналы. В рамках исследования использовался метод контент-анализа медиатекстов соцмедиа за 2023–2024 гг. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В ходе исследования сформулированы следующие выводы: 1) каждый речевой приём выполняет несколько функций, что говорит о конвергентности функционала медиатекстов; 2) речевые приёмы интерактивной коммуникации в синтезе с техническими средствами демонстрируют эффективность; 3) речевые приёмы являются манипулятивным средством, а технические средства применяются для реализации медиакоммуникационных задач. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Интерактивные речевые приёмы в медиатекстах позволяют воздействовать на пользователя, вовлечь его в инфоповод и сформировать определённое мнение о нём, мотивируют оставить соцреакцию на медиаконтент. Это даёт возможность авторам сделать площадку более узнаваемой и интересной, а также повысить эффективность сообщества.

Ключевые слова: конвергенция, функции, интерактивность, медиатекст, социальные медиа, целевая аудитория

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Семёнова Е.А. Конвергентность функционала интерактивных приёмов коммуникации с региональной аудиторией в медиатекстах социальных медиа // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 1017-1026. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1017-1026>

Convergence of the functionality of interactive communication techniques with regional audiences in social media texts

Elizaveta A. Semenova

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ lizsem1989@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. Building effective communication with the target audience through media texts is a relevant technique of interactive interaction. The correlation of methods of interactive communication with a regional audience and the functional purpose of elements of a social media text is studied. The purpose of the study is to substantiate the convergence of the functionality of interactive methods of communication with a regional audience in media texts of social media. The theoretical novelty of the work lies in identifying the convergence of the functionality of media texts, in introducing the concept of “landing” of media content into scientific circulation. **MATERIALS AND METHODS.** The theoretical basis of the study was the works of L.R. Duskaeva, E.A. Zvereva, A.A. Kazakov, N.I. Klushina, A.M. Shesterina on the use of interactive techniques in media texts. The most comprehensive Tambov communities on VKontakte and Telegram channels were selected as an empirical base. The study used the method of content analysis of social media texts for 2023-2024. **RESULTS AND DISCUSSION.** The following conclusions were formulated in the course of the study: 1) each speech technique performs several functions, which indicates the convergence of the functionality of media texts; 2) speech techniques of interactive communication in synthesis with technical means demonstrate effectiveness; 3) speech techniques are a manipulative means, and technical means are used to implement media communication tasks. **CONCLUSION.** Interactive speech techniques in media texts allow to influence the user, involve him in the news item and form a certain opinion about it, motivate to leave a social reaction to the media content. This gives the authors the opportunity to make the platform more recognizable and interesting, as well as to increase the effectiveness of the community.

Keywords: convergence, functions, interactivity, media text, social media, target audience

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Semenova, E.A. Convergence of the functionality of interactive communication techniques with regional audiences in social media texts. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):1017-1026. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1017-1026>

ВВЕДЕНИЕ

Социальные медиа – неотъемлемая часть современного медиапространства. С развитием цифровизации сетевого медиапространства, наряду с информационной, развлекательной и имиджевой, особую значимость приобретает коммуникативная функция социальных медиа. Медиакоммуникация способствует формированию интерактивной модели собственного медиамира и переводит общение «из социально ориентированного в межличностно ориентированное и наоборот» [1].

Т.Г. Добросклонская отмечает, что уровень массовой коммуникации значительно

расширил границы текста, превратив текст медиакоммуникации в поликодовый текст (его можно характеризовать креолизированным, мультимедийным, наделяя его новыми характеристиками) [2, с. 27]. В связи с возникновением сетевого авторства и интерактивности в медиапрактику вводится понятие медиатекста. Л.Р. Дускаева определяет медиатекст как построение разными медиаресурсами коммуникативного каркаса, внутри которого создаётся пространство для выражения смысловой позиции участника коммуникации [3, с. 168]. То есть основной функцией медиатекста является не просто **информирование**, а концентрация целевой аудито-

рии вокруг инфоповода, и, как следствие, вовлечение в контент – **функция воздействия/привлечения к действию** [4, с. 54]. Однако, на наш взгляд, это не весь функциональный спектр медиатекстов.

Ряд учёных отмечают, что особое внимание научного сообщества к медиатексту объясняется его полиформатностью, его особой социальной значимостью, его востребованностью в самых разных контекстах жизни и деятельности общества. Это говорит о яркой выраженной **функции социализации** целевой аудитории через медиатексты [5, с. 10].

Особенно популярной сегодня является подача информационного или познавательного текстового контента через юмор, что позволяет пользователю легче усваивать медиаконтент. То есть целевая аудитория потребляет новые знания об окружающем мире, обращаясь не только к информационным (новостным), но и развлекательным медиа. За работу медиатекста в данном аспекте отвечают **когнитивная и рекреационная функции**.

Таким образом, функции медиатекста могут варьироваться в зависимости от медиакommunikationных задач, поставленных перед созданием текстового контента, следовательно, можно говорить о конвергентности функций медиатекста, так как любая из них может дополнять другую. Цель нашего исследования – обосновать конвергентность функционала интерактивных приёмов коммуникации с региональной аудиторией в медиатекстах социальных медиа. Конвергенция понимается как системные магистральные изменения в структуре, функционировании и других сферах деятельности массмедиа [6, с. 191]. Как отмечают исследователи Е.В. Быкова [7, с. 6-9] и И.И. Карпенко [8, с. 286], конвергенция в целом характерна для медиатекстов журналистского, рекламного и PR-формата и продиктована трансформацией современного информационного пространства, ростом потребления онлайн-СМИ, увеличением роли видео, использованием big data в создании направленного контента, расширением использования мобильных платформ, доминированием персонализированного общения в мессенджерах и социальных сетях – всё это сформировало социальный запрос на новый

качественный контент в условиях дефицита внимания.

Помимо конвергенции функциональных особенностей медиатекста, стоит отметить его манипулятивный характер, что выражается не только через функцию воздействия, но и при помощи медиапсихологического аспекта. Как отмечает исследователь А.А. Казаков, у любого медиатекста есть манипулятивный потенциал, который может быть выражен в определённой степени. Под манипулятивным потенциалом он понимает силу возможного воздействия журналистского произведения на целевую аудиторию, его суггестивный заряд. Безусловно, разные информационные сообщения обладают различной манипулятивной силой, что, на наш взгляд, является оправданным решением, ведь, как мы определили ранее, функциональные особенности медиатекста конвергентны, отсюда функция воздействия не всегда бывает ярко выраженной [9].

Отметим, что манипулятивный характер текста подразумевает реакцию пользователя на медиаконтент, а также взаимодействие с ним. В социальных медиа это коммуникация, которая может быть выражена как вербально, так и невербально. Такое двустороннее взаимодействие между автором и потребителем медийной информации исследователи О.С. Гилязова, И.И. Замошанский [10, с. 93], В.Д. Эвальд [11, с. 267] называют интерактивностью. По своей сути все приёмы, используемые в медиатекстах, интерактивны, ведь пользователь так или иначе взаимодействует с контентом [12]. Кроме того, реакция на медиаконтент может распространяться не только в онлайн-пространстве, но и в офлайне.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретической базой исследования выступили работы Е.Г. Власовой, Л.Р. Дускаевой, Е.А. Зверевой, А.А. Казакова, Н.И. Клушиной, Ю.В. Копыловой, М.М. Лукиной, С.И. Сметаниной, Н.Д. Фомичёвой, А.М. Шестериной по использованию медиаконтента в процессе формирования медиакomьюнити в среде социальных медиа, различных стилистических и манипулятивных приёмов в медиатекстах, способствующих интерактивно-

му взаимодействию с пользователями. В качестве эмпирической базы для исследования были выбраны сообщества ВКонтакте «Говорит Тамбов», «Тамбов без сахара», «Подслушано Тамбов», «Женский Тамбов», «ЧП ДТП Тамбов Новости», «Подслушано в Староюрьеве» и телеграм-каналы «Тамбовский волк», «Тамбовский трутень», «Тамбов на связи». В рамках исследования использовался метод контент-анализа медиатекстов в социальных медиа за 2023–2024 гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основываясь на функциональных особенностях медиатекста, а также учитывая его манипулятивный и интерактивный характер, в ходе контент-анализа нам удалось выявить следующие речевые приёмы коммуникации с региональной аудиторией в тамбовских медиа [13]:

- 1) вопросы в медиатексте;
- 2) призыв к действию в медиатексте;
- 3) использование в медиатексте оценочных тропов;
- 4) приземление в медиатексте.

Рассмотрим, как это работает в контексте конвергенции функциональных особенностей медиатекста на примерах тамбовских сообществ во ВКонтакте «Говорит Тамбов», «Тамбов без сахара» «Подслушано Тамбов», «Женский Тамбов», «ЧП ДТП Тамбов Новости», «Подслушано в Староюрьеве» и телеграм-каналов «Тамбовский волк», «Тамбовский трутень», «Тамбов на связи».

Вопросы в медиатексте. Одним из самых часто встречающихся речевых приёмов в медиатекстах являются вопросы к целевой аудитории в начале или в конце поста. Авторы сообществ в социальных сетях обращаются к подписчикам на разные темы. Например, в сообществе «Говорит Тамбов» вышла новость об открытии нового аттракциона в городском парке. Медиатекст сопровождается вопросом «Тамбовчане, кто уже испробовал «Циклон»? Делитесь впечатлениями». Пользователи активно делились не только мнением о новой карусели, но и рекомендовали другие развлечения городского парка в Там-

бове. На интерактив отреагировали 55 пользователей.

Ещё один из самых популярных примеров – вопрос о мнении подписчиков по теме инфоповода. Так, автор телеграм-канала «Тамбовский волк» инфоповод о завершении отопительного сезона завершает вопросом: «А как вы считаете, пора отключать отопление?», вызвавшим эмоциональное обсуждение и даже споры у тамбовчан – 57 соцреакций. Также в канале вышел пост о том, что шестнадцатилетний житель Моршанска Артём Сидоров спас от гибели попавшую в мазут собаку, с вопросом: «А вы бы поступили также?». Инфоповод собрал 147 соцреакций, из них – 16 комментариев, в которых аудитория делилась своими впечатлениями и благодарила парня за поступок.

Приём использования вопросов в медиатексте позволяет заинтересовать целевую аудиторию, привлекает внимание к инфоповоду и мотивирует отреагировать на медиаконтент, выполняя таким образом функции социализации и воздействия.

Призыв к действию в медиатексте. Ещё один приём привлечения аудитории – высказать своё одобрение вербальным (комментарий, репост с подписью) и невербальным (лайк/другая соцреакция, репост, переход на сторонний ресурс) способом. Это призыв к действию, который авторы медиатекстов размещают как в начале, так и в конце публикации. Данный приём реализует сразу несколько функций – социализации, воздействия, а также несёт развлекательный характер.

В качестве примера приведём медиатекст в сообществе «Тамбов без сахара» с призывом к голосованию за участие по ссылке: «Голосуем за Тамбов! Поддержим наш город в конкурсе «Культурная столица 2026 года». Проголосовать можно на сайте Госуслуг». В результате пользователи осуществили более 15 переходов с данной публикации на сайт голосования.

В социальных медиа для развлекательного контента иногда достаточно короткого медиатекста, который мог бы привлечь внимание пользователя. Как правило, это два предложения – ёмкая шуточная фраза и призыв к действию. Так, авторы телеграм-канала

«Тамбов на связи» опубликовали шуточный пост о курьёзной ситуации в тамбовском автобусе с призывом к действию «Ставь класс – если улыбнулся. А вы часто на маршрутке передвигаетесь?». Публикация собрала 66 социальных реакций от подписчиков канала.

Телеграм-канал «Тамбовский трутень» поздравил тамбовчан с Днём огурца и в качестве интерактива предложил подписчикам вырастить самый длинный огурец из стикеров: «...предлагаем вырастить огурец в комментариях. У кого из наших подписчиков получится самый длинный? Трутень начнёт». Развлекательный пост с призывом к действию набрал 140 соцреакций, 128 из которых – комментарии.

Использование в медиатексте оценочных тропов. Иногда авторы постов, выстраивая определённый посыл и тональность высказываний, используют тропы, которые заставляют пользователя принять определённую позицию, сформировать нужное мнение или впечатление. Так, например, в отрывке медиатекста «...Комплексное лечение позволяет нашим героям быстрее восстановиться после травм и вернуться к полноценной жизни» в сообществе «Подслушано Тамбов» автор намеренно использует местоимение «нашим» в словосочетании «нашим героям». Этот приём используется с целью приблизить инфоповод к целевой аудитории, что позволяет больше проникнуться важностью публикуемой тематики. Ещё один пример – отрывок из медиатекста в сообществе «Женский Тамбов»: «...Максим Моисеев отдал свою жизнь при исполнении военного долга и погиб как настоящий герой...». Здесь автор использует эпитет «настоящий», чтобы подчеркнуть бескорыстность, честность и самоотверженность подвига военнослужащего.

Приведём противоположный пример, где используемый троп через негативную оценочную окраску также формирует образ описываемого в медиатексте персонажа. В сообществе «ЧП ДТП Тамбов Новости» в заголовке медиатекста «Пьяный «мотогонщик» получил срок за гибель друга» используется словосочетание «пьяный мотогонщик», что при прочтении с первых строк формирует не-

гативный образ человека, о котором идёт речь в медиатексте.

Эпитеты также часто используют в медиатекстах публикаций про животных. В медиатексте «На рассказовской трассе появился свой «Хатико». Одинокого пса заметили на дороге у села Верхнеспаское в середине марта – там он провёл около недели, очевидно, ожидая кого-то...» в сообществе «Женский Тамбов» есть эпитет «одинокий» и метафора «Хатико», которая отождествляет пса из публикации с собакой из известного фильма. Данные тропы создают образ брошенного животного, то есть делают его нетипичным, уникальным среди других и, как следствие, более заметным.

Таким образом, использование оценочных тропов в медиатексте позволяет привлечь внимание аудитории к публикации и ознакомиться с ней, тем самым выполняя функции информирования и социализации.

Нативная интеграция инфоповода в историю/серию историй. Есть речевые приёмы в медиатекстах, которые работают только при органичной интеграции в контекст – в медиапрактике для этого используют термин «нативность». Такой контент, как правило, не вызывает отторжение у аудитории, но при этом лоббирует интересы автора. Нативность может проявляться разными способами. Один из них – нативная история, интегрированная в инфоповод и имеющая к нему только косвенное отношение. Ярким примером нативности является флешмоб с рассказами о выдающихся династиях в Тамбовской области, запущенный в период предвыборной кампании. Фоном прослеживается инфоповод о том, что в России объявлен Год семьи, инициированный Президентом РФ.

Помимо этого, нативные посты пишут от имени пользователей – это могут быть реальные публикации от подписчиков, а также намеренно созданные авторами сообществ медиатексты, иногда даже с ошибками или без знаков препинания. Аудитория, просматривающая пост, проникается темой гораздо больше, так как читает сообщение от такого же пользователя Сети, как они. В сообществе «Тамбов без сахара» опубликовали пост от подписчика с нативным медиатекстом «Го-

ворят в строителе плохая вода, оп, Нижнеспасское, Рассказовский район» и видео. Публикация набрала 221 социальную реакцию, из которых 51 – комментарии, где пользователи обсуждают ситуацию с водой не только в Нижнеспасском, но и в других населённых пунктах.

В телеграм-канал «Тамбовский волк» подписчик предложил пост про «тихую охоту» с нативным медиатекстом «От подписчика: Кто ездил за грибами на этой неделе? Делитесь фотографиями с «тихой охоты» в комментариях. У нас вот такой улов». Публикация набрала 120 социальных реакций, из которых 53 комментария – пользователи делились своими фотографиями с грибами.

Использование нативных медиатекстов выполняет не только функцию информирования целевой аудитории, но и также, в зависимости от ситуации, функции социализации и мотивации пользователей к действию.

Приземление медиаконтента. С целью адаптации федерального контента для регионального медиаполя авторы текстов используют специальный речевой приём – приземление медиатекстов. Ранее в теории этот термин использовался только в негативном контексте. Так, исследователи И.В. Ерофеева и Н.В. Простакишина в своей работе «Аксиология медиаобраза Забайкальского края» используют термин «приземление» в значении «принижения», «понижения культурного уровня» [14, с. 98]. Мы вводим позитивное определение данному понятию: «приземление» – адаптация контента под целевую аудиторию при помощи локализации контекста в медиатексте. Отметим, что в таком контексте понятие пришло из медиапрактики и прочно вошло в словарный запас специалистов медиамаркетинга некоммерческих сфер. Данный приём используется для максимального приближения пользователя к событиям и понимания, каким образом инфоповод касается именно его, выполняя функции информирования и социализации [15].

В качестве примера можно привести пост о Всероссийском голосовании за культурную столицу России-2026 в телеграм-канале «Тамбовский трутень». Авторы медиатекста не просто рассказывают о голосовании, они ос-

вещают событие именно в контексте участия города Тамбова в нём: «Прямо сейчас проходит голосование за культурную столицу 2026 года! Участвует и наш любимый город. Давайте покажем, что Тамбов достоин этого звания! Ведь Тамбовщина славится своим богатым историческим наследием и культурой. Победитель голосования получит специальный приз, но это не всё – победа поможет развитию всего нашего региона и росту его туристической привлекательности. Сейчас за Тамбов отдано уже больше 15 тысяч голосов – голосуйте и вы».

Также приём приземления медиатекста применяют в сообществе «Подслушано в Староурьеве». В публикации речь идёт об участии военнослужащих в программе «Время героев», в том числе авторы рассказывают и об участнике из Тамбовской области: «Почти два месяца участники проходили интенсивное обучение. Далее их ждёт стажировка на местах, где они получают необходимые практические знания. Один из участников программы – наш земляк Евгений Ушков из Петровского округа». Помимо этого, в тексте есть цитата мамы бойца, использование которой также является способом приземления медиатекста.

Интерактивные возможности социальных медиа как средство реализации речевых приёмов. Стоит отметить, что реализация всех речевых приёмов в медиатекстах становится возможной благодаря технологиям и инструментам, которые предлагают платформы социальных медиа. Например, на вопросы в постах пользователи могут отвечать в комментариях, на призывы к действию – оставлять социальные реакции (лайки/дизлайки/эмодзи), на просьбу поделиться контентом – сделать репост. Кроме того, подписчики могут делиться собственным контентом (UGC) через функцию «Предложить новость», личные сообщения сообщества или бота обратной связи.

В связке с техническими средствами социальных медиа речевые приёмы приобретают свойство интерактивности, ведь именно платформа социальных сетей становится площадкой, с помощью которой пользователи могут оставлять свою реакцию на медиакон-

тент. Хорошим примером выстраивания определённой коммуникационной стратегии с использованием речевых приёмов в связке с техническими средствами становятся интерактивные игры, розыгрыши, флешмобы.

В качестве примера приведём один из таких конкурсов с необычной механикой «Угадай слово», который прошёл в сообществе ВКонтакте «Говорит Тамбов». В данном интерактиве используется привлекающий внимание медиатекст «Хочешь получить умную Яндекс-колонку? Угадай слово! Прими участие в конкурсе от Говорит Тамбов» с призывами совершить интерактивное действие с помощью площадки ВКонтакте «Угаданное слово и ссылки на посты, где спрятались буквы, нужно прислать в личные сообщения группы. Главное, не забудь подписаться на Говорит Тамбов». Авторы загадывают слово, разбивают его на буквы, их прячут в постах. Задача подписчиков – собрать загаданное слово и отправить его в личные сообщения сообщества. К отгаданному слову необходимо прикрепить ссылки на посты, где были спрятаны буквы.

Ещё один пример розыгрыша в этом же сообществе ко Дню всех влюблённых. Здесь также используется вовлекающий медиатекст «Розыгрыш подписок на VK Музыку ко Дню всех влюблённых. Друзья, у нас радостная новость! Мы объявляем розыгрыш 5 промокодов на подписку на VK Музыку: 3 на полгода и 2 на год к самому сердечному празднику в году» с классической механикой продвижения – подписаться, поставить лайк и в комментарии трек, который напоминает о второй половинке.

Авторы социальных медиа проводят интерактивные игры. Например, телеграм-канал «Тамбовский трутень» провёл интерактивную игру ко Всемирному дню эмодзи: «Опишите свой день тремя эмодзи в комментариях».

В телеграм-канале «Тамбовский волк» подписчики в комментариях играют в города или выбирают то, что им больше по душе: «Вам нужно выбрать из предложенных вариантов, связанных с Тамбовом, то, что больше по душе: Олимпийский парк или парк «Дружба»; Набережная или экотропа в Пригород-

ном лесу; Майя Румянцева или Евгений Баратынский. Ваши предпочтения оставляйте в комментариях».

Авторы телеграм-канала «Тамбов на связи» загадали головоломку ко Дню медицинского работника: «Предлагаем головоломку. Здесь список врачей узких специальностей – всего 14. Вам нужно отыскать их в карточке. Как думаете, справитесь? Ставьте огонёк и вперёд. Ответы пишите в комментариях».

Все эти примеры демонстрируют использование призыва к действию в медиатексте в синтезе с интерактивными средствами – комментирование публикаций, клики на кнопки соцреакций, сообщений и т. д. Кроме того, такой интерактивный медиатекст выполняет функцию социализации и имеет развлекательный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведённого анализа функциональных особенностей медиатекстов в тамбовских социальных медиа можно сделать вывод о том, что каждый речевой приём в медиатексте выполняет сразу несколько функций. Так, вопросы в конце поста реализуют функции социализации и воздействия, призыв к действию основывается на функциях социализации и воздействия, а также имеет развлекательный характер. Использование оценочных тропов и приземление медиатекстов выполняют функции информирования и социализации, нативная интеграция инфоповодов – функции информирования, социализации и воздействия. Отметим, что в данном исследовании мы определяем термин «приземление» как адаптацию контента под целевую аудиторию при помощи локализации контекста в медиатексте. Интерактивные игры, конкурсы, флешмобы в социальных сетях выполняют функции социализации, воздействия и развлечения. Таким образом, доказывается конвергентность функциональных особенностей медиатекстов.

Опираясь на приведённые примеры использования интерактивной коммуникации авторов социальных медиа с целевой аудиторией, стоит отметить, что речевые приёмы в медиатекстах в синтезе с техническими сред-

ствами демонстрируют свою эффективность, которая выражается в количественных показателях – лайки, комментарии, репосты. Речевые приёмы в большей степени являются манипулятивным средством, а технические средства предоставляют пользователям возможности для реализации медиакommunikационных задач.

Использование интерактивных речевых приёмов в медиатекстах позволяет привлечь

внимание пользователя к площадке, где размещена информация, вовлечь его в освещаемый инфоповод, сформировать определённое мнение о ситуации или персонаже, мотивирует оставить социальную реакцию на медиаконтент. Все это даёт возможность авторам сделать площадку и публикации более узнаваемыми и интересными для целевой аудитории, а также повысить эффективность сообщества.

Список источников

1. Дускаева Л.Р., Иванова Л.Ю. Коммуникативная санация в онлайн-комьюнити // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сб. тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Серафимы Алексеевны Хаврониной. М., 2020. С. 16-18. <https://elibrary.ru/qghkhb>
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М., 2020. 178 с. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>, <https://elibrary.ru/cqkwes>
3. Дускаева Л.Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М.: ФЛИНТА, 2019. 340 с. <https://elibrary.ru/malksw>
4. Гаврилов Л.А. О функции воздействия массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 49-55. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_04, <https://elibrary.ru/ermlat>
5. Медийный текст: социальные практики, технологии, теории / А.В. Белоедова, М.Ю. Казак, И.И. Карпенко и др.; под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак. Белгород: Изд. дом «Белгород», 2018. 296 с. <https://elibrary.ru/yyaqxr>
6. Карпенко И.И. Конвергенция в медиасреде: понятие и типы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). С. 190-194. <https://elibrary.ru/rpawkp>
7. Быкова Е.В. Конвергенция форматов в эффективном медиатексте // Медиа технологии в рекламе и связях с общественностью: от теории к практике: сб. тр., посвящ. 25-летию медийного образования в Ставропольском крае. Ставрополь: Северо-Кавказский фед. ун-т, 2019. С. 5-9. <https://elibrary.ru/hpppste>
8. Карпенко И.И. Реализация стратегической конвергенции в управлении муниципальными СМИ Белгородской области // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 286-295. <https://elibrary.ru/yohtnz>
9. Казаков А.А. Результаты апробации методики измерения манипулятивного потенциала политических медиатекстов // Информационные войны. 2020. № 3 (55). С. 89-94. <https://elibrary.ru/irkitb>
10. Гилязова О.С., Замощанский И.И. Новые медиа в современной киберкультуре: к вопросу об их специфике как формы цифровой коммуникации // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 93-100. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.90.89.010>, <https://elibrary.ru/mmvrbf>
11. Эвальд В.Д. Интерактивное и иммерсивное в медиасреде. К проблеме разграничения понятий // Художественная культура. 2019. № 3 (29). С. 248-271. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00033>, <https://elibrary.ru/psacpp>
12. Зверева Е.А., Шестерина А.М. Интерактивный компонент медиаконтента как средство формирования комьюнити // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 3. С. 407-423. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.308>, <https://elibrary.ru/urmfzj>
13. Семёнова Е.А. Языковые приёмы интерактивной коммуникации социальных медиа с региональной аудиторией // Коммуникация в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. исследователей преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью. Воронеж, 2024. С. 114-116. <https://elibrary.ru/zflcnp>
14. Ерофеева И.В., Простакишина Н.В. Аксиология медиаобраза Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 1. С. 95-105. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-1-95-105>, <https://elibrary.ru/alpazc>
15. Семёнова Е.А. Способы «приземления» медиаконтента в социальных сетях (на примере Тамбовских медиа) // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики: сб. мате-

риалов 10 Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. С. 136-140.
<https://elibrary.ru/dorjzc>

References

1. Duskaeva L.R., Ivanova L.Yu. Communicative rehabilitation in the online community. *Sbornik tezisev Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu professora Serafimy Alekseevny Khavroninoi «Russkii yazyk v sovremennom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve» = Proceedings of Abstracts of the International Scientific Conference Sedicated to the 90th Anniversary of Professor Serafima Alekseevna Khavronina "Russian Language in Modern Scientific and Educational Space"*. Moscow, 2020, pp. 16-18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qghkhhb>
2. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya*. Moscow, 2020, 178 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>, <https://elibrary.ru/cqkwes>
3. Duskaeva L.R. *Stilisticheskii analiz v medialingvistike*. Moscow, FLINTA Publ., 2019, 340 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/malksw>
4. Gavrilov L.A. About mass media impact function. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2021, no. 3 (87), pp. 49-55. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_04, <https://elibrary.ru/ermlat>
5. Polonsky A.V., Kazak M.Yu. (eds.). *Media Text: Social Practices, Technologies and Theories*. Belgorod, "Belgorod" Publ., 2018, 296 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yyaqxr>
6. Karpenko I.I. Convergence in the media environment: concept and types. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, 2013, no. 13 (156), pp. 190-194. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rpawkp>
7. Bykova E.V. Convergence of formats in the effective media text. *Sbornik trudov, posvyashchennyi 25-letiyu mediinogo obrazovaniya v Stavropol'skom krae «Mediatekhnologii v reklame i svyazyakh s obshchestvennost'yu: ot teorii k praktike» = Proceedings of Works Dedicated to the 25th Anniversary of Media Education in the Stavropol Territory "Media Technologies in Advertising and Public Relations: from Theory to Practice"*. Stavropol, North-Caucasus Federal University Publ., 2019, pp. 5-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hppste>
8. Karpenko I.I. Implementation of the strategic convergence in the management of the municipal media of the Belgorod region. *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike*, 2018, no. 4, pp. 286-295. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yohtnz>
9. Kazakov A.A. Results of testing a method of measuring political media texts' manipulative potential. *Informatsionnye voyny*, 2020, no. 3 (55), pp. 89-94. (In Russ.) <https://elibrary.ru/irkitb>
10. Gilyazova O.S., Zamoshchansky I.I. New media in contemporary cyberculture: on their specifics as a form of digital communication. *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*, 2020, vol. 10, no. 5-1, pp. 93-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2020.90.89.010>, <https://elibrary.ru/mmvrbf>
11. Evallyo V.D. Interactivity and immersiveness of the modern cultural media. The problem of differentiation of concepts. *Khudozhestvennaya kul'tura = Art & Culture Studies*, 2019, no. 3 (29), pp. 248-271. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00033>, <https://elibrary.ru/psacpp>
12. Zvereva E.A., Shesterina A.M. Interactive component of media content as a means of community formation. *Medialingvistika = Media Linguistics*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 407-423. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.308>, <https://elibrary.ru/urmfzj>
13. Semenova E.A. Language techniques of interactive communication of social media with regional audiences. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii issledovatelei prepodavatelei zhurnalistiki, reklamy i svyazei s obshchestvennost'yu «Kommunikatsiya v sovremennom mire» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Researchers, Teachers of Journalism, Advertising and Public Relations "Communication in the Modern World"*. Voronezh, 2024, pp. 114-116. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zflcnp>
14. Erofeeva I.V., Prostakishina N.V. Axiology of Transbaikalian territory media image. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*, 2022, vol. 17, no. 1, pp. 95-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-1-95-105>, <https://elibrary.ru/alpazc>
15. Semenova E.A. Methods of "landing" video content in social networks (using Tambov media as an example). *Sbornik materialov 10 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Zhurnalistika v epokhu tsifrovoykh transformatsii: tsennosti i praktiki» = Proceedings of Materials of the 10th International Scientific*

ic and Practical Conference “Journalism in the Age of Digital Transformation: Values and Practices”.
Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2022, pp. 136-140. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dorjzc>

Информация об авторе

СЕМЁНОВА Елизавета Алексеевна, научный сотрудник научно-практической лаборатории новых медиа, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0004-0919-8102>, lizsem1989@yandex.ru

Вклад в статью: формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач, сбор данных, проведение исследования, введение новых понятий в научный оборот, анализ и интерпретация полученных результатов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 27.08.2024

Поступила после рецензирования 16.10.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Elizaveta A. Semenova, Research Scholar of the Scientific and Practical Laboratory of New Media, Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-0919-8102>, lizsem1989@yandex.ru

Contribution: idea formation, key goals and objectives formulation, data acquisition, research realization, introduction of new concepts into scientific circulation, obtained results analysis and interpretation, manuscript text drafting.

Received August 27, 2024

Revised October 16, 2024

Accepted November 28, 2024

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 930.85

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1027-1034>

Шифр научной специальности 5.10.1

Романтические мотивы в китайском искусстве: истoki и особенности

Хаосюань Лю

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1

✉ kh_lu22@student.mpgu.edu

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В традиционной китайской культуре романтические мотивы всегда были одной из центральных тем художественного творчества. Рассмотрение культурно-исторических особенностей формирования романтических установок в китайском искусстве представляется актуальным для более глубокого понимания феномена «романтизма» в мировой культуре на уровне стилевых черт и художественных приёмов вне зависимости от национальной принадлежности. Цель исследования – показать, что романтическая тематика в китайском искусстве имеет глубокие культурно-исторические корни. Новизна исследования заключается в попытке показать, что уникальные особенности китайского романтизма оказали влияние как на китайское, так и на современное мировое искусство. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материал исследования – исторические документы и произведения традиционного китайского искусства и культуры. Использован метод историко-культурного анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено, что романтические мотивы в китайском искусстве находят отражение не только в воспевании природной красоты, но и в стремлении к внутреннему покою и духовной свободе. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Более глубокое понимание романтического мотива в китайском искусстве имеет большое значение для лучшего понимания содержания и структуры базовых ценностей китайской культуры.

Ключевые слова: романтические мотивы, китайская культура, романтическая константа, романтические темы в китайском искусстве

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лю Хаосюань. Романтические мотивы в китайском искусстве: истоки и особенности // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 1027-1034. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1027-1034>

Romantic motifs in Chinese art: origins and peculiarities

Haoxuan Liu

Moscow Pedagogical State University

1 bldg, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation

✉ kh_lu22@student.mpgu.edu

Abstract

INTRODUCTION. In traditional Chinese culture, romantic motifs have always been one of the central themes in art. Therefore, the consideration of cultural and historical features of the romantic attitude development in Chinese art seems relevant for a deeper understanding of the “romanticism” phenomenon in world culture at the level of style traits and artistic techniques, regardless of nationality. The aim of the study is to show that Romantic themes in Chinese art have deep cultural and historical roots. The novelty of the study lies in the attempt to show that the unique features of Chinese Romanticism have influenced both Chinese and contemporary world art. **MATERIALS AND METHODS.** The study is based on historical documents and works of traditional Chinese art and culture, the methods of historical and cultural analysis are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is revealed that romantic motifs in Chinese art are reflected not only in the praise of natural beauty but also in the desire for inner peace and spiritual freedom. **CONCLUSION.** A deeper understanding of the Romantic motif in Chinese art is significant for a better comprehension of the content and structure of the core values of Chinese culture.

Keywords: romantic motifs, Chinese culture, romantic constant, romantic themes in Chinese art

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Liu Haoxuan. Romantic motifs in Chinese art: origins and peculiarities. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):1027-1034. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-1027-1034>

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что дух романтизма, как репрезентативная, влиятельная и эпатажная идея, воплощённая в литературе и искусстве, последовательно сформировался в процессе развития западной истории и культуры. Этот, по сути, оппозиционный социальному, политическому и экономическому устройству общества дух, направлен на торжество нравственного и гуманного начала в человеке [1]. Однако уже Г.Ф. Гегель определял «дух романтизма» как одну из универсальных культурных форм, которая наряду с классической и символической воплощается в произведениях искусства различных исторических эпох. Исследователь эстетики романтизма В.В. Ванслов отмечал, что «...во все периоды развития человечества можно встретить в мировоззрении людей более или

менее развитые и характерные для той или иной эпохи романтические тенденции» [2]. Сравнение стилевых черт и художественных приёмов у различных авторов не помогут дать представлений об общем для всех романтическом начале. Однако создаваемые художниками образы могут быть охарактеризованы как романтические, поскольку отражают особенное состояние и развитие «идейно-эмоционального мира» человеческой личности в контексте национальной культуры. Это даёт нам основания утверждать, что романтические мотивы, которые обнаруживаются в китайском искусстве, имеют глубокие корни в историческом прошлом страны и богатый культурный подтекст. Они являются важной частью развития китайской культуры и искусства, идейное содержание, художественное выражение и эстетические характеристики которых отли-

чаются от характерных черт западного романтизма и в то же время отражают уникальное, романтическое по своей сути эстетическое мышление китайского народа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологическая основа исследования представлена историко-культурным анализом, культурологическим анализом художественных произведений в комплексе с использованием метода компаративного анализа. В исследовании использованы такие источники, как древние китайские литературные произведения, искусствоведческие труды и произведения современной художественной критики. В частности, объектом анализа выступили произведения известных китайских поэтов: Ли Бая «Трудности дороги Шу» и Су Ши «Когда появляется яркая Луна».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках нашего исследования продуктивной методологической установкой представляется обращение к понятию культурной константы, которую А.Л. Жебраускас рассматривает в качественном значении, а именно – как совокупность системообразующих, наиболее значимых, имеющих непосредственное отношение к развитию культурного субъекта концептов. «Комплекс культурных констант – это та «призма», сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать» [3].

По мнению М.Н. Шеметовой, в истории художественной культуры существует «романтическая константа», проявляющаяся в «...некоем постоянно присущем человеку духовном стремлении, ...суть которого наиболее полно отразилась в содержании конкретной культурно-исторической эпохи»¹. Учёный прослеживает связь между двумя проявлениями «романтического» как устойчивого элемента духовной жизни человека и как обозначение содержания культурно-исторической эпохи конца XVIII – начала

XIX века – Эпохи Романтизма. Романтическая константа – это одна из констант культуры, которые составляют её каркас, находясь при этом в постоянном взаимодействии, сохраняя базовые черты культуры даже в ситуации длительного и агрессивного влияния «чуждых» идей и ценностей. Разработанный М.Н. Шеметовой теоретический конструкт позволяет выявлять «романтические» признаки в художественных произведениях, созданных в различные исторические эпохи, а также способы и интенсивность национальных вариантов их проявления в художественной культуре конкретного региона в определённые периоды её развития.

Следует оговориться, что в китайском искусстве под романтизмом мы будем понимать любовь художника к реальному миру и его стремление к идеальному миру, которое часто не реализуется в реальном мире, поэтому оно отражается в произведениях, созданных им самим, и это эмоциональное выражение проявляется в различных видах искусства, и в первую очередь, таких как поэзия, живопись, музыка.

Романтические темы в китайском искусстве тесно связаны с традиционной китайской культурой и поэтому часто выражаются не непосредственно в реальности, а через символику. «Символы понимались в Китае не просто как способ познания мира, но и как сама действительность, как видимый образ незримых сущностей. Удивительный мир символов одной из самых загадочных стран выражался во всём... Это и... символическая функция города быть прообразом «небесного порядка»; расположение вещей в пространстве дома и природы; государственное устройство, эмблемы, гербы, ритуалы, праздники; система письменности... и многое другое» [4]. Древний Китай находился под влиянием даосизма, конфуцианства и других культурных идей, которые придали романтическим мотивам уникальные черты, имеющие свои определённые исторические и культурные корни. В противоположность этому, западные романтические мотивы получили толчок к развитию в древнегреческий период, где в основном воплощалось стремление к красоте и идеальной жизни.

¹ Шеметова М.Н. Романтическая константа в истории художественной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2000.

Подавляющее большинство исследователей классической китайской эстетики говорят о эстетической сфере как высшем состоянии жизни китайского народа, а эстетическую китайскую культуру описывают как важную составляющую духовного мира человека. «Для китайцев... все виды деятельности предстают через призму художественного мироощущения: будь то «гармония эмоций и разума», провозглашаемая конфуцианством, или гармония «внутреннего сердца и материала», к чему апеллирует даосизм, её суть – своего рода психологическая гармония» [5]. В то же время в западной эстетической культуре категории красоты и прекрасного раскрываются, прежде всего, на уровне физических форм. Идеалом классической китайской эстетики становится «гармония между чувством и разумом» и «баланс между сердцем и материей», что проявляется в выражении субъективных эмоциональных переживаний в объектах творческой деятельности. Это во многом объясняет то, что в произведениях многих известных китайских писателей и поэтов часто можно встретить художественные высказывания, наполненные романтическим колоритом [6].

Определяя духовные основания развития китайской эстетики, Ли Цзэху и Лю Цзанци отмечают, что если на Западе, как правило, переходят от морали к религии, полагая при этом религиозную сферу высшей сферой жизни, то в Китае возможен исключительно переход от морали к эстетике, признавая тем самым эстетическую сферу высшей сферой жизни (цит. по: [7]). В качестве иллюстрации вышесказанного приведём размышления Сюй Фугуань о том, что сегодня кажется, что одна из основных категорий китайской философии «Дао», авторство которых принадлежит таким древним мыслителям, как Лао-цзы и Чжуан-цзы, будучи понятым на более глубоком уровне, подходит для так называемого духа искусства в современности. Исследователь духовных оснований китайского искусства Сюй Фугуань пишет, что «...жизнь, ставшая возможной благодаря мысли Лао-цзы и Чжуан-цзы в настоящее время, на самом деле является жизнью искусства, и чистый дух искусства в Китае

фактически происходит из этой системы мышления [8].

Романтизм в Древнем Китае – это, в некотором смысле, разновидность романтизма, трактуемого как выражение и проявление духа в эмоциях. В древнекитайской культуре и искусстве романтизм обладает китайской спецификой благодаря богатому воображению, ярким краскам, преувеличенной выразительности, сочетанию фантазии и реальности. Древние художники – это особая группа людей, игравших разные роли на исторической сцене и оказавших большое влияние на развитие древнекитайского искусства. В то же время эти художники были важными популяризаторами темы романтизма в древнекитайском искусстве и выражали свои истинные чувства и взгляды на общественную жизнь в своих произведениях.

Ли Бай, самый выдающийся «поэт-романтик» в истории китайской поэзии, в стихотворении «Трудности дороги Шу» выразил свои внутренние переживания таким высказыванием: «Пройти по сычуанским тропам труднее, чем подняться к синим небесам» (цит. по: [9]). Он использовал гиперболу, чтобы как можно эффектней отразить высокие, крутые горы и многочисленные реки этого исторического места в Шу. Поэт обратился к достаточно яркому изображению и описанию гор, воды, а также собственных чувств от сопереживания путнику, вступившему на сложный и непредсказуемый путь по глубоким ущельям, преодолевающему бурные реки, подвергаясь опасности нападения диких зверей, испытывающему страх высоты. Однако эти описания выступают фоном для выражения гуманистических эмоций относительно трагических моментов истории провинции Сычуань, связанных с «...чувством утраты, переживаниями о стране и народе... Поэт провёл параллель между сложным жизненным путём человека и трудно преодолимой горной дорогой...» [10].

Тан Сюй отмечал, что в стихотворении Ли Бай дорога Шу – это коварный и непреодолимый ров, а изображая прекрасные горы и реки Шу, поэт выражает свою страсть и любовь к родине. Огромные трудности, возникающие из-за непроходимого рва дороги

Шу, Ли Бай соотносит с социальной реальностью как вместилищем всевозможных беспомощностей и возмущений, а через романтические образы страдания, твёрдости духа, жертвенности яростно нападает на упадочное феодальное общество и тёмную политику того времени [9].

Важно отметить, что древние китайские художники отличались от западных романтиков и по своему жизненному опыту, и по отношению к жизни. По мнению древнекитайских художников, все вещи в мире имеют свою ценность существования, а не только одна вещь является правильной. Этот своеобразный взгляд на вещи и общественную жизнь определяет и своеобразие, и отличительные черты произведений романтической тематики в древнекитайском искусстве. Например, в глазах древнекитайских художников Луна не только прекрасна и загадочна, но и имеет различные изменения, такие как «темнота, яркость, округлость и ущербность». Люди имеют своё собственное уникальное понимание полноты и скудости Луны, что сказывается на богатом разнообразии художественных произведений, где присутствует этот один из наиболее ярких и популярных у поэтов и художников, вне зависимости от национального контекста, романтический образ. Например, китайский писатель эпохи династии Сун Су Ши написал в своём стихотворении «Шуйхоу гэтоу / Когда появляется яркая Луна», что «...У людей есть боль расставания и радость воссоединения, а у Луны есть свои фазы (то яркая, то тёмная, то полная, то искалеченная)». Поэт, находящийся под влиянием Чжуан-цзы и буддийского типа мышления, поэтому ему присущи либеральное отношение к жизни, непредубеждённость и оптимизм, на образе луны показывает, что вещи в мире причудливо меняются и поэтому сложно говорить о совершенных вещах.

Для традиционной китайской культуры характерны специфические романтические идеи, в том числе идея «единства неба и человека», идея «гуманизма» и, наконец, идея «гармоничного развития природы и человека». Среди них идея «единства человека и неба» подразумевает взаимообусловленные и

взаимовлияющие отношения между человеком и природой, суть которых заключается в рассмотрении человека и природы как жизненной и нравственной общности, а также в реализации гармонии человека и природы как высшего идеала [11]. Суть «гуманизма» – ориентация на человека, отражающая заботу о нем, стремление к его совершенствованию и свободному развитию, использование этого критерия для пропаганды и критики человеческих мыслей и поведения, для поддержания и повышения ценности и цели человеческого существования [12]. Идея «гармоничного развития природы и человека» означает, что в процессе непрерывного развития человеческого общества люди должны правильно относиться к взаимоотношениям между природой и собой, чтобы обеспечить гармоничное развитие себя и мира природы.

Важной частью китайской культурной традиции выступает идея «взять Небо за правило», которая во внешнем аспекте означает отношение к четырём видам отношений: гармонии между природой и всем сущим, гармонии между человеком и природой, гармонии между человеком и человеком, гармонии между собственным телом и сознанием. Во внутреннем аспекте эта идея поднимается до морали и этики человека – от самых малых, касающихся личного поведения и воспитания, до самых больших, касающихся управления страной [13]. С точки зрения древнекитайских литераторов, все эти идеи – это то, чему они должны беспрерывно следовать, но в то же время – это ещё и стремление к своей самооценке. Поэтому древнекитайские литераторы склонны проявлять своеобразное утверждение своей самооценки на духовном уровне и использовать его для реализации своего идеального жизненного мира через воображение и выражение всевозможных эмоций в реальной жизни и отражение их в созданных ими произведениях. При этом эмоции и реальные вещи переплетаются друг с другом, образуя удивительную «химическую реакцию». Например, поэт Ли Бай выразил свои мысли и чувства в произведении «Войдёт в вино» такой сентенцией: «Рождение каждого человека должно иметь свою ценность и значение, и

тысяча таэлей золота, даже если однажды растрочена, она всё равно может вернуться вновь!» (цит. по: [14]). Это высокое утверждение поэта Ли Бай о ценности собственной жизни, но в то же время отражение его глубокой неудовлетворённости реальностью жизни и беспомощности.

Литература является одним из самых древних и развитых видов искусства в Китае, поэтому обращение к литературному наследию в большей степени продуктивно для выявления романтической константы как «...доминирующей культурной темы, своего рода субстрата практик определённого типа культуры...» [15]. Данный подход, к примеру, позволяет легко обнаружить романтический стиль в литературе до циньского периода, а его возникновение и развитие как литературного направления достаточно чётко определяется периодом после 20-х гг. XIX века. Русский, советский писатель яркий представитель романтического направления в литературе конца XIX – начала XX века М. Горький высказывал мнение, что «Романтизм – это настроение, которое в действительности сложно и всегда более или менее смутно отражает все краски чувств и эмоций, охвативших общество эпохи избытка» [16]. Исходя из такого определения, можно заключить, что развитие романтической темы в китайском искусстве от первобытной культуры до династий Мин и Цин предстаёт со всей очевидностью, а её происхождение, подтекст, особенности и влияние на современное искусство достаточно разнообразны и глубоки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По своему содержанию китайский романтизм имеет долгую историю и раскрывается в древних мифах и легендах, в письменных повествованиях о деятельности древних исторических деятелей и жизнеописаниях реальных людей; сюжетах китайских классических романов и сценических постановок; в поэтических, музыкальных и живописных произведениях различных жанров и уровней репрезентации и т. д. Исходя из утверждения, что в европейских странах романтизм, несмотря на общие для всех его последователей в литературе, музыке, живописи черты, имел ярко выраженные национальные черты, можно утверждать, что формально китайский романтизм имеет свой неповторимый художественный стиль.

Романтическая тема в китайском искусстве – это понятие с очень богатой коннотацией, имеющее различные формы выражения в разные периоды и в разных областях художественного творчества. Она включает в себя любовь, идеал, самовосприятие, идеальную личность, романтические чувства и многие другие аспекты. Появление романтической тематики в китайском искусстве имеет глубокие культурно-исторические корни, неразрывно связано с социальной реальностью древнего Китая и является чрезвычайно важной частью традиционной китайской культуры и искусства. Более того, китайский романтизм обладает рядом уникальных черт, которые оказали определённое влияние как на китайское, так и на современное мировое искусство.

Список источников

1. Гарева Э.А., Лукьянов А.В. Романтический «дух» как идея разума: контуры и новые контексты идентификации в свете принципа дополнительности // Kant. 2019. № 1. С. 170-175. <https://elibrary.ru/zbuevf>
2. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 402 с.
3. Жебрауска А.Л. Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. Т. 3. № 20. С. 18-21. <https://elibrary.ru/gpjcf>
4. Махортова О.В., Мордовина Л.В. Особенности символики и знаковости Китая // Аналитика культурологии. 2011. № 1 (19). С. 137-139. <https://elibrary.ru/qzcopr>
5. Люй Чао, Кемерова Т.А. Эстетическая культура Китая периода Китайской Республики и её влияние на развитие живописи // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 2. С. 137-148. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.2.033>, <https://elibrary.ru/qbxlba>

6. Дэн Цзюньхай. Романтизм в изучении классической китайской эстетики // Журнал «Эстетическое образование». 2015. № 6. С. 42-49. <https://chn.oversea.cnki.net/kns/manage/export.html?displaymode=NEW&filename=CJFDLAST2015!MYXK201501009!1!4>
7. Чжан Жунмэй. История китайской эстетики Ли Цзэху // Вестник Московского университета. 2019. № 1. С. 109-118. <https://elibrary.ru/vvvfpq>
8. Сюй Фугуань. Дух китайского искусства. Шанхай: Изд-во Восточно-китайского педагогического университета, 2001. 355 с. <https://www.sklib.cn/booklib/databasedetail?SiteID=122&ID=9614786&fromSubID=>
9. Тан Сюй. Анализ особенностей художественного исполнения произведения Ли Бая «Дорога в Шу» // Построение языка. 2013. № 17. С. 9-10. https://wenku.baidu.com/view/d3451913a8956bec0875e30b?fr=xueshu&_wks_=1730909917569
10. Ма Шухао. Китайская литература в произведениях современного композитора Го Вэньцзиня // Вестник музыкальной науки. 2022. Т. 10. № 2. С. 164-165. <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2022-2-162-174>, <https://elibrary.ru/elncj>
11. Чжоу Гуаньюй. Экологические последствия мысли конфуцианства о «единстве неба и человека» // Народный форум. 2017. № 580. С. 140-141. <http://www.rmlt.com.cn/2018/0102/507575.shtml>
12. Цзинь Жун. Краткая дискуссия о гуманистическом духе традиционной китайской культуры и её современном значении // Журнал Юньнаньского социалистического института. 2015. № 67. С. 107-110. <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=YNSH201503023&uniplatform=OVERSEA&v=IbxsGmgZIOVuCD5h5ihBvwrwKDX2FrXVUWLpows3IWC376TBZUXhj3OdN6LCVS7>
13. Ма Хуэйди. Взгляд на природу в китайской культурной традиции // Журнал Лоянского педагогического колледжа. 2019. № 38. С. 1-7. https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2019&filename=LSZB201907002&uniplatform=OVERSEA&v=aHKH8HSO Mk9d_whJnpTQXMxsbezREPCOeIkEUy39Zo0Tn7CG0bBhoFEKXV2KbJv
14. У Юйси. Оценка древнего стихотворения «Войдёт в вино» // Молодые литераторы. 2022. № 35. С. 121-123. https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2023&filename=QNWJ202235075&uniplatform=OVERSEA&v=llfJKsf_OqLYZOtRaiC6x3zbJ-d5JwBIUWufmDFKsM_3OdeHwkItCiYLMWvGDPiG
15. Горький М. История русской литературы. Шанхай: Изд-во переводов, 1979. 523 с.
16. Овчаренко О.А. М. Горький как теоретик литературы // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 1. С. 234-251. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-1-234-251>, <https://elibrary.ru/ysvkye>

References

1. Gareeva E.A., Luk'yanov A.V. Romantic "spirit" as concept of reason: contours and new contexts of identification in light of the principle of "complementarity". *Kant*, 2019, no. 1, pp. 170-175. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbuevf>
2. Vanslov V.V. *Aesthetic of Romanticism*. Moscow, Iskuststvo Publ., 1966, 402 p. (In Russ.)
3. Zhebrauskas A.L. The concept of cultural constants and the search for landmarks of postmodernity. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2006, vol. 3, no. 20, pp. 18-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gpjcf>
4. Makhortova O.V., Mordovina L.V. Features of the symbolism and signification of China. *Analitika Kul'turologii*, 2011, no. 1 (19), pp. 137-139. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qzcoqr>
5. Lyui Chao, Kemerova T.A. Aesthetic culture of China in the period of the republic of China and its influence on the development of painting. *Izvestiya URFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 137-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.2.033>, <https://elibrary.ru/qbxlba>
6. Deng Junhai. Romanticism in the study of classical Chinese aesthetics. *Zhurnal «Estheticheskoe obrazovanie» = Journal of Aesthetic Education*, 2015, no. 6, pp. 42-49. (In Chinese) <https://chn.oversea.cnki.net/kns/manage/export.html?displaymode=NEW&filename=CJFDLAST2015!MYXK201501009!1!4>
7. Zhang Rongmei. The history of Chinese aesthetics – Li Zehou. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 109-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vvvfpq>

8. Xu Fuguan. *The Spirit of Chinese Art*. Shanghai, Publishing House of East China Pedagogical University, 2001, 355 p. (In Chinese.) <https://www.sklib.cn/booklib/databasedetail?SiteID=122&ID=9614786&fromSubID>
9. Tan Syui. Analysis of the features of the artistic performance of Li Bai's work "The Road to Shu". *Postroenie yazyka = Building a language*, 2013, no. 17, pp. 9-10. (In Chinese) https://wenku.baidu.com/view/d3451913a8956bec0875e30b?fr=xueshu&_wkt_s=1730909917569
10. Ma Shukhao. Chinese literature in works of contemporary composer Guo Wenjing. *Vestnik muzykal'noi nauki = Journal of Musical Science*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 164-165. (In Chinese) <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2022-2-162-174>, <https://elibrary.ru/elncj>
11. Jin Rong. A brief discussion on the humanistic spirit of traditional Chinese culture and its contemporary significance. *Narodnyi forum = People's Forum*, 2017, no. 580, pp. 140-141. (In Chinese) <http://www.rmlt.com.cn/2018/0102/507575.shtml>
12. Tszin' Zhun. A brief discussion on the humanistic spirit of traditional Chinese culture and its modern significance. *Zhurnal Yun'nan'skogo Sotsialisticheskogo Instituta*, 2015, no. 67, pp. 107-110. (In Chinese) <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=YNSH201503023&uniplatform=OVERSEA&v=lbxsGmgZIOVuCD5h5ihBvwrwKDX2FrXVUWLpowrs3IWC376TBZUXhj3OdN6LCVS7>
13. Ma Huidi. The view of nature in Chinese cultural tradition. *Zhurnal Loyanskogo pedagogicheskogo kolledzha = Journal of Luoyang College of Education*, 2019, no. 38, pp. 1-7. (In Chinese) https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2019&filename=LSZB201907002&uniplatform=OVERSEA&v=aHKH8HSoMk9d_whJnpTQXMxsbezREPCOeIkEUy39Zo0Tn7CG0bBhoFEKXV2KblJv
14. Wu Yuxi. Evaluation of the ancient poem "Will enter the wine". *Molodye literaty = Young literati*, 2022, no. 35, pp. 121-123. (In Chinese) https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLASN2023&filename=QNWJ20235075&uniplatform=OVERSEA&v=lfJKsf_OqLYZotRaiC6x3zbJ-d5JwBIUWufmDFKsM_3OdeHwkltCiYLmWvGDPiG
15. Gorky M. History of Russian Literature. Shanghai, Translation Publishing House, 1979, 523 p. (In Chinese)
16. Ovcharenko O.A. M. Gorky as a theoretician of literature. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 234-251. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-1-234-251>, <https://elibrary.ru/ysvkye>

Информация об авторе

ЛЮ Хаосюань, аспирант, кафедра культурологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0008-9432-6402>, kh_lu22@student.mpgu.edu

Вклад в статью: идея, общая концепция, анализ научной литературы, анализ древнекитайской литературы, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 22.08.2024

Поступила после рецензирования 14.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Haoxuan Liu, Post-Graduate Student, Cultural Studies Department, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-9432-6402>, kh_lu22@student.mpgu.edu

Contribution: idea, general study conception, scientific literature analysis, ancient Chinese literature analysis, manuscript text drafting, editing.

Received August 22, 2024

Revised November 14, 2024

Accepted November 28, 2024

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ARTICLES FORMATTING REQUIREMENTS

Цели журнала – оперативная публикация новых оригинальных результатов теоретических и прикладных исследований, показывающих состояние науки в современных областях языкознания, литературоведения, журналистики, медиакоммуникаций и культурологии. Редакцией приветствуются научные обзоры, в которых проводится анализ современных российских и зарубежных публикаций, позволяющий оценить состояние рассматриваемых проблем. Публикуются научные рецензии.

Авторами журнала являются ученые из разных российских научных и образовательных организаций, а также из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. Издание рассчитано на научное сообщество, преподавателей высшей школы, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется русским языком как языком межкультурной коммуникации.

Русский язык при создании журнала был выбран в качестве основного языка журнала. В журнале преобладают статьи на русском языке, поскольку Россия сохраняет и несет перед самой собой и перед миром ответственность за один из национальных языков, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию. Читателями журнала являются в основном российские ученые, аспиранты и соискатели, а также аспиранты и соискатели из других стран, обучающиеся в России и мире и проявляющие интерес к русскому языку как языку межкультурной коммуникации.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Каждая статья изначально рассматривается редактором на предмет соответствия требованиям журнала к публикуемым материалам. Редакция оставляет за собой право отклонить материал на любом этапе, в случае

несоблюдения требований к оформлению – без рассмотрения.

Редакция в обязательном порядке проводит двухстороннее анонимное («слепое») рецензирование (double blind peer-review) как наиболее отвечающее стандартам публикационной этики. С более подробной информацией о политике журнала в области рецензирования и об издательской этике вы можете ознакомиться на сайте журнала <https://neophilology.elpub.ru>.

Правила оформления

Текст статьи

В верхнем левом углу листа проставляется код **УДК**, который должен достаточно подробно отражать тематику исследования.

Необходимо указать **научную специальность по новой номенклатуре**.

Далее по центру жирным шрифтом печатается **Название статьи** (прописная буква только первая), оно должно быть точным и кратким (не более 107 знаков с пробелами), с учетом того, что триада: название, ключевые слова, аннотация представляют собой единую структуру, термины в которой не должны дублировать друг друга.

Ниже обычным шрифтом – **Имя и Отчество** (сначала! полностью), **Фамилия автора(ов)**.

Строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). В отношении организаций необходимо, чтобы был указан официально принятый английский вариант наименования.

ORCID, E-mail каждого автора.

При отсутствии номера ORCID его необходимо получить, зарегистрировавшись на сайте <https://orcid.org/register> на английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в соответствии с ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация» в обязательном порядке **ДОЛЖНА БЫТЬ**

СТРУКТУРИРОВАНА и включать предмет, актуальность и цель исследования; метод или методологию проведения работы; результаты; область применения результатов работы; выводы (например, Цель исследования... Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... Сделан вывод...).

Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (7 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации).

Благодарности и ссылки на номера грантов. Информация об источниках финансирования, лица, внесшие вклад в выполнение работы, недостаточный для признания авторства (не принимающие на себя ответственность за содержание работы, но оказавшие техническую, финансовую, интеллектуальную помощь), должны быть перечислены (с их письменного согласия) в разделе «Благодарности» (Acknowledgements) после текста статьи.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ структура научной статьи:

введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены); формулировка целей исследования;

материалы и методы: даются сведения об объекте и методах исследования;

результаты исследования: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;

выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;

список источников (обязательно). Ссылки на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников; список из 20 и более научных источников в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические научные источники, опубликованные за последние 5 лет (не менее 50 %) с указанием DOI и EDN;

список источников и словарей, тексты художественных произведений и иные тексты, являющиеся материалом исследования, ссылки на современные СМИ даются с использованием принятых сокращений (с приведением ссылок на полные URL-адреса), оформляются сносками постранично. Нумерация сносок сквозная по всему тексту статьи.

References (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо указать фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания соавторов согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языке.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подпись автора (авторов).

Редакция журнала